

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

**ВЕСТНИК
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

№ 2

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО**

МОСКВА - 1923 - ПЕТРОГРАД

ВЕСТНИК

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

№ 2

Январь 1923 год

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Гиз. № 3994.

Главгиз. № 5591. Москва.

Палеч. 8.000 экз.

/ «Моснозиграф». 1-я Образцовая тпл., Пятницкая, 71.

Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия?

(Продолжение — с. м. № 1.)

II.

Если бы теория Чичерина отвечала только интересам известной части русских помещиков перед 1861 годом, она потеряла бы интерес одновременно с осуществлением «крестьянской реформы». Между тем, мы встречаем ее и долго спустя. Живущее поколение и знает ее не из Чичерина, а из Ключевского. «В других странах мы знаем государственные порядки, основанные на сочетании сословных прав с сословными обязанностями или на сосредоточении прав в одних сословиях и обязанностей в других. Политический порядок в Московском государстве основан был на разверстке между всеми классами только обязанностей, не соединенных с правами». «Такой своеобразный склад государственного порядка объясняется господствующим интересом, его создавшим. Этим интересом было ограждение внешней безопасности народа...»

Эти слова Ключевского ¹⁾ сказаны в 1886 году — почти 30 лет спустя после появления «Очерков» Чичерина. Что-то обеспечило основной идее последних долговечность, далеко большую обычного жизненного срока публицистических мотивов.

Об одной стороне дела достаточно сказать несколько слов. Всем известно, какое колоссальное значение философия Гегеля приписывала *государству*. Образование государства было своего рода «экзаменом зрелости» для наро-

¹⁾ «История сословий», по изд. 1915 г., стр. 120—121.

да—от исхода этого экзамена зависело, получит ли он звание «исторического». Подчеркнуть особую роль государства в создании России, доказать в ней существование «государственных начал» еще до Петра и при Петре, значило дать ей на этом экзамене высшую отметку. Не беда, что Гегелевские идеи в применении к русской истории разрабатывались преимущественно западниками: «западник», ведь, вовсе не обозначало «интернационалиста», боже упаси. Западник тоже стремился к «славе и величию России»,—только он видел эту славу и величие не в том, в чем видели их славянофилы.

Но гегелианство не было помещицкой философией истории—оно было философией истории буржуазного общества. Именно поэтому оно так высоко ставило государство, силу надклассовую, как ему представлялось, потому что оно, современное государство, было оружием в борьбе буржуазии с феодальными *сословиями*. Чтобы победить, оно должно было подняться над ними, и стать классовым буржуазным, т.-е. для буржуазии *все-классовым*, ибо буржуазия твердо помнила, что в новом обществе она — *все*. И эту роль государство играло одинаково как во Франции, где оно было созданием революции, так и в Германии, где реформы эпохи Наполеоновских войн были тем же тараном, ломающим феодальные перегородки в угоду нарождающемуся капиталу. Средневековый таран действовал, конечно, хуже, чем революционная артиллерия, но все же наломал достаточно, чтобы проложить дорогу классовому *капиталистическому* обществу¹⁾.

И у нас в России крестьянская реформа, хотя и проведенная дворянами и так, как им было нужно, объективно служила интересам промышленного капитала, которому она дала «свободного» рабочего. И нашим гегелианцам казалось, что государство Александра II—венец творения. «Толки о представительстве вызваны у нас вовсе не стремлением ограничить самодержавие,—писал Чичерин еще в 1881 г. В России большинство не ищет ни больш-

¹⁾ См. Ф. Р. Мерино, «История Германии с конца средних веков»—в русском переводе Н. Степанова, стр. 93—94. Ср. далее его же характеристику Гегеля на стр. 116: «Идеал правового государства, построенный Гегелем в его «Философии права» было отражением прусского государства 1821 г.. В области Германии, непосредственно подвергшихся влиянию французского законодательства, как Вестфалия, дело пошло еще гораздо дальше. См. там же, стр. 95»

шей личной свободы, ни гарантии против власти, той общественной свободы, которой у нас пользуется гражданин с лицом, совершенно достаточно». А четырем годами раньше самый умный и чуткий из тогдашних буржуазных публицистов России, Кавелин, выражал глубокую уверенность, что в России «всякие ограничения верховной власти, кроме идущих от нее самой, были бы невозможны, и потому, как иллюзия и самообольщение, положительно вредны». «Железная рука» была необходима не только непосредственно для проведения реформы, а и долго спустя — до тех пор, пока буржуазия не почувствовала, что она может стоять на собственных ногах. В России это ощущение явилось у буржуазии только к началу XX столетия.

На тему о бюрократическом абсолютизме, как аппарате развивающегося капитализма, не только торгового капитализма, но и промышленного, можно было бы написать очень много. Мы нередко совершенно без разбора усваиваем себе либеральные оценки, идущие вовсе не от настоящей буржуазии, а из среды именно разоряемого победоносно шествующим капитализмом («чумазый идет!») дворянства. На самом деле, антагонизм дворянина и чиновника был очень часто замаскированной формой антагонизма землевладения и капитала. Цепь русских министров финансов, от Канкринна до Витте, лучше представляла интересы этого капитала, нежели это могло бы делать какое-нибудь худосочное «совещательное представительство». Наше финансовое законодательство было такой же реализацией пожеланий промышленных съездов, как законодательство Екатерины II — реализацией пожеланий дворянства в 1760 годах. И не мудрено, что представители промышленности 1880 г. г. находили «сомнительной» пользу от «выборных учреждений» политического характера: от добра добра не ищут¹⁾.

Но анализ «классовой природы» русского бюрократизма отвлек бы нас слишком далеко от нашей темы — от вопроса о причинах живучести теории внеклассового самодержавия. Эти причины следует искать именно в том, что теория была выгодна буржуазии, но выгоды лежали ближайшими

¹⁾ См. мою «Русскую историю», т. IV, по второму изд., стр. 374—375.

образом не в области внутренней, а в области *внешней* политики. Если реформа 1861 г. дала в теории мотив «закрепощения» и «раскрепощения», то мотив «оборончества» дал ей *русско-английский конфликт*, развертывавшийся на пространстве полувека, от 1830-х до 1880-х годов.

Экономический смысл этого конфликта ¹⁾ заключался в попытках русской мануфактуры прорваться на юг от Черного моря, Кавказского хребта и Каспийского моря в страны передней Азии, где, как еще в 1836 году находил государственный совет Николая I, «при настоящем усовершенствовании фабрик и мануфактур, изделия наши могут начать соперничество с иностранными, приготовляемыми собственно для азиатского торга, как в обороте, так и в цене»... А так как «законными хозяевами» мануфактурного рынка этих стран были уже в те времена англичане, то стремление русского самодержавия «пролагать оружием новые пути для торговли нашей на Востоке» тотчас же встречало отпор со стороны «заграничной расчетливости», в свою очередь стремившейся «заградить пути нам в Азию с той стороны, где иностранцы открыли новый сбыт своих произведений—сбыт, который, как известно, значительно озабочивает ныне Англию и Францию».

Эти последние слова кажутся написанными накануне Крымской войны—а они взяты из «мнения» государственного совета от 4-го февраля 1832 года. Так глубоко в прошлое уходят корни конфликта. Но «Коварный Альбион» нашел целесообразным вынуть из ножен свой собственный меч только однажды, двадцать два года после того, как государственные люди николаевской России констатировали его коварство. И до, и после этого события «пролагать вооруженной рукой новые пути» приходилось насчет ближайших мусульманских соседей России, Турции и Персии. То, что для историка является русско-английским конфликтом, для современной публики было русско-персидскими, а, главным образом, *русско-турецкими* войнами.

¹⁾ Более подробное его изложение мне приходилось давать несколько раз. См. «Русскую историю», IV, стр. 29—43, и сборник «Внешняя политика», М. 1919 г., стр. 154—157.

Идеологически, это были войны «за закон». «Свойственная туркам лютость и ненависть их к христианству,— писала Екатерина в своем манифесте по поводу *первой* турецкой войны (1768 года),—законом магометанским преданная, стремится совокупно ввергать в бездну злоключений в рассуждении души и тела христиан, живущих не только в подданстве и порабощении их, но и в соседстве уже...» На практике государственный совет Екатерины находил, что «при заключении мира надобно выговорить свободу мореплавания на Черном море, стараться об учреждении порта и крепости». Практические цели двигались все дальше и дальше, уже в 1829 году Николай I видел себя в мечтах «владыкой Константинополя», уже и Николая не было на свете, и Константинополь собирался брать его сын, Александр II,—а старая идеология все годилась: война по-прежнему велась «за закон» и по-прежнему мотивировалась стремлением освободить «древностью и благочестием знаменитые народы» от «ига Порты Оттоманской». Только к характеристике народов стали теперь прибавлять, что они не только «едичоверные», но и единокровные—«братья-славяне». Греки, с «освобождения» которых началось дело, окончательно вышли из моды.

Мотив екатерининского манифеста вошел в состав «железного инвентаря» русской историографии. Для такого крупного историка, как Соловьев, война «за закон» является само собой разумеющимся и вполне бесспорным основанием русской восточной политики с конца XVIII века.

«С начала XVIII века в отношениях России к Западной Европе господствуют три вопроса: Шведский, Турецкий, или Восточный, и Польский; иногда они соединяются вместе по два, иногда все три.

«Другой господствующий вопрос касался берегов другого моря, Черного, ибо Россия, как известно, родилась на дороге между двумя морями, Балтийским и Черным. Первый князь ее является с Балтийского моря и утверждается в Новгороде, а второй уже утверждается в Киеве и победоносно плавает на Черном море.

«Еще до начала русской истории Днепром шла дорога в Грецию, и потому при первых князьях русских завязалась тесная связь у Руси с Византией, скрепленная при-

нятием христианства греческой веры; а по нижнему Дунаю и дальше на юг сидели все родные славянские племена, тем более близкие к русским, что исповедывали ту же греческую веру. Когда турки взяли Константинополь, поработили и восточных славян греческой веры, Россия, отбиваясь от татар, собиралась около Москвы. Московское государство осталось единственным независимым государством греческой веры; непятно, следовательно, что к нему постоянно обращены были взоры народов Балканского полуострова...»¹⁾

Читатель заметил модернизацию мотива при помощи «родных славянских племен». Но Соловьев был слишком крупный ученый, чтобы ограничиться такой газетной корректурой — и он вводит новый мотив, которому и посчастливилось так у следующего поколения.

«Нестерпимое хищничество орд — Казанской, Ногайско-Астраханской и Сибирской — заставило Россию покончить с ними; но она не была в состоянии покончить с самою хищною из орд татарских, — с Крымскою, которая находилась под верховной властью султана Турецкого. Крымский вопрос был жизненным вопросом для России, ибо, допустив существование Крымской орды, надобно было допустить, чтобы Южная Россия навсегда оставалась степью; чтобы вместо хлебных караванов, назначенных для прокормления Западной Европы в неурожайные годы, по ней тянулись разбойничьи шайки, гнавшие толпы пленников, назначенных для наполнения восточных невольничьих рынков...»

То, что в «Истории падения Польши» было лишь слегка намечено, стало лейтмотивом для всей «философии истории» русского народа после того, как новая турецкая война (1877—1878 г.г.) заново отремонтировала идеологию екатерининских манифестов. Подводя итог тридцатилетней работе в своей лебединой песне, статья о «Началах русской земли» (написанной между 1877 и 1879 годами — последний был годом смерти Соловьева), на борьбе леса и степи он строит весь русский исторический процесс — если не исторический процесс вообще.

¹⁾ «Собрание сочинений» С. М. Соловьева, изд. «Общ. Пользы», стр. 3 (из «Истории падения Польши»).

«Россия есть государство пограничное, есть европейская окраина, или украинна, со стороны Азии. Это украинское положение России, разумеется, должно иметь решительное влияние на ее историю.

«В самой глубокой древности, мы видим столкновения между народами, стоящими на разных ступенях развития, и происходившие именно от этого различия. Таковы были издавна противоположность и враждебность двух форм быта,—кочевой и оседлой. Западная Европа и южные ее полуострова, бывшие главною сценою древней истории, по свойствам своей природы, не представляли никаких удобств для кочевого быта, и потому мы не находим в преданиях этих стран известий о нем и о столкновениях между кочевым и оседлым народонаселением. Азия и Африка, в своих степях и пустынях давали—и до сих пор дают—возможность народам вести кочевой образ жизни; до сих пор средняя Азия, области, на-днях вошедшие в состав Русского государства, представляют любопытную картину отношений между кочевым и оседлым народонаселением, наглядно восстанавливающую отношения, которые некогда существовали и в других местах, именно в Восточной Европе, на той обширной, прилежащей к Азии равнине, на которой образовалась русская государственная область. ... В первых известиях о Восточной России, записанных у Геродота, мы уже встречаемся с отношениями между кочевым и оседлым ее народонаселением. Геродот отличает скифов кочевых и скифов земледельцев, и говорит, что первые господствовали над вторыми. Мы не станем решать нерешимого вопроса, принадлежали ли эти два вида геродотовых скифов к одному племени или к разным: для нас важно отношение — кочевые господствуют над оседлыми; для нас важно то, что в известиях летописца о начале русской истории мы находим то же отношение: кочевники или полукочевники хозары, живя на востоке, у Дона и Волги, господствуют над оседлыми племенами славянскими, живущими на западе по Днепру и его притокам»¹⁾).

Опустошение *оседлого* мира *кочевыми* степняками настолько гипнотизирует Соловьева, а за ним и других историков, что лучше всего бороться с этой фантасмой посредством

¹⁾ См. там же, стр. 761, 765.

просто трезвого, реального изображения этих кочующих степняков, которые даже «постоянного жилища оседлого человека» не могут увидеть, чтобы его не сжечь,— столь велика их ненависть к оседлости ¹⁾). При отравлении историческими мифами самым лучшим противоядием является археология. Дадим поэтому место нескольким строкам из неоубликованного пока отчета ученого, только что (уже в дни Советской России) выкопавшего из под песков столицу самых грозных «степных хищников», завоевавших Русь в XIII веке—татар. Описание относится к одной из столиц—так называемому «Старому Сараю» (ныне село Селитренное). Другую татарскую столицу—«Новый Сарай» (ныне город Царев) тот же археолог раскопал ранее—о ней мы скажем дальше несколько слов.

«Селитренские развалины превосходят по богатству и, пожалуй,—сохранности все, ранее мною изученное. Есть безусловная возможность на пл. в 39 кв. верст указать отдельные районы: центр, торговую часть, предместья, район заводской, шатровый город и громадный некрополь. Район заводской, повидимому, сохранил богатые следы металлургических, керамических, кирпичных и химических (поташных) заводов—это площадь более 100 дес., центральный район ныне занят селом—на улицах села видны квадраты фундаментов, одно древнее зернохранилище, построенное кибиткообразно, еще ныне служит по ревом, сохранился золотоордынский колодец, село окружают дюны, из которых ветры выдувают не только отдельные костяки, но целые стены тюрб некрополя. Благодаря порой по собранному нами нумизматическому материалу, возможно установить время возникновения, расцвета отдельных районов... мною откопаны всего 6 строений: 1) мастерская (6 комнат), в которой выпиливались изразцовые мозаики, здесь обнаружены остатки стенописи клеевыми красками, найдены 3 рукава, готовых изразцовых плиток; 2) теккие²⁾ с прекрасно сохранившимся мозаичным полом; холм, на котором построено теккие пере,езан на знач. глубину сваями с капитальными переборками—это ранее неизвестный способ укрепления песков, применявшийся инжене-

¹⁾ См. там же, стр. 786.

²⁾ Часовня.

рами 3. Орды; 3) турба¹⁾, стены которой были облицованы дивными голубыми изразцами с тончайшим золотым рисунком; 4 и 5) два жилых дома с канами; 6) горн для обжигания изразцов...»

Думается, этого довольно, чтобы показать, сколь ненавидели оседлость «степные хищники». С этой точки зрения особенно любопытен способ *укрепления песков*, изобретенный «кочевыми наездниками», поверхностному взгляду представлявшимися столь же подвижными, как сам песок пустыни. И этим примером далеко не исчерпывается *техническое превосходство* «жителя юрты» над не только «оседлым человеком» восточной Европы XIII века, но и над современным населением тех мест. Ибо у поволжского крестьянства и поныне нет центрального отопления—а у татар оно было (китайского образца—это упоминающиеся выше «каны»—рудиментарный прототип позднейшего *духового* отопления). Мы до сих пор только разговариваем об *искусственном орошении* в тех краях,—а в Новом Сарая тот же проф. Баллод нашел остатки целой сложной системы каналов, орошавших бахчи²⁾.

Второй аспект нашей теории — аспект «оборонческий» — оказывается точно таким же отражением не исто-

1) Надгробный памятник.

2) Эта статья была уже написана, когда проф. Валлод имел любезность составить мне второй, более подробный отчет о раскопках в районе города Царева. Там наиболее замечательны гидравлические сооружения—их целая сеть. Вот отрывки, касающиеся ее: «Район V, к северу от центра района—II, расположен вокруг системы бассейнов, которые питаются водой из громадного водоема на сырту, с которым соединены двумя каналами. Бассейны вырыты на склоне сырта, покатого к югу; их всего 13. Расположены они в четыре ряда или яруса, каждый более южный ниже предыдущего. Бассейнов в первом ряду, считая от сырта,—2, во втором—3, в третьем—5, в четвертом—4. Размеры бассейнов: 1-го ряда—75×48 и 72×48 арш., оба глубиною в 6 арш.; второго ряда—150×115 арш., глубиною в 6½ арш., 111×30 арш., 450×150 арш., глубиною в 6½ арш., III—90×36 арш., 91×51 арш., 321×81 арш., 243×171 арш., 150×60 арш., все глубиною в 6 арш. IV—219×75, 161×99, 165×120, 300×99 глубиною до 4½ арш. Бассейны, разделенные дамбами, сообщались шлюзами. Вообще же благодаря напору, который получался в итоге падения воды с сырца на ярус,—бассейны являлись не только сборными источниками для водоснабжения города, причем позволяющим отпуск любого количества воды, но также движущую силу для тех заводов, которые были устроены около дамб. Крестьянами сыла здесь найдена половина чугунного приводного колеса весом около 9 пудов и 2 аршина диаметром.

«Наиболее интересным памятником сылой жизни на территории Царева (в 6-ти верстах от города) является плотина, при помощи которой была устроена запруда на Калугуте, на месте, где река оставляет сырт. Здесь русло реки образует громадный водоем, берега которого сближаются у самой грани степного сырта. Длина плотины по гребню 390 арш., ширина—45 арш., вы-

рической действительности, а текущих политических интересов, как и первый аспект—аспект «закрепощения». Никакой борьбы «леса» и «стены» в русской истории не было, потому что «стенняки», Помпей которых мы теперь раскапываем, представляли собою не кочевое хозяйство, а торговый капитал Центральной Азии, в области концентрации обмена ровесницы старой Римской империи и ее восточного отпрыска—Византии. Появившись на восточно-европейской равнине в лице *голландцев* еще в IX веке, он прочной ногой стал здесь в XIII, оставив в наследство Москве две «Ордынки», Большую и Малую, где еще в 1917 году гнездились бухарское и хивинское купечество. Теперь это маленький штришок на физиономии торговой Москвы—но штришок, красноречиво говорящий о далеком прошлом, когда в ответ Московским Ордынкам, в «Сараях» выросла русская торговая колония, настолько многочисленная, что ей понадобился особый митрополит.

Но об ордынском купеческом капитале и его влиянии на экономическое развитие Московской Руси лучше говорить в иной связи—и более подробно: он этого стоит. Ограничимся пашей темой. Итак, освобождение крестьян вызвало к жизни теорию «закрепощения» и «раскрепощения». Войны с турками во 2-ой половине XIX века дали повод к возникновению теории «борьбы со степью». Теперь представьте себе человека, который был одновременно учеником авторов обеих теорий, учеником и Чичерина, и Соловьева,—человека, у которого был сильный

села — 221, арш.; на ее западном конце когда-то был шлюз, о котором еще помнят жители Царева, но который был заменен новым в 1911 году, когда предполагалось реставрировать и надсыпать плетину. ныне плетина на том и другом своем конце разрушена, ибо после упомянутых работ внешние воды смыли новые шлюзы и потоки воды частью подрыли и древние сооружения. Запруда должна была удерживать действительно громадное количество воды, которая через Раковский Ерик и Кальгуту доставлялась в город. Из Кальгуты вода через особые каналы поступала в обводный канал II района и в сеть каналов района VIII. Оставив район II, воды далее попадали в районы III, IV и I; особые системы шлюзов позволяли урегулировать водоснабжение, задерживали воду в районе II или опускали воду районам III и IV, вместе с тем и первому. В случае недостатка воды из Кальгуты, для дополнительного водоснабжения могла служить система бассейнов района V. Излишек воды возможно было при помощи особых запасных каналов, орошающих район VII (бахча, напротив непосредственно в Ахтубу. Совершенство всех гидротехнических сооружений нас буквально поражало; если все это построено при Узбеке или его преемнике Джанибеке, Золотая Орда в эту пору действительно могла гордиться своею столицей и ее инженерами.

синтетический ум и яркий художественный талант—но который не любил критики. Ясно, что у него должно было явиться искушение скомбинировать обе теории—и что он умел бы показать свою комбинацию публике в ряде таких ярких образов, которые могли застрять в мозгах ряда поколений, превратиться в своего рода трафарет, прилагавшийся затем и политическими друзьями и политическими врагами талантливого историка уже без всякой критики.

Этим историком был В. О. Ключевский. Принято говорить о «школе» Ключевского. Если какой-нибудь ученый органически не мог иметь школы, то это именно автор «Боярской Думы», единственный метод которого заключался в том, что в старое время называли «дивинацией». Благодаря своей художественной фантазии Ключевский по нескольким строкам старой грамоты мог воскресить целую картину быта—по одному образчику восстановить целую систему отношений. Но научить, как это делается, он мог столь же мало, сколь мало Шаляпин может выучить петь так, как он сам поет. Для этого нужно иметь голос Шаляпина,—а для того нужно было иметь художественное воображение Ключевского. Вот почему этот человек, зажегший интересом к русской истории тысячи молодых голов, сойдя в могилу, не оставил ни одного ученика в настоящем смысле этого слова, — т.-е. продолжателя его научной работы. Учеников в школьном смысле—т.-е. людей, клянувшихся словами учителя—у Ключевского, конечно, многое множество; но еще больше людей клялись и клянутся словами Достоевского—их едва ли можно назвать его продолжателями. Таких учеников, каким был сам Ключевский для Чичерина и Соловьева, у него самого ни одного не нашлось.

И по вполне понятной причине. Те двое были представителями крупных историко-политических концепций, отражавших большие течения современности—и шедших, в основе, от еще более крупной и широкой базы, от философии Гегеля¹⁾. () Ключевском распространяется легенда, будто он был «создателем истинно-научной концепции

¹⁾ Соловьев не был присяжным гегельянцем, как Чичерин, но стадию увлечения Гегелем прошел и он. См. его «Записки», стр. 60

русской истории», «первый в своем курсе дал схему всей русской истории от древнейших времен и до середины XIX века на социологической, научно-реалистической основе». Последнее неверно, по тому уже одному, что Ключевский-ученый кончается первой половиной XVIII века: то, что он писал о дальнейшем, относится частью к области литературы, частью к области педагогики, но объективным историческим анализом там и не пахнет. И это чрезвычайно характерно для всего его научного облика: там, где его оставили его руководители—Соловьев, дальше Екатерины не пошел в связном изложении, дав лишь довольно слабый фрагмент об Александре I, Чичерин, как исследователь, остановился еще ранее—Ключевский был совершенно беспомощен. Он мог зарисовывать блестящие характеристики, мог наговорить тысячу острот, мог изложить тоном учебника более или менее общеизвестные факты,—дать схемы он не мог. Для этого нужно было иметь действительно *свою* концепцию русского исторического процесса,—а у Ключевского именно этого и не было. Его понимание этого процесса—это был Чичерин, помноженный на Соловьева, или Соловьев, привитый к Чичерину,—как угодно. Словом это была теория закрепощения, приспособленная к теории борьбы со степью.

Рельефнее всего эта гибридизация нашла себе выражение в «Истории сословий»—вообще едва ли не лучшим, по выдержанности, курсе Ключевского (он читал его в 1886 году).

«Своеобразный склад (русского) государственного порядка объясняется господствующим интересом, его создавшим. Этим интересом было ограждение внешней безопасности народа, во имя которой политически раздробленные прежде части его соединились под одну власть. Великороссия объединилась под властью Московского государя не вследствие завоевания, а под давлением внешних опасностей, грозивших существованию великорусского народа. Московские государи расширяли свою территорию и вооруженной борьбой; но то была борьба с местными правителями, а не с местными обществами. Поразив правителей княжеств или аристократию вольных городов, московские государи не встречали отпора со стороны местных обществ, которые большей частью добровольно и раньше своих

правителей тянули к Москве. Итак, политическое объединение Великороссии вызвано было необходимостью борьбы за национальное существование. Эта необходимость мешала установиться самому понятию о сословном праве. В первом периоде нашей истории (Киевском. М. II.), когда государственный порядок развился из завоевания, такое понятие установилось легко. Победители старались присвоить себе возможно больше прав, возложив на побежденных возможно больше обязанностей. В Московском государстве, все силы которого направлены были на внешнюю борьбу, усилия законодательства должны были сосредоточиться на том, какое участие принимать в этой борьбе разным классам общества, а не на том, какими правами будет пользоваться каждый класс. Предметом законодательной разработки и стала разверстка тяжестей национальной борьбы, которые налагала эта борьба, а не сословных прав, которые не вели к цели»¹⁾.

Но «национальная оборона» предполагает *нацию*. Ключевский это понимал — и комбинация схем Чичерина и Соловьева дополняется у него его собственными соображениями о *национальной роли московского царства*. В заключение своей характеристики «основного факта» русской истории XV века, он заводит речь «об идее *национального* (курс. Ключевского) государства, о стремлении к политическому единству на народной основе. Эта идея возникает и усиленно разрабатывается, прежде всего, в московской правительственной среде по мере того, как Великороссия объединялась под московской властью»²⁾. Эту «идею на одного государства» «рождала объединившаяся Великороссия»; но Ключевский не ставит пределов «народному государству»; пределы эти «в каждый данный момент были случайностью, раздвигаясь с успехами московского оружия и с колонизационным движением великорусского народа»³⁾.

Оговорка очень благоразумная: ибо тексты, которые пытается приводить тут же Ключевский в подтверждение своей «национальной» гипотезы, к Великороссии-то уже ровно никакого отношения не имеют. Эти тексты, взятые

¹⁾ «История сословий» по изданию 1918 года, стр. 120 - 122.

²⁾ «Курс», лекция XXV; по изд. 1918 г., т. II, стр. 141.

³⁾ Там же, стр. 142.

из дипломатической переписки Ивана III, развивают ту обычную для своего времени мысль, что московский великий князь есть *вотчик* всей Русской земли: но образчики этой «вотчины», здесь упоминаемые—Киев, Смоленск—и поводы для самой переписки—переход на московскую сторону *черниговских* князей—ясно показывают, что московская дипломатия отправлялась не от великорусского национализма. Что в Смоленске «Белая Русь», а в Киеве—«Малая»—это в Москве очень хорошо знали и помнили: но в эти дни там еще лучше знали и помнили, что московский великий князь—прямой потомок Владимира Всеволодовича Мономаха, когда-то державшего всю Русскую Землю. Что национальность тут была ровно не при чем, убедительнее всего свидетельствуется именно этой генеалогией, на которую так напирал, в те годы как раз распространявшееся, «Сказание о князьях Владимирских». В Мономахе больше всего ценили *греческую* кровь его деда, императора восточной Римской империи,—ибо этой кровью надеялись стать вотчиками всемирного православного царства. Ничего более, чем это последнее, противоположного национальному государству нельзя себе и представить. А в дальнейшем развертывании византийское происхождение Владимира Мономаха приводило к знаменитой теории, делавшей предком Ивана III, ни более ни менее, как императора Августа¹⁾. Основываясь на этой теории, Иван Грозный уверенно заявлял, что он не русский, а немец: и, подражая своему царю, все знатные бояре его времени выводили свой род от какого-нибудь именитого иностранца, якобы во время оно приехавшего служить знаменитейшей в мире династии. А Ключевский из этих людей хочет сделать великорусских патриотов.

И тут опять корни исторической гипотезы гораздо легче найти в современной историку среде, нежели в том прошлом, для объяснения которого гипотеза выдвинута. В 1860-х годах даже Наполеон III распинался в своем уважении к «принципу национальности»—и на-лицо было два таких факта, как национальное объединение Италии и Германии. Русские вариации на тему об единокровных братьях славянах были лишь запоздалым перепевом того

¹⁾ См. об этом *Мок.* Русскую историю по 4-му изд., т. I, стр. 175 и сл.

же мотива. «Идея национальности» носилась в воздухе в те годы, когда Ключевский рос, как ученый. Труднее было отгородиться от нее, нежели ее усвоить.

Но если логическая подпорка схемы Чичерина-Соловьева сама так плохо держится, лучше ли отвечает фактам сама схема? Этим вопросом стоит заняться подробнее.

(Продолжение следует.)

М. Покровский.

Финансовая система в период первоначального социалистического накопления.

(Задачи и методы.)

I. Задачи финансовой системы в буржуазно-капиталистическом государстве.

Финансовая система являлась всегда могучим орудием классового государства. Передавая в его распоряжение значительную долю всего прибавочного продукта, она представляла собой систему вне-экономического присвоения, занимавшую всегда почетное место на-ряду с системой капиталистической эксплуатации. Даже в эпоху промышленного и финансового капитала, когда присвоение прибавочной ценности на фабрике, заводе или в сельскохозяйственном предприятии стало господствующей формой присвоения чужого труда, финансовая система продолжает сохранять свое значение.

С переходом государственной власти к пролетариату и трудовому крестьянству возникает вопрос об использовании этого мощного средства в деле преобразования прежней системы экономических отношений.

Программы социалистических партий, для которых социальный переворот казался делом далекого будущего, представляют собой больше общие места, часто внутренне противоречивые, и вообще не дают ясного ответа на этот вопрос ¹⁾.

Кроме того, социалистические партии обычно считали, что они получают от капитализма наследство «на полном

¹⁾ См. хотя бы рассуждения на эту тему у Кутского. Аграрный вопрос, стр. 387—399.

ходу», те же условия, в которых оказалось государство трудящихся в России, совершенно не соответствуют всем прежним представлениям на этот счет.

Государство трудящихся владеет лишь командующими высотами народного хозяйства, в виде важнейших отраслей капиталистической промышленности. Перед ним—необозримое море мелко-буржуазной стихии в виде десятков миллионов самостоятельных земледельческих хозяйств, миллионов кустарей и ремесленников; с другой стороны, некоторая часть капиталистической промышленности находится в руках враждебных ему сил. При таких условиях основной задачей нового государства является постепенное расширение сферы государственного капитализма за счет частного и за счет полунатурального хозяйства, иначе сказать,—задача первоначального социалистического накопления. Максимальная доля всего прибавочного продукта должна отлагаться и кристаллизоваться в сфере государственного хозяйства, дальнейшее развитие производительных сил должно совершаться, главным образом, в форме нарастания этого хозяйства.

Какое значение будет иметь в этих условиях финансовая система? Может ли она сыграть какую-либо роль в процессе первоначального социалистического накопления, в борьбе за прибавочный продукт?

Такая задача, по вполне понятным причинам, никогда не предусматривалась социалистическими программами, как не предусматривалось ими современное положение республики трудящихся:

Прежде чем пытаться ответить на указанный выше вопрос, посмотрим, какие задачи финансовая система выполняла в капиталистическом государстве.

Одной из основных задач финансовой системы было всегда финансирование государства, как такового, т.-е. того сложного аппарата (администрация, суд, полиция, господствующая церковь), посредством которого поддерживается господство имущих классов. Удельный вес этой задачи среди остальных можно видеть из таблицы государственных расходов хотя бы бывшей Российской империи; если откинуть эксплуатационные расходы железных

дорог, почты и телеграфа и других казенных предприятий, покрываемые в общем по принципу себестоимости (их общая сумма составляла в 1914 г. около 1 миллиарда), то остальные расходы можно подразделить на 3 основных группы (в миллионах) ¹⁾:

I. Содержание государственного аппарата:

Администрация, полиция, суд, тюрьмы	466,9
Церковное управление	54,9
Императорский двор	16,3
Высшие государственные учреждения	10,4
ВСЕГО	548,6

II. Внешняя политика:

Армия и флот ²⁾	845,1
Государственные займы ³⁾	402,1
ВСЕГО	1.247,2

III. Смешанные расходы:

Минист. народного просвещения	176,9
Землеустройство, торговля и промышленность, порты и т. д.	159,6
Остальные	143,0
ВСЕГО	479,5
ИТОГО	2.275 мл. р.

При оценке этих цифр необходимо иметь в виду, что значительная часть государственных средств раздавалась дворянству и буржуазии под видом многочисленных высоко оплачиваемых синекур.

«В одной немецкой книге,— пишет М. И. Боголепов,— посвященной японским финансам, читаем: замечательно и походит на анекдот, что японский флот требует обыкновенных расходов 29 милл. йен, русский же флот, после того как он был уничтожен, обходился в 104 милл. руб.» ⁴⁾. Представитель России в Берне получал 27.000, а прези-

¹⁾ Проект государственной росписи доходов и расходов на 1915 г.

²⁾ Армия, эта дорого стоящая «машина для драки», строится в современных капиталистических государствах почти исключительно для внешнего употребления; внутренний фронт обслуживается более тонким аппаратом, в который входят самые различные элементы, начиная от полицейского и жандарма и кончая попом и профессором философии.

³⁾ Во всех почти странах подавляющая часть государственного долга получила свое происхождение во внешних войнах.

⁴⁾ М. И. Боголепов, Государственный долг, стр. 481.

дент Швейцарского Федерального Совета — 5.500 руб.;
наместник на Дальнем Востоке — 48.000 р. и т. д. Та же
система синекур была последовательно проведена в мест-
ной администрации, суде и т. д. Таким образом часть
государственных расходов по каждой из трех рубрик не-
обходимо отнести за счет непосредственного «финансиро-
вания» господствующих классов, что, как увидим дальше,
составляет самостоятельную задачу буржуазной финансо-
вой системы.

На-ряду с организацией внутреннего господства, коали-
ция владеющих классов, объединенная в рамках данного
государства, непрерывно стремится к расширению своего
господства за пределы данной территории путем *внешней
политики*.

Внешняя политика — это общее предприятие всех иму-
щих, объединенных в рамках государства, предприятие,
которое повышает совокупную массу прибавочного про-
дукта, попадающего в их руки. В то же время издержки
по ведению этого предприятия в максимальной доле
покрывается за счет так называемых «низших классов».
Организовать за чужой счет предприятие, которое повы-
шает общий уровень прибыли, — это значит бесплатно по-
лучить чистое увеличение общей массы этой прибыли.

Внешняя политика была своего рода акционерным пред-
приятием, с тем только отличием, что пайщики (платель-
щики налогов) здесь никогда не совпадали с получателями
дивиденда и учредительской прибыли (владеющие классы).

Эта принудительная «кооперация капиталов» особенно
выгодна для господствующих классов в странах с пре-
обладанием мелких самостоятельных хозяйств (земледель-
ческие страны) и незначительным развитием капиталисти-
ческих отношений и наемного труда ¹⁾.

Здесь огромная доля прибавочного продукта, создавае-
мого в мелких хозяйствах, не попадает в распоряжение
капиталистических классов, и поскольку внешняя поли-
тика открывает государству вполне «законные» поводы
использовать его для организации выгодных захватов, она

¹⁾ Одним из примеров является царская Россия, где вздержки войны
целиком почти ложились на крестьянство и где поэтому войны затевались
с преступной легкостью (японская война).

является методом вне-экономического присвоения прибавочного продукта миллионов самостоятельных хозяйств.

Ту часть прибавочного продукта, которую не удается захватить в экономической борьбе, используют косвенно, организуя за его счет расширение сферы эксплуатации. Прикрываясь лозунгами патриотизма и мошеннически спутывая карты, стоящие у власти капиталистические группы имеют возможность без особого труда организовать военные предприятия для повышения общей массы прибыли. То ограбление налогоплательщиков, которое трудно провести для непосредственного «финансирования» буржуазии, легко удается под лозунгами и в форме внешней политики.

Эту форму вне-экономической эксплуатации обычно не дооценивают. «Не следует забывать,—пишет Зомбарт,— что хозяйственное развитие Европы имело своей необходимой предпосылкой ограбление трех частей света, что благосостояние множества цветущих и богатых народностей древнего и нового мира только и создало те средства, которые вызвали к жизни европейский капитализм». Но это разграбление материков было построено на базе финансовой системы европейских государств, путем принудительной «ассоциации капиталов» налогоплательщиков; ограблению материков предшествовало и сопутствовало ограбление собственного крестьянства и трудящихся классов города¹⁾). Уже организация первых колониальных и торговых войн требовала таких колоссальных «капиталов» такого высокого давления налогового прессы, что в самых цветущих странах Европы на целые столетия остановился прирост населения.

1) Много раз отмечалось, что одна соляная монополия (gabelle) давала французскому государству гораздо больше, чем Испания извлекала из эксплуатации серебряных рудников, после открытия Америк.

В первый период французской монархии население еще обладало правом бить в набат и звать на помощь соседей, когда оно подвергалось ограблению со стороны финансовой администрации, но затем, как говорит Picot (Histoire des Etats généraux, 125—128) это было запрещено, что явилось одним из предварительных шагов в деле подготовки невыносимой финансовой эксплуатации. Отняв у населения средства самозащиты, агенты королевской власти, по образному выражению Petit-Dutaillis, систематически «выпускали Францию последнюю кровь» (saignaient la France à blanc). Периодическое обнищание Франции, вызываемое налоговым гнетом, повторялось на протяжении всей истории. См. классический материал французских историков-финансистов *Clamagran*, Histoire de l'impôt en France, I—III; *Vuitry*, Etudes sur la régime financier de la France à la rév.

Известно, к каким последствиям привели внешние войны в XVII—XVIII ст. самую богатую страну Европы того времени, Францию. Войны Людовика XIV повели к тому, что «королевство превратилось в обширную больницу умирающих». (И. Тэн. Происхождение современной Франции.) «В 1715 году,—читаем у того же автора,—погибло около $\frac{1}{3}$, почти шесть миллионов, от нищеты и голода. Брак и размножение исчезают везде. Это (вопли французского народа) напоминает похоронный звон, который прекращается на время, чтобы затем начаться сызнова. Даже в такой год, который не может называться бедственным, этот звон раздаётся повсюду.

Такую же роль играют предприятия во внешней политике и для государств новейшего времени—разница заключается в том, что на мировой сцене появляется все больше соперников, и каждый из них натывается на все большее сопротивление. Издержки внешней политики становятся все выше, а выгодные приобретения этой политики все реже. Жестокая борьба приводит даже к тому, что финансовая система иногда уже не в состоянии покрывать военные издержки за счет трудящихся, и капиталистическим классам приходится «приплачивать» из своего кармана. Тем не менее сущность внешней политики остается прежней. Если бы получатели предпринимательской прибыли и дивиденда от этого предприятия совпадали с его пайщиками, то $\frac{9}{10}$ всех европейских войн, а в том числе и мировая война, потеряли бы смысл и не имели бы места ¹⁾. И если в конце концов более мелкие предприятия терпят поражения ²⁾ не оправдывают расходов и разоряют даже своих предпринимателей, то это нисколько не меняет сути дела.

Исторически финансирование предприятий внешней политики было основной задачей всех финансовых систем.

¹⁾ Обычно марксисты определяют войну как орудие для внешнего расширения данной системы эксплуатации; к этому надо прибавить, что это орудие создается за счет дополнительной внеэкономической эксплуатации подчиненных классов,—только тогда указанное определение будет соответствовать исторической действительности.

²⁾ Если участие в Государственном Тресте становится невыгодным, то его «учредители» безцеремонно отбрасывают маску патриотизма и открыто переходят в Трест своих победителей-конкурентов. На наших глазах это предельно показывает Стайнес. Американское радио сообщает: «Оккупация Рура предприятиями после состоявшегося соглашения с группой Стайнеса и групп. французск. промышленности». Идея соглашения заключается в том, чтобы объединить металлообрабатывающую промышленность Рурской области с Лотарингской, поставить

Ее относительное значение среди других задач за последние столетия можно иллюстрировать несколькими цифрами из истории англ. гос. бюджета. Гос. расходы англ. государства за последние два столетия распределялись следующим образом ¹⁾:

	Расх. кроме армии, флота и % по займам.	Армия и флот	Расходы по займам.
1688—1702 г.г. (средняя за 1 год)	683.000	1.227.000	1.310.000 (1701 г.)
1728—1760 г.г. (средняя за 1 год)	886 000	1.880.000	4.840.000 (1762 г.)
1818	10.250.000	15.250.000	31.750.000
1855	8.654.000	51.660.000	28.112.000
1913	42.000.000	77.000.000	24.500.000
1922	171.000.000	148.000.000	645.500.000

Так как весь гос. долг Англии имеет военное происхождение, то получается, что в мирное время от $\frac{2}{3}$ до $\frac{4}{5}$ всех гос. доходов Англии тратилось на дело войны.

Особенно дорого обходится финансирование самых войн; вот, например, стоимость войн той же Англии в одном XVIII столетии и в начале XIX (в фунтах стерл.) ²⁾:

Война за испанское наследство (1702—13)	50.685.000
Война с Испанией (1718—21)	4.547.000
С Испанией и за австр. наследство (1739—48)	43.655.000
Семилетняя война (1756—63)	82.623.000
Американская война (1776—83)	97.550.000
Наполеоновские войны (1793—818)	631.446.000

Если сопоставить с этими цифрами ничтожные относительно цифры всего бюджета того времени (1 табл.), то подавляющая роль внешней политики станет особенно поразительна. Значение всех остальных задач, в том числе и финансирование самого государственного аппарата, совершенно стухевывается.

На-ряду с финансированием организации внутреннего господства и внешнего насилия, финансовая система имела еще другую историческую задачу: организованную систематическую экспроприацию трудящихся классов для непо-

центр этой промышленности под защитой франц. флага и работать на франц. валюте вместо германской. Говорят, что Стиннес верит, что французы скорее подавят коммунизм, чем немцы, кроме того Стиннес совершенно отчаялся в восстановлении ценности марки.

¹⁾ Для 1818, 1913 и 1922 г.г. цифры взяты из *Economist's*, 29 april 1922 г., для остальных лет у *Gocke. Geschichte der Steuern des britischen Reichs*, 82.

²⁾ *Dorell, A. History of tax. a. taxes in England*, II, 402

средственного обогащения классов, организовавшихся в государство. Конечно, и предприятие внешней политики является для этих классов обогащением за счет налогоплательщиков, однако здесь продукция налоговой системы не присваивается непосредственно господствующими классами, а претворяется в добавочное повышение их прибылей от внешней политики: во втором же случае происходит непосредственное присвоение.

Наибольшие исторические «заслуги» в этом отношении выпадают на долю финансовой системы дореволюционной Франции,¹ где непосредственное присвоение прибавочного продукта через финансовую систему достигало колоссальных размеров¹). При Кольбере вся сумма государственных расходов за 1601—1683 г.г. превышала 1.800.000.000 ливров (кроме расходов по возврату долгов); из этой грандиозной для того времени суммы израсходовано²).

на армию и флот	1.111.000.000 ливр.
на содержание королевского двора, на постройку дворцов и секрет. расходы	480.000.000 »
остальные (в том числе субсидии компаниям и т. п.	219.000.000 »

Иначе сказать, более $\frac{1}{4}$ всех государственных расходов шло непосредственно на паразитическое потребление феодальной аристократии и двора. Но это далеко еще не характеризует полностью размеры финансовой эксплуатации, так как огромная часть государственных доходов раздавалась в форме учреждения ненужных должностей. Так, например, на содержание офицеров (при Людовике XV) тратилось 46 милл., а на всю остальную армию—44 миллиона.

«Число пенсионеров правительства,—пишет М. Ковалевский,—получавших от него ежегодно определенную ренту, сделалось известным уже после революции; их оказалось в общем не более, не менее, как 366 тыс., из них $\frac{1}{3}$ передавали вполне или отчасти свое право наследникам». Французская историческая литература изобилует описанием того, как было организовано потребление того, что государственная финансовая система исторгала у населения. Центром этого потребления был Париж, все производство которого в значительной степени приспособлено

¹) *C'Amagèran*. Histoire de l'impôt en France. II, 671—674.

²) Происхождение соврем. демократии. I, 18.

было для обслуживания королевского двора, придворной аристократии и десятков тысяч привилегированных, живших за счет государственных доходов.

«В число обычных занятий жителей (Парижа) входило изготовление безделушек, которые известны под названием «*article de Paris*». Десятки тысяч работают в кондитерских и кофейнях, кроют, шьют, одевают, причесывают бездну праздного люда, которому нет другой заботы, как менять туалет по меньшей мере два раза в день. Много людей также занято постройками (дворцов). За ними следуют мебельщики и каретники, так как всякий новый дворец обзаводится сызнова; о числе домашней прислуги можно судить по тому, что во многих домах 24 человека носят ливрей»¹⁾).

Но если Париж обшивал, причесывал, поил и кормил паразитическое население, строил для него дворцы и делал для него *articles de Paris*, то Лион с его единственной во Франции крупной промышленностью снабжал это население шелковыми тканями, бархатом, коврами и т. д. «Капиталистическая промышленность, — пишет Каутский, — как и торговля, — служила преимущественно удовлетворению роскоши. Она была придворной промышленностью. Крупные мануфактуры Франции производили шелковые ткани, бархат, кружева, ковры, фарфор, пудру и т. п. Предприятия эти находили своих лучших потребителей в рядах придворной аристократии, в рядах привилегированных. Характерен тот факт, что и когда в 1793 г. контр-революция взялась за оружие, во главе ее, рядом с Вандеей, самым отсталым округом Франции, стоял наиболее промышленный город государства — Лион, так прославившийся своей шелковой индустрией и золотым шитьем»²⁾). Таким образом, промышленность Парижа и Лиона в значительной степени была придворной промышленностью, выросшей на основе потребления прибавочного продукта страны, исторгаемого финансовой системой.

Когда на смену старого режима пришла буржуазная демократия, эта откровенная практика прямого присвоения значительно сократилась или же была заменена более замаскированными формами, однако и в эпоху «демократии» не-

¹⁾ М. Ковалевский, 21.

²⁾ К. Каутский. Противоречие класс. интересов в 1789 г.

посредственное «финансирование» господствующего класса продолжается в широких размерах.

Одной из форм такого финансирования капиталистов являются «воспитательные» и «охранительные» таможенные пошлины, т.-е. налог на потребителей, сборщиками которого являются отечественные предприниматели. Далее идут премии сахарозаводчикам¹⁾, *Liebesgabe* аграриям—производителям спирта, раздача казенных денег через дворянский банк и т. д. Особенно классический метод «изготовления капиталистов» за счет налогоплательщиков представляет во всех странах сооружение железнодорожной сети²⁾.

Вообще непосредственное, ничем не прикрытое присвоение прибавочного продукта через финсистему в эпоху буржуазной демократии практикуется часто в таких же размерах, как и в эпоху феодальной монархии, когда дворянство жило в значительной степени за счет государственных доходов³⁾.

Даже буржуазные теоретики готовы порой признать, что при помощи финсистемы буржуазия, как и прежняя

¹⁾ Благодаря системе обложения сахара по сырому материалу, германские, например, сахарозаводчики за один период 1871—1891 г.г. получили премию за счет налогоплательщиков в 481 милл. марок.—*М. Фридрих*, *Соврем. косвенные налоги*.

²⁾ В России в 70-е годы приплаты государства жел.-дор. компаниям по гарантиям их доходов составляли ежегодно 50 милл. рублей. Во Франции доплаты по гарантиям за период 1884—93 г.г. составляли 688 милл. франков. В России при выкупе частных жел. дор. казна скинула со счетов 352 милл. руб. (*Мицулик Р.* Государств. кредит, I, 414, II, 260, 398. Во Франции договоры государства с жел.-дор. компаниями получили название *les conventions scélérates* («злодейские договоры»).

³⁾ Своеобразную форму финансовой эксплуатации капиталистическими группами остального населения представляют налоги в пользу бедных в Англии. «Помощь бедным,—пишет проф. Твердохлебов,—стала дополнением к заработной плате и позволила фабрикантам уменьшить последнюю ниже необходимых издержек существования: таким образом приход, т.-е. мелкие ремесленники, торговцы, фермеры, платили косвенно фабрикантам и крупному сельскому хозяйству, конкуренция которых подрывала их производство».

В 1835-м году демократические реформы передали власть на местах мелкой буржуазии, которая сократила расходы, стараясь «уменьшить стремление пауперов жить на счет трудолюбивых граждан»; реформа была встречена недружелюбно рабочим классом и крупной буржуазией (*Times'om*), *Твердохлебов*, *Местное облож. на Западе*, II, 196.

Таким образом мы имеем здесь обложение мелкой буржуазии и более зажиточных групп самого пролетариата в пользу капиталистической промышленности; сходное явление мы имеем также в тех случаях, когда, как в Германии, издержки по страхованию рабочих в его различных вариантах покрываются полностью или частично за счет обложения мелкой буржуазии города и деревни и самого пролетариата,—этим объясняется, между прочим, та легкость, с которой германский капитал шел на такого рода «социальные реформы».

аристократия, осуществляла своего рода «коммунизм владеющих классов» за счет трудящихся и что этот своеобразный «коммунизм» грозит принять слишком обширные размеры ¹⁾).

Таковы исторические задачи и историческая роль финансовой системы в предшествующую эпоху. Несмотря на обширную литературу по этим вопросам, историки и экономисты далеко недооценивают значение этой системы как орудия вне-экономического присвоения, игравшего такую роль на-ряду с экономическими методами эксплуатации ²⁾).

Английский «Экономист» в апрельском номере 1922 г. приводит две «юбилейные» цифры—для 1818 (окончание наполеоновских войн) и для 1922 г.г.; так называемые «государственные» расходы (т.-е. без расходов местного самоуправления) составляли по отношению ко всему национальному доходу:

в 1818 г.	14,4%
в 1922 г.	23,9%

К этому надо присоединить крупные расходы органов местного самоуправления.

¹⁾ См. для примера Lotz: *Fiscus als Wohltäter*. Лотц, как и другие буржуазные теоретики, считает прямое обогащение буржуазии за счет налогоплательщиков «побочной целью» (*Nebenzwecke*) финсистемы, не подозревая, что эта цель не более и не менее «побочна», чем финансирование внешней политики и содержание государствам жандармерии, фашистов, попов, профессоров богословия и идеалистической философии и т. д.

²⁾ Буржуазные теоретики после Роббэра любят сравнивать государство со страховой компанией, а налогоплательщиков—с клиентами ее, налог же превращается у них в страховую премию,—при этом они не говорят *от кого и от чего* строится имущество буржуазии и забывают объяснить, почему пролетариат вынуждается платить страховые премии, хотя, не имея имущества, он не имеет отношения к «страховым операциям». По другим теориям налог—это «жертва» каждого на покрытие «коллективных потребностей»; получается что «коллективной потребностью» крепостных крестьян было содержание помещичьего государства, которое расстреляли и виселицами поддерживало их эксплуатацию и содержание за их счет паразитическую аристократию; что «потребностью» пролетариата является поддержание государства немецкого кайзера, русского царя или французских биржевиков; что «коллективной потребностью» армян и евреев является государственная организация еврейских погромов и армянской резни, или, что империалистическая война была коллективной потребностью трудящихся масс и т. д.

Ученые холоты буржуазии, конечно, отлично понимают, где раки зимуют; они могли бы привести целые томы цитат для иллюстрации того, что представляют собой исторически «коллективные потребности», тем не менее они с невинным видом списывают десятки страниц в университетских учебниках размышлениями о коллективных потребностях и о «жертвах» на покрытие их.

Также цифровое значение финансовой системы в начале XIX и XX столетий в народном хозяйстве наиболее богатой капиталистической страны. В странах менее богатых и более разрушенных войной это значение еще больше.

II. Прежние задачи в новых условиях.

Итак, в условиях буржуазно-капиталистического государства финансовая система имеет три основных задачи: финансирование государственного аппарата, финансирование внешней политики и непосредственное «финансирование» политически господствующих классов.

Каковы задачи и цели этой системы в условиях государственного капитализма? Несомненно, переход власти в руки трудящихся классов, пролетариата и крестьянства, должен повести к коренному изменению как прежних задач самого государства, так и задач обслуживающей его финансовой системы.

Конечно, в переходный период классовая борьба продолжается, и трудящиеся классы, чтобы удержать политическую власть, должны сохранить государственный аппарат принуждения; поэтому задача финансирования государственного аппарата, как такового, остается в силе. Многие полагают, что в новых условиях расходы по содержанию самого государственного аппарата будут даже больше, чем прежде. В действительности же эти расходы будут постепенно сокращаться.

О размерах этой задачи обычно судят по первым годам нового режима, забывая, что эти годы были годами гражданской войны, осложненной активным вмешательством могущественных капиталистических государств и не всегда удачными методами нового строительства. Но, поскольку этот период закончен, положение радикально меняется, так как нельзя забывать, что наибольшей угрозой для прежней системы отношений являлся пролетариат, — этот единственный организованный класс, с переходом же власти в его руки в современном обществе не остается никакого другого класса, который по своей численности и своей организованности мог бы представлять серьезную угрозу для установившихся уже и приобретающих силу инерции отношений. Кроме того, новое государство уни-

чтожило систему синекур и этим значительно удешевило работу государственного аппарата.

Еще более сократится задача по финансированию внешней политики. Новое государство не ставит своей задачей активную захватническую политику, которая является одной из органических задач капиталистического государства; оно не обязано с напряжением всех сил гнаться за ростом вооружений с тем, чтобы в решительную минуту оказаться не последней скрипкой в концерте капиталистических государств, а тем самым суживается основная задача всех прежних финансовых систем по финансированию внешней политики.

Конечно, окруженное капиталистическими государствами, вооруженными с ног до головы, государство пролетариата не может разоружиться или свести армию до пределов, необходимых только для внутреннего равновесия; оно должно будет внимательно следить за прогрессом военной техники и иметь всегда бронированный кулак, но это будет пассивной политикой обороны, а это далеко не то же самое, что внешняя политика капиталистических государств.

Как показала история интервенций, капиталистический мир, раздираемый противоречиями, не в состоянии объединиться для борьбы с советским государством, как опасной для него политической формой. Точно так же мало вероятны в нападении отдельных государств в целях обычного захвата территории. Прежде всего, случаи территориальных войн по отношению к *крупным государствам* в новейшей истории, вообще, вещь сравнительно редкая, так как, не давая больших выгод, такие войны обходятся очень дорого и вызывают напряженную опасность реванша, еще более уменьшающую ценность территориального захвата.

При современной мировой конъюнктуре идет борьба за мировую гегемонию отдельных капиталистических гигантов (Америка, Англия) или их объединения—борьба, по отношению к которой пролетарское государство остается в стороне, используя лишь эту борьбу; борьба крупных капиталистических государств с другими большими государствами за территорию является уже анахронизмом. Ни одна из мировых капиталистических дер-

жав не начнет войну с Р. С. Ф. С. Р. с целью присвоения ее территории,—это было бы слишком дорогое удовольствие, тем более, что захват новой территории вызывает сопротивление и продолжительные обостренные отношения не только с ограбляемым, но и со всеми другими соперниками. Новейший пример—попытка аннексии Японией Дальнего Востока, вызвавшая сопротивление Соединенных Штатов.

Кроме того, опасность территориальных войн против России ослабляется еще особым положением ее, как пролетарского государства, так как такая война неизбежно превращается в классовую борьбу внутри самого нападающего государства.

Если отвлечься от частных моментов и оглянуться на общую эволюцию международного положения республики трудящихся, то постепенное уменьшение внешней опасности станет очевидным; на востоке Япония не только не расширяет территориальных захватов, которые, казалось бы, чрезвычайно легки, но считает даже выгодным отказаться от прежде захваченного. На западе Румыния мечтает только о прочном закреплении захвата, сделанного в период величайшего ослабления России.

При таких условиях различие между задачей активной политики империалистического государства и пассивной политикой обороны крупного пролетарского государства становится очевидным. Вместе с тем упрощается задача по финансированию внешней политики. А между тем, как мы видели, эта задача для всех стран была и остается кардинальной, поглощая огромную часть всей налоговой продукции (содержание все растущих армий и флота, издержки войн, проценты по займам):

Советская республика будет содержать армию и строить морской и воздушный флот, но относительные размеры всего этого будут ограничены. В эпоху борьбы между государственно-капиталистическими трестами, социалистический государственный трест, остающийся в стороне от борьбы и защищенный своими специфическими особенностями, будет освобожден от значительной доли той колоссальной тяжести, которую налагает на государственно-капиталистические тресты внешняя политика.

Что касается третьей задачи финансовой системы — «финансирования» господствующих классов за счет трудящихся масс, то эта задача в условиях пролетарского государства отпадает целиком; финансовая система перестает быть источником для пенсионирования дворянства или для «изготовления миллионеров». С отпадением этой «побочной» задачи всех буржуазных систем соответственно должно понизиться то налоговое бремя, которое возлагает эта задача на налогоплательщиков во всех странах.

III. Новые задачи фин. системы в период первоначального соц. накопления.

Одновременно с сокращением или отпадением прежних задач, финансовая система в условиях государственного капитализма получает новые задачи, которые не могли быть ей поставлены при прежних отношениях.

Как уже указывалось выше, основным вопросом настоящего периода является вопрос первоначального социалистического накопления. Однако на пути к разрешению этого вопроса стоит ряд труднейших препятствий.

Исходной точкой для первоначального соц. накопления в данный момент являются те отрасли бывшей капиталистической промышленности, которые пролетарское государство удерживает за собой. Но не надо забывать, что удельный вес всей капиталистической промышленности в общей экономике России значительно понизился за годы войны и революции и в первые годы после нее, так как промышленности всем этим был нанесен более сокрушительный удар, чем остальным отраслям народного хозяйства. Если к этому прибавить, что далеко не вся промышленность находится в руках пролетарского государства, то станет ясной узость того базиса, на котором может начаться первоначальное накопление. При современном состоянии нашей статистики, трудно, конечно, дать цифровое выражение относительной величины государственного капитализма по отношению ко всему народному хозяйству.

Но, даже не делая слишком гадательных подсчетов, можно и без того допустить, что эта доля не очень велика. Таким образом, в ближайшем будущем лишь незначительная часть всего прибавочного продукта всего народного хозяй-

ства будет кристаллизоваться в руках пролетарского государства, и поскольку это так, дальнейшее расширение государственного хозяйства будет идти, как абсолютно, так и относительно, очень медленно.

Тем самым ставится вопрос о расширении наличного базиса социалистического накопления за счет вне-экономических методов.

Есть, кроме того, одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое с особой силой делает необходимым такое расширение. Дело в том, что, как показывает целый ряд фактов, стремление к накоплению среди буржуазии, несомненно, сильно упало. Непроизводительное же потребление достигает таких размеров, как никогда раньше. Центральные улицы Москвы, заполненные почти сплошь магазинами роскоши всех видов (несмотря на налог на роскошь), являются внешним показателем того, что наша буржуазия съедает непроизводительно огромную долю своих прибылей.

Поскольку же она не съедает полностью всего прибавочного продукта, попадающего в ее руки, она не решается капитализировать его в форме продолжительного завязывания капитала в крупных, т.-е. технически наиболее совершенных, предприятиях. Кроме того, буржуазия избегает иметь дело с крупными промышленными предприятиями еще и потому, что при наличии там рабочих организаций, опирающихся на государственную власть, она не чувствует себя хозяином и предпочитает торговые или мелкие промышленные предприятия.

Крупную роль в данном случае играет также резкое ограничение наследственных прав, зафиксированное недавно постановлением IV сессии В.Ц.И.К (10.000 золотых рублей, как предельная ценность передаваемого по наследству имущества).

Впрочем, отказ от накопления и в особенности от накопления в наиболее производительной его форме (организация крупных промышленных предприятий) объясняется также и рядом временных неблагоприятных обстоятельств, к которым необходимо отнести прежде всего недавность нэп'а, мешающее еще уверенности буржуазии в прочности принципа «всерьез и надолго», а также полная неустойчивость денежной единицы, чрезвычайно осложняющая всякую

предпринимательскую калькуляцию и предвидение, особенно при организации крупных промышленных предприятий.

Какую роль играют эти временные обстоятельства и какую постоянный факт дисгармонии между политической организацией и системой капиталистических отношений, установить не только трудно, но даже и прямо невозможно; только опыт ближайшего времени, когда будет устранено действие временных факторов, даст ответ на вопрос о том, какова роль постоянного фактора.

Однако, независимо от того, что покажет ближайшее будущее, ясно уже и сейчас, что *вполне* нормальное функционирование частно-капиталистической системы в новых условиях невозможно; стремление к накоплению всегда будет слабей, чем в «нормальных» условиях, и новые накопления будут направляться в торговлю или промышленные предприятия с низким строением капитала.

Для устранения этой дисгармонии государство обязано будет, быть может, исключительно своими силами обеспечить развитие отраслей промышленности с высоким строением капитала и для этого должно будет иметь необходимые материальные средства.

Являясь частью общего вопроса о социалистическом накоплении, этот вопрос имеет, однако, и свой особенности. В то время, как задача такого накопления сводится к борьбе между частным и государственным хозяйством за прибавочный продукт в процессе развития народного хозяйства, организация предприятий высокого строения силами государства есть при настоящих обстоятельствах необходимое *условие этого развития*, ввиду неизбежной иначе задержки развития всего народного хозяйства. Иначе сказать, если *относительное* расширение сферы государственного хозяйства за счет частного может быть отложено до лучшего будущего, то создание крупной индустрии за счет государства есть задача уже ближайшего периода.

Итак, перед государством рабочих и крестьян встает чрезвычайно настоятельный вопрос о расширении того узкого базиса, который представляет собой национализированная промышленность.

Может ли финансовая система выполнить эту задачу? Может ли она быть орудием первоначального социалистического накопления?

Мы видели выше, что в настоящих условиях прежние задачи финансовой системы частью сокращаются, а частью отпадают. Самые крупные расходы по финансированию внешней политики, которые составляют огромную долю бюджета всех капиталистических стран, несомненно, сократятся. Другая часть расходов, которая шла или на поддержание паразитического потребления, или на «фабрикацию капиталистов», отпадает целиком. К этому надо присоединить еще то, что бюджет государства освободился от крупнейшей статьи расходов по оплате накопившихся исторически государственных долгов. Таким образом в новых условиях произойдет большое относительное сокращение государственных расходов; поскольку финансовая система будет выполнять оставшиеся от прежнего задачи, размеры податного времени относительно будут меньше, чем они были раньше у нас или чем они остались в современных капиталистических странах ¹⁾.

Тем самым в ближайшем будущем, когда будут залечены свежие раны, нанесенные народному хозяйству за 1914—1920 г.г., и когда будет восстановлен податный аппарат, государство сможет получить некоторые ресурсы для новых производительных задач уже в силу одного сокращения и отпадения прежних задач финансовой системы.

Однако в руках пролетарского государства финансовая система может получить несравненно большее значение, чем раньше.

1. Общественное присвоение результатов буржуазно-капиталистической эксплуатации и борьба с непроизводительным потреблением буржуазии.

Прежде всего может быть расширен и углублен в сравнении с прежним вопрос об обложении всего того прибавочного продукта, который в процессе экономических отношений попадает в руки частных лиц, — сюда принадлежит не только буржуазия мелкая, средняя и будущая крупная, но и весь тот слой квалифицированных государ-

¹⁾ Разумеется, в данном случае дело идет не о текущем моменте, а о целом ближайшем периоде.

ственных служащих и служащих частных предприятий, которые, как прежде, так и теперь, неизбежно присваивают — законными и незаконными путями — значительную долю прибавочного продукта, в размерах, далеко превышающих не только необходимый физиологический, но даже и высокий психологический минимум.

В России государственное хозяйство будет в ближайшие периоды находиться в состоянии перманентных перестроек, что будет чрезвычайно благоприятствовать присвоению промежуточными группами крупной доли общественного продукта (крупные гонорары спецов, тантьемы, хищения в процессе организации трестов и синдикатов и т. п.).

При помощи финансовой системы государство имеет полную возможность взять крупнейшую долю всего прибавочного продукта, который сосредоточивается в руках буржуазии и промежуточных групп; постольку же, поскольку часть его останется в частных руках, она должна в максимальной доле пойти на производительное частное накопление и в минимальной — на личное непроизводительное потребление.

Надо сказать, что задача этого рода, по вполне понятным причинам, *никогда* не стояла перед финансовой системой. Буржуазное государство, которое способствовало обогащению отдельных лиц или групп, которое при помощи финансовой системы занималось фабрикацией миллионеров, никогда не ставило себе целью возможно быстрое развитие производительных сил указанным путем; правда, оно покровительствовало промышленности, но это покровительство оказывалось за счет экспроприации налогоплательщиков, вмешаться же в процесс потребления прибавочного продукта капиталистическими классами и посягнуть сколько-нибудь на их свободу распоряжаться награбленным буржуазное государство не могло по самой своей сущности.

Только в периоды войн или народных бедствий, буржуазное государство, чтобы сохранить приличие, облагало иногда ввоз предметов роскоши, но это всегда было «финансовым лицемерием».

Точно так же и социалистические партии по целому ряду причин никогда не рассматривали финансовую систему как орудие экономической политики.

Государство совершенно не должно было интересоваться тем, как расходует плательщик всю остальную часть своего дохода—тратит ли он ее на производительное накопление или же не только полностью съедает весь свой доход, но и часть своего капитала.

Подходный и поимущественный налог в их различных вариантах были верхом премудрости буржуазной финансовой системы; эти же формы обложения выдвигали и программы социалистических партий. Однако принципы подходного и имущественного обложения за известными пределами таят в себе глубокое противоречие. Во-первых, при повышении ставок прогрессии до поглощения значительной доли дохода, теряется основной стимул для капиталиста к применению его капитала в производстве и к дальнейшему накоплению; но еще раньше, чем отказаться от приложения капитала и накопления, капиталисты без особого труда могут использовать по мере высвобождения капиталов в производстве постепенную эмиграцию в страны, где им не грозят высокие ставки налога; конечно, не следует слишком упрощенно понимать положение, что «капитал интернационален», но все же, если в одной стране он теряет 80% прибавочной ценности, а в другой—только 10, то «интернационализм» капитала проявится с полной силой. Разумеется, пока прогрессивное обложение было ничтожным придатком в системе косвенных налогов, пока это было то же самое «финансовое лицемерие», как и обложение роскоши—социалисты могли с полным правом смеяться над «страхами», которыми буржуазия пугала каждый раз, когда хотели повысить ставку налога на какие-нибудь 2—3 процента; поскольку же дело идет не о пустяках, а об огромной доле прибавочного продукта, постольку количество переходит в качество и неизбежно приводит к уклонению капитала от производительных функций.

Эти внутренние противоречия подходного и поимущественного обложения не могли проявиться только потому, что социалисты фактически нигде не были у власти и не приступали к практическому осуществлению программы прогрессивного обложения.

Таким образом прогрессивное обложение в чистом его виде не может быть признано удовлетворительным и требует известных корректив; податная система должна

удовлетворять трем основным требованиям: не ослабляя, по возможности, стимулов к производительной затрате капиталов, эта система должна позволить государству трудящихся присвоить максимальную долю продукта буржуазно-капиталистической эксплуатации и способствовать тому, чтобы максимальная часть остального продукта этой эксплуатации была направлена на производительное накопление, а не на личное потребление буржуазии.

Технические элементы такой системы давно созрели в процессе эволюции прежней финансовой системы, и ими надо только воспользоваться. Наиболее готовую уже форму, но далеко не единственную, представляет при настоящих условиях промысловое обложение и таможенные пошлины. Проедание прибавочного продукта буржуазией совершается не в какой-либо идеальной абстрактной форме, а в форме съедания вполне реальных продуктов производства, — правда, продуктов с высокой удельной ценностью — а также в пользовании определенными услугами вполне реальных лиц и учреждений (штаты прислуги, кафе-шантаны, рестораны высокой марки и т. п.); поэтому можно без всяких затруднений обложить высоким запретительным или почти запретительным налогом эти вполне реальные продукты и вполне конкретные услуги.

Буржуазная финансовая теория не находила или скорей делала вид, что не находила технических способов к обложению непроизводительного потребления буржуазии. Действительно, прямое обложение роскоши (напр., ковров и дорогих украшений в квартире буржуа или бриллиантов и золота на его пальцах) чрезвычайно громоздко и часто технически не выполнимо; поэтому, указывая на трудности такого метода обложения, господствующая теория делала вид, что обложение непроизводительного потребления вообще не выполнимо. В действительности же такое обложение не представляет никаких затруднений, если применить для него форму промыслового налога, который облагает пропорционально обороту производство и распределение (торговлю) всех продуктов товарного хозяйства. Установление крупных дополнительных ставок этого налога на производство и распределение всех продуктов непроизводительного потребления буржуазии ведет к переложению налога предпринимателем на потре-

бителя и превращает его в акциз, ставки которого могут быть доведены до любых размеров. Таким образом при помощи давно существующего промыслового налога, комбинируя его с таможенными пошлинами, пролетарское государство без всякого труда может сделать невозможным потребление любого продукта или сделать его для буржуазии настолько дорогим, что за право его приобретения буржуазия будет дорого платить государству. Если акциз на водку, табак и сахар опустошали в свое время карманы рабочих и крестьян, то акцизы на предметы буржуазного потребления, доведенные до предельной границы, будут опустошать карманы буржуазии, в особенности той ее части, которая продает свои прибыли.

Характерно, что ни буржуазная практика, ни даже буржуазная теория не пыталась никогда использовать промысловый налог, как метод косвенного обложения роскоши; причиной этого — не только вполне понятное нежелание всерьез поработать над проблемой непроизводительного потребления, но и в отсутствии всякой последовательности в отношении к промысловому налогу, который, с одной стороны, считается многими теоретиками переложимым на потребителя, а с другой, — неизменно числится в разряде «прямых» налогов на прибыль ¹⁾.

Начало для использования промыслового налога, как средства косвенного обложения буржуазного потребления, уже, как известно, положено. Однако, для того, чтобы этот метод мог дать соответствующие результаты; необходимо, во-первых, чтобы был восстановлен механизм всего промыслового налога, парализуемый до сих пор эмиссионной политикой, а, во-вторых, необходимы дальнейшее сильное повышение и тщательная дифференциация ставок, вместо которой пока существуют две огульных ставки для десятков и сотен объектов ²⁾.

Отдельные предметы роскоши по целому ряду причин не могут выдержать высокой ставки в то время, как

¹⁾ Эта мозаичность мышления доходит до того, что один и тот же автор в одной и той же книге на двух соседних страницах считает промысловый налог (как и подоходный) то прямым, то косвенным. У нас классическим примером такой мозаики является диссертация проф. П. Гензеля «Новейшие течения в коммунальном обложении».

²⁾ При огульных ставках получается такое же положение, как если бы в прежнее время ставки акциза на водку, чай, сахар, табак, керосин и спички были одинаковы.

другие легко вынесут ставки в 50 и 100 процентов; поэтому огульная ставка неизбежно равняется по наименее выносливым объектам; десятки объектов, которые допускают огромный нажим, оказываются защищены от него включением в список таких объектов, которые выносят лишь очень небольшой нажим.

В дополнение к промысловому налогу может и должен быть использован прямой налог за пользование лишней прислугой, излишней площадью квартиры, личным автомобилем и т. д. Однако полностью использовать эту форму можно будет только тогда, когда будут реализованы подоходный и поимущественный налоги—тогда представится возможным ввести здесь прогрессию в зависимости от того, как велики доходы или имущество того, кто пользуется всем этим¹⁾. Так как податные материалы по этому налогу обычно находятся у одного и того же податного инспектора вместе с материалами по подоходному налогу, то установление здесь высокой прогрессии, путем связи с подоходно-поимущественным налогом, не представляет никаких технических трудностей.

При указанных формах косвенного обложения государство присваивает часть прибавочной ценности в момент ее потребления; однако здесь применим также и метод прямого обложения. Технические элементы для этого выработаны практикой германского подоходно-поимущественного обложения и налога на прирост имущества.

Как известно, в Пруссии, наряду с обложением всех доходов свыше 900 марок, в 1893 г. был введен поимущественный налог для всех имуществ ценностью выше 6.000 марок; таким образом в руках фиска оказались материалы об имущественном положении не только крупной и средней буржуазии, но и значительной части мелкой. В дополнение к этому перед войной был введен налог на прирост имущества (действующий и сейчас), сводящийся к тому, что фиск облагает совокупно увеличе-

¹⁾ В проекте 1917 г. о налоге на лиц, имеющих излишнюю прислугу первая статья была сформулирована мною следующим образом:

«За каждую излишнюю прислугу, лица, имеющие таковую, уплачивают налог в размере 3% их годового дохода, установленного при взимании гос. подоходного налога за последний податный год».

ние ценности всех частей имущества плательщика ¹⁾ за известный период. Эта форма налога была логическим развитием прежнего поимущественного налога, благодаря которому фиск ежегодно получает сведения о составе имущества плательщика и легко видит ежегодные изменения этого состава. При наличии этих трех форм обложения, в каждом податном участке податной инспектор знает не только размер и характер доходов и имущества каждого буржуа или представителя «третьего элемента», но и всю эволюцию состояния каждого из них.

Для каждого плательщика в одном и том же ящике стола, а чаще всего в одной и той же заведенной для него папке, лежат материалы по всем трем видам обложения и это дает возможность легко видеть, какую часть полученного годового дохода плательщик употребляет для накопления (прирост имущества) и какую часть съедает.

Но так как буржуазное государство не позволяло себе интересоваться такого рода вопросами и облагало только прирост имущества, то налог на прирост, поскольку он достигает значительных размеров, превращался в штраф на накопление и поощрительную премию для непроизводительного потребления капиталистического дохода. «Предельная полезность» накопления для капиталиста уменьшалась, «предельная же полезность» непроизводительного потребления возрастала. Внутреннее противоречие принципа «платежеспособности», на котором базируется прогрессивно-подходящее обложение, находит здесь свое полное выражение.

Изложенное здесь показывает, что, поскольку в стране существует подходящий и поимущественный налог, у пролетарского государства имеется могучее орудие для его экономической политики.

Зная как велик доход плательщика (через подох. налог) и как он им пользуется (из поимущественного налога), пролетарское государство может налог на прирост имущества превратить в его противоположность, сделав его налогом на непроизводительное потребление дохода, или, иначе сказать, налогом на «не-прирост». Технически

¹⁾ Н. Коппе. Finanzwissenschaft, 1921. Vermögenszuwachssteuer (R. Conrad, Grundriss zum Studium d. p. Oek.)

здесь возможны различные варианты. Во-первых, можно не вводить этот налог как самостоятельный, а приурочить ко взиманию подоходного налога; так, например, вместо прогрессии подоходного налога, в зависимости от величины дохода, возможно ввести прогрессию в зависимости от того, насколько большую часть своего годового дохода плательщик тратит на личное потребление; устанавливая относительно низкие ставки (20—25%) для тех, кто на личное потребление тратит немного больше прожиточного минимума, можно повысить ставки до 70 и 80 процентов для тех, кто съедает в десятки и сотни раз больше, чем прожиточный минимум¹⁾.

Точно также можно приурочить обложение «не-прироста» ко взиманию поимущественного налога. И, наконец, можно сконструировать это обложение, как самостоятельный налог на непроемительное потребление.

В программе налоговых мероприятий, выдвинутых автором этой статьи в конце 1917 г.²⁾, этот налог был выделен как самостоятельный, в целях большего воздействия на психику «потребляющей» буржуазии. Вот первые две статьи представленного тогда проекта:

Ст. 1. Лица, годовые расходы которых на личное потребление их и членов их семьи превышают предельный размер в 5.000 р. (тогда равнялось 500 р. на золото) на каждого взрослого и 1.500 р. на каждого несовершеннолетнего члена семьи в возрасте до 15 лет. подлежат налогу на непроемительные расходы.

Ст. 2. Размеры расходов плательщиков на личные их потребности устанавливаются посредством сравнения дохода, полученного ими за последний податный год и прироста его имущества к концу того же года.

Отбрасывая или смягчая таким образом принцип «платежеспособности», на котором строилась резкая прогрессия подоходного обложения, и вводя в налоговую систему прин-

¹⁾ Для тех случаев, когда, несмотря на значительный доход, имущество не только не растет, но даже уменьшается (что служит признаком явной расточительности или скрытого перемещения капитала за границу) могут быть установлены чисто репрессивные ставки, поглощающие всю годовичную прибыль или даже ту или иную часть капитала.

²⁾ В программу входили, между прочим, кроме налога на «не-прирост», налог на излишние помещения, специальный налог на предприятия, торгующие предметами роскоши и комфорта, налог на излишнюю прислугу и др. Программа обсуждалась в конце ноября 1917 г. в Совнарком, где, по предложению *т. Троцкого*, было решено отложить вопрос ввиду затруднений, которые создались в силу дезорганизации податного аппарата на местах. В дальнейшем, с переходом к массовым национализациям и муниципализациям и уничтожением буржуазии, вопрос отпал сам собой, и только с началом нег'а удалось провести в зачаточной форме обложение предприятий роскоши, а также налог на излишние помещения. Дальнейшая реализация программы, разумеется, возможна лишь при стабилизации денег.

ции производительности затрат, новое государство достигает этим двойной цели. С одной стороны, получается возможность значительно усилить обложение прибавочной ценности, не боясь ослабить стимул к производительному применению и накоплению капитала, а с другой стороны, та часть этой ценности, которая остается в руках буржуазии, направляется преимущественно на производительное накопление.

Прежде буржуазия и ее агенты читали пролетариату наставления о необходимости воздержания и бережливости, теперь роли переменялись, и по иронии судьбы, пролетарское государство будет—в деликатной и неделикатной форме—поощрять бережливость и штрафовать тех, кто «просаживает» свой доход или капитал.

Нельзя не отметить еще то значение, которое должна получить финансовая система в условиях переходного периода, когда при непрерывных перестройках создается сильная «утечка» государственных доходов и имуществ. Если финансовая система берет «на учет» и присваивает себе значительную долю прибавочной ценности, особенно ту ее часть, которая предназначается для непроизводительного потребления, то тем самым ослабляется значение указанных «утечек»; то, что «утекло» в суматохе строительства, в значительной части возвратится в государственный фонд в форме косвенного или прямого обложения прибавочного продукта; «конъюнктурные» состояния новой буржуазии, получившие свое происхождение в кассе государства, или попадут под удары налоговой системы или же вынуждены будут кристаллизироваться в форме производительного капитала.

Тем самым становятся не опасны для государственного и народного хозяйства те высокие «издержки» строительства, которые неизбежны для переходного периода.

В России вопрос о введении налога на прирост имущества был поставлен на очередь во время войны одновременно с вопросом о поимущественном налоге. В частности, один из проектов такого налога был выдвинут проф. Гензелем, который более или менее удачно использовал законодательство, действующее в Германии. Это показывает, что ни прежняя теория, ни практика не видели объективных затруднений для проведения в России налога на при-

рост (или, что технически все равно, налога на «не-прирост»). Таким образом обложение по принципу производительности затрат может быть реализовано на второй год после введения подоходно и поимущественного налога.

Как высоко можно поднять совокупное обложение прибыли, не затрагивая стимула накопления? История дает нам определенный ответ, добытый чисто эмпирическим путем. Во время войны и в после-военный период ставки подоходного налога достигли колоссальных размеров. Вот несколько цифр, относящихся к Германии, Франции и Англии (Financ News, March, 10, 1922):

Германия.		Франция		Англия.	
Доход в марках.	Налог в % ⁰ / ₀ .	Доход во франках.	Налог в % ⁰ / ₀ .	Доход в фунтах.	Налог в % ⁰ / ₀ .
50.000	6,06	10.000	2,69	1.125	14,88
100.000	14,01	50.000	8,00	2.250	22,11
1.000.000	38,5	100.000	12,32	4.500	32,03
5.000.000	54,00	1.000.000	42,76	22.000	49,79
10.000.000	57,00	2.000.000	48,38	45.000	54,48

Таким образом практика капиталистического общества эмпирически доказала, что присвоение государством более половины капиталистических прибылей не парализует тенденции к аккумуляции капиталов¹⁾.

Введение налога на «не-прирост», не только не задерживая тенденций к производительному накоплению, но даже, усиливая их, позволяет поднять обложение прибыли но

¹⁾ При невозможности далее повышать обложение трудящихся классов реальная заработная плата которых испытала резкое сокращение, для капиталистической буржуазии осталась альтернатива: отказаться от расплаты по военным долгам, т. е., иначе сказать, от получения по ним %⁰/₀, или допустить самообложение в виде высокого подоходного налога: она предпочла последнее, тем более, что этим она купила право на максимальное напряжение косвенных налогов. Таким образом высоким подоходным налогом буржуазия уплачивает, сама себе проценты по военным долгам, заставляя примером этого «самопожертвования» принять максимальное участие в оплате долгов также и трудящиеся массы;— в этом последнем обстоятельстве и заключается основной смысл того, что буржуазия продолжает платить сама себе проценты по долгам.

массе случаев, когда собственники не проявляют должной бережливости.

К общей ставке подоходного налога, скажем, в 25% для всех собственников в подавляющем большинстве случаев будет присоединяться дифференциальная ставка налога на «не-прирост». Если исходить из скромного предположения, что эта дифференциальная надбавка к общему подоходному налогу в среднем будет достигать 30%, то тем самым обложение прибыли поднимается до 55%.

К этому необходимо присоединить косвенное обложение прибыли в момент ее непроизводительного потребления капиталистом, что безболезненно доводит общественное присвоение капиталистической прибыли до 3/5.

Однако это далеко еще не все. Наряду с ежегодным присвоением половины прибавочного продукта капиталистической буржуазии, новое государство имеет возможность периодического присвоения ее в кристаллизованной форме капитала. Для этого в его распоряжении имеются вполне готовые методы — в виде наследственного налога и налога на возмездный переход имуществ.

Наследственный налог в капиталистической Англии был доведен до 40% имущественной массы ¹⁾. И эта ставка вместе с огромными ставками подоходного налога не вызвала никаких опасений за правильное функционирование капитала.

Некоторые рассматривают наследственный налог, как своеобразную форму подоходного налога, называя его суммированным или единовременным подоходным налогом ²⁾, —

¹⁾ По закону 1919 г. ставки основного наследственного налога (estate duty) были таковы:

При ценности наследственной массы в		
100—500 фунтов.	1%
10.000	»	4%
100.000	»	14%
250.000	»	20%
1.250.000	»	30%
2.000.000	»	35%
свыше 2.000.000	»	40%

к этому присоединяется еще обложение наследственных долей, переходящих боковым родственникам, достигающее 5—10%. Н. Корре, Finanzwissenschaft, (у Conrad, Grundriss).

²⁾ П. Гельман, Налог на наследство в Англии, 436. По подсчетам автора получается, что подоходный налог при ставке:

в 3% равен наследственному в размере:	50%
» 10	»	16,66%
» 30	»	50%

если даже с этим можно согласиться, то на следует бояться что повышение налога на наследство будет простым повышением подоходного налога и доведет его до таких пределов, за которыми стремление к аккумуляции будет парализовано.

Подоходный налог в 80%, взимаемый с прибыли ежегодно, не одно и то же, что подоходный налог в 60% плюс налог на наследство, равный практически еще 20% подоходному налогу, но взимаемый в среднем один раз в 30 лет (средний период пользования наследством). Вообще для всякого ясно, что, поскольку наследственный налог не переходит известных границ, он не усиливает отрицательного психологического действия высокого подоходного налога; поэтому новое государство может с успехом применить это уже испытанное средство, как метод общественного присвоения прибылей в дополнение к максимально-допустимым ставкам подоходного обложения. Необходимо, кроме того, заметить, что без всякого вреда для дела в прежнюю конструкцию наследственного налога можно ввести существенное дополнение—полное или почти полное запрещение передачи наследства в пользу боковых и дальних родственников, а также передач *без завещаний*. Эти меры, не усложняя психологического действия высокого наследственного налога, дадут возможность присвоить еще более значительную долю аккумулированной прибыли, доводя это присвоение до 80%.

Что касается налога на возмездный переход имуществ, то в ультра-буржуазной стране, как Франция, он доходит, при передаче недвижимых имуществ, до 10%¹⁾. У нас же он может быть без всяких опасений повышен еще более. Нет необходимости доказывать, что этот налог, являясь с точки зрения отдельного капиталиста случайным, не задевает его стремлений к накоплению.

Таким образом в распоряжении государственного капитализма имеется система налогов, дающих ему решительный перевес в борьбе с частным капитализмом за прибавочный продукт народного хозяйства и устраняющая всякую опасность сколько-нибудь значительного усиления

1) P. Leroy-Beaulieu, Traité de la Sc. de la fin, 1906, 631.

частного капитала. Каково будет совокупное действие этой системы, не трудно видеть из следующего простого подсчета.

Отдавая государству до 60⁰/₁₀₀ ежегодной прибыли, капиталист остальные $\frac{2}{3}$ будет использовать частью для личного потребления, частью для производительного накопления. Обычно даже и в прежнее время последняя часть была значительно ниже первой (идущей на личное потребление). По отношению к России мы не имеем сколько-нибудь верных данных по этому вопросу; гораздо лучше обстоит дело по отношению к западно-европейским странам, из которых ближе других по распределению национального дохода и по своей экономической структуре стоит к нам Франция. По подсчетам, сделанным Pupin'om для 1911 г., ежегодное накопление капиталов во Франции составляло лишь 3.500 мил. франков, хотя через руки буржуазии проходила огромная масса прибавочного продукта. По этим подсчетам национальный доход Франции распределялся следующим образом (в миллионах франков) ¹⁾:

Доходы от капитала.

Земельная собственность, дома, движимые ценности, сберегательные кассы, вклады	10.000
--	--------

От капитала и труда.

Сельское хозяйство	3.300
Торговля и промышленность	3.700
Либеральные профессии	820
В с е г о	7.820

От труда.

Сельское хозяйство, промышленность, торговля, либеральные профессии, служащие, слуги	14.980
И т о г о	32.800

Отсюда видно, что чисто капиталистические прибыли составляли 10 миллиардов, если же к ним присоединить немного более половины смешанных доходов, составляющих 7.820 милл., то сумма прибавочного продукта будет сста-

¹⁾ «Вестник Финансов» 1916, № 25—26.

влять не менее 15 миллиардов франков. Таким образом производительное накопление (3.500 милл.) составляет лишь около четверти всего прибавочного продукта. В наших условиях, при анти-социальных тенденциях буржуазии, эта доля, несомненно, еще ниже.

Если считать, что средний процент прибыли на капитал равен 10-ти, то за присвоением 60⁰/₁₀₀ ее государством (в виде ежегодных налогов на доход, на «не-прирост» и на предметы роскоши) у буржуазии останется лишь $\frac{2}{5}$ его, т.-е. 4⁰/₁₀₀. Если даже сделать совершенно невероятное допущение, что наша чисто-паразитическая буржуазия будет откладывать на накопление относительно столько же, сколько французская до войны, и из 4⁰/₁₀₀ оставшейся у нее прибыли отложит $\frac{1}{4}$, т.-е. 1⁰/₁₀₀, то и тогда темп буржуазного накопления будет чрезвычайно медленный,— тем более, что не менее $\frac{1}{30}$ всего капитала ¹⁾ будет ежегодно подпадать под действие наследственного налога в 30—40⁰/₁₀₀.

Предположим наугад, что к моменту организации налоговой системы наша буржуазия будет обладать совокупным капиталом в 10 миллиардов на довоенное золото и что после уплаты ежегодных налогов государству, она будет располагать 4⁰/₁₀₀ с этого капитала, т.-е. 400 милл. на золото. Съедая $\frac{3}{4}$, т.-е. 300 миллионов, она будет ежегодно аккумулировать 100 милл.

Однако одновременно с налогом на ежегодный доход, государство будет присваивать, в виде наследственного налога, 30—40⁰/₁₀₀ всех имуществ, переходящих по наследству. Так как ценность этих имуществ будет составлять приблизительно $\frac{1}{30}$ всего капитала в 10 миллиардов, т.-е. более 300 милл., то наследственный налог будет составлять при таких условиях, более 100 милл. К этому надо присоединить еще потери капитала при его возмездных переходах. Таким образом ежегодный прирост частного капитала сведется к нулю.

Итак, организуя соответствующим образом финансовую систему, государство трудящихся может, не парализуя ос-

¹⁾ Практика наследственного налога показывает, что в среднем каждое имущество переходит по наследству через 30 лет,—впрочем, это относится к таким странам, как Англия, в наших же условиях средняя продолжительность жизни буржуа, конечно, значительно ниже.

нового стимула для буржуазного накопления, свести к нулю результаты буржуазно-капиталистической эксплуатации. В новом государстве фин. система будет играть по отношению к буржуазии такую же роль, какую в прежнее время по отношению к пролетариату играли различные «системы выжимания пота»: не ослабляя производительной деятельности буржуазии и даже подстегивая ее (налог на «не-прирост»), новое государство будет присваивать огромную долю ее прибылей.

Пролетарское государство должно иметь ясное представление, каким мощным средством оно обладает, владея финансовой системой. Правильная оценка силы и значения этого средства и своевременное применение его даст возможность избежать многих невыгодных последствий советской экономической политики.

В частности, соответственно построенная финансовая политика делает возможным не прибегать к такой мере, как резкое ограничение наследственного права. Трудно спорить с тем, что запрещение передавать по наследству имущества сверх предельной нормы (10.000 золотых руб.), уничтожает стимул для накопления у лиц, имущество которых близко к этой норме или превышает ее. Постройка не только промышленного предприятия, но и дома среднего городского типа становится при таких условиях для капиталиста опасной. Непроизводительное потребление прибылей становится как бы обязательным правилом для всех нэпманов.

Для того чтобы избежать передачи государству своего имущества после смерти, у капиталиста есть три пути: или перенести капитал за границу, или превратить его в соответствующий момент в золото и передать его по наследству в этой трудно уловимой форме, или же, наконец, совершенно остановить дальнейшее накопление и даже постепенно съедать свой капитал. Не надо доказывать, что эти способы или противоречат развитию производительных сил (первый и третий), или же ведут к скрытому росту частного капитализма. А между тем, в таком резком ограничении наследственного права, как мы видели, нет никакой необходимости. При высоком подоходном налоге и налоге на «не-прирост» имуществ, при высоком косвенном обложении непроизводительного по-

требления буржуазии, наконец, при наличии наследственного налога и налога на возмездный переход имуществ, надежды новой буржуазии на сколько-нибудь значительные накопления и на усиление ее экономической мощи, становятся и без того иллюзорными ¹⁾.

При реализации финансовых мероприятий, государственное накопление прибавочного продукта в области промышленности и торговли получит решительный перевес над частным накоплением, и не беда, если несколько тысяч капиталистов, уцелевшие от ударов податной системы, будут оставаться «на развод» в качестве стимула для производительного накопления. Удельный вес этих капиталистов будет особенно ничтожен, если иметь в виду, что государство держит в своих руках основную часть прежней капиталистической промышленности и—что гораздо еще важнее—базой первоначального государственного накопления является не только капиталистическая промышленность, но и земледелие. О расширении базы накопления в эту сторону мы сейчас и будем говорить.

2. Перераспределение производительных сил.

«Мы одни, как государство, в котором трудящееся крестьянство под руководством рабочих строит социализм».

Ленин. Письмо к 5 съезду профсоюзов.

Однако значение финансовой системы может быть расширено не только углублением обложения прибавочной ценности, попадающей в руки всех слоев буржуазии,—наряду с этим она может быть также использована, как метод перераспределения производительных сил в сторону усиленной индустриализации промышленности и интенсификации сельского хозяйства.

¹⁾ Недооценка податной системы, как средства общественного присвоения капиталистической прибыли, объясняется, в частности, также распространенным среди марксистов убеждением, ставшим своего рода предрассудком, что буржуазия сумеет сбросить с себя всякий налог. Постоянно приходится слышать, даже от ответственных руководителей финансовой политики, что, например, нет никакой разницы между промысловым и подоходным налогом, так как предприниматель будто бы «все равно переложит» и тот и другой. Разумется, при этом, своего рода, налоговом нигилизме, не оправдываемом никакой теорией, бесполезно говорить о какой-либо финансовой политике.

По данным многочисленных экономических исследований, крестьянское хозяйство России всегда страдало огромным избытком рабочих сил, не находивших полного применения ни при обработке земли, ни в промышленности. При обследовании вопроса о так называемом «оскудении центра» в свое время (1900 г.) было установлено, что в 50 губерниях Европейской России больше половины наличной рабочей силы не находит себе приложения. Вот короткие выдержки из трехтомной работы указанной комиссии, дающие цифровую характеристику воцроса.

«Общее для всех местностей явление заключается в значительном превышении в них наличного числа наличных рабочих над тем количеством их, которое необходимо для обработки *надельной* земли, состоящей в пользовании крестьянского населения. В среднем по 47 губерниям только 21% работников нужны для с.-хоз. деятельности на надельной земле, а остальные 79% рабочего населения являются излишними ¹⁾».

Принимая далее в расчет всю площадь земель, со включением сюда также и частно-владельческих, исследование говорит:

«По разделении посевной площади на количество десятин, которое может убрать один рабочий, оказывается, что для уборки урожая требовалось в 50 губерниях 15.076.800 рабочих»...

«Српоставление числа рабочих, понадобившихся для уборки урожая в 1900 г., с количеством наличных рабочих, обнаруживает во всех районах и губерниях избыток наличных рабочих сил против действительной потребности, достигающий для 50 губерний, в отношении одной надельной земли 33.418.600, а по отношению к общей посевной площади (надельной и частно-владельческой)— 29.648.000 рабочих».

«При присоединении числа работников, занятых в различных отраслях неземледельческой промышленности, к количеству рабочих, оказавшихся нужными для сельского

¹⁾ Материалы высоч. учрежденной 16-го ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европ. России, т. III, 163.

хозяйства, общее количество и тех и других в 50 губерниях составит 21.683.000, между тем как наличных рабочих числится 44.724.000. Таким образом избыток рабочих сил определится в 23.041.800. Средний для 50 губ. процент излишних рабочих в 1900 г. к наличному числу их составляет 52⁰/₀» ¹⁾).

Когда во время империалистической войны в 14—15 г.г. из деревни было взято около 5¹/₂ миллионов наиболее активных работников, т.-е. до 20⁰/₀ рабочей силы, то деревня все же успешно справлялась с обработкой земли. «Тем не менее,—пишет С. Прокопович,—в общем избыток рабочих рук в деревне настолько велик, что, например, в 1915 г., после мобилизаций 14—15 г.г., недостатка в земледельческих рабочих не ощущалось» ²⁾), только в дальнейшем, когда война стала вычерпывать из деревни новые миллионы рабочих рук, началось медленное сокращение посевной площади. По данным Централ. Стат. Комитета это сокращение для 1916 г. равнялось только 3,4⁰/₀, в то время как уже весной 1915 года деревня отдала 20⁰/₀ своей рабочей силы ³⁾).

Таким образом даже и с переходом помещичьих земель к крестьянству во время революции приблизительно половина рабочей силы деревни остается неиспользованной. Этот колоссальной важности факт должен стать исходным для всех построений нашей экономической политики.

Слабое использование колоссальных запасов рабочей силы в деревне объясняет, между прочим, и тот поразительный на первый взгляд факт, что в земледельческой России, где огромная доля населения занята сельским хозяйством и лишь незначительная часть—в других отраслях народного хозяйства,—ценность всей продукции сельского хозяйства составляла до самого последнего времени лишь около половины всей продукции страны ⁴⁾).

¹⁾ Там же стран. 233, 234.

²⁾ С. Прокопович, «Война и нар. хозяйство», 120.

³⁾ Там же 118.

⁴⁾ По подсчетам С. Прокоповича, продукция сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства в 50 губ. Европейской России оценивалась перед войной в 6.360 миллионов, а ценность продукции промышленности, транспорта и торговли—в 5.445 милл. С. Прокопович, «Опыт исчисления народного дохода 0 губерний Европейской России».

Но если половина работников остается неиспользованной, то это не значит, что они не предъявляют требований к бюджету крестьянского хозяйства. «При излишке работников, каждый из них работает и зарабатывает меньше, чем мог бы, или же получаемые ими от работы средства служат источником существования не только самих работников, но и членов их семьи, хотя и вполне работоспособных, но не нашедших применения своим силам»¹⁾.

С разрушением нашей промышленности значительная часть ее рабочей силы перекочевала в деревню и увеличила еще более ее прежний избыток.

При таком положении использование части рабочих сил крестьянского хозяйства вместе с частью ее продовольственных ресурсов в других отраслях народного хозяйства или на интенсификацию самого земледельческого хозяйства было бы выходом из того тупика, в котором полунатуральное крестьянское хозяйство находится по настоящее время.

Такое использование избыточных рабочих сил деревни может происходить как в промышленности, так и в самом земледелии. В настоящее время значительная часть крупнейших промышленных предприятий или бездействует или может развить лишь незначительную долю своей производительности; причиной этого является отсутствие как у государства, так и у частных капиталистов необходимых оборотных средств, т.-е. прежде всего средств для оплаты рабочих. Основной капитал, в виде зданий, машин и оборудования остается неиспользованным, так как нечем оплатить рабочую силу, а в то же время в деревне имеются миллионы лишних рабочих рук,—иногда тех же самых рабочих, которые раньше составляли рабочий персонал бездействующих теперь предприятий,—которые живут за счет наличных продовольственных ресурсов крестьянского хозяйства, нисколько не увеличивая, однако, размеры этих ресурсов; и поскольку удалось бы перевести эти производительные элементы, (рабочую силу и продовольствие) из крестьянского хозяйства в промышленность, разъединенные сейчас элементы производства были бы вновь соединены, и промышленность вышла бы из тупика.

¹⁾ Материалы, 234.

Нет необходимости доказывать, что такое разрешение вопроса не только не противоречит интересам крестьянства в целом, но и является насущной для него необходимостью, так как отсутствие на рынке промышленных фабрикатов, в особенности же изделий металлургической промышленности, делает невозможным также развитие земледельческого хозяйства. Выделяя часть своих рабочих и продовольственных ресурсов, непроизводительно пропадающих в настоящих условиях, деревня очень быстро получит удешевление всех продуктов промышленности.

Следует еще отметить, что в настоящее время промышленность и все народное хозяйство страдает не только от сокращения общих размеров промышленности, но и от того, что за выбытием из строя предприятий, составляющих звенья целого хозяйственного процесса, резко понижается производительность всех оставшихся. Таким образом каждая тысяча рабочих, рук, выделенная из ненужного запаса деревни, не только дает возможность использовать замершие предприятия, но и, устраняя дисгармонию хозяйственного процесса, значительно усилит продуктивность целого ряда предприятий уже работающих.

Однако вопрос об использовании избыточной рабочей силы деревни сохранит все свое значение и после восстановления промышленности, изменятся до некоторой степени лишь отдельные его стороны.

При настоящих условиях, когда в промышленности имеются в наличии уже построенные, но бездействующие или слабо используемые предприятия, дело идет лишь о том, чтобы обеспечить их «оборотным капиталом», поскольку же бездействующий сейчас «основной капитал» будет полностью использован, дальнейшее использование избыточных ресурсов деревни натолкнется на необходимость предварительных капитальных затрат по сооружению новых предприятий. Однако это препятствие будет устраняться тем, что с восстановлением промышленности в руках государства будет накапливаться ее прибавочный продукт, который составит фонд для основного оборудования новых предприятий. Таким образом использование избыточных ресурсов деревни будет происходить в форме сочетания их с прибавочным продуктом промышленности.

Не следует думать, что в данном случае дело идет о перемещении в область промышленности всей массы избыточной рабочей силы, исчисляемой десятками миллионов, и перенесении из крестьянского хозяйства соответствующей крупной доли ее продовольственных ресурсов,—в этом нет никакой необходимости и для самой промышленности, у которой способность к расширению ограничена уже низким состоянием сельского хозяйства; основной формой использования избыточных рабочих сил деревни безусловно останется дальнейшая интенсификация самого земледелия. Таким образом вопрос о переводе этих сил в промышленность может касаться, особенно в ближайший период, лишь очень незначительной ее части. Если допустить, что в наше время деревня имеет такой же контингент неиспользуемых в земледелии рабочих рук, как и в 1900 г. (хотя это количество безусловно увеличилось) т.-е. более 20 миллионов, то перевод $\frac{1}{20}$ или $\frac{1}{10}$ вместе с соответствующей частью наличных продовольственных средств был бы более чем достаточен на ближайший период и стал бы могущественным фактором всего хозяйственного развития,

Средством для перемещения из деревни неиспользуемых в земледелии производительных сил в промышленность, может стать финансовая система. С передачей деревней в виде налога (денежного) государству части тех продовольственных ресурсов, которые потребляются избыточной рабочей силой, одновременно произойдет частичный отлив последней в промышленность, после чего благосостояние страны, а вместе с ней и деревни, получит приращение на величину всего того продукта, который явится в результате производительного применения прежде бездействовавшей в земледелии рабочей силы.

Еще легче и проще, чем в промышленности, избыточные рабочие силы деревни могут быть использованы путем организации работ по сооружению и улучшению шоссеиных и грунтовых дорог, по проведению каналов и шлюзованию рек, по осушению болот и ирригации, по добыванию торфа и т. п. Все предприятия этого рода характеризуются крайне низким строением капитала и потому могут быть начаты с незначительными затратами последнего. В то же время этого рода работы являются работами местного масштаба, что чрезвычайно упрощает

и облегчает их организацию, не требуя большой концентрации и переброски рабочих сил. Налог, взимаемый, например, для улучшения местных шоссе и грунтовых дорог, будет тратиться в том же районе на оплату труда того же самого населения, которое вносило его. Перераспределение производительных сил для указанных работ может быть начато уже сейчас, путем введения местных целевых налогов для создания местных фондов дорожных сооружений и т. п. ¹⁾

Фактически финансовая система и раньше всегда была средством для перемещения производительных сил. Типичным случаем этого рода являются хотя бы налоги на содержание армий. В 1913 г. государство брало у населения ценностей на 825 миллионов рублей и в то же время—около 1 мил. работников-солдат; в результате такого перемещения производительных сил создавалось государственное предприятие, именуемое армией, в котором 1 мил. работников съедал на 825 миллионов ценностей ²⁾. Разница, однако, была очень серьезная: в то время как ни один солдат из целого миллиона не создавал никакой новой ценности и не посылал своей семье ни копейки «заработной платы», в нашем случае миллионная армия работников, ненужная в земледелии, приливши в промышленность, создает колоссальную дополнительную ценность, большая часть которой, частью в форме заработной платы, частью в форме удешевления всех продуктов промышленности, перейдет в крестьянское хозяйство, увеличив на всю свою величину его прежний бюджет.

На приведенном примере, между прочим, видна разница между обычным налогом, предназначенным для «государственного потребления» (армия, администрация), и налогом, который является лишь средством перемещения ненужных земледелию производительных сил в промыш-

¹⁾ Какни огромным завоеванием было бы, например, приведение в порядок грунтовых и шоссе иных дорог и шлюзование наших рек, можно видеть хотя бы из работы К. Опенгейма—«Россия в дорожном отношении»,—при этом наибольшие выгоды от этого получило бы само сельскохозяйственное хозяйство России.

²⁾ Бывали также случаи и производительного перемещения. Как известно, наша тяжелая металлургия создана, преимущественно, казенными заказами, которые в конечном счете оплачивались за счет налога: так, обр., рабочая сила, привлеченная в металлургию, содержалась за счет тех ресурсов, которые извлекались из деревни путем налогов.

шленность. В то время как обычный налог для государственного потребления является чаще всего чистым минусом для экономики страны и истощает производительные силы крестьянского хозяйства, не давая ему ничего взамен, налог второго типа приводит к тому, что масса излишних для земледелия работников «снимается с пайка» в деревне, и крестьянское хозяйство получает удешевление товаров и часть заработной платы ушедших работников.

В первом случае налог является чистым бременем, и его ставки характеризуют степень растраты производительных сил страны, во втором же случае налог есть только форма перемещения производительных сил в целях лучшего производительного использования их, и размеры ставки характеризуют лишь размеры этого перераспределения.

Так, например, если для содержания государственного аппарата, как такового, государство берет уже у земледельческого населения 20 процентов его чистой хозяйственной выручки, а затем повышает обложение еще на 5%, но затрачивает полученные от этого повышения средства на оплату рабочих, ненужных земледелию и перешедших в промышленность, то экономическое положение крестьянского хозяйства в целом, несколько не ухудшается, так как налог идет на содержание «снятых с пайка» в земледелии излишних рабочих сил.

Вообще, поскольку налог служит совершенно различным по самому своему существу задачам и вызывает совершенно различные изменения в экономическом процессе, постольку это различие должно получить также и внешнее выражение в строении госуд. бюджета. Часть налоговой продукции, идущая на финансирование промышленности, должна быть отделена от части, потребляемой государственным аппаратом, при этом расходование первой части должно быть облечено в форму кредита промышленным предприятиям. Это обособление должно, с одной стороны, выявить степень действительного налогового бремени, а с другой стороны, поскольку финансирование промышленности приобретает форму ссуд под проценты, обязанность возврата этих ссуд обнаружит степень целесообразности расходования налоговой продукции в различных отраслях промышленности. Поскольку такое разделение в расходной части бюджета будет про-

ведено, отношение к той и другой части бюджета должно коренным образом различаться: сдвигая всеми средствами «государственное» потребление и даже так называемые расходы на культурные нужды, борясь всеми мерами против расширения «государственных» потребностей, — можно совершенно иначе относиться к расходам по финансированию промышленности, ибо повышение налоговой ставки здесь не является повышением налогового бремени и выражает только перераспределение ресурсов.

Использование финансовой системы в качестве средства для перераспределения производительных сил в широкой степени практиковалось и буржуазным государством. Однако буржуазно-классовый характер этого государства приводил к тому, что это перераспределение совершалось почти исключительно в сторону непроизводительной растраты ценностей народного хозяйства. В условиях буржуазного государства финансирование промышленности превращалось в финансирование капиталиста-промышленника, т. е. в присвоение общественного продукта частными лицами, при чем огромная доля этого продукта шла на расширение личного потребления капиталиста, и, во всяком случае, производительное применение общественного продукта, попавшего в его руки, ничем не было гарантировано. Поэтому финансирование тех или иных отраслей промышленности встречало решительное сопротивление со стороны не только представителей налого-плательщиков, но и других капиталистических групп.

Когда германское государство под видом обложения сахара по сырому материалу проводило субсидирование сахаро-заводчиков, то не только соц.-демократы вопили, об «изготовлении миллионеров» за счет налого-плательщиков, но и фабрикант Гелерт говорил в рейхстаге *):

«Налог по материалу даст великолепный фиговый лист. Если бы вопрос был поставлен отчетливо, желаем ли мы дать сахарному производству неопределенную бесконтрольную субсидию, безразлично во сколько миллионов, то многие ли депутаты решились бы ответить утвердительно. И много ли найдется избирательных округов, которые снова послали бы в рейхстаг народных представителей, так легко, свободно и весело распоряжающихся податной кассой. Иное совсем в полумраке обложения по материалу».

Таким образом, если бы даже буржуазное государство действительно руководилось в своей политике интересами

*) М. Ф р и д м а н. Современные косвенные налоги. т. I, стр. 228.

народного хозяйства и искренно хотело финансировать не промышленников, а промышленность, то у него не было для этого никакой возможности, так как передача капиталистам части общественных средств и объективно и субъективно (с точки зрения налого-плательщиков) превращалась в ограбление капиталистами плательщиков налогов. При таких условиях финансирование промышленности за счет податной системы проводилось только контрабандой и в небольших размерах и на практике приводило не столько к изготовлению миллионеров-фабрикантов, сколько к фабрикации паразитического класса рантьефов.

Гораздо успешней и шире использовалась финансовая система в деле финансирования предприятий по внешней политике.

Этим путем, как мы видели выше, буржуазное государство в течение столетий практиковало колоссальное перераспределение производительных сил, направляя их на внешнее расширение сферы эксплуатации. Но это перераспределение приводило к непроизводительному потреблению (международные войны) прибавочного продукта самостоятельных хозяйств.

С переходом госуд. власти к пролетариату и трудовому крестьянству, а промышленности—к государству, условия для использования финансовой системы в деле перераспределения производительных сил радикально меняются. Теперь финансирование промышленности не есть уже финансирование промышленника-капиталиста. Государство ставит себе целью не обогащение капиталистических групп, а интересы коллектива в целом. В интересах всего общества, в интересах развития всего общественного хозяйства оно призывает к трудовой дисциплине пролетариат и железной рукой сдавливает паразитическое потребление буржуазных классов.

При таких условиях налог изменяет и свою экономическую и свою социальную функцию. Буржуазная наука считала налог принудительным взносом на общественные нужды, в действительности же он был экспроприацией широких масс населения в интересах господствующего класса, и только теперь, в государстве трудящихся, налог, наконец, в действительности стал тем, чем лицемерно на-

зывала его буржуазная теория; то государство, которое позволяет себе говорить миллионам рабочих о трудовой дисциплине и присваивать себе огромную долю прибылей буржуазии, может позволить себе превратить налог в средство для перераспределения производительных сил в целях их могущественного развития.

3. Организация сельско-хозяйственного кредита на основе самообложения.

Земледельческое хозяйство России представляет собой, на первый взгляд, сплошное противоречие. Огромная доля всей земельной площади обрабатывается крайне экстенсивно, как если бы в стране был крайний недостаток рабочей силы, а с другой стороны, в действительности, как мы видели, почти половина рабочей силы при наличной системе с.-хозяйства остается неиспользованной, обрекая лишь продовольственный бюджет крестьянского хозяйства. Это противоречие приобретало особенно яркую форму в дореволюционный период, когда крестьяне, для того чтобы найти приложение своей рабочей силе, шли на «кабальную аренду» помещичьих земель, дававшую им только голодную заработную плату, в то время как земли самих крестьян обрабатывались крайне экстенсивно и даже при незначительной интенсификации могли бы отлично оплатить затраченный на них труд.

Одной из основных причин этой трагедии земледельческого хозяйства, как известно, является недостаток «капитала» в крестьянском хозяйстве; при отсутствии средств на покупку улучшенных орудий, семян, скота, удобрений, при невозможности выждать результатов нового производственного цикла крестьянское хозяйство лишено возможности перейти на следующие ступени сельско-хозяйственной культуры. Для того чтобы начать цикл расширенного воспроизводства, каждое крестьянское хозяйство должно сделать предварительную затрата, а поскольку такие затраты невозможны, оно из года в год почти повторяет процесс простого воспроизводства, хотя в то же время земледельческое население быстро увеличивается, и его потребление растет.

Для того чтобы создать условия для интенсификации сельского хозяйства, которая дала бы применение избыточной рабочей силе и устранила бы указанное коренное противоречие, необходима организация сельско-хозяйственного кредита. Давая крестьянским хозяйствам возможность сделать необходимые предварительные затраты, кредит позволяет им перейти на следующую ступень с.-х. культуры и выйти, таким образом, из тупика.

Но здесь мы наталкиваемся на основной вопрос об источниках для создания кредитного фонда. Обычные для этого пути (накопление вкладов в сберегательных кассах и банках и выпуск процентных обязательств) в условиях ближайшего периода могут дать лишь ничтожные результаты.

Главный контингент вкладчиков сберегательных касс вербовался в России среди городского населения ¹⁾, а, между тем, экономическое положение соответствующих слоев городского населения настолько ухудшилось, что о значительных сбережениях у них на продолжительный период едва ли может быть речь.

Точно также прежние вкладчики-крестьяне принадлежали к зажиточным кулацким элементам, после же нивелировки крестьянства в период революции этот контингент вкладчиков отпадает. Одинаково и банки потеряли своих важнейших вкладчиков (крупные предприятия, домовладения и т. д.) и не приобрели (и не приобретут) кого-либо взамен их; поскольку же банкам все же удастся стянуть высвобождающиеся и праздные капиталы в промышленности, они пойдут на финансирование самой же промышленности, что является первоочередной задачей народного хозяйства. В итоге, земледелие не может ждать серьезного капитального кредита со стороны города и промышленности.

Таким образом, поскольку сельско-хозяйственный кредит предполагается строить на прежней базе, все предположения о широком кредите сельскому хозяйству есть пустая иллюзия и притом очень вредная, ибо создает неправильное представление о ближайших перспективах и устраняет поиски более действительных средств.

¹⁾ Из 1.500.000.000 р. вкладов в сберег. кассы на крестьян приходилось только 420 млн., остальное давали ремесленники, прислуга, извозчики, рабочие и т. д.

При таких условиях сельско-хозяйственный кредит или совсем не будет существовать или должен быть построен на каком-то ином основании, чем раньше.

Единственным же новым базисом для него может быть податная система. Если крестьянство не может ждать капитального кредита от промышленности, оно может и должно создать фонд для кредита путем самообложения. Это самообложение может принять или форму добавочного налога к какому-либо существующему налогу или форму целевого налога со специальным однако в обоих случаях назначением в фонд поднятия крестьянского хозяйства, средства которого предназначаются исключительно для кредитования улучшений этого хозяйства (покупка орудий, улучшенных семян, удобрений, скота, расходы по переходу к многопольной системе и т. д.).

Это самообложение должно повышаться в годы урожая и понижаться в годы недорода; даже в один и тот же год оно должно варьироваться в различных губерниях, уездах и даже волостях, а может быть, и в отдельных селах с тем, чтобы использовать в целях производительного накопления каждый излишек.

Для того чтобы обеспечить непосредственную заинтересованность в создании такого фонда и подчеркнуть его назначение, организации может быть придан характер небольших принудительных обществ (скажем, волостных) по улучшению крестьянского хозяйства с правом (и обязанностью в минимальных размерах) самообложения ¹⁾ и автономного использования его продукции в форме с.-хозяйственного кредита. Впрочем в виду слабости отдельных таких обществ необходимо дополнение их губернскими или даже областными объединениями с отчислением известного процента продукции в общий эквализационный фонд объединения; такой фонд мог бы играть крупную роль, особенно в период стихийных

¹⁾ Разумеется, известный минимум самообложения должен устанавливаться для отдельных мест органами государства, сверх же этого минимума самообложение устанавливается решением самого общества, при чем для поощрения таких случаев государство может установить систему приплат в своих средств в фонд улучшения, которые (приплата) увеличиваются с повышенным процента самообложения. Точно также государство может бесплатно предоставить в распоряжение таких принудительных обществ свой налоговый аппарат.

бедствий (голод, наводнения и т. п.), создавая как бы взаимное страхование отдельных территориальных единиц и являясь одновременно как бы фондом для борьбы земледельческого хозяйства со стихийными разрушительными явлениями.

Прецедентом для сельско-хозяйственного кредита на основе обязательного самообложения является хотя бы наше прежнее обязательное (принудительное) земское страхование: здесь, как и там, государство принудительным путем создает фонд для восстановления (при земском страховании) или для улучшения хозяйства; сущность дела в обоих случаях одна и та же, и она состоит в том, что государство, не полагаясь на предусмотрительность индивидуальных хозяйств, ставит перед ними в обязательном порядке их же собственную хозяйственную задачу; в обоих случаях мы имеем дело, с одной стороны, с формой *принудительного накопления* в интересах поставленной задачи, а с другой, стороны — с *принудительной ассоциацией тысяч и миллионов индивидуальных хозяйств*, соединяющих свои средства для выполнения данной задачи.

На первое время, пока крестьянское хозяйство не оправилось ещё от войны и голода, размеры самообложения могут быть очень низки и ограничиваться лишь случаями высокого урожая в отдельные годы и в отдельных местностях, но в таких ограниченных рамках дело может быть начато уже и в настоящее время. Под впечатлением бедствий голодного года и в ожидании других голодных годов крестьянское население без труда поймет всю необходимость создания запасного фонда путем обязательного накопления, и там, где имеется хоть какая-нибудь физическая возможность (напр., на Кубани в этом году), оно не откажется от этого. В дальнейшем, когда земледельческое хозяйство оправится от бедствий последних лет, самообложение может быть обобщено и его размеры увеличены.

Как ни тяжелы условия, в которых находятся миллионы крестьянских хозяйств, они должны создать фонд для сельско-хозяйств. кредита.

Если сейчас половине земледельческого населения нечего делать, а в то же время земля обрабатывается кое-как, то это невозможное положение может быть изжито

лишь путем перехода к более интенсивным формам хозяйства. А поскольку без сельско-хозяйственного кредита такой переход невозможен, какие бы хорошие советы ни давали агрономы, организация кредита становится для многочисленного крестьянского населения вопросом жизни; с другой же стороны, раз сельское хозяйство не может рассчитывать на получение фонда для такого кредита откуда-либо со стороны, раз такой фонд может быть составлен только путем обязательного накопления,—то земледельческому населению не остается ничего другого, как, отбросив всякие иллюзии, вступить на этот тяжелый, но единственно реальный путь. Если пролетариат России может обеспечить свое настоящее и будущее положение лишь поднятием производительности труда, то для крестьянства, которое не может наполовину использовать свои рабочие силы, единственный выход состоит в усиленном накоплении и ассоциации материальных средств для перехода на высшие ступени земледельческой культуры.

И поскольку государственная власть трудящихся выступит с инициативой такого обязательного накопления в форме самообложения, она только ускорит и облегчит самоорганизацию земледельческого населения; необходимую для выполнения задачи, поставленной перед ним историей. Для самой же государственной власти это будет путь для сближения с многомиллионным крестьянским населением и для окончательного упрочения ее положения.

Объединяя все то, что сказано относительно задач фин. системы в государстве трудящихся, мы получаем:

1. В новом государстве прежние задачи фин. системы частью сокращаются, частью отпадают, в силу чего высвобождается некоторая доля ресурсов, которые могут быть использованы для первоначального соц. накопления.

2. Предстоящая борьба за прибавочный продукт между частным и государственным капитализмом возлагает на финансовую систему ряд новых задач; одной из таких задач является государственное присвоение результатов буржуазно-капиталистической эксплуатации без ослабления однако в то же время стимулов для частного производительного накопления.

3. Наряду с этим фин. система должна ослабить анти-социальные тенденции капиталистической буржуазии, отка-

зывающейся от производительного накопления под властью трудящихся.

4. Наличие огромных запасов излишней рабочей силы в крестьянском хозяйстве ставит перед государственным капитализмом, с одной стороны, задачу перемещения части ее в промышленность и, с другой стороны, — задачу интенсификации сельского хозяйства, необходимой предпосылкой для которой является организация сельского хозяйственного кредита путем обязательного накопления (самообложение).

5. Являясь средством для выполнения этих новых задач, фин. система превращается в могучее орудие для развития производительных сил народного хозяйства и для первоначального социалистического накопления.

6. Давая решительный перевес госуд. капитализму в его борьбе за прибавочный продукт ¹⁾ в давая иллюзорными надежды капитал. буржуазии на сколько-нибудь значительное расширение частных накоплений и на усиление ее экономической силы, фин. система позволяет государству трудящихся не прибегать к таким решительным мерам, как резкое сокращение наследственных прав и, наоборот, всеми мерами форсировать здоровые тенденции буржуазии к производительному накоплению.

О методах финансовой системы.

Вопрос о тех методах, которыми придется оперировать финансовой системе в эпоху первоначального соц. накопления, затрагивался уже попутно в предыдущем изложении. Однако здесь необходимо специально остано-

¹⁾ Одним из источников для первоначального соц. накопления, неотмеченным в предыдущем изложении, является также земельная рента больших городов. Можно без преувеличений сказать, что уже и сейчас монополия на торговые помещения (торгово-рекламная рента) является главным источником дохода для городских советов. В дальнейшем, с восстановлением полной квартирной платы, сюда присоединится жилищная рента (дифференциальная) в тесном смысле слова.

В Москве перед войной в застроенных владениях стоимость земли составляла в среднем около $\frac{1}{2}$ стоимости всего владения или около половины стоимости самых построек; иными словами, из 124 миллионов ежегодного чистого домовладельческого дохода более 40 млн. приходилось на земельную ренту (см. В. Кузнецов «Муниципализация жилищ в Москве», 164). Эти цифры показывают, каким могучим конденсатором прибавочного продукта является городская территория.

виться на вопросе о возможности и целесообразности в новых условиях методов прямого и косвенного обложения. Как известно, буржуазное государство на практике оперировало главным образом косвенным методом, социалистическая же программа, огульно отвергая его, выдвигала исключительно прямую форму налогов.

Это требование социалистических программ, вполне понятное в период борьбы за власть, необходимо пересмотреть заново в условиях, когда государственная власть уже находится в руках пролетариата.

К вопросу о методе обложения можно подходить с трех различных сторон: с социально-политической, с народно-хозяйственной и с технической.

Буржуазному государству приходилось решать вопрос исключительно почти с точки зрения социально-политической.

Основная задача системы косвенного обложения в буржуазном государстве заключалась в том, чтобы свалить бремя налогов на трудящиеся классы и при том сделать это незаметно, вызывая минимум сопротивления и классовой борьбы.

Наиболее откровенно и даже цинично охарактеризовал эту задачу косвенного метода И. Тэн:

«Если вы скажете публике, что на 50 су, которые стоит фунт кофе, государство берет 15 су, это будет для нее пустым звуком; совсем другое впечатление получилось бы, если бы рядом с бакалейщиком, который ему отвечает соль или кофе, покупатель увидел бы своими собственными глазами чиновника таможни или соляной монополии, который подбирает с прилавка 15 су... Покупатель, который дает себя стричь, не видит ножниц или, по крайней мере, не чувствует ясно их работы. Но как только ощущение, что его стригут, становится ясным, оно вызывает у обывателя (*l'homme du peuple*), как и обыкновенного барана, крики, конвульсивные скачки, боданье, паническое смятение ¹⁾».

Метод прямого обложения, неизбежно втягивая миллионы плательщиков в вопросы о распределении государственных расходов между различными классами, тем самым

¹⁾ R. Cloum, Systèmes généraux d'impôts, 289.

представлял опасную угрозу всей системе финансовой эксплуатации трудящихся. Прямое обложение ведет за собой прогрессивное, а прогрессия обложения представляет прямую угрозу, на которую в свое время указывал Гнейст:

«Покинув поле равенства, вы уничтожите всякую преграду против натиска массы, которая видит высшую цель в уничтожении миллионеров. Здесь повторится то же самое, что со львом, который отведал крови»¹⁾.

Вопрос о распределении налогового бремени в буржуазном государстве должен решаться в отсутствии тех, кто его должен нести, в тиши министерских кабинетов и за кулисами парламентов,—с этой и только с этой точки зрения решался вопрос о прямом или косвенном методе обложения.

В государстве трудящихся эта точка зрения уже не имеет своего прежнего значения. Здесь налог перестает быть средством дополнительной, внеэкономической эксплуатации и превращается в отношении к трудящимся действительно во взнос на общественные потребности; новое государство, которое превращает налог в орудие максимального присвоения прибавочной ценности буржуазных классов, не имеет никаких оснований бояться своих налогоплательщиков. Наоборот, поскольку его задачи ясны и говорят сами за себя, и поскольку оно в своей финансовой политике проявляет свое решительное стремление «взять на учет» и использовать нетрудовые доходы, ему выгодно привлечь к вопросам финансовой политики миллионы трудящихся. При решении вопроса с социально-политической точки зрения новое государство находится в совершенно иных условиях, чем прежде; в этом отношении его руки развязаны, и оно может применить систему прямого взимания, которая немислима была при буржуазно-капиталистических отношениях.

С другой стороны, и косвенные налоги получают в новых условиях совершенно другое значение. В руках капиталистического государства, которое стремилось незаметно обворовать трудящиеся классы, они были средством для маскировки,—тем самым необходима была решительная борьба с этим методом внеэкономической эксплуатации. Государство же трудящихся не думает превращать налог в орудие эксплуатации, а косвенную систему—в средство для ее

1) Озеров, II. Главнейшие течения в развитии прямого обл. в Германии, 210.

маскировки. Поэтому, поскольку система косвенных налогов имеет преимущества перед прямыми налогами с точки зрения народного хозяйства или налоговой техники, государство трудящихся не только может, но и обязано воспользоваться этой формой налога. В руках капиталистического государства косвенная система была уточненным орудием эксплуатации, и потому задачей трудящихся было выбить это орудие из рук их врагов; в государстве трудящихся эта система теряет свой социально-политический характер, и к ней необходимо подходить уже с новым критерием, расценивая ее с точки зрения народного хозяйства и налоговой техники. Рассмотрим вопрос с этой стороны.

При анализе вопроса с указанных точек зрения необходимо учитывать огромное различие между экономикой города и деревни. Что касается деревни, то при настоящем состоянии ее экономики интересы народного хозяйства настоятельно требуют перехода от прежней системы косвенного обложения к прямой. Здесь необходимо прежде всего отметить тот первостепенной важности факт, что в периоды, когда идет борьба между натуральным хозяйством деревни и товарным хозяйством города, всякое удорожание продуктов городской индустрии задерживает денатурализацию крестьянского хозяйства, (замену самодельного холста или сукна фабричной мануфактурой и т. п.). Высокое косвенное обложение—в форме ли промыслового налога или акцизов и монополий,—которое бьет производство города и не может настигнуть конкурирующее с ним домашнее и мелкое кустарное производство, превращается в охранительную пошлину для примитивных форм хозяйства и затрудняет для городской индустрии завоевание ее старых позиций в деревне, утраченных в последние годы.

К этому прифоединяется еще другой первостепенной важности факт,—отказ государства от обложения алкоголя (водки), которое, как известно, составляет во всех странах и во все периоды центр всей системы косвенных налогов.

Богатейшая история косвенных налогов показывает, что при установлении сколько-нибудь высоких ставок налога для остальных (кроме алкоголя) предметов мас-

нового потребления происходит резкое сокращение потребления, и получается «податная осечка», т.-е. новое повышение ставки ведет не к повышению, а к понижению продукции. И только один алкоголь выдерживает колоссальные ставки и способен дать огромный налоговый эффект. Так, например, в России при стоимости бутылки водки для казны приблизительно в 10 коп.¹⁾ налог составлял более 30 к., т.-е. превышал производственную стоимость более, чем в 3 раза. Для сахара же, напр., ставка налога в 50% стоимости продукта уже приближала обложение к той предельной границе, за которой могла произойти «податная осечка».

На небе много звезд, но из всех их светит для земли только солнце, точно также и в товарном мире очень много товаров, но для податной системы из всех них имеет значение, главным образом, алкоголь—таков вывод всей практики. Правильность этого вывода особенно почувствовали в России с отменой пьяного налога. Никакие поиски практиков и теоретиков дела не могли ничем заменить потухшее «солнце» прежней податной системы.

Таким образом, при желании восстановить систему косвенного обложения пришлось бы столкнуться с необходимостью распределить между членами товарного мира всю ту тяжесть, которую выносил алкоголь.

К каким последствиям это привело бы для деревни, нетрудно заключить из следующего. И до войны крестьянское хозяйство России было в значительной степени натуральным хозяйством, которое реализовало, на товарном рынке лишь небольшую часть своей продукции и приобретало на этом рынке на сравнительно ничтожную сумму продуктов городской индустрии. Вот приводимая С. Прокоповичем таблица, характеризующая степень товарности русского народного хозяйства вообще и крестьянского в частности, перед войной (по 50 губ. Европ. России)¹⁾:

¹⁾ (Стоимость ведра водки (20 бутылок) вместе с расходами по очистке и продаже, с отчислениями в пользу попечительств народной трезвости и с расходами по безакцизным отчислениям в поощрение мелкого и среднего винокурения равнялась от 2 р. 12 к. до 2 р. 66 к.; надо иметь в виду, кроме того, что при покупке спирта у аграриев казна сознательно переплачивала им («дар любви»). «Казенная продажа вина», изд. Главн. Упр. Неокл. сборов, 1900, 113—114.

¹⁾ С. Прокопович. Опыт исчисления нар. дохода в 50 губ. Европ. России в 1900, 1913 г. г. Москва 1918.

	Весь доход (в тыс. р.)	В том числе.		% товарно- го дохода.
		Натураль- ная часть.	Товарная доля.	
Сельское хозяйство	5.630.227	3.797.700	1.872.527	32,6
Лесоводство	632.070	484.798	147.272	23,2
Рыболовство	97.908	24.000	73.908	75,5
Промышленность	2.566.594	—	2.566.594	100
Строит. дело	842.668	—	842.668	100
Транспорт и торговля	2.036.079	—	2.036.079	100,2
И Т О Г О				
а) сельское хозяйство, лесовод- ство и рыболовство	6.360.205	4.306.498	2.053.707	32,2
б) промышленность, транспорт и торговля	5.445.340	—	5.445.340	100,
В С Е Г О	11.805.545	4.304.499	7.499.047	63,5

Из этой таблицы видно, что крестьянство реализовало на рынке лишь $\frac{1}{3}$ продукции сельского хозяйства на сравнительно небольшую сумму менее двух миллиардов; надо при этом помнить, что и эта реализация в значительной части вызывалась огромными налогами, заставлявшими продавать часть продукции для их уплаты.

Если считать, что крестьянское хозяйство приобретало городских продуктов приблизительно на ту сумму, которую выручало от продажи своей продукции, минус та сумма, которую оно отдавало государству безвозмездно, в виде налогов,—а эта сумма, вероятно, была близка к миллиарду,—то станет ясно, как мало товаров деревня покупала у городской промышленности. За период 1914—1921 г.г. произошла сильнейшая натурализация сельского хозяйства, и прежняя незначительная его товарность упала еще ниже, это—кардинальной важности факты, из

которых необходимо исходить при построении всей системы обложения. При таких условиях, если бы государство решило сколько-нибудь значительную долю налогов взять в косвенной форме, т.-е. обложить продукты промышленности, потребляемые деревней, то это повело бы к колоссальному вздорожанию этих продуктов и создало бы высокий заградительный барьер для проникновения товарного хозяйства в деревню ¹⁾.

Таким образом, интересы народного хозяйства требуют организации прямого обложения взамен прежнего косвенного, по крайней мере, по отношению к деревне. Существующий натуральный налог необходимо заменить не денежными косвенными налогами и монополиями, а денежным прямым налогом.

Что касается обложения неземледельческого населения, то здесь товарность хозяйства достигает почти 100 процентов, что облегчает возможность косвенного обложения, даже и при выпадении такого объекта, как алкоголь; поэтому интересы народного хозяйства не требуют перехода к прямому методу так категорически, как для деревни.

Переходя к анализу вопроса с *технической стороны*, необходимо отметить крупные технические преимущества косвенного обложения, в особенности по отношению к неземледельческому населению; отметим два таких преимущества. В условиях городской жизни есть целые группы плательщиков, доходы которых технически трудно уловимы, и при прямом налоге они легко ускользают от оценки и обложения.

При прямом обложении, напр., врачи, адвокаты, художники и вообще все лица свободных профессий оказываются почти забронированы от налога невозможностью сколько-нибудь точно оценить их доходы.

Эти трудности особенно увеличиваются в переходные периоды, когда все непрерывно меняется, и когда получают широкое распространение подвижные, «конъюнктурные» доходы, которые громоздкий аппарат прямого обложения почти неспособен уловить.

¹⁾ Разумеется, эти опасения не относятся к современному промышленному обложению, которое при настоящих условиях надо считать чрезвычайно низкими.

При косвенном же обложении, в особенности предметов потребления средних и богатых классов, эти трудно-уловимые доходы неизбежно вносят государству свою долю.

Важное техническое преимущество косвенных налогов состоит также в том, что плательщик вносит налог мелкими долями, — при каждодневных своих покупках, — тогда как при прямом обложении рассрочки и без того мелких взносов технически затруднительны, и даже при таких рассрочках плательщику пришлось бы при взносах отдавать крупную долю своего месячного дохода или же откладывать по копейкам из своих получек, чего очень трудно ожидать. Эти и другие технические преимущества косвенных налогов перед прямыми, заставляют использовать их, по крайней мере, частично и, по крайней мере, для неземледельческого населения ¹⁾.

Однако при этом необходимо принять меры к смягчению наиболее крупного дефекта этих налогов — обратной прогрессии их. Насколько велика эта прогрессия у главнейших членов действующей системы — в налоге на алкоголь и на табак можно видеть из таблицы, приводимой Рих. Кауфманом (для Пруссии):

Налог ложится в $\frac{0}{0}$ к доходам плательщика:

Лица с доходом:	Подходный налог.	Понимуществ.	На табак.	На водку.
ниже 900 марок	—	—	0,77	1,81
900—3.000 „	1,12	0,18	0,79	1,21
3.000—6.000 „	2,25	0,24	0,89	0,50
6.000—9.500 „	2,72	0,23	1,08	0,34
9.500—30.500 „	3,00	0,32	0,93	0,21
30.500—100.000 „	3,45	0,34	0,63	0,07
100.000—6.760.000 „	3,95	0,36	0,21	0,01

Таким образом, поскольку косвенные налоги применяются, как метод привлечения к налогам трудящихся классов, они в такой форме, как налог на алкоголь и табак, ложатся тяжелее на самые необеспеченные слои трудящихся и ставят в выгодное положение более зажиточные элементы.

¹⁾ Возможность вносить налог очень мелкими долями, которая так существенна для городского населения, не имеет такого значения для крестьянского хозяйства, которое, покрывая налоги отчуждением продуктов, легко приурочивает это отчуждение к моменту платежей.

Для того чтобы избежать этой обратной прогрессии обложения, необходимо перенести центр тяжести на предметы, потребление которых играет более крупную роль в более высоких бюджетах.

С другой стороны, для избежания вредного действия косвенных налогов на обмен с деревней необходимо при организации косвенного обложения выбирать такие объекты, которые являлись бы предметами потребления, главным образом, для неземледельческого населения. При прежних экономических условиях такой выбор объектов, как и поправка к обратной прогрессии косвенных налогов, были бы, вероятно, невозможны; при новых же условиях, когда государство обладает фактической монополией в целом ряде отраслей промышленности эта задача значительно облегчается ¹⁾.

Располагая самыми различными производственными монополиями (соль, сахар, мануфактура различных типов, предметы домашнего обихода, трамвай, вода, электричество и т. п.) и монополией железнодорожного транспорта, владея аппаратом квартирного налога, промыслового обложения и таможенных пошлин, Наркомфин может построить косвенное обложение таким образом, чтобы в конечном счете вместо обратной его прогрессии получилось пропорциональное или прогрессивное обложение потребления городских классов.

Разумеется, полной изолированности обложения города от обложения деревни достичь невозможно, да в этом и нет большой необходимости. Важно только, чтобы предметы городского обложения в общем и целом не имели большого значения в экономике отношений между деревней и городом и занимали относительно меньшее место в бюджете земледельческого населения, чем в бюджетах городских классов, — а это вполне возможно, так как многие объекты обложения, входящие в состав бюджетов городского населения, совсем не входят в бюджет крестьян (трамвай, электричество, вода, некоторые виды мануфактуры и т. д.), а с другой стороны, даже и предметы потребления, входящие и в те и другие бюджеты, играют в земле-

¹⁾ Косвенное обложение может принять форму дополнительного повышения цен на продукты городского потребления или форму добавочного промыслового налога на соответствующие предприятия.

дельческих бюджетах относительно меньшую роль (сахар, табак, чай, спички и т. д.). Во всяком случае в основу косвенного обложения необходимо положить тот руководящий принцип, что это обложение должно возможно меньше тормозить проникновение товарного хозяйства в деревню и соответственно с этим производить выбор объектов обложения.

Итак, преимущественно косвенное обложение для мелких бюджетов городского населения и преимущественно прямое обложение для таких же бюджетов в деревне,— таково требование, выдвигаемое интересами народного хозяйства и налоговой техники.

Переход в деревне от прежней системы почти исключительно косвенного обложения к преимущественно прямым налогам представляет факт невиданный в новейшей истории финансов и потому требует нескольких дополнительных замечаний. Несомненно, такой переход представляет значительные трудности. Придется затратить много усилий на преодоление недовольства плательщиков, воспитанных прежней системой в блаженном неведении, что они отдают государству крупную долю своих доходов. Однако и власть трудящихся точно также представляет невиданное в истории явление, и то, что было немыслимо для прежнего государства, то вполне выполнимо для нового, которое может открыто смотреть в лицо трудящимся классам. Поскольку же прежние предрассудки будут устранены, метод прямого обложения превратится в могущественное средство для пропаганды целей нового государства и для развития сознательного отношения к общественным задачам.

Необходимо отметить, что, введя тяжелый натуральный налог и осуществив этим задачу, которая была бы не по плечу всякой другой власти, новое государство уже вступило решительно на путь прямого метода по отношению к земледельческому населению и уже проделало значительную часть работы по преодолению прежних предрассудков; поэтому, испытав уже все невыгодные для себя последствия прямого метода, новое государство может в ближайшем будущем использовать в полной мере все его выгодные стороны.

Переход к системе прямого обложения для земледельческого населения может вызвать опасения другого еще

рода. В финансовой науке господствует убеждение, что полная замена косвенных налогов прямыми, в особенности для мелких доходов, совершенно немыслима.

Подводя теоретический фундамент под господствующую практику капиталистического государства, буржуазные теоретики объявляли утопией это требование соц. программ. Вот как категорически высказывается «папа» буржуазной финансовой науки Ад. Вагнер:

«Мысль об исключительно прямом обложении, как и мысль об едином обще-подоходном (прогрессивном) налоге, выдвигаемая со стороны социал-демократии, с точки зрения финансовой политики, интересов народного хозяйства, справедливости и налоговой техники должна быть *безусловно отвергнута* (курсив Вагнера); это только ничем не обоснованное требование финансового диллетантизма (*schlecht begründete Forderung der Steueraldiletantismus*)¹⁾.

Таким образом, ученые холопы буржуазии возводили в непреложный закон природы будничную практику капиталистического государства, угрожая всеми несчастьями тем, кто осмелится усомниться в непреложности их «законов». Практика уже показала, какую цену имеет подобная профессорская болтовня, преподносимая от имени науки.

Накануне войны 1913 г. весь доходный бюджет английского государства составлял 198.000.000 фунтов стерлингов, из которых подоходный и наследственный налог составляли только 80.000.000, и, таким образом, как бы полностью подтверждался «закон природы»; но вот наступила война, и оказалось возможным получить от одного подоходного налога больше, чем государство получало до войны от всех налогов вместе. Даже и после войны, в 1922 г., один подоходный налог должен дать 350.000.000 фунтов (в 1921 г. он дал около 400 милл.), а вместе с наследственным налогом—больше 400.000.000 фун. Тем самым *эмпирически доказано*, что до войны Англия без всяких затруднений могла покрывать все свои государственные расходы одним прямым подоходным налогом, и что все категорические заявления буржуазной теории о невозможности единого прямого налога не имеют никакой цены.

¹⁾ У *Schöndberg* в Handb. der p. Oek., 218. См. также надевательства над «фантазиями» социалистов у Нитти. Осн. Начала Фин. Науки, 251—263.

Самым основным аргументом против возможности замены косвенных налогов прямыми является чрезвычайная якобы дороговизна взимания прямых налогов с мелких доходов. Говорят, что если взимать подоходный налог с самых мелких плательщиков, то расходы по взиманию поглотят почти всю налоговую продукцию. При этом ссылаются на опыт прусского подоходного налога, где при обложении мелких доходов (от 900 марок) расходы по взиманию составляют значительный процент самого налога.

Для того чтобы правильно оценить этот аргумент, необходимо иметь в виду, что подоходный налог всюду, а в том числе и в Пруссии, представляет небольшой прирост к косвенному обложению; по социально-политическим соображениям фиск предпочитает брать в косвенной форме в 5—6 раз больше, чем в прямой; поэтому в подоходном налоге приходится проделывать процедуру оценки из-за какойнибудь $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{7}$ всего того налога, который вообще берут с плательщика, — вполне понятно, что при таких условиях накладные расходы по взиманию получают значение. Поскольку же государство отказывается от косвенных налогов и приурочивает все свои взимание к одному подоходному, постольку роль расходов по оценке становится ничтожной. Вот небольшая иллюстрация к вопросу из материалов прусского подоходного налога.

В Пруссии все взимания налогового характера, падавшие на население в 1910 г., составляли около 2.300.000.000 марок (включая сюда и налоги империи), при чем государственный подоходный налог давал всего около 290 мл., т.-е. приблизительно $\frac{1}{8}$ часть. В то же время согласно прусской статистике подоходного налога в 1910 г. при Existenzminimum'e в 900 марок к налогу было привлечено 22.377.000 (с семьями) из всего населения Пруссии в 39.145.000 ¹⁾, т.-е. для того чтобы получить ничтожную сумму, составляющую лишь одну восьмую того, что бралось с населения, фиск находил выгодным производить оценку доходов почти $\frac{3}{5}$ всего населения страны. Для того чтобы заменить все остальные налоги, дававшие $\frac{7}{8}$ общей налоговой продукции, достаточно было бы распространить

¹⁾ Mitteilungen aus der Verwaltung d. St. im Pr. St. 1010.

процедуру оценки подох. налога на $\frac{2}{3}$ остального населения, т.-е. расширить ее менее, чем вдвое; иными словами, при расширении податного аппарата менее, чем вдвое, его продукция должна была бы подняться в восемь раз.

Эта небольшая справка показывает, что единый прямой налог неизмеримо дешевле, чем громоздкая и запутанная система многих налогов; поэтому переход к почти исключительно прямому обложению для земледельческого населения с чисто-технической стороны представляет прямую выгоду.

Таким образом, вместо огульного требозания замены всех косвенных налогов прямыми прогрессивными, выдвигавшейся прежними социалистическими программами в условиях полунатурального, с преобладанием земледелия, хозяйства России, получается смешанная система обложения, построенная на трех основных положениях:

1) Высокое обложение прибавочного продукта, попадающего в руки буржуазных классов—как в косвенной форме, в момент непроизводительного потребления его, так и в прямой (подоходный, поимущественный и наследственный налоги, налог на возмездный переход имущества, налог на «не-прирост» имущества).

2) Преимущественно прямое обложение (пропорциональное или прогрессивное) для земледельческого населения.

3) Преимущественно косвенное обложение мелких бюджетов городского населения.

В заключение необходимо сказать, что представляя могучее орудие в руках нового государства, финансовая система не может притти в действие, пока эмиссионная политика лишает ее устойчивой денежной единицы. Государство возможно скорее должно отточить это заржавевшее и иззубрившееся за годы войны и революции орудие и для этого покончить с эмиссионной политикой—чего бы это ни стоило.

Д. Кузовков.

Учение об аналогиях.

Michel Pétrovitch — *Mécanismes Communs aux phénomènes disparates. Nouvelle Collection Scientifique. Paris, 1921.*)

Одну из основных тенденций современной европейской науки, несомненно, представляет устремление к *монизму*,—не старому, туманному, вечно спорному монизму философских построений, а иному, твердому, обоснованному точным наблюдением и экспериментом. О силе этой тенденции, об ее напряженности, доходящей до степени порыва, ярко свидетельствует, например, поражающий успех, выпавший на долю новейшей теории относительности. Иначе нельзя понять страстного увлечения, бешеной вражды, вызываемых ею в широких кругах ученых и просто образованных людей: ведь она, казалось бы, так далека не только от практической жизни, но и от огромнейшей доли научной практики, оперируя с минимальными, не всегда доступными и точнейшим измерительным методам отклонениями от старых привычных формул,—так отвлеченна в своем математическом одеянии. Да, но она связывает в одной схеме самые различные области физических явлений, своеобразно объединяя даже физику в целом и геометрию.

Это стремление к монизму науки, разумеется, имеет свои глубокие жизненные основы. Они лежат прежде всего в объективной монистичности современной научной техники, проникнутой по всей линии энергетизмом; затем, в ходе экономического развития, все определеннее и очевиднее выдвигающего необходимость организационного единства хозяйственной системы, и, наконец, в насущной потребности «экономии мышления», подавляемого колоссальным ростом материала науки. Обо всем этом мне

приходилось не раз говорить в других работах; а теперь я хочу указать на то, что указанная линия монизма, линия энергетики и теорий относительности, не есть единственная. Намечается еще иная, которую можно назвать линией учения об аналогиях.

Величайшую тайну науки представляют бесчисленные аналогии между явлениями самых различных, самых удаленных одна от другой областей. В иных случаях они точно установлены, как «количественные», в иных—пока еще остаются менее определенными, но достаточно очевидными, «качественными». Одно и то же уравнение применяется в теории тяготения, в гидродинамике, в термодинамике, в учении об электричестве, о магнетизме. Закон фаз Gibbs'a распространяется на различнейшие комбинации физические и химические; закон равновесия Le Châtelier—не только на эту область, но, повидимому, также на массу явлений биологических, психических, социальных. Кристаллы растут, размножаются в известных условиях, восстанавливают свои повреждения; жидкие кристаллы воспроизводят большую часть элементарных проявлений жизни. Le Dantec, определяя болезнь, как «период пертурбации между двумя периодами устойчивости» (*une période de trouble, separant deux périodes du régime constant*), замечает, что та же формула относится к результатам падения камня в реку. Научно-технические работы говорят о болезнях металлов, о простуде и заражении оловянных изделий, и т. п. Этнологи замечают, что процессы кочевых переселений разных племен происходят то по типу столкновения полу-упругих тел, то по типу «падения тяжелого тела в сосуд с водою», которая расплескивается при этом в разные стороны. Примеры можно приводить без конца.

Этот поразительный «анализм» явлений давно уже привлекал внимание мыслителей. Но до сих пор они обычно не шли дальше попыток его общего объяснения. Одни, с кантианско-гносеологической точки зрения, сводят дело к априорным условиям мышления, которое «предписывает» опыту присущие ему схемы. Другие, на позиции своеобразного символизма, полагают, что основа аналогий—в выработке «общего языка» для различных групп явлений. Обе концепции, по меньшей мере, недостаточны; они оставляют непонятым главное: почему мышление в

одних случаях может «навязать» известную схему фактам, а в других, иногда сравнительно даже близких, не может; например, почему электрическое и магнитное притяжение оно укладывает в антитезу «полярности» с соответственным отталкиванием, а для Ньютоновского притяжения со вполне аналогичной формулой—никакой такой полярности не дает; или почему здесь «общий язык» для количественной стороны тех и других фактов выработан, а для качественной—направление плюс и минус—он никак не получается; а в иных случаях «общий язык», казалось бы, уже выработанный, приходится отбросить, как неточный или негодный, что относится, например, к половому «притяжению» и «отталкиванию». Решение, очевидно, должно быть где-то глубже; и философские пути к нему пока не приводят.

За последнее время выступает новое отношение к вопросу: начинается систематическое изучение аналогий, как таковых, в масштабе частичном или универсальном. Первое сосредоточивается главным образом на электро-механических параллелях; примером может служить книга J. В. Ромю: «Analogies mécaniques de l'électricité». Представителем второй, специально нас интересующей постановки задачи является пока в европейской науке, насколько я знаю, профессор Михаил Петрович, сербский ученый, пишущий по французски. Об его книге: «Механизмы, общие для разнородных явлений» я постараюсь дать понятие русскому читателю; это не первая работа Петровича в данном направлении, но работы более ранние: «Механика явлений, основанная на аналогиях» и «Элементы математической феноменологии» до нас еще, к сожалению, не дошли. Но есть все основания полагать, что позднейшая книга представляет и более законченное выражение идей этого, несомненно, интересного и самостоятельного мыслителя.

Рецензия академической *Rèvue Scientifique* характеризует эту книгу, как «очень интересную, очень богатую идеями, пожалуй, даже слишком богатую идеями, что делает ее несколько тяжеловесной», и обращает внимание на «энциклопедическую культуру» ее автора, «очень редкую в нашу эпоху крайней специализации» (1922, № 12). Действительно, не легко среди современных европейских ученых указать другого, настолько же разностороннего.

Его основной материал лежит в области физико-математических наук и математики. Иллюстрации, взятые из биологии, а также медицины, не очень многочисленны, но хорошо выбраны и корректно сформулированы, вообще обнаруживают серьезное ознакомление с этими науками. Приблизительно то же можно сказать о материале из психологии. Хуже обстоит дело с политической экономией, и вообще с социальными науками: автор и здесь проявляет известную образованность, но лишь в европейско-буржуазном смысле; с научным социализмом он явно незнаком. Трудно также предположить обстоятельную философскую подготовку: слишком неопределенно и частью некритически употребляет он термины вроде «силы», «причины» и т. п.; на пример, в роли причин у него рядом выступают то реальные активности, то научные законы, или в классификации причин оказываются такие типы, как «causes brusques», «causes instantanées» — причины, действующие внезапно, резко, причины мгновенные — без всякой попытки хотя бы пояснить эти явно неточные понятия. Терминология, в общем, скорее материалистическая, но ни с каким определенным философским направлением автор себя в этой работе прямо не связывает, что едва ли вредит делу. Своим идеалом он выставляет «универсальную механику», но считает этот идеал «мечтой, никогда недостижимой», к которой только должны направляться все усилия человеческого ума; а свою задачу понимает, как выработку своего рода «качественной феноменологии» (*Phénoménologie Qualitative*), как «первого пред-математического этапа» к идеалу всеобъемлющих и всеопределяющих математических формул.

Исходным пунктом своего изложения автор взял известное положение Вильяма Томсона: «Понять явление, это значит быть в состоянии установить его механическую модель». Автор поясняет этот афоризм так: «... Великий физик имел в виду, главным образом, физические явления. Под механической моделью он понимал такую механическую систему, функционирование которой управлялось бы теми же математическими законами, как и самое явление или, по крайней мере, такую, посредством которой можно было бы пояснить ход явлений, его механизм, сравнивая его с более знакомыми фактами равновесия или движения.

Роли различных физических факторов изучаемого явления тогда как бы выполняются, «олицетворяются» ролью того или иного механического фактора в соответственной системе равновесия или движения; равным образом, и особенности первого явления, вытекающие из данного сочетания факторов и условий, поясняются параллельными особенностями второго. Например, действие гальванической батареи сравнивается с действием вращательного насоса, выходное отверстие которого было бы соединено с входным посредством трубы, которая выполняет роль проводника для тока, между тем как интенсивность самого тока изображается скоростью течения жидкости, а разность электрических потенциалов — разностью уровня двух бассейнов, связанных проводной трубой... Аналогично этому разряд электрического конденсатора поясняется движением маятника в сопротивляющейся среде... Явление намагничивания — явлениями упругости и специально кручения»... и т. д. (стр. 1—2).

Далеко не всегда возможно такое точное количественное сопоставление, как в этих иллюстрациях; напротив, оно удается только в меньшинстве случаев; тем не менее, идею В. Томсона, при надлежащем истолковании, можно распространить на неограниченно-широкие круги явлений. «Существуют, — говорит Петрович, — способы достигнуть понимания явлений и помимо безусловной необходимости знать их точные математические законы» (стр. 4). Основываясь на этом, он идет следующим путем.

Прежде всего можно констатировать, что «среди бесконечного разнообразия естественных процессов встречаются явления различного порядка, которые представляют поразительное сходство между собою». Обычно это дает повод к метафорам, которыми пользуются не только в разговорном языке, но и в специально-научном. Так, самые разнообразные процессы, механические, физические, физиологические, социальные, имеющие характер колебаний между двумя пределами, часто сравниваются с ритмическим движением маятника, с приливом и отливом, с перистальтическими движениями в организме; неопределенные движения среди широких народных масс уподобляются процессам брожения; вспышки темперамента — взрывам, электрическим разрядам; часто говорится о приливе и от-

живе страстей, о силе инерции народов и т. п. Среди бесчисленных подобных сходств очень многие далеко не так поверхностны и случайны, чтобы иметь только разговорное, литературное или субъективное значение; очень многие «вскрывают действительную аналогию, существование общих особенностей в ходе разнородных явлений» стр. 6).

Эти общие особенности Петрович группирует в два класса: с одной стороны, сходства самого течения разнородных процессов (*ressemblances d'allure*), с другой — сходства роли, которую играют самые различные факторы в этих процессах (*ressemblances des rôles*). Систематизация, обобщение первых даст определенные «типы хода явлений» (*types d'allure*), вторых — «типы ролей» (*types de rôles*). Например, колебательный характер бесчисленных процессов природы есть установленный *type d'allure*; разница уровней жидкости в гидродинамике, температур для тепловых явлений, потенциалов для электрических — выполняют одну и ту же функцию определяющей причины перемещения энергии, что и представляет особый *type de rôle*.

Изучение тех и других типов составляет главное содержание книги;

Автор начинает со «схематического описания» явлений. Те стороны, черты, особенности явления, которые в ходе его изменяются, он обозначает, как «описательные элементы» явления (*l'èments descriptifs*), их совокупность, — как «описательную систему». В процессах, например, движения описательные элементы — расстояния, углы, скорости, ускорения; в тепловых — температуры, количества теплоты, разные термические коэффициенты; в химических — скорости реакций, количества продуктов реакций, степени кислотности, щелочности и т. п. Каждый описательный элемент выражается определенным, соответственно изменяющимся параметром; этим способом изображается весь ход явлений.

Графически можно представить изменения определенного элемента посредством кривой на плоскости в прямоугольной системе координат, относя к одной из двух ее осей меры времени, к другой — величины параметра данного элемента. Таковы, например, для описания климата кривые температуры, влажности, облачности и проч.; для описания болезней — кривая также температуры, кривая пульса, кривые разных сторон обмена веществ. }

Конечно, далеко не все описательные элементы поддаются точному измерению и могут быть выражены строго количественно; но и тогда, по мнению М. Петровича, их изменения допускают «качественное» описание. Под этим неточным термином автор, гораздо больше математик, чем философ, понимает неопределенно количественные сравнительные характеристики. Сила чувства увеличивается или уменьшается, скорость развития общества бывает больше или меньше, течение болезни более или менее острое, важность одного события значительней, чем другого, уровень чувствительности одного организма к свету выше, чем другого, ощущение растет медленнее, чем вызывающее его раздражение, и т. п. Таким образом можно «качественно» описать ход изменений всякого элемента, приблизительно определить даже форму соответствующей кривой, как, положим, колебательную или циклическую, как резко поднимающуюся или резко падающую в такой-то фазе, как представляющую такие-то максимум и минимум, и т. д.

Математически схематизировать ход сложного явления в целом, когда описательных элементов принимается несколько или много, возможно следующим способом: строится прямоугольная система координат в воображаемом пространстве соответственно большого числа измерений — при двух описательных элементах достаточно нашего пространства трех измерений, но при десяти элементах понадобилось бы 11 измерений, одно лишнее требуется для оси времен; и затем все явление символизируют одной точкой, координаты которой выражают параметры всех описываемых элементов; движение такой точки (*point figuratif*) в этом «сверх-пространстве» (*hyper-espace*) представит тогда весь ход явления. Конечно, эта фикция может облегчить анализ только для человека со специально-математическим мышлением, связывая воедино ряд уравнений. Реальный же образ явления в целом должен затем быть восстановлен путем расшифровки каждого из этих уравнений, с конкретным указанием той стороны или черты явления, которая символизируется тем или иным отдельным параметром.

Пусть имеется для большого числа явлений достаточно выясненный количественно или «качественно» ход изме-

нений, как отдельных описательных элементов (*images individuelles*), так и их совокупности для каждого в целом (что Петрович называет *images collectives*). Тогда, сопоставляя эти «образы», мы можем найти общие особенности для нескольких или многих, иногда весьма разнородных, явлений—*resemblances d'allure*, сходства частичные или интегральные. Это будут те «анalogии, которые послужат базой для учения об общих механизмах». Степень подобия может быть весьма различна; например, если три явления—электрическое, термическое, механическое—выражаются уравнением одной и той же формы, то, в случае равенства и фактических коэффициентов, каждое из них будет как бы математическим двойником обоих других. Но это, очевидно, частный случай; вообще же математическая аналогия выражается одинаковой формой уравнений или одинаковым типом графически символизирующих кривых. Когда же тип неодинаков, а только достаточно сходен, то аналогия будет только «качественная». Например, она очень значительна для всевозможных периодических и ритмических процессов. Она весьма заметна, положим, в ходе таких двух явлений, как прогрессивное намагничивание полосы железа и, при одномолекулярной химической реакции, накопление продукта этой реакции: в обоих случаях соответственная величина—интенсивность намагничивания и количество продукта—начинается с нуля, растет сначала относительно быстро, потом все более медленно, и тяготеет к предельной постоянной величине (стр. 39—44).

Сходства ролей, которые играют в ходе явлений самые различные факторы или факты, автор пытается воплотить в общей классификации, не гарантируя, впрочем, ее полноты. Намечаемые им главные типы таковы:

Роль описательного элемента.

Роль причины.

Роль связи, которую могут играть и материальные элементы, например, нить маятника, удерживающая его движение на определенной дуге круга, как связь с точкой привеса,—и разные закономерности, например «факт существования закона Мариотта», связывающего изменения объема и плотности совершенных газов, разные законы сохранения—материи, энергии; вообще всевозможные мо-

менты, определяющие необходимую зависимость между изменениями разных сторон явления.

Роль *препятствия*, какую играют, например, непроницаемая стена для движения снаряда, непрозрачный экран для лучей, стенки сосуда для распространения жидкости, барьеры географические и физиологические для распространения видов, и т. п.

Роль *почвы* (terrain)—факторы, от которых зависит меньшая или большая «чувствительность» данного явления к определенным действующим на него причинам; например, общее состояние организма, определяющее степень иммунитета или восприимчивости к заражению; характер поля битвы, определяющий легкость или трудность атаки, обороны; социальная среда, как благоприятная или неблагоприятная почва для внедрения новых экономических форм, идей и пр.

Роль действующих причин Петрович анализирует подробнее, различая этот тип на такие виды:

причины прямые,

причины косвенные.

Затем еще более частные подразделения.

Причины «импульсивные», обуславливающие прогрессивное нарастание какого-нибудь момента в явлении,— как сила тяжести в падении тел, ядовитость бактерий в инфекционной болезни, сила сокращений сердца в кровообращении, имеющая тенденцию увеличивать скорость и давление крови, и т. д.

Причины, «депрессивные», имеющие тенденцию к уменьшению своего объекта, как сила тяжести в восходящем движении брошенного тела; пара сил, направленная в сторону, противоположную вращению, фагоцитарная роль макрофагов или микрофагов в развитии заразной болезни; подавляющее влияние света на развитие бактерий, и пр.

Причины, для которых известен количественный закон действия, как неизменная величина силы тяжести, трения определенной среды, или периодически изменяющаяся величина электродвижущих сил в явлении переменного тока, и т. п.

Причины, для которых известны «качественные» особенности их действия, т.-е. приблизительные закономер-

ности, напр., возрастание разрушительной силы микробов в организме по мере их размножения, уменьшение задерживающего влияния света на развитие микробов с убыванием интенсивности этого света, и т. д.

Причины, противодействующие, возникающие при изменениях системы от других воздействий и исчезающие, когда прекращаются эти изменения. Такую роль играет, напр., трение и вообще сопротивления среды при движениях материальных тел, электронов и т. п.

Причины реактивные—противодействия, возникающие из самых видоизменений системы, как индуктивные электродвижущие силы в электрических процессах, разные «реакции» в социальной жизни и т. д.

Причины внезапные (*brusques*), как грозы, катаклизмы и пр.

Причины мгновенные (*instantanées*).

Агенты возбудители (*rôle excitateur ou provocateur*); мы бы назвали их «поводами»: искра, ведущая к взрыву; мелкий *casus belli*, мотивирующий объявление войны, и т. д.

Агенты регулирующие (*rôle régulateur ou compensateur*), имеющие тенденцию удерживать явление в определенных рамках: роль разных регуляторов в машинах, роль минеральных солей по отношению к уровню осмотического давления в тканях организма, роль спроса-предложения по отношению к ценам и пр.

Агенты координативные, вносящие в явление определенную ориентировку, координацию разных сторон или частей процесса в одном направлении,—как магнитное поле дает ориентировку системе магнитных стрелок, или массе железных опилок, как власть координированно направляет ряды человеческих действий индивидуальных или коллективных...

Инерция в разных ее видах: механическая инерция масс в перемещениях, роль центробежной силы при вращении, роль некоторых электро-магнитных сил в явлениях индукции, роль сложившихся привычек в социальных процессах и в обыденной жизни... (стр. 55—70).

Подобным же образом ближе рассматриваются и классифицируются типы «связи»: устойчивая, деформирующаяся, «цепная» (*par enchaînement*), односторонняя; и к

ним же присоединяется «роль препягствия», упомянутая раньше, как особый тип.

Слабость этих классификаций несомненна: неустойчивость и неопределенность принципов подразделения, случайность некоторых группировок, переплетение других, неразличимость третьих (напр., причины «противодействующие» и «реактивные», также «инерция»). Но автор и дает эту классификацию скорее как примерную, иллюстративную, чем как окончательную. Она нужна ему, чтобы перейти к вопросу о *механизмах* явлений.

Объяснить явление или установить его механизм — это для автора одно и то же. Вопрос сводится к совокупности факторов и условий явления, к характеру роли каждого из его слагаемых и к знанию того, каким образом такая комбинация их ролей необходимо определяет особенности явления. Напр., механизм интерференции известен, когда мы знаем, что она зависит от «наложения» одних колебаний на другие, при чем колебания обусловлены силами упругости, изменяющимися прямо пропорционально расстоянию, и когда выяснено, каким способом это наложение ведет то к усилению феномена, то к его ослаблению и исчезанию.

Механизм уменьшения количества красного клевера в стране за данный период времени известен, когда мы знаем, что в эту эпоху эпидемия истребила много кошек, в результате чего увеличилось число полевых мышей, которые, уничтожая гнезда шмелей, необходимых для оплодотворения цветов красного клевера, тем самым обусловили его убыль. Весь механизм сводится к действию депрессивной причины и связи по сцеплению.

Знание механизма процессов лишь редко бывает полным и точным, — слишком много факторов и условий принимают участие в конкретном ходе любого явления. Гораздо чаще это знание бывает приблизительным. Приходится выделять *основу* явления, отбрасывая второстепенные, усложняющие моменты; так получается упрощенное понятие о механизме; затем, вводя устраненные сначала факторы, один за другим, и исследуя их влияние, можно получать все более точную картину механизма.

Так, феномены приливов — отливов зависят реально от совместного действия многих факторов, сил притяжения

солнца и луны, местных и случайных условий, как, положим, конфигурация морского дна, сдавливание потока воды рельефом береговой суши, направление ветров и проч. Однако лишь первые два фактора дают явлению его типическую форму и достаточны, чтобы объяснить то, что в нем существенно. Здесь Петрович, сам того, вероятно, не подозревая, говорит об абстрактном методе, посредством которого Рикардо и Маркс преодолевали сложность механизмов экономических явлений, и который, действительно, свойствен не одним социальным, но всем общим наукам.

Сопоставление выясненных механизмов часто обнаруживает их сходство для самых разнородных явлений, при чем глубоко несходные факторы и условия играют одинаковые роли в одинаковых сочетаниях. Вот один из очень многих примеров у Петровича. Постепенное охлаждение твердого тела в спокойной среде через обмен теплоты с нею, потеря электричества на поверхности электризованной жидкости через испарение, постепенное изменение состава химической смеси, в которой определенное соединение преобразуется действием постоянного физического агента или фермента, все эти три процесса имеют общий механизм, который можно выразить и одним уравнением; гомологичные роли в них играют, с одной стороны, столь несходные описательные элементы, как относительная температура, электрический заряд, остаточное количество преобразующегося соединения, с другой стороны—депрессивные причины (т.-е. уменьшающие агенты), которые сами непрерывно уменьшаются, будучи пропорциональны величинам первых трех элементов (стр. 86—87).

С каждым типом механизма неизменно связываются вполне определенные особенности хода явлений. Поэтому, полагает Петрович, одна из основных задач «общей феноменологии» заключается в том, чтобы, «располагая количественными или качественными данными о механизме явления, предвидеть соответствующие им особенности его хода» (стр. 95). И он дает целый ряд теоретических анализов такого рода связи—15 схем, которых нам здесь приводить не приходится.

Затем он выясняет, что *обратная связь* вовсе необязательна: по определенной особенности хода процесса нельзя

еще с уверенностью заключить об определенном механизме. Так, напр., одинаковые движения могут быть порождены силами, имеющими разные законы изменений. Однако и тут создается возможность гипотетических заключений, которые затем допускают проверку. Дополнительные данные решают вопрос: из числа возможных механизмов отбрасываются те, которые им не соответствуют. Автор дает иллюстрации того, как можно исследовать механизмы, зная те или иные особенности хода процессов. Интересна одна из иллюстраций:

«Форма кривых, выступающая в разрезах различных частей растения—корня, ствола, зерна—указывает на распределение клеток, соответствующих одной и той же эпохе роста растения. Поскольку они представляют также формы линий силы и сечений поверхностей равного потенциала, характерных для поля действия центральных сил (вроде электрических или магнитных. А. В.), постольку они указывали бы на участие подобных сил в развитии клеточных полей в процессе роста растения» (стр. 116).

Вообще автор успешно выясняет научно-эвристическое значение исследования аналогий в особенностях хода явлений. При этом он обращает внимание на то, до какой степени могут быть разнородными, по внешности несравнимыми проявления этих особенностей. Напр., уменьшение «описательно о элементе» может выступить то, как замедление в механическом движении, то как охлаждение тела, то как ослабление электрического тока, то как переход света в направлении от фиолетового к красному (уменьшение числа колебаний), то как замедление химической реакции, и т. д. Переход процесса через нулевую величину выражается в остановке движущегося тела, в прекращении тока, в черных линиях или в полосах интерференции, и т. п. Надо уметь отвлечься от разнообразия этих внешних форм, чтобы найти за ними ядро научной аналогии.

Следующая глава, в чтении одна из наиболее интересных, рисует специфические формы механизмов и хода для некоторых конкретных групп явлений: механических, электрических, фотохимических, коллоидных, химических, физиологических, социальных. Мы можем, конечно, лишь бегло коснуться немногих.

В коллоидной смеси жидкого масла со щелочной водою капельки масла, минимальных размеров, остаются отдельными, несмотря на очень большую при столь малых расстояниях силу молекулярного притяжения между ними. Перрен объяснил механизм явления: при разбалтывании масла с жидкостью его капельки все электризуются от трения, при том одинаково; отталкивание одинаковых зарядов уравнивает силы, направленные к слипанию капелек. Равновесие может быть нарушено, например, электрическим разрядом, резко уменьшающим заряд капелек; тогда они сразу сливаются в более крупные, коллоид «коагулирует»... Из этого механизма можно сделать практические выводы: во-первых, общий метод «электро-коагуляции» коллоидов; затем, напр., обнаружив тот же механизм в явлениях тумана, где мельчайшие капли воды взвешены среди воздуха, газово-жидкого тела, можно приложить тот же общий метод, и посредством разряда противоположного электричества рассеивать туман. Такая машина для рассеивания тумана была устроена в Лондоне в 1905 году.

Интересен механизм изменения возбудимости нервных центров, который оказывается одинаков с «методом глушения сигналов» (*méthode des signaux bridés*) В. Томсона, применяемым в телеграфии кабелей для ускорения передачи, а также в гальванометрии для успокоения стрелки, без которого нельзя начать нового измерения. Автор указывает на возможные использования того же механизма или метода в лечении вакцинацией при некоторых заразных болезнях, путем изучения кривой изменений действительности прививок в разных фазах болезни.

Интересен, далее, пример периодичности жизненных функций у прибрежных улиток, живущих в зоне морских приливов, с периодами 13 часов (промежуток для обычных приливов) и 15 дней (промежуток для наибольших приливов). От себя замечу, что прежние попытки объяснения биологического механизма сна животных не удавались именно потому, что не брали за основу его астрономическую периодичность, суточную или годовую.

Иллюстрации, взятые из социальной жизни слабы, так как автор обладает лишь односторонне-буржуазным образованием в этой области. Берется, напр., теория Джевонса,

сопоставляющая цикл солнечных пятен с циклом сельскохозяйственных кризисов. Общие экономические кризисы сводятся к действию спекуляции с одной стороны, накоплению долговых обязательств с другой, т.-е. всецело поверхностных моментов сферы обращения, а не глубоких процессов сферы производства (стр. 172—181).

Нам нет, к сожалению, возможности остановиться на интересных научно и практически механизмах синхронизации колебаний и их усиления под влиянием разнообразных факторов периодического характера. Здесь особенно важно то, как из неправильных воздействий могут получаться устойчиво правильные эффекты, и из минимальных, но правильных, воздействий неограниченно-возрастающие эффекты (стр. 192—198).

Общие механизмы в разнородных явлениях приводят к понятию об *аналогиях целых групп* явлений. Общие черты в каждой такой группе образуют ее «аналогическое ядро», или просто «ядро группы». По отношению к этому ядру можно говорить о полном равенстве диспаратных явлений; напр., уравнение одного из них может прямо прилагаться к другому, лишь через замену описательных элементов одного соответственными («гомологичными») элементами другого. Обширные ряды явлений электрических, тепловых, механических объединяются в такие группы, подчиненные одним и тем же закономерностям количественным и «качественным» (в том смысле, какой придает этому слову проф. Петрович). Так, в группе аналогий Липпманна, относящейся к принципам сохранения материи, сохранения электричества и принципу Карно, со всеми их аналитическими последствиями, гомологичные элементы, играющие одну и ту же роль в уравнениях, таковы:

- 1) потенциал Ньютоновского тяготения, потенциал электрический, абсолютная температура;
- 2) количество вещества, количество электричества, энтропия;
- 3) энергия тяготения, энергия электрическая, количество теплоты (стр. 204).

Среди множества интересных аналогий подобного рода автор приводит одну, которая вызывает у нас невольную улыбку:

«По некоторым экономическим теориям существует будто бы (il y aurait) математическая аналогия между явлениями экономики и тепловыми явлениями в газах... Гомологичные элементы многочисленны; вот главные из них: ... давлению газов соответствует предложение,

температуре спрос,
 объему ценность,
 количеству теплоты . . капитал,
 энергии богатство,
 механической работе . экономическая».

(стр. 205).

Зато автор подробно останавливается на интереснейших аналогиях Бьеркнесса, который создал точные, в смысле свойств притяжения и отталкивания, модели электрических и магнитных полюсов из эластических шариков, наполненных воздухом и пульсирующих или колеблющихся, а также гидродинамические модели электрических токов; Бьеркнессу удалось показать полную аналогию расположения силовых линий гидродинамического поля его моделей с магнитными «спектрами» из железных опилок. Также интересны аналогии, идущие вплоть до мелких деталей, между процессами намагничивания и эластическими изменениями в процессах кручения—поражающий параллелизм, указанный Видеманом. Еще больше, быть может, значения для будущего развития науки имеют многочисленные аналогии «возбудимости» и «утомляемости» неорганических веществ и организованных тканей, излагаемые автором по исследованиям J. Ch. Bose. Отмечу еще те широкие аналогии, неоднократно подчеркнутые в прежних работах и мною, — которые вытекают из распространения «закона равновесия» (Gibbs'a и Le Châtelier на процессы биологические и социальные (стр. 231—233).

Меньше научного значения, при нынешнем уровне психологии, приходится придавать аналогиям борьбы мотивов в сознании с правильным сражением (стр. 242—246). Здесь не может быть научной точности до тех пор, пока волевые процессы не сведены аналитически к сочетаниям рефлексов первичных и условных. Равным образом и аналогии бесчисленных явлений с «борьбой» вообще требо-

вали бы научного исследования реальных фактов борьбы которое привело бы к надлежащему оформлению самого понятия «борьбы».

Тут автор от научных иллюстраций переходит к бесчисленным аналогиям, выражаемым сравнениями, уподоблениями и метафорами в обыкновенной речи и в литературе. Из десятков его примеров приведем один, довольно банальный, но хорошо иллюстрирующий родство этих «образных» аналогий с научными:

«Жизнь есть не что иное, как непрерывная борьба тенденций, импульсов, решений, которые сталкиваются в противоречиях, взаимно уничтожаются или смешиваются, сливаются, слагаются, координируются, порождая отзвуки одни в других» (стр. 251).

«Подобные сравнения,—говорит автор,—помимо возможного поэтического интереса и силы выражения, могут представлять также и положительный интерес, на реальной основе—существования определенной суммы особенностей, образующих ядро групповой аналогии». В этом случае они способны стать исходным пунктом и для научного исследования. Нет надобности пояснять, что большинство таких «анalogий донаучного мышления», как я бы их назвал, в своей наивной поверхностности обречены оставаться разговорными и поэтическими. Но надо помнить, что и всякая научная аналогия зарождается в исследующем сознании первоначально лишь в виде донаучного сравнения, сопоставления, догадки, и потом уже развивается до высшего познавательного типа.

И полагаю, что вся философия по существу сводится к систематизированным догадкам—сопоставлениям подобного типа, которые могут тяготеть к переходу в научные аналогии—обобщения и схемы закономерностей, но не являются таковыми, пока не могут быть проверены в точном применении на практике.

Здесь граница. И учение об аналогиях может стать наукою постольку, поскольку оно перейдет в живую практику исследования для творчески-трудового применения.

Петрович на ряде фактов из истории науки иллюстрирует реально-творческое значение аналогий, которые вели и к открытию новых фактов, и к объяснению прежних.

Но если до сих пор применение аналогий было делом стихийно-случайных сопоставлений того, что по внешней разнородности раньше не сопоставлялось в мышлении людей, то теперь оно должно стать сознательно-планомерным. Надо, чтобы Ньютонам не требовалось ждать падения яблок.

Петрович улавливает в общем и научно-эвристическое и научно-монистическое значение теории аналогий. Но ее развитие представляется ему всего только как накопление новых и новых аналогических групп и ядер, плюс детальный их анализ до пределов возможного. Из этого должна получиться «Общая Феноменология», как особая отрасль «Натур-Философии» (*Philosophie Naturelle*). Чересчур скромная в сущности оценка всей задачи. И зависит она от того, что мысль ученого остановилась на полдороге.

Петрович потому и думает уместить учение об аналогиях в рамки «философии», да еще всего только одной ее отрасли, что в его представлении оно не вполне наука, а какая-то полу-наука. Он не дошел до идеи необходимости научного объяснения аналогий. Мало их собирать и анализировать, даже применять и проверять,—надо найти их *основания*.

Жизненные функции человека и микроба представляют огромные аналогии. Но эти аналогии не только констатируются и проверяются, они объясняются. Чем именно? Определенным *строением* живой протоплазмы, образующей *основу* тех и других функций,—следовательно, основу и самой их аналогии. И если аналогиями связываются самые «диспаратные» явления—это указывает на *единство строения* самых различных областей бытия. Научная теория аналогий ведет к постановке вопроса об универсальных типах и закономерностях строения, о структурном единстве вселенной. И эта постановка вопроса должна быть научно-опытной, а не философско-гадательной. Выясненные закономерности строения должны давать возможность *предвидения* дальнейших аналогий, а предвидение подлежит проверке, и когда оно практически подтверждается—его основа становится прочным приобретением науки.

От частных аналогий к универсальным, от универсальных аналогий к общим законам мирового строения—

такова эта линия научного монизма, начальные этапы которой намечает работа сербского профессора. Поставить задачу шире он не мог, благодаря буржуазно-научному воспитанию, так ярко сказавшемуся на его иллюстрациях из социальной области. Мышление, воспитанное на анархичности социальных процессов капитализма, не может быть последовательно-организационным.

Другая, пока гораздо более заметная, линия научного монизма представлена, как мы сказали, обобщенной теорией относительности. Каково соотношение между обеими линиями?

Теорию относительности многие, особенно у нас в России, понимают, как философскую доктрину, и с этой точки зрения защищают ее или, много чаще, на нее нападают. Это большое недоразумение. Хороша или плоха теория относительности, она—вопрос не умозрения, а математического анализа, точных наблюдений и измерений. Теория, которая проверяется измерением фотографий солнечного затмения, спектральным анализом, оптическими экспериментами и т. п., есть по своему типу определенно научная теория, хотя бы даже и оказалась неверна. Философские идеи часто служат зародышами научных, на то они и являются предварительными построениями. Идеи Маха о всеобщей относительности движения могли послужить исходным пунктом для Эйнштейна,— но Мах не находил способов их точной проверки, и потому они были у него лишь философским предчувствием, подобно до-научным концепциям вечности вещества и движения. Но когда слово за наукой, философия должна молчать и ждать. В каком положении окажутся «философские» противники теории, если ее выводы будут вновь и вновь подтверждаться фактами? Если, напр., отклонение звездных лучей по фотографиям затмения 21 сентября вновь, как это приблизительно получилось по данным затмения 1919 г, окажется вдвое больше, чем то, которое вытекает из величины тяготения? Скажут они тогда: «тем хуже для фактов»? Но столь крайний идеализм в наше время был бы уже совсем диким.

Я убежден, что нынешние формулировки теории относительности еще не окончательные, что ей предстоит еще много изменяться и развиваться. И сам Эйнштейн в сущ-

ности признает это, когда говорит о том, что ей не удастся свести к единству явления «эфира» и «материи» — полей тяготения и электро-магнитных полей. А такие символы, как «искривление пространства», нереализуемые в живом представлении, подлежат еще раскрытию. Но для нас важно другое.

Легко видеть, что теория относительности вплотную подошла к вопросу об основных закономерностях мирового строения. Смешно сводить смысл ее к тому, что можно заменить нынешнюю астрономию гевцентрической, принять суточное вращение мира вокруг земли. Вряд ли кто серьезно так думает, а если есть подобные чудачки — зачем их убеждать? Но если в самом деле нет возможности безусловно отличить движение одной части вселенной от движения всей остальной мировой среды, то на что это указывает? Если мы знаем, что в шаре нельзя безусловно отличить правой стороны от левой, и можно произвольно принимать каждую его половину за ту или другую, то нам понятно, что это результат структурной симметрии, определенного *строения* шара. Совершенно подобным образом та неразличимость, которую устанавливает теория относительности, говорит о некоторой основной закономерности мирового строения, своеобразной «внутренней симметрии» бытия. И задача заключается в том, чтобы точно раскрыть и ясно формулировать эту структурную основу всеобщей относительности.

Итак, обе линии научного монизма, выступившие за последнее время в европейской науке, тяготеют к одной универсальной задаче. Ее решение будет знаменовать новую фазу мировой культуры, когда наука сделает ненужной более философию, как уже теперь не нужна религия.

А. Богданов.

О предмете диалектики.

(Несколько замечаний.)

Франц Меринг, мастерски применявший материалистическую диалектику в области истории, приходил всегда в состояние «тихой ярости», когда заходила речь об абстрактной разработке диалектического метода, т.-е. независимо от самого материала исследования. В этих случаях он обычно ссылался на исторический или естественно-научный материал и на имеющиеся образцы диалектической обработки. Такое отрицание било дальше цели, но в нем таилось, однако, здоровое ядро. Меринг ненавидел от всей души, и вполне справедливо, научный дилетантизм, то шарлатанство, представители которого стремятся избавиться от необходимости овладеть материалом науки до мельчайших подробностей, чтобы развивать далее теоретические выводы из полноты материала. В этом отношении дилетантский и вульгарный марксизм натворили массу несуразностей, не исключая области диалектики. Более того, диалектика и метод исторического материализма были всегда излюбленным полем для таких несуразностей. Сколько вздору было за все это время нагорожено *по поводу* диалектики и *по поводу* метода исторического материализма «вообще».

Мы вполне согласны с Мерингом, относившимся отрицательно к общим рассуждениям о диалектике. Они, действительно, не имеют никакой цены.

Ныне, когда, несомненно, в головах наиболее передовых слоев революционного пролетариата проявляется доподлинный интерес к диалектике, ищущий удовлетворения, нам кажется особенно уместным предостеречь против

общих рассуждений вокруг да около диалектики как от совершенно бесполезного занятия.

Одно из двух. Или жаждущим знания нужно показать диалектику *в ее приложении* к определенным диалектически обработанным областям. Или же, вместо того чтобы говорить о диалектике, *нужно дать им систему диалектики*.

А пока еще такая научная, достаточно разработанная диалектика не написана, следует удовольствоваться первым (т. е. «прикладной» диалектикой).

Но выработка диалектики есть насущная потребность. В ней нуждается революционное пролетарское поколение. Оно нуждается в ней, чтобы ориентироваться в происходящем общественном перевороте, исключительном по глубине захвата, по размаху и головокружительной скорости, понять его и активно в нем участвовать. Этот переворот ставит перед ним каждодневно самые различные задачи в области приложения диалектики. Оно должно *глубже* вникать во все свои проблемы, чем это делало поколение до 1914 года, за немногими блестящими исключениями. Возьмите, например, дискуссию Бернштейна-Каутского о диалектическом методе. Трудно решить, кто из них двух проявил более плоское понимание существа дела.

Глубокому распаду материального фундамента капиталистического мира соответствует глубокий распад его идеологии. В наиболее передовых слоях мирового пролетариата возникает потребность создать себе широкое и строго координированное миросозерцание, возвышающееся над практическими требованиями борьбы и социалистического строительства. Это есть, опять-таки, рядом с диалектической обработкой отдельных наук и диалектическим освещением отдельных отраслей практической деятельности, потребность в диалектике вообще.

Так как Маркс задуманной им диалектики не написал, она должна быть делом настоящего поколения.

Кардинальный вопрос для предварительной работы и окончательной выработки диалектики заключается в следующем: каков объект, каков специфический материал диалектики.

Меринг вместе с водой выплеснул из ванны и ребенка. Он был трижды прав, отвергая разговоры о диалектике, как бесплодное занятие. Но он заблуждался, полагая, что

диалектика не имеет столь же ей свойственного материала как, например, политическая экономия или история.

Какой это материал?

Исследователь диалектики должен при этом критически продолжить работу Гегеля, который доныне остается единственным и исключительно гениальным *систематиком* в области исследования диалектики. Нужно принять во внимание, что в области логики диалектика Гегеля представляет первый *серьезный шаг* вперед от Аристотеля.

Здесь идет речь о *критическом* продолжении работы Гегеля не только в отношении *метода*, но и *предмета* исследования. Материалом диалектики служат категории мышления, которые «предполагают» отдельные науки как известные и данные. Гегель использовал материал отдельных наук. Современный исследователь диалектики должен будет основательно обкарнать в этом отношении Гегеля.

Что касается Гегелевского метода трактовки этого материала, то следует точнее установить, в чем заключается, по терминологии Маркса, «мистическая» сторона в учении Гегеля. Мистика заключается в том, что основное отношение мысли к действительности, сознания к бытию, поставлено на голову. Отсюда мистическая видимость «спонтанейного движения» понятий, часто вырождающаяся в чистую софистику и приводящая к абсурдам. Диалектика должна установить систематическую связь категорий мышления, как идейное отражение связи явлений бытия.

Прогресс, достигнутый гением Гегеля по сравнению со всеми его предшественниками, заключается в том, что он требовал установления внутренней, всесторонней, систематической связи всех категорий мышления. У всех предшественников Гегеля мы встречаемся с парадоксальным взглядом (правильно осуждаемым им как абсурд), будто логика и диалектика не обладают сами единою систематическою связью.

Сам Гегель представляет эту связь в превратной, искаженной форме. Задача заключается в том, чтобы представить ее в правильной форме, т.-е. путем установления правильного отношения мысли к действительности.

Здесь, кстати, нам хотелось бы устранить заблуждение, в которое впал наш друг Бухарин. Материалистическую диалектику нельзя ни на один шаг подвинуть вперед ана-

логиями из механики. Механические аналогии ничего не объясняют. Диалектика материалистична не потому, что подыскивает для своих законов аналогии из механики (Бухаринские механические «объяснения» диалектики суть не более, чем аналогии), а потому, что исходит из тезиса, что бытие определяет мышление, а не наоборот. А бытие значительно богаче механики. Механическое движение само есть частный случай материального движения¹⁾.

Мне бы хотелось, чтобы эти сжатые и отрывочные заметки дали толчек, прежде всего, к обработке хотя бы отдельных частей диалектики.

Гегелевская система диалектики покоится на предварительной работе Канта, в особенности Фихте, и на трудах Шеллинга. Систематическая материалистическая диалектика вряд ли будет написана без целого ряда предварительных работ.

Перед Социалистической Академией стоит, сдается мне, назревшая и важная задача: дать толчек и помочь предварительным работам в деле обработки диалектики.

А. Тальгеймер.

¹⁾ Поддается ли физика обобщению лишь с механической точки зрения, это по меньшей мере спорно. Насколько я знаю, физики ищут обобщения, скорее, на почве электро-динамики.

От редакции: т. Тальгеймер является одним из виднейших руководителей немецкой коммунистической партии.

Проблема трудового ритма.

I.

Среди обширного круга вопросов, охватываемых проблемой рациональной организации труда, весьма видное место, как известно, занимает вопрос о ритме, как о факторе, экономизирующем, организующем трудовые процессы. И нельзя сказать, чтобы этот вопрос был исчерпывающим образом освещен при современном состоянии науки о труде. После классической, в своем роде, специальной работы К. Бюхера, проблема ритма привлекала к себе недостаточно внимания исследователей.

Лишь в одном лагере—представителей *искусства*, главным образом среди горячих сторонников ритмического воспитания школы Ж. Далькроза,—стали часто затрагивать принципиальные стороны проблемы ритма. И хотя от тесного контакта женевского профессора музыки Ж. Далькроза с профессором психофизиологии женевского университета Эд. Клапаредом и родился новый уклон самой далькрозовской школы, и под ее специальную пропаганду стал подводиться некоторый *научный* фундамент,—все же в работах этой обновленной школы ни в коем случае нельзя видеть разрешение сложной проблемы трудового ритма.

Между тем этот вопрос требует разрешения. Именно за последнее время и на Западе, и у нас—в связи с задачами трудового воспитания—наметилось достаточно⁹ признаков актуальности проблемы ритма. И не совсем, быть может, неправ проф. Руттман, когда он констатирует «*голод на ритм*», тоску по ритму в трудовой культуре нашего времени:

Во избежание недоразумений, два слова о том, какое содержание мы вкладываем в понятие ритма, о котором здесь идет речь. Это необходимо потому, что, с одной стороны, нередко слову «ритм» дают слишком распространительное толкование, расширяя это понятие до туманной безбрежности. Говорят, например, о ритме сосны, о ритме погоды, о ритме фасада (дома) и т. п. Не касаясь вопроса об уместности таких поэтических метафор, мы должны понятие ритма ввести в более тесные рамки, определяемые научным представлением о ритме, как о закономерном движении материи, повторно совершающемся с одинаковыми промежутками между отдельными актами движения.

Этим самым мы, с другой стороны, отказываемся от того дальнейшего, детального различия, которое проводят музыканты—в особенности школа ритмического воспитания—между понятиями ритм и такт. Тому же Далькрозу, который в одном месте определяет ритм, как «движение материи, логически и пропорционально распределенной во времени и в пространстве» ¹⁾, принадлежит формула: «Такт есть одинаковое в разнообразии, ритм—разнообразие в одинаковости» ²⁾. Пусть это различие важно со специальной точки зрения ритмической гимнастики, в которой такт отбивают руками, а более дробный ритм—ногами.

Для нас такое различие не играет роли, так как и в такте, и в ритме (в далькрозовском смысле) равенство промежутков между отдельными актами движения является одинаковой сущностью закономерности. Сам Далькроз определяет ритм, как разнообразие в одинаковости. Суть, очевидно, именно в *одинаковости* интервалов: такт разбивается на те или иные числа более мелких, но также одинаковых частей, кратным которых является «одинаковое» (такт). Будем ли мы эти более мелкие части или их кратное, правильно повторяющееся, считать элементом ритма,—это не меняет дела с точки зрения той закономерности, о которой здесь идет речь.

Если ритм, в таком смысле понимаемый, наблюдается и в колебаниях звучащей струны, и в процессах крово-

¹⁾ Е. Жак Далькроз—Ритм (6 лекций, прочитанных в 1907 г.). 2-е изд. 1922 г., стр. 22.

²⁾ «Листки курсов ритмич. гимнастики», январь 1914 г., стр. 27.

обращения, и в других физиологических процессах жирового организма, то для нас, с точки зрения трудовой деятельности, важнее всего определенная роль ритма — *экономизация* расходуемой трудящимся человеком энергии, приводящая к *оптимальному* ее использованию, к *достижению больших результатов при той же или даже меньшей затрате энергии работающейю*.

В этом смысле ритм есть продукт многовекового *биологического развития*. По закону борьбы за существование и приспособления к среде, выживали преимущественно те организмы, которые наиболее экономно расходовали свою энергию, придав своим процессам и актам движения ритмический характер.

Особенно большую роль играл ритм в трудовой деятельности людей *отдаленного прошлого*. В периоды примитивной культуры человека характеризовала большая техническая беспомощность: он в своих трудовых процессах еще не в состоянии был использовать даже элементарные преимущества законов рычага, клина, винта. Развитие орудий труда стояло тогда еще на таком низком уровне, что труд человека не многим отличался от труда животных, работающих непосредственно своими природными органами. И чем, в силу этого, тяжелее и однообразнее был труд первобытного человека, тем большее значение в его жизни приобретало всякое доступное ему средство экономизации расходуемой им энергии.

На этой почве процессы биологического и социального развития подхватили и укрепили в трудовом обиходе ритмичность трудовых действий, как средство прогресса. На этой же почве возникли и совершили свое первоначальное развитие и многие формы духовной культуры, существенным элементом которых является ритмичность движений. Ритм речи, ритм трудовой песни, ритм танца (первоначально также трудового) придавал этим ветвям духовной культуры характер *первоначальной формы* более экономной, *более рациональной организации* трудовой деятельности первобытного общества.

Если, таким образом, ритм мог сыграть такую исключительно важную роль, то, очевидно, потому, что ритмичность движений имеет механическое свойство экономизировать расход энергии. В чем же источник этого свой-

ства? Каков экономизирующий энергию механизм ритмических движений, как актов, многократно повторяющихся через одинаковые промежутки времени?

II.

Основная черта ритмических движений заключается в их легкой *автоматизации*. Автоматический характер движений уж сам по себе ведет к существенной экономии в затрате и физической, и психической энергии человека.

В самом деле, психофизический аппарат человека представляет необычайно сложный комплекс материи—клеточек. В грубых чертах можно считать этот комплекс распадающимся на две системы—мышечную и нервную. Между элементами каждой системы, да и между ими обеими существует тесная функциональная связь. В конце-концов, весь психофизический аппарат осуществляет *единство* целостного организма. В связи с этим, возбуждение одних элементов легко передается другим, втягивая и их в сферу деятельности. В области нервной деятельности тут действует закон иррадиации: возбуждение одних нервных групп перебрасывается и на другие группы—наподобие индуктирующего действия электрического тока.

Само собою разумеется, что такого характера работа отдельных мышечных и нервных групп включает в себе момент бесплодной, расточительной траты энергии. Между тем успешность работы организмов, их успех в борьбе за существование, очевидно, обуславливается *устранением* такой расточительности, ограничением возбуждения и деятельности организма сферой лишь тех групп мышц и нервов, участие которых безусловно необходимо для совершения данных актов движения.

Таким образом условие рациональной, экономной деятельности состоит в *выключении* из сферы работы, при данном акте движения, всех тех мышечных и нервных групп, участие которых не обязательно требуется этим актом. Такое выключение обыкновенно и достигается многократным *повторением* данного движения, накоплением упражнения. Оно постепенно выделяет основную работающую группу элементов, концентрируя в них расход энергии и разгружая остальные группы.

Всякому приходится наблюдать в жизни множество таких явлений. Когда человек впервые садится на велосипед и начинает ездить на нем, то, с непривычки, по недостатку упражнения, пускает в ход множество групп своего психофизического аппарата, которые вовсе не безусловно необходимы для велосипедной езды: он судорожно цепляется за руль, делает огромные усилия, чтоб удержаться в равновесии и т. п. Через некоторое время, в результате повторной езды, упражнения в ней, организм вырабатывает некоторую меру дисциплинированности, внутренней организованности. И тогда он уже ездит, лишь слегка прикасаясь руками к рулю (а то и вовсе не касаясь его), свободно сохраняет равновесие и т. п.

То же мы наблюдаем, когда ребенок впервые начинает ходить: он также пускает в ход руки и другие части своего организма, делая множество ненужных усилий. Лишь впоследствии повторение движений научает его *ограничивать* процесс ходьбы участием лишь необходимых групп, сильно экономизировать расход энергии при ходьбе. Также неэкономно расточает свою энергию малограмотный человек, когда ему приходится даже только написать свою фамилию: он при этом буквально обливается потом, между тем как привычный к писанию человек легко и свободно пишет долго, затрачивая на эту работу весьма мало энергии.

Во всех таких случаях повторность движений, упражнение приучает человека в процессе работы приводить в действие только необходимые группы мышц и нервов, делать усилия лишь в надлежащее время, с надлежащей степенью напряжения, в надлежащем направлении и т. д. Всему этому содействует ритмичность движений, фиксируя моменты усилий, придавая им организованный характер.

Большую роль тут играет и автоматичность ритмичных движений. Если своевременность, соразмерность и целесообразность усилий приводит к экономному расходованию преимущественно *мышечной* силы, то автоматизация движений влечет за собою экономию в расходовании *психической* энергии, освобождая нервные центры мозгового аппарата от участия в работе, раз она совершается ритмично, автоматически.

Уж не говоря о том, что молекулярная работа нервных клеток, регулируемая симпатической нервной системой, как показали исследования академика Лазарева и др., носит ритмический характер, достаточно вообразить себе и сопоставить два следующих случая работы, — скажем, поворачивания рычага какой-либо машины; первый случай: вы должны повернуть рычаг через различные промежутки времени — каждый раз, как вам будет дан сигнал электрическим звонком; второй случай: вы должны поворачивать рычаг с определенной ритмической правильностью. В первом случае вы должны после каждого поворота рычага напрягать внимание и слух, чтоб уловить момент сигнала и к нему приложить волевое усилие для нового поворота. Во втором случае вы, после двух-трех поворотов установив *ритм* движений, начинаете уже совершенно *автоматически* производить все дальнейшие повторные повороты рычага, *без усилий воли и внимания*.

Таким образом, ритм движений, превращая их в автоматические, *разгружает центральную нервную систему*, обеспечивает возможность повторного воспроизведения движений без участия психической сферы, без участия центров воли и внимания, — даже *лучше* без их участия. В этом случае перевод сенсорного возбуждения (передаваемого центростремительно по чувствительным нервам) в возбуждение моторное (передаваемое по двигательным нервам в направлении центробежном) совершается уже не центрами сознания, а *подкорковыми* центрами. Энергия мозговой коры, сбереженная автоматическим характером ритмических движений, остается свободной для других актов деятельности.

В связи с этим надо отметить, что ритмизируются и автоматизируются легче движения *малых* мускулов, чем больших. Наглядной иллюстрацией может служить сравнение работы кузнеца и пианиста. В то время как движения пальцев пианиста легче всего поддаются автоматизации, ей весьма туго поддается тяжелая работа кузнеца. И поскольку автоматизация экономизирует расход энергии, малые мускулы оказываются в преимуществе перед большими.

К этому присоединяется еще одно обстоятельство. Мышцы вообще принадлежат к числу «самых совершен-

ных динамомашин»¹⁾, как выражается Мунк. Достаточно сказать, что коэффициент полезного действия мышцы доходит до 40%, в то время как обыкновенные наши машины имеют коэффициент в 10—15% и даже двигатели внутреннего сгорания имеют коэффициент полезного действия, не превышающий 35%. Это значит, что мышцы человека имеют чрезвычайно благоприятное отношение между механической работой (рабочий результат) и расходом физиологическим (затрата химической энергии, поглощенной из пищи).

Но из числа мышц вообще самыми совершенными являются *малые* мышцы. Их работа отличается наибольшей скоростью, давая большее число сокращений (например, до 1540 в минуту для мускулов ручных пальцев), чем большие мускулы (например, 120 сокращений для мускулов ног). И это становится понятным, если вспомнить, что наши конечности, прикрепленные одним своим концом, действуют по принципу маятника, в котором скорость движения обратно пропорциональна длине маятника. К тому же малая мышца работает еще экономнее, еще больше приближается к осуществлению принципа оптимума, чем большая, ибо малые мышцы обладают *низким порогом раздражения*; для приведения их в движение достаточен такой незначительный импульс, раздражение такой незначительной силы, что оно остается за порогом сознания.

Таким образом работа малых мускулов отличается наибольшей экономностью: для их реакции достаточно гораздо меньшего импульса, чем для больших мускулов, да и сама реакция связана с меньшим расходом энергии. Недаром же история развития форм труда человека идет по пути перенесения его трудовой деятельности с больших мускулов преимущественно на малые или по пути осуществления «принципа наименьших мускулов» (теория Герзона). Этим путем создается почва для интенсивного проявления роли ритма, как фактора экономизации трудовой энергии. С этой точки зрения, сопоставление работы кузнеца и пианиста дает еще более яркую иллюстрацию экономизирующей роли легко автоматизируемых ритмичных движений.

¹⁾ Мышца, как известно, работает вспышками, на подобие двигателей внутреннего сгорания.

Для более полного освещения указанных явлений, в частности—преимущества работы малых мышц, надо принять в расчет еще одну особенность работы психофизического аппарата человека. Мы имеем в виду так называемые «последствия» нервных раздражений («Reiznachwirkungen»).

При действии тока иннервации на мышцу, не вся сумма нервного раздражения целиком и непосредственно расходуется на двигательный эффект—сокращение мышцы, а остается еще некоторый остаток иннервации, некоторое последствие. Повторное действие раздражений приводит к суммированию этих остатков, если интервал между моментами следующих друг за другом раздражений достаточно мал. При этом условии каждое новое последствие настигает еще не успевший сойти на нет остаток предшествовавшей иннервации, усиливая его.

Результат в таком случае получается тот, что даже ничтожные по силе раздражения, остающиеся за порогом сознания, складываются в более значительное непрерывное действие, чем то, которое может быть вызвано рядом значительно более сильных токов иннервации, если они отделены друг от друга более длинными интервалами. Причина именно в том, что в этом последнем случае не могут быть использованы последствия предыдущих раздражений.

Если принять во внимание это обстоятельство, то станет понятным и то, почему значение ритма движений сказывается лишь при не слишком больших интервалах между отдельными актами движения, а также и то, почему приобретают особое преимущество ритмически действующие малые мускулы, отличающиеся, как выше указано, сравнительно большою скоростью движений.

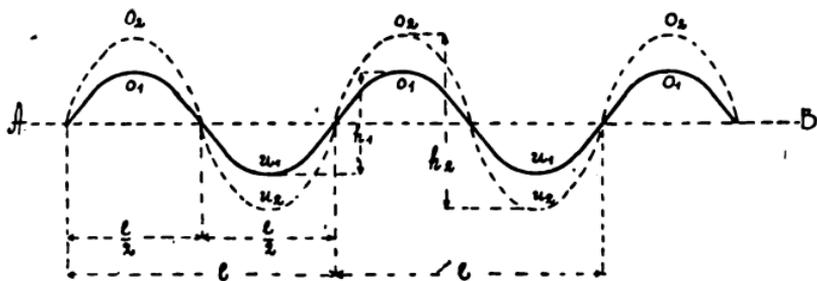
III.

Мы рассмотрели до сих пор разные стороны ритмичности движений. Осталась еще не рассмотренной одна сторона: равенство интервалов между отдельными актами движения. Между тем факт тот, что ритм, как экономизирующий энергию фактор, характеризуется именно этой одинаковостью интервалов, как упомянуто нами в самом начале. *Каковы же ее роли?*

Этот существенный пункт в проблеме ритма до сих пор остается еще совсем не выясненным, даже не освещенным в известной нам специальной литературе. А без ответа на поставленный мною вопрос в наших представлениях о механизме ритма остается существенный пробел.

Мне кажется, что этот пробел может быть заполнен и ответ на поставленный вопрос может быть дан уже при настоящем состоянии знания. Я думаю, что разрешения данного вопроса надо искать в законе *интерференции*.

Допустим, что изменения какого-нибудь явления совершаются по закону волнообразного движения: изменения идут то вверх, то вниз от некоторой нейтральной линии АВ. Получается волнообразная линия с ее подъемами

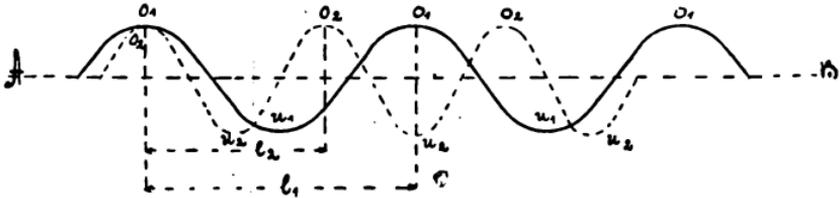
в точках O_1 и падениями в точках U_1 . Если причина этого движения продолжает действовать, то возникает ряд волнообразных колебаний, следующих друг за другом через определенные промежутки времени. Каждая последующая волна комбинируется с предыдущей.

При этом легко может получиться такая комбинация, при которой верх последующей волны O_2 совпадает по времени с верхом предыдущей O_1 , а низ последующей U_2 с низом предыдущей U_1 . В таком случае, по закону интерференции, получится не повторение предыдущей волны, а ее усиление: ее верх поднимется выше, а низ опустится ниже; точка O_2 будет лежать выше точки O_1 , точка U_2 будет ниже, чем U_1 . Таким образом увеличится размах или амплитуда колебаний. Полная высота будет уже не h_1 , а h_2 .

И это увеличение силы колебаний получается даже при условии, что импульс или причина, их вызывающая,

остается при повторных колебаниях одной и той же, неизменной по силе.

Лишь одно условие абсолютно необходимо, чтоб вступил в действие закон интерференции: длина каждой последующей волны l должна быть равна длине l волны предыдущей. Если это условие не будет осуществлено, то по-

лучится разнотой: в тот момент, когда верх последующей волны совпадет по времени с верхом предыдущей, такого совпадения не будет между низами обеих волн. Тогда не будет и интерференции в смысле усиления амплитуды колебаний; высота волны h не увеличится.

Таким образом для увеличения размаха колебаний, вызываемых повторно действующей силой, необходимо равенство длин отдельных повторяющихся волн. Иными словами: необходима *одинаковость интервалов* между моментами действия вызывающей эти колебания силы, т.-е. нужна полная *ритмичность* движения.

Что в механической работе технических сооружений играет большую роль ритмичность действия толчков или подвижной нагрузки, — это известно всякому инженеру. При проектировании, скажем, моста, его рассчитывают на самую полную, на самым неблагоприятным образом расположенную подвижную нагрузку с ее толчками, но не рассчитывают на ритмичность этих толчков. И такой мост отлично выдерживает действие мчащейся по нему артиллерии с грохочущими тяжелыми орудиями. Но вот по мосту проезжает эскадрон кавалерии или проходит стройным маршем рота солдат. Хотя в этом случае мы имеем дело с *менее значительными* силами, действующими на мост, но эти силы действуют *ритмично*: правильный аллюр выдрессированных кавалерийских лошадей, ритмичный шаг хлеотных шеренг. И, в результате, мост может не выдер-

жать этой нагрузки: внутренние напряжения в работающих стержнях моста могут сильно повыситься от интерференции упругих волн и превысить предел упругости материала, из которого сделаны стержни моста, — тогда крушение неизбежно.

Случаи крушения мостов при таких условиях неоднократно имели место в действительности. Если не ошибаюсь, к их числу принадлежит и крушение «египетского» моста через р. Фонтанку в Петербурге. К этой же категории явлений, кажется, надо отнести и провал потолка в зале заседаний Государственной Думы в 1907 году: на чердаке здания над залом заседания помещалась небольшая динамомашинка, и ритмичные удары ее работающих частей могли разрушить балки потолка.

Такова же роль ритма в деятельности и живых организмов: и здесь ритмичность движений способна, по закону интерференции, повышать действие двигающей силы, не увеличивая ее напряжения. Этим достигается экономия энергии, оптимальное отношение между достигаемым результатом и расходом сил. И это относится в особенности к трудовой деятельности людей с ее повторными актами движений. В психофизическом аппарате человека, как рабочей машины, ритмический характер импульсов, суммируя, как выше указано, их последствия еще больше повышает их эффект. Таким образом получается возможность достигать большего результата при затрате того же или даже меньшего количества энергии. Ритм, таким образом, осуществляет основное условие рациональной организации труда.

С этой точки зрения становится понятным и то, что корни ритма уходят еще глубже в отдаленное прошлое, чем трудовая деятельность человека. Во всем животном мире деятельность важных органов сложилась по принципу ритма: ритмично работают сердце, аппарат дыхания и пр. Тут перед нами результат длиннейшего биологического процесса выживания наиболее приспособленных, естественного подбора по принципу экономного использования энергии. В этом процессе сказалась благодетельная роль ритма, механизм которого поэтому и укрепился прочно в сфере органической жизни.

Да и в трудовых процессах человека, как уже указано, роль ритма была особенно велика в жизни *первобытного*

человека: с одной стороны, способы его трудовой деятельности были ближе к биологически сложившимся *физиологическим* процессам организма. С другой стороны, между человеком и объектом его труда еще не вклинилось тогда действие большого количества *промежуточных* звеньев, которые мы наблюдаем в настоящее время, в век развития сложной машинной техники. Неудивительно, поэтому, что не только трудовая деятельность, но и вся жизнь первобытного человечества была *насквозь пропитана ритмом*, как об этом свидетельствует вся история культуры.

* * *

Тут навязывается вопрос: какова же роль ритма в *настоящее* время? В частности: каково значение ритма с точки зрения экономной, рациональной организации *производственного труда* нашего времени? И какие перспективы вырисовываются для роли ритма в жизни и трудовых процессах грядущего социалистически организованного общества?

Эти вопросы требуют рассмотрения в отдельной статье.

О. Ерманский.

Положение и задачи психотехники на западе и в Р. С. Ф. С. Р.

I. Психотехническая практика ¹⁾.

Наиболее характерной чертой психотехнической работы после-военного времени является тот *кризис*, который психотехника, как прикладная дисциплина и как теоретическая наука, пережила в связи с изменением экономических условий после войны.

Война сразу дала психотехнической работе ту практическую базу, которая из прикладной психологии, едва намечавшейся в довоенное время, сделала явление большой социальной важности. Экономические причины, вызвавшие развитие психотехнической работы в военное время, таковы: военные ведомства отдельных, участвовавших в войне стран, нуждались в большом количестве солдат высшей квалификации (радио-телеграфисты, летчики, шоферы и т. д.). Эти солдаты не могли быть поставлены на работу без достаточного отбора, без какого-нибудь фильтра, который бы удалил непригодных и тем уменьшил бы непомерно возросшие затраты на обучение людей, в конце-концов оказывавшихся неподходящими и уходивших до окончания обучения, или приносящих государству убытки последующей своей неудачной профессиональной работой.

Фабрики, заводы и безмерно разбухшие в военное время государственные учреждения также должны были вместо обученного высококвалифицированного персонала довоенного времени, приглашать тот человеческий брак, который только и могли достать в военное время: кисейных бары-

¹⁾ (По докладам в Ассоциации Преподавателей Свердловского Университета 1, 12, 22 и в Психофизической Секции Института Ком. Воспитания 8, 12, 22.)

мен, никогда прежде не думавших о службе, и заполнивших теперь все учреждения, инвалидов, чернорабочих, главным образом, женщин и подростков, хлынувших теперь на фабрики, квалифицированная работа на которых оплачивалась, по сравнению с остальными окладами военного времени, очень высоко и где старые, свыкшиеся с производством, рабочие были в это время в большинстве своем мобилизованы. Как на фабриках и заводах, так и в учреждениях необходим был фильтр, который в кратчайший срок сделал бы возможным устранить лиц, непригодных для профессиональной работы, и отобрать таких рабочих, которые в кратчайший срок и с наибольшим успехом могли бы пройти курс профессионального обучения. Такой деятельностью по фильтрованию рабочих занялись психологи, так как методика установления индивидуальных различий в это время больше всего была разработана именно в психологии.

Психологи уже до войны с большим успехом занимались (теоретически) работой по обследованию индивидуальной пригодности к труду и наиболее благоприятных условий профессиональной работы. Уже такие работы как Мюнстербергские обследования вагоновожатых, обследование недели труда рабочих ткацкой фабрики, произведенное Марией Бернайс и обследование влияния соревнования на производительность, которым занимался Медэ.—тогда еще студент,—определяли развитие довоенной психологической мысли в направлении обследования человеческой личности и человеческого труда в прикладных целях.

Развитие психотехнической практики в военное время превзошло все ожидания. Нет почти ни одной профессии, игравшей большую роль в военное время или пострадавшей от мобилизации, на которую не было бы обращено сугубое внимание психологов. Металлисты и печатники, шоферы и радио-телеграфисты, упаковщики и канцелярские служащие, здоровые и инвалиды—все были, в той или другой степени, включены в психотехнические обследования и, так сказать, проходили через этот фильтр, прежде чем попасть на работу. Чрезвычайно увеличилось в продолжение войны и количество психотехнических лабораторий, специально ставивших себе задачу профессионального отбора, и возросла, естественным образом, популярность самой идеи психотехнического отбора.

Кризис, наступивший после войны, был вызван рядом условий:

1) В Германии катастрофический конец войны был связан с быстрой и непланомерной ликвидацией армии, военное ведомство не нуждалось более в отборе квалифицированных солдат. Предприятия также не нуждались более в психотехническом отборе лиц, не обладающих квалификацией по специальности,—потому, что ликвидированный фронт доставил в их распоряжение очень большое количество рабочих, уже прежде зарекомендовавших себя и обладавших определенным стажем по специальности, между тем как сокращение производства, в связи с прекращением военных заказов, уменьшило потребность в людях и, таким образом, спрос на квалифицированную рабочую силу далеко уступал ее предложению.

2) Психотехнические лаборатории, оставшиеся не у дел, должны были продолжать свою работу. Но отбор рабочих, уже пригодных для производства, теперь был не нужен, потому что эти рабочие имелись в достаточном количестве. Психологи взялись за те задачи, которые ближе стоят к психологическому отбору наиболее одаренных, связанному с именем Бинэ и Симона и заключается в том, чтобы определить не профессиональную пригодность уже обученных рабочих, но те задатки, которыми обладают подростки и которые позволяют направить их в профессиональную школу, соответствующую их индивидуальности.

Те фабрики и заводы, которые оправились от послевоенного кризиса и были снова заняты мирной работой,—а эта работа в Германии достигла очень большого развития, ибо благодаря обесценению германской марки, все страны покупают именно в Германии—были заинтересованы в том, чтобы поставить у себя новые испытания. Теперь уже испытывалась, главным образом, не профессиональная пригодность поступавших на фабрики рабочих, а потенциально намечающиеся профессионально-важные качества учащихся-подростков, поступающих в профессиональные школы этих фабрик. (Как известно, обязательное профессиональное образование, существовавшее в Германии до войны, было во время войны уничтожено явочным порядком. Во время войны все рабочие-подростки работали на фабриках, и об образовании думать не приходилось.)

Теперь, после войны, некоторые психотехнические лаборатории смогли заняться этим делом. Часть психологов, мобилизованных во время войны для испытания необходимых в военных условиях профессий, и теперь демобилизованных, занялась, как уже указано, испытанием поступающих на фабрики подростков, часть (здесь следует упомянуть особенно об известном у нас Медэ), занялась тем, что стремилась в кратчайший срок, при помощи 3—4 недельных курсов, посвятить инженеров и мастеров в сущность психотехнических испытаний профессиональной пригодности с целью дать им возможность устроить собственные фабричные лаборатории для поступающих на фабрики подростков и взрослых рабочих. Наконец, некоторые психологи, также освобожденные от военной работы, и материальными условиями не вынужденные работать на промышленность, получили возможность заняться критикой возникших в военное время методов испытаний. Критика эта стала возможной только теперь, в условиях после-военных, просто потому, что только теперь физически явилось свободное время для нее. До 1919 года все психологи работали на войну, все они были заняты практической работой, разрабатывая те или иные проблемы военного времени—и Крепелин и Штумф, и Штерн, и Липман, и Бран и т. д. и т. д. Не было ни одного университета, ни одной психологической лаборатории, которые не были бы в это время заняты вопросами или непосредственно военными или имеющими то или иное отношение к войне.

3) Только после того, как вместо фронтов образовались границы, через которые стала проникать научная литература, явилась возможность ознакомиться с тем, что было сделано во время войны другими странами. Физически освободившиеся от военной повинности психологи теперь только могли критически подойти к своей собственной и чужой работе. Критика была очень жестокая. Уже с самого начала своей работы психологи, конечно, понимали, что практические задания, поставленные им их правительствами, во много раз превышали те реальные возможности, которые были даны сравнительно скромными достижениями теоретической прикладной психологии времени начала войны. Но задачи были поставлены, и на них надо было дать ответ. Часто этот ответ давался со

вполне сознательным нарушением принципов психологической методологии. К числу их относится, например, обще-признанная истина; что психологическое испытание профессиональной пригодности (тест), тем отличается от экзамена, что оно должно испытывать, не *знания, уже приобретенные* человеком, не навыки, имеющиеся у него в результате занятия профессией или профессионального обучения, а предрасположения, задатки, которые могут быть с большим или меньшим успехом развиты этим профессиональным обучением. Между тем это элементарнейшее правило много раз было нарушаемо психологами вполне сознательно. Так, например, Липман и Крайз в свое испытание печатников включили также тесты на грамотность, на умение править корректуры, умение разбираться в неясных почерках, знакомство с правописанием и т. д. Ясное дело, что все эти качества являются уже не способностями, а результатом обучения; и если они были включены в психо-техническое испытание, то сделано это было потому, что психологии поневоле пришлось быть «одной прислугой», пришлось выполнять все те задания, которые связаны были с задачами отбора рабочих. Такая работа психологов, конечно, могла иметь прикладную практическую ценность для работы военного времени. Однако теоретическая слабость анализа профессий, произведенного в таких условиях, не замедлила проявиться в поверочных испытаниях с такой ясностью, что большая часть работ, произведенных наспех с целью немедленного отбора уже готового человеческого материала, должна была быть признана непригодной уже после самой поверхностной критики. Таким образом перед психологией встал вопрос о *новой работе* более солидного и более научного анализа профессий, чем тот, который был возможен в военное время.

Следующим вопросом был *вопрос о прогностической ценности испытаний* профессиональной пригодности. Дело в том, что всякое испытание профессиональной пригодности имеет цену только в том случае, если оно оправдывает себя на практике, т.-е. если ученик или рабочий, который получит в результате испытания отметку «хорошо» или «плохо», получит такую же оценку и в последующей своей профессиональной или школьной работе.

Между тем, теоретические знания психологов и по сей день заставляют желать очень многого в том смысле, что мы очень редко можем определить, что именно из испытанных «качеств» является свойством, приобретенным в результате обучения, и что является предрасположением; какие свойства и предрасположения могут быть развиты практикой и какие не поддаются упражнению. Наконец, *какой симптоматический характер* имеют испытания профессиональной пригодности, т-е. насколько и в *отношении каких качеств* можно утверждать, что результаты повторного испытания для ряда лиц совпадут с результатами первичных испытаний? В отношении каких качеств симптоматическая ценность испытания ничтожна потому, что каждое испытание заставит нас расположить испытанных лиц в новом порядке?

Ответы на все эти вопросы до сих пор только бегло намечаются. Критика после-военного периода с полной отчетливостью указывала, что о научном обосновании психотехники говорить не иридется, пока экспериментальные исследования не дадут нам положительного ответа на вопросы этого порядка.

Наконец, еще один пункт подвергся критическому рассмотрению и вызвал очень много протестов со стороны представителей психотехники: это—вопрос о социальной структуре после-военной психотехнической работы. Работа по профессиональному отбору в военное время не носила классово-капиталистического характера потому, что конкуренции между квалифицированными рабочими не было, квалифицированные рабочие всегда получали должность и хорошую оплату; отбор касался только неквалифицированной массы, из которой выделялись лица, наиболее пригодные для профессионального обучения. Тут не могло быть ни конкуренции, ни давления капитала на рабочих с целью вызвать понижение заработной платы. Совершенно иной характер приобрела часть психотехнических испытаний после-военного периода. Множество безработных квалифицированных рабочих из состава катастрофически переставшей существовать армии увеличили предложение уже заведомо пригодных работников настолько, что психотехнический профотбор был уже излишен, и между рабочими возгорелась ожесточенная конкуренция.

Там, где фабрики отгородились психотехническим фильтром, который, как мы видели, в условиях наличия достаточного количества рабочих определенной квалификации не является необходимым, сам фильтровальный аппарат часто получает далеко не психотехнический характер. В испытание включаются анкеты, которые должны дать администрации фабрики представление о *социальном* положении и *социально-политической* физиономии рабочего, — уже не с целью обследовать его профессиональную приспособленность, но с целью установить его политическую желательность на фабрике.

В Америке профотбор давно уже ведется в классовых интересах капитала и направлен против рабочих.

Но, очевидно, и в Германии уклон к такого рода работе имеется, раз целый ряд авторов (Закс, Липман и Э. Штерн) отмечает опасность превращения психотехники в хозяйскую науку, наподобие тэйлоризма. Уже в 1919 году Закс указывала на растущее недоброжелательное отношение рабочих к психотехническим испытаниям и требовала введения обязательного контроля профсоюзов над деятельностью психотехнических испытательных бюро. В еще большей степени ухудшилось положение дела позже: в 1921 году Липман, во втором издании своей брошюры о психологической профпригодности и об экономической профконсультации, уже прямо требует вмешательства фабзавкомов в то, что делается под флагом и от имени психологии.

Оживленной критике большинства психотехников подверглись также курсы Медэ для фабричных инженеров и мастеров, которых он в короткий срок обучал искусству испытывать профпригодность, между тем, как для психолога считается необходимым многолетнее образование и значительный практический стаж. Вернувшиеся с краткосрочных курсов на фабрики инженеры не замедлили повести работу самостоятельно так, что по анкете Штерна, из 11 крупных предприятий, ведших в 1921 году психотехнические испытания, только 4 испытывали принимаемых учеников в государственных или собственных испытательных лабораториях, руководимыми психологами, а на 7 заводах эти лаборатории находились в ведении инженеров, а то и мастеров. Критика указывала на то, что такая профанация психотехнической науки крайне опасна для

нее потому, что деятельность невежд легко может быть поставлена в вину самой науке.

Вот те главные пункты, которые стали объектом послевоенной критики. Это критическое настроение германских психотехников достигло в 1921 году напряжения почти панического, которое проявилось на психотехническом совещании в апреле 1921 года в Марбурге. Лишь понемногу из-под развалин рухнувшего здания психотехники выдвинулся, как мы увидим, тот остов его, который оказался уцелевшим и приспособленным для того, чтобы под него можно было подвести научный фундамент для дальнейшей критической и изыскательной работы.

Любопытно отметить, что третий психотехнический съезд, состоявшийся в октябре 1922 года в Милане, выдвинул те же самые основные вопросы, которые особенно интересовали и германскую психотехническую критику. Открывая съезд, Клапаред подчеркнул, что основная задача представителей психологии будет заключаться в том, чтобы притти к унификации применявшихся тестов и найти такие тесты, которые были бы адекватны (равноценны) испытываемым качествам и могли бы быть приняты для использования во всех странах. В своем докладе о психологическом анализе профессий Липман подчеркнул неудачу многих из некритически применявшихся до сих пор методов обследования профессий для установления профессиональных психограмм. В оживленной дискуссии по докладу Липмана выяснилось, насколько психотехники различных стран считают необходимым достаточное научное обоснование именно этой *исследовательской* работы психологии профессиональной пригодности.

Миланский психолог Корбери и брюссельский Декроли прочли доклады относительно различения между врожденными и приобретенными способностями. Здесь я, к сожалению, не могу остановиться подробно на этих специальных докладах. Липман и Баумгартен посвятили очень много места в своих докладах изысканиям того, каким образом следует, с психотехнической точки зрения, разделить профессии на группы. Как тот, так и другая исходили из того, что деление по производственному признаку, например, является для психологии очень неудобным и для профконсультации никакого значения иметь не может потому, что,

например, разница между работой машиниста и кочегара на железной дороге гораздо более значительна чем, разница между работой кочегара на железной дороге и на пароходе. Между тем, как Липман считал возможным разделить профессии по признакам, носящим более социальный характер, Баумгартен попыталась дать психотехническую классификацию профессий на основании тех склонностей, которые ложатся в основу занятия каждой из них. В связи с тем уклоном, который психотехника получает за последнее время, интересен доклад парижского психолога Лаи о медицинских противопоказаниях для профессиональной пригодности, как об элементе психотехнических испытаний. Этот доклад, зачитанный *психологом на психотехническом съезде*, как бы перебрасывает мост между психотехническими испытаниями и испытаниями физиологическими и, таким образом, дает нам указание на то, что в будущем эти области еще более сблизятся. Ведь и теперь, собственно говоря, так называемые психотехнические испытания исследуют не только психическую деятельность человека, а всю психофизическую динамику его деятельности ¹⁾.

Теперь несколько слов о том направлении, которое должна принять психотехническая работа в РСФСР.

Основное отличие между постановкой психотехнической работы в РСФСР и тем путем, по которому она шла за рубежом, заключается в том, что мы в России не пережили ни безудержного увлечения прикладной психологией в военное время, ни реакции против этого чрезмерного увлечения, когда экономические условия заставили сократить психотехническую деятельность. У нас психотехника развивается теперь в условиях медленно-налаживающейся промышленной жизни социалистического государства. Особенно интересно подчеркнуть, что имеющиеся у нас психотехнические лаборатории все ставятся не при частных предприятиях и не в интересах этих частных предприятий, а при классовых (ВЦСПС) или административных (НКТ) органах пролетариата. Таким образом у нас как будто бы сразу же устранена возможность таких нежелательных уклонов применения психотехники на практике, как это наблюдается за рубежом.

¹⁾ Подробнее об этом см. в моем докладе на I психоневрологическом съезде 1923 г., в психотехн. секции.

Психотехническая работа в РСФСР была начата нами с проверки заграничных методов испытания профессиональной пригодности некоторых, в общественном смысле наиболее важных, профессий; в этом смысле мы начали танцовать от печки. Прежде чем приступить к самостоятельной работе, мы проверили те данные, которые нам доставила работа, уже проделанная на западе. Результаты, полученные нами, мало утешительны и свидетельствуют о том, что методологические достижения в Германии заставляют желать многого.

Испытания металлистов по методу Липмана и Штольценберга дали минимальное совпадение нашей расценки испытуемых с расценкой их преподавательским персоналом школы фабрично-заводского ученичества при Центральном доме коммунистического воспитания рабочей молодежи, для которого мы производили испытания учащихся. Опрошенные нами опытные инженеры находят расценку сравнительной важности качеств для квалифицированных рабочих металлистов, данную Штольценбергом, неправильной. Может быть, несовпадение наших результатов объясняется этим, а может быть, как предполагает тов. Никитин, заведующий означенной школой, неудача обусловлена и тем, что испытания Липмана и Штольценберга, главным образом, имеют в виду рабочих-станочников, а наши испытуемые получили расценку инструкторов в отношении своей пригодности к работе слесарной. Однако и в этом случае полученные результаты поучительны, они показывают, что нельзя огульно давать методы испытания для целой профессии; но необходимо уточнить их, применительно к отдельным специальностям.

Второй, проверенный нами, метод испытания был метод испытания канцелярских служащих, созданный Дюком (Dück—«Die Berufseignung der Kanzleiangestellten»). Этот метод представляется мне очень интересным и показательным в смысле применения его для испытания. Однако, способ оценки испытуемых, выдвинутый Дюком и повторенный мною, оказался совершенно непригодным. Лица, заведомо негодные в канцелярские служащие, вследствие слабой памяти, неисполнительности, неаккуратности и т. д., оказались по методу Дюка очень хорошими работниками. Произошло это потому, что Дюк не

дает оценки отдельных профессионально-важных качеств, а оценивает профессиональную пригодность испытанных лиц одною общою формулой, в которую включено и время. Таким образом, работающие очень быстро, но с большим количеством ошибок, у него могут быть расценены гораздо лучше, чем лица, работающие нормальным темпом, но безошибочно.

Удачной была проверка немецких испытаний только в одном случае, когда мы попробовали немецким методом испытать профессиональную пригодность летчиков Московской Авиационной школы. Тут коэффициент корреляции между нашими испытаниями и расценкою тех же лиц соответственным начальством получился в виде $\rho = 0,74$. Этот коэффициент не ниже тех, которые обычно получают психотехниками при испытании профессиональной пригодности и, стало быть, позволяет думать, что, применяя этот метод, мы находимся на верном пути.

Во всяком случае, уже одного упоминания об этих работах достаточно, чтоб признать многое, может быть, большинство из того, что было сделано в пожарном порядке в военное время для обследования профессий, теперь подлежащим самой серьезной критике.

Таким образом, наша задача, естественно, распадается на ряд отдельных работ.

Во-первых, экспериментальное разрешение тех вопросов, которые психотехника ставит уже в определенной формулировке. Таковы вопросы об упражняемости отдельных профессионально-важных качеств, о связи между интеллектом и пригодностью к отдельным профессиям, о соотношении между прирожденными и приобретенными качествами,—одним словом, целый комплекс вопросов, связанных с одним основным вопросом о симптоматической и прогностической ценности психотехнических испытаний вообще.

Во-вторых, кроме этой чисто теоретической работы, психотехника в России неизбежно должна заняться работою практической, которая, естественно, распадается на три части:

- 1) Установление психограмм профессий.
- 2) Установление методов испытания, адекватных испытываемым качествам.

3) Проверка методов испытания путем вычисления корреляции или другим, заслуживающим такого же доверия, путем.

По первому пункту. В виду тех особых условий, в которых находится психотехническая работа в Советской Федерации, приходится прежде всего несколько остановиться на вопросе о том, какие именно профессии могут разумным образом стать объектом психотехнического исследования. Очевидно, что тут можно говорить только об одной группе профессий, именно о тех, которые, с одной стороны, имеют достаточно массовый характер, чтобы гарантировать добытому психотехниками методу испытаний массовое и обширное применение, а с другой стороны, оправдывают применение психотехнического отбора особенной профессиональной вредностью или опасностью, которая делает далеко не всех лиц физически приспособленными для этого рода работы, или той ответственностью за свою или чужую жизнь, которая возлагается на профессионально работающего. К профессиям особенно вредным или трудным относятся, например, металлисты, телефонистки, рабочие химической промышленности. К профессиям особенно ответственным относятся летчики, шоферы, машинисты.

Мы не можем себе позволить такой роскоши, как, например, пропагандируемого Центральным Институтом Труда всестороннего обследования несложной и неответственной рубки зубилом. Обучение этому простому ремеслу так легко, занимает так мало времени, и ответственность, лежащая на слесаре, так незначительна, что едва ли имеет какой-нибудь смысл обследовать эту профессию, пока у нас не производится психологического отбора даже в таких классически опасных профессиях, как вагоновожатые и летчики. С другой стороны, тем лабораториям, которые носят характер публичности и не проявляют самостоятельного, активного интереса к профессиям социально важным, обыкновенно приходится остановить все свое внимание на работе по обследованию случайно обращающихся за консультацией частных лиц, главным образом—абитуриентов средних учебных заведений и молодых студентов. Несмотря на то, что в этом случае совет может быть дан иногда с большим успехом,

все же государственные лаборатории могут рассматривать работу по такого рода консультированию единичных лиц только как очень несущественную часть своей работы, так как этого рода консультационная деятельность не может приобрести какого-нибудь значительного социального значения.

Когда в Германии мода на психотехнику достигла было таких же катастрофических размеров, какие она, кажется, скоро приобретет у нас, Липман счел нужным во втором издании своей книги «Wirtschaftspsychologie und psychologische Berufsberatung». Leipzig. 1922, дать схему, по которой должна быть написана всякая психотехническая работа. Первая группа вопросов этой схемы касается именно *причин* постановки психотехнического обследования данной профессии. Липман указывает целый ряд таких причин: непроизводительность или недостаточная производительность работы по психотехническому обследованию, чересчур большую продолжительность обучения, большое количество лиц, уходящих из заводских профессиональных школ до окончания обучения. Очевидно, только подобные экономические причины первоочередного значения могут оправдать постановку психотехнических испытаний.

Я не думаю, чтобы стоило здесь подробно останавливаться на тех методах, при помощи которых мы находим профессиональные психогаммы. Достаточно сказать, что мы считаем необходимым соединить метод самонаблюдения психолога, который изучает трудовой процесс, работая в качестве рабочего, с опросом лиц, хорошо знающих профессию и с анкетным методом Липмана ¹⁾.

Профессиональные психогаммы, составляемые теперь нашими лабораториями, должны быть применяемы в двух целях:

1. Для непосредственных целей профессионального подбора, в смысле консультирования лиц, особенно — подростков, желающих избрать профессию ²⁾.

¹⁾ Для более подробного ознакомления с методологией этой работы я отсылаю к моей брошюре о профессиональном подборе, выходящей теперь в издательстве „Красная Новь“.

²⁾ Следует указать, что для такой консультационной работы мы еще далеко не созрели. То небольшое количество профессий, которое нами обследовано до сих пор, едва позволяет работать по профессиональному отбору в некоторых важнейших профессиях, работа же для профессиональной консультации должна быть предоставлена будущему времени.

2. Эти же профессиональные психогаммы должны быть положены в основу деятельности бирж труда, которые должны обслуживаться достаточно сведущим персоналом и получать достаточно проверенный фактически материал о психофизических качествах, необходимых для каждой профессии, чтобы распределить безработных не соответственно случайному признаку принадлежности к тому или иному профсоюзу, или сообразно профессии, указанной в заполненном безработным листе, а по известной степени соответственно психофизическим особенностям лиц, ищущих работы. На такого рода связи профконсультационной работы с биржами труда, особенно настаивают психотехники Запада, борющиеся с капиталистическим уклоном психотехнической работы. Такие бюро для ознакомления с профессией при биржах труда имеются уже во многих итальянских и германских городах. Они знакомят подростка или взрослого, ищущего профессию, с основными ее трудностями, с тем, какие качества могут явиться препятствием для занятия профессиональной работой, и часто с соотношением между спросом и предложением в данной профессии. Вот пример некоторых характеристик одного из таких бюро (город Амберг, Бавария).

Мясник:

а. *Необходимые школьные познания*—хороший счет в уме, грамотность.

б. *Основные качества характера*—честность, чистота, добросовестность.

Недопустимые—вспыльчивость.

в. *Необходимые психические качества*—внимательность, способность к расщеплению внимания.

Недопустимые—рассеянность.

г. *Необходимые физические качества*—сильное телосложение.

Недопустимые физические качества—плоская ступня, растяжение сухожилий.

Мельник:

а. *Необходимые школьные знания*—счет.

б. *Основные качества характера*—осмотрительность, чистота, терпение, добросовестность.

в. *Необходимые психические качества*—двигательный тип представления.

Недопустимые психические качества—медлительность, невнимательность.

г. *Необходимые физические качества*—сильное телосложение, здоровое сердце и легкие (отделение пыли).

Недопустимые физические качества—грыжа, головокружение.

Такие и им подобные характеристики, которые в некоторых случаях даются значительно более подробно, сразу дают человеку, избирающему себе профессию, некоторое представление о ней и часто могут удержать от обучения профессии, которая все равно окажется непригодной.

3. Психogramмы профессий должны послужить основой для санитарно-гигиенической организации производства, т. е. на основании упомянутых профессиональных психogramм должны быть выработаны указания относительно того минимума в психологическом смысле, при котором рабочий может заниматься работой в данной профессии без вреда для своего здоровья и относительно тех профессиональных вредностей, при которых работа становится невозможной для человека с данной психологической конституцией.

По второму пункту: Работа по исследованию отдельных психологических тестов в отношении их значения для определения профессиональной пригодности, очевидно, должна быть итти в значительной степени лабораторным путем.

По третьему пункту: Но вопросу о подборе методов психотехнических испытаний для практики придется сказать, что эта работа сможет развиваться достаточно широко только тогда, когда первые два вида психотехнической работы у нас уже в достаточной степени встанут на ноги.

Нужно еще указать на ту громадную роль, которую для психотехнической профессиональной консультации сыграет правильно поставленное наблюдение в школе и составление так называемых «психологических кондуитов», содержащих наблюдение учителей над степенью развития у учащихся профессионально-важных качеств, относительно которых единовременные испытания в лаборатории, продолжающиеся только очень ограниченное время, не могут дать достаточно положительного ответа.

Целый ряд авторов—Ребгун, Гилле, Липман, Хаим и др. указывали на важность такого школьного наблюдения. Первыми двумя были выработаны специальные листы наблюдения, легшие в основу общего листа, утвержденного в прошлом году обще-германским объединением педагогов.

Большая ценность метода наблюдения в том, что он восполняет пробелы испытания, позволяет правильное и на основании большего материала ответить на вопрос о развитии отдельных качеств. Соотношение между психотехнической работой и наблюдением в школах тут складывается так, что психотехник указывает учителю точки зрения, из которых нужно исходить, и профессионально важные качества, а учитель (конечно, психологически-образованный учитель) применяет указанные ему методы наблюдения, облегчая этим профконсультационную работу.

И. Шиллерейн.

Стенограммы докладов, читаемых в Соц. Академии.

О сущности религии.

(Доклад тов. Б. Горева, прочитанный 12-го октября 1922 г.)

Председатель. Объявляю заседание открытым. Слово предоставляется тов. Гореву для доклада на тему о сущности религии.

Тов. Горев. Товарищи, не нужно много говорить о том, что в настоящее время вопрос о религии приобретает первостепенное значение в той идейной борьбе, которую предстоит переживать марксистам вообще и коммунистической партии в частности. Между тем мне в моих почти трехлетних лекциях и семинариях по историческому материализму пришлось убедиться, что как в головах учащейся молодежи, так и в марксистской литературе вопрос о религии в высшей степени запутанный. Когда мы имеем дело с каким-нибудь идейным явлением, в особенности с таким, которое занимает чрезвычайно важное место, с которым приходится бороться, для борьбы с которым мобилизуется значительная часть идейных сил,—то, казалось бы, в первую очередь надо условиться основательно о том, кто именно тот враг, с которым имеешь дело, в чем сущность той идеологии, против которой мобилизуются такие силы. И, как всегда, когда мы начинаем с правильного определения, для нас выясняется многое такое, что облегчает нам перспективы этого явления, облегчает нам понимание того, насколько трудна или легка борьба с ним и как эту борьбу правильно вести. Между тем, и противники материалистического мировоззрения, и сами материалисты, в том числе марксисты, как я уже сказал, по-разному подходят к самому опреде-

лению религии, противоречат друг другу и, что особенно важно, *осложняют* то основное, что есть в религии, что является общим в религиях разных эпох и народов, — целым рядом второстепенных, привходящих элементов. И вот, мне кажется, что только выяснив предварительно этот вопрос, а именно, в чем сущность, ядро, основа религии, как идеологии, мы правильнее подойдем и к вопросу о происхождении, об эволюции и возможном будущем религии.

Начнем с наиболее распространенных определений религии. Противники материализма, как известно, считают религию, вернее религиозное чувство, основным и неискоренимым свойством человеческой природы, так как сущностью религии является *вера в лучшее будущее*, а без этой веры человечество не могло бы существовать. На этом основании Бердяев, например, объявляет Маркса религиозным человеком. Но вот марксист А. Богданов считает характерной чертой религиозного мышления *веру в авторитет*, на основании чего он в одной из своих статей объявил Ленина религиозным типом, так как для Ленина будто бы авторитет Маркса заменяет самостоятельное критическое мышление. Далее, марксист А. Луначарский в своей книге «Религия и социализм» смотрит на религию, как на «связь идеала с действительностью», видит религиозный момент в жизни для потомства и с этой точки зрения считает возможным сделать из социализма особую религию, правда, без личного бога, но зато со своими пророками. Все это значительно сближает некоторых марксистов с идеалистом Бердяевым и как будто оправдывает то утверждение иных противников материализма, что и современный коммунизм есть особый вид религии, а борьба коммунистов против религии есть лишь поход одной религиозной секты против других.

С другой стороны, если мы обратимся к книге «Коммунизм и религия», изданной М. К. Р. К. П., то в руководящей статье Логинова «Вера и знание» мы наткнемся на такое противоречие. В одном месте мы читаем, что «вера не уживается с наукой» и уступает ей при первом столкновении, а несколько строк спустя оказывается, несмотря на это, что «современные ученые буржуа в большинстве своем верят в бога». Следовательно, религия

есть не только результат простого невежества, а продукт более сложных причин и отношений.

Итак, при первом подходе к вопросу о религии мы наталкиваемся на ряд противоречий и неясностей, на попытки слишком сузить или, наоборот, слишком расширить понятие религии, что, несомненно, лишь запутывает самый вопрос.

Перейдем теперь к основоположникам марксизма. По Марксу, «религиозный мир есть не что иное, как отражение мира действительного». Это значит лишь, что религия, как и всякая идеология, неизбежно отражает в себе отношения человека к природе и людей между собою, отражает коллективный человеческий опыт. Но это говорит только о *содержании* религиозных верований в тот или иной момент, а не об особенностях религии, как как таковой, в отличие от других идеологий.

Точно так же и у Энгельса *«все религии являются ничем иным, как фантастическим отражением в сознании людей тех внешних сил, которые господствуют над их повседневным существованием,—отражением, в котором силы земли принимают «надземные формы» («Антидюринг»)*. Что касается происхождения религии, которое может бросить свет и на ее сущность, то по Энгельсу «религия возникла в первобытные времена из ошибочных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе» (курсив наш. В. Г.). И здесь, следовательно, религия есть результат «ошибочных представлений», т.-е., другими словами, того же невежества. К этому же взгляду по существу примыкает и Плеханов, для которого «религия есть *вера в духовные существа, живущие рядом с телами и процессами природы*», при чем эта «вера связана с моралью и служит ей санкцией».

Что общего во всех этих определениях? То, что религии придается *теоретико-познавательный характер*. Религия есть *неправильное представление о мире, допущение «духовных существ», или, как часто говорят, признание «сверхъестественных сил»,—словом, религия есть объяснение, хотя и ошибочное, непонятных явлений*. Здесь религия смешивается с философией в ее первобытных формах.

Другая группа марксистов, возглавляемая А. А. Богдановым (к нему в этом вопросе целиком присоединяется

Н. И. Бухарин в своей книге об «Историческом материализме»), выводит религию и даже возникновение понятия о душе исключительно из *общественных* отношений, именно из деления общества на *организаторов и исполнителей*; откуда следует, что первые зачатки религии появились лишь в дифференцированном обществе, а раньше их не было. Но и в этом толковании за религией остается та ее особенность, что она только *отражает* земные отношения и по аналогии с этими отношениями *объясняет* окружающий мир; т.-е., другими словами, за религией сохраняется ее теоретико-познавательный характер, она с самого своего возникновения является наивным суррогатом философии.

Мне представляется, что во всех приведенных выше определениях *то основное*, что характеризует религию, как *особую форму идеологии*, отличающую ее от всех остальных, смешивается с рядом производных или приводящих элементов, *вырастающих* из религиозного мироощущения, *связанные* с религией, но не составляющих самой *сущности* ее.

Для правильного подхода к религии, надо, мне кажется, наоборот, выделить все, чторосло на ней в истории человечества, все, что наполняет ее разнообразным содержанием. Не надо смешивать религию ни с *религиозным чувством*, своеобразным чувством благоговения или растворения личности в космосе, коллективе и т. п., с тем, что П. Н. Сакулин, говоря о Белинском, называет «религией в обще-философском смысле» («Русская литература и социализм») и что сближает Луначарского с Бердяевым; ни, далее, с *религиозным типом мышления*, так называемой «авторитарностью», о которой так много говорит А. Богданов; ни, наконец, с религиозной философией, требующей признания творца и правителя мира. Все это—позднейшие, наносные элементы, от которых необходимо абстрагироваться, чтоб отыскать то, что есть общего у первобытного дикаря и у современного верующего человека и что дает нам право их ощущения и верования называть общим именем религиозных.

И в этом отношении наиболее, как мне кажется, приближается к правильному пониманию религии третья группа марксистов—И. Степанов и М. Покровский, примыкающие отчасти к Кунову. В самом деле, безусловно прав

И. Степанов, когда он в одной из своих популярных листовок устанавливает полное отсутствие принципиального, качественного различия между так называемым «суеверием» темного дикаря или шамана и «очищенной» верой христианского священника. Точно так же вполне прав М. Н. Покровский, который пишет в своем «Очерке истории русской культуры»: — «Нет ничего ошибочнее, как представлять себе мирозерцание дикаря источником его религии: мирозерцание, наоборот, само складывалось на почве известных, готовых уже религиозных эмоций» (курсив наш Б. Г.). О том, какие это «эмоции», определено и убедительно говорят и т. Степанов и т. Покровский, при чем Покровский, как историк, подтверждает свои доклады целым рядом фактов. Религиозные эмоции рождаются на почве *страха, — страха перед силами, над которыми человек не властен*, в борьбе с которыми он оказался беспомощен и, как побежденный, *обращается к этим силам с просьбой*. Вот мне и представляется, что *сущность* религии, ее глубочайшие корни заключаются не в познании или в пассивном созерцании, не в объяснении мира или его отражении, а в *практике, в действительном практическом подходе* к тем силам, которые оказались могущественней человека, в обращении к ним с *просьбой, заклинанием, молитвой*. Вот почему нет принципиальной разницы между деревенским знахарем, первобытным дикарем и современным священником. Все они видят сущность своих отношений к злым или добрым духам, к богам, или богу в просьбе, молитве, а также в подарках, жертвах. И они совершенно правы.

Ибо, с моей точки зрения, нет религиозной веры, нет религии *без личного божества*, одаренного способностью вредить или помогать человеку, и без той или иной формы обращения к этому божеству с просьбой устранить зло или дать благо. Поэтому никоим образом нельзя согласиться с А. В. Луначарским, что «пантеизм, конечно, еще религия», ибо пантеизм, отождествляющий бога с природой, действующей по неизменным законам, именно устраняет *ту личную волю* бога, то вмешательство его в законы природы, без признания которых обращение к нему с просьбой теряет всякий смысл. Мало того. С моей точки зрения не является религией и *деизм* XVIII века, согласно которому бог, как хороший конституционный государь,

«царствует, но не управляет», не вмешивается в ход **им самим** установленных законов вселенной. И пантеизм и деизм—не религии (равно, как и морально-рационалистическое учение Толстого), а *философские системы с религиозной терминологией*, которая как бы объединяет интеллигента с верующей массой, подает этой массе пример признания бога и удерживает ее от соблазна атеизма.

Для того, чтобы лучше понять сущность религии, как *практического* обращения к силам, которые оказались могущественней человека, позвольте привести несколько аналогий из обычных отношений *между людьми*. Когда двое борются, и один оказывается победителем, побежденному не остается ничего больше, как обратиться к торжествующему врагу с просьбой, пытаться *умилостивить* его словами, обещанием покорности или подарков. По мере роста общественной дифференциации, с возникновением власти, далекой от народа, простой человек своими силами не может найти правды ни у властителя, ни в суде. Он вынужден обращаться к посредникам, адвокатам: те знают нужные формулы, «заклинания», которые непонятны простому человеку, но действуют на властителя или судью, которые и слушать не стали бы бесхитростные слова ищущего правды или милости бедняка. И чем непонятнее официальный язык адвокатских формул уму простого человека, тем более магической кажется ему их сила.

Разве не то же самое происходит в области религии? И там при обращении к душам покойников, а потом и к силам природы, отдельный человек, убедившись, что его не слушают, обращается к специалистам, знахарям, заклинателям, жрецам, священникам. Они знают особые слова, особые формулы, молитвы на непонятном народу языке, которые доходят до богов или духов. И как подарок или взятку в земной жизни нужно дать умеючи, нередко через посредника, через приближенного или слугу сильного человека, так и жертвы надо приносить с особым искусством, для которого постепенно гоже вырабатываются нужные специалисты.

Что обращение к богу с просьбой, мольбой, заклинанием или подарками является в результате сознания своего бессилия в борьбе с ним, что человек сперва про-

бует одолеть встретившееся ему явление, будь это покойник, зверь или сила природы и лишь потом, побежденный, падает ниц и обращается к нему с молитвами или жертвами, начинает «обожествлять» его, видно из целого ряда этнографических наблюдений, а также наблюдений над детьми, которые в известной мере проходят сокращенно ряд ступеней культуры человечества. Достаточно припомнить, как обращаются с покойниками, прихода которых боятся: их заваливают камнями, втыкают в могилу кол и т. п. В Австралии найдено было племя, которое стреляло в грозовую тучу отравленными стрелами, т.-е. пыталось серьезно бороться с той самой силой, которая на позднейших ступенях культуры превратилась в одно из наиболее грозных и могущественных божеств. Дети, как известно, нередко бьют то место, о которое они ушиблись. И если могучая и страшная природа Индии уже очень рано вселила в человека страх и благоговение к себе и боги Индии требуют даже человеческих жертв для своего умилоствления, то sereneкая и убогая природа северо-востока Европейской России создала у некоторых народов таких богов, которых можно и выпороть.

И это фамильярное отношение к своим богам напоминает отношение крестьян к близкой и доступной им местной власти. Ее боятся, она может очень повредить той или иной магической «бумагой», но при случае с ней можно и расправиться.

Итак, на основании вышесказанного, сущность религии можно определить, как своеобразную идеологию беспомощности. Вот почему, между прочим, в современном «цивилизованном» обществе степень религиозности в сильнейшей степени зависит от пола, возраста и профессии, в которых в большей или меньшей мере проявляется активность, вера в собственные силы или, наоборот, сознание своей слабости, беспомощности, страх перед неизвестным. Так, повсеместно распространенным является тот неоспоримый факт, что женщины, как существа—по своей физиологической природе и историческому воспитанию—более пассивные, покорные, беспомощные, нуждающиеся в опоре, гораздо религиознее, чем мужчины. Далее, молодежь, смелая; уверенная в себе и в своих силах, бодро смотрящая в будущее, гораздо менее склонна обращаться

религии, чем старики, пред которыми встает грозный призрак неотвратимой близкой смерти. Наконец, городские промышленные рабочие, являющиеся непосредственными творцами и машин и вырабатываемых ими продуктов, более склонны к материализму и атеизму, чем крестьяне, чувствующие свою зависимость от сил природы, над которыми они не властны.

На первоначальной основе религии, как идеологии беспомощности, вырастают постепенно те «надстройки», те вторичные, привходящие элементы, которые, как мы видим, так легко и часто смешиваются с самой сущностью религии. Естественно, что раз человек столкнулся с такими явлениями или силами, которые оказались могущественнее его, которых остается лишь умилять просьбами или подарками, то он впоследствии именно в этих силах и склонен искать объяснения всего непонятного и загадочного в окружающем его мире. Так возникает мифология, рассказы о богах, вплоть до еврейско-христианского рассказа о сотворении мира. А всякая мифология есть не что иное, как религиозная философия, т.-е. мирозерцание, лишь основанное на религии, на практическом (иногда даже, как правильно указывает Кунов, договорном) отношении человека к богу. И здесь, думается мне, im Anfang war die Tat, вначале была практика, и лишь за нею пришла теория—объяснение мира при помощи понадобившихся на практике богов или духов, непобедимых и потому божественных сил.

Далее, обращение с просьбой к этим непобедимым силам или к посредникам—жрецам, конечно, выработало особый тип мышления: подчинения жрецам, как истолкователям высшей воли, и безусловной веры в их авторитет.

Наконец, преклонение перед могучим и непобедимым создает то особое чувство покорности, сознания своей слабости, растворения своего я в чем-то великом, чувство благоговения, которое можно назвать религиозным чувством в собственном смысле. Но похожее чувство может возникать на гораздо более поздних ступенях культуры и без всякой непосредственной связи с религией. Таково чувство преклонения перед красотой (вспомним стихи Пушкина, обращенные к его невесте: «Благоговей богомально перед святыней красоты»), пред величием природы или челове-

ческого духа, чувство слияния с коллективом, готовность жертвовать собой во имя идеала, т.-е. будущности того же коллектива и т. д. и т. п. Некоторое сходство ощущений, благодаря распространенности и могучей силе религиозной традиции, и делает то, что подобные чувства тоже называются религиозными, что всякая способность к самопожертвованию, всякий экстаз объявляются атрибутами религии, что религия, как это делает Ф. А. Ланге, роднится с искусством или даже, как пытаются делать некоторые, с половым чувством. В результате религиозное чувство провозглашается когненным свойством человеческой природы, свойством, украшающим и облагораживающим эту природу, и всякая борьба с религиозным дурманом считается безнадежной и в то же время вредной, так как, убивая в человеке «бога», мы якобы убиваем именно то, что есть в нем лучшего.

Таким образом, это смешение похожих ощущений и расширенное толкование религии в корне неправильно теоретически, так как оно устраняет из понятия религии именно то, что для нее наиболее характерно, живую, практическую связь человека с личным богом, без которой, повторяю, нет, по-моему, настоящей религии, и вместе с тем является сознательно или бессознательно прямой поддержкой самого подлинного поповского обскурантизма.

После этих общих теоретических рассуждений, попытаемся с нашей точки зрения подойти к некоторым моментам и этапам в эволюции религиозных систем и верований, чтоб на ряде общеизвестных культурно-исторических примеров конкретно иллюстрировать и обосновать эту точку зрения. При этом мы именно здесь входим по настоящему в область исторического материализма, который иногда ставит себе задачей не столько объяснить сущность и происхождение данной идеологии (оно часто коренится в биологии, в животном происхождении человека, как, напр., основа нравственности—социальный инстинкт, или основа искусства—игра и борьба за самку), сколько именно ее эволюцию, ее конкретное содержание в каждый данный момент, как отражение общественных отношений и определенной ступени развития производительных сил.

В самом деле, если с *формальной* стороны религия есть идеология беспомощности и наиболее характерной чертой

ее является просьба, молитва, то содержание религии т.-е. вопрос о том, кого и чем просят, — целиком определяется окружающей человека природой и общественной средой, т.-е. характером и свойствами тех сил, которые над ним господствуют, и тем способом, каким он добывает себе средства к жизни. Насколько географическая среда и, вообще, природная обстановка влияют на образование религиозных верований и представлений, достаточно подробно и убедительно показано у Кунова и останавливаться на этом не приходится. Хорошо известен также факт, что характер производства является решающим фактором в этом вопросе. После той первичной фазы, которая известна под именем анимизма, когда человек боится лишь невидимого покойника и не дошел еще до персонифицирования сил природы, в дальнейшем разные боги возникают у племен охотничьих, пастушеских и земледельческих. При этом любопытно напомнить то уже отмеченное некоторыми исследователями явление, что у лесных племен первой доброй богиней должна была стать луна, которая разгоняла страшную для первобытного человека лесную жуть ночью, и что впоследствии, когда человек по отношению к зверям перешел от обороны к нападению, когда он стал охотником, луна, освещавшая лесные дебри, стала одновременно и богиней охоты (Артемиды). В других случаях охотничьи племена обоготворяли тех зверей, которых они не могли одолеть и потому продолжали бояться, напр., медведей в лесах Америки, крокодилов на берегах Нила и т. п. Их оставалось лишь умиловать и задабривать жертвами. Наоборот, земледельцы обоготворяли те силы природы, от которых зависит плодородие: прежде всего, солнце, затем дождь, вообще, небо, наконец, самую праматерь — землю.

Резкое отличие от так называемых природных религий представляют религии общественные, как иудейская, христианская, мусульманская, буддийская. Особенностью их является та или иная ступень приближения к монотеизму и довольно резкий классовый характер. Возникают они обыкновенно в моменты сильной классовой дифференциации и притом в городах, где человек чувствует не столько свою зависимость от многообразных сил природы, сколько от таинственных законов единого общественного организма,

и где в моменты тяжелых кризисов и потрясений, как войны, революции и т. п., у широких масс является *жажда справедливости*, правильно отмеченная Кантом в «Критике практического разума», в качестве могущественнейшего стимула новейших религий.

Остановимся несколько на эволюции христианства, как религии наиболее изученной с общественной точки зрения. Первоначальное христианство первых веков было, как известно, типичной религией горожан Римской империи и по преимуществу бедняков, которые отчаялись улучшить свое положение и ухватились за пришедшую с востока древнюю легенду о сыне божием, рожденном от девы и явившемся спасти мир. Как религия масс, бывших париями в римском государстве, первоначальное христианство отрицало всякую иерархию, всякие видимые формы культа и т. п. Деревенские массы долго стояли в стороне от новой веры, и слово «*paganus*», «деревенщина» — стало означать язычника. Затем, будучи ассимилировано властью имущими, христианство восприняло иерархические формы римского государственного строя и стало идейным орудием классового угнетения.

Между тем, грандиозный общественный кризис, переживавшийся Римом во II и III веках и идеологическим отражением которого явилось христианство, закончился распадом империи и гибелью античной городской культуры. Бродившие элементы «отстоялись». Города пустели, натуральное хозяйство снова вытесняло обмен, связывавший общество в одно целое; и христианство, воспринятое новыми массами, в том числе германскими варварами, воспринятое *формально*, без того *духа*, который воодушевлял городскую бедноту в первые века христианской эры, стало совершенно непохожим на первоначальное. Единобожие, хотя бы и троичное, фактически сменилось многобожием и идолопоклонством, в виде культа многочисленных святых, снова отражавших многообразную зависимость человека от природы, и поклонения иконам и статуям. И до сих пор *народные формы христианской религии*, особенно у католиков и православных, наиболее типичных для того понимания религии, которое я предлагаю, по существу *ничем не отличаются от язычества*. Те же заклинания в виде молитвенных формул, да еще чаще всего на непонятном языке,

те же жертвы, то же обращение к близким святым и изредка к «матушке-заступнице».

И это вполне понятно с точки зрения крестьянина. Кто ему ближе, далекий, чуждый и недоступный, лишь формально принимаемый — бог, или близкие и доступные святые, из которых каждый олицетворяет ту или иную силу, помогает в той или иной беде, наказывает за тот или иной проступок? Здесь опять полная аналогия с земными общественными отношениями. Кого крестьянин в прежние времена больше боялся, царя или станового? Конечно, станового. «До бога высоко, до царя далеко». Ни бог, ни царь им, отдельным мужиком, не интересовались. А вот святой, как становой или урядник, — те близко, тех надо умиловить просьбой, задобрить свечой или взяткой.

Если средневековое католичество, с его церковной и небесной иерархией, с его культом святых и фактическим язычеством народных масс, явилось отражением натурального хозяйства и созданных на нем феодальных отношений, то *реформация* во всех ее видах, от умеренного крыла до коммунистических сект, выражала новый рост городской культуры, новое преобладание общественных зависимостей над природными, при чем *общественный кризис*, упадок натурального хозяйства и разорение крестьянства втягивали на этот раз в новое религиозное движение и крестьян. В известном смысле можно сказать, что некоторое сходство той ломки старых отношений и всеобщего брожения, которые характеризуют конец средних веков и начало буржуазного развития Европы, — с эпохой начинавшегося распада Рима, — и обусловило реформацию, как *возврат* к первоначальному «чистому» или «очищенному» христианству. Втягиваемые в водоворот общественной жизни, выбиваемые из колеи натурального хозяйства массы опять приходили к единобожию, боролись с идолопоклонством официальной церкви, требовали простой связи человека с богом, который снова становился защитником бедных и угнетенных. Чем ниже при этом в общественной пирамиде стоят борющийся класс, чем радикальнее были его политические и социальные требования, тем более решительно рвал он с официальным христианством, тем более крайними и «еретичными» становились его религиозные верования. Если протестантское дворянство

и крупная буржуазия ограничились лютеранством, т.-е. отрицанием папства, монашества и безбрачия духовенства, то мелкая буржуазия городских республик или революционно настроенная часть французского дворянства пошли за кальвинизмом, отрицавшим епископов и требовавшим выборности священников. А анархически настроенные массы, под руководством городских ткачей, доходили до полного отрицания и церкви, и священства, и почти всех таинств.

Чтоб покончить с анализом общественных религий, остановимся еще в двух словах на сравнении христианства, особенно опять-таки католичества и православия,—с исламом. Христианство, как оно сложилось в средние века, есть идеология застоя, твердо установленных общественных отношений. Поэтому оно, главным образом, предписывало, *чего не надо делать*. Поэтому оно держало в повиновении массы почти исключительно *страхом ада*. И аду в христианской мифологии принадлежит особо почетное место.

Наоборот, ислам, как *религиозная идеология войны*, звал верующих непрерывно к самопожертвованию, к смерти. Поэтому он соблазнял их тем *райским блаженством*, весьма конкретным и плотским, которое ждет павшего на поле битвы. И *рай* занимает у мусульман то же место, какое у католиков *ад*.

Обратимся теперь к роли религии в современном капиталистическом обществе. Чем объяснить тот смущающий многих факт, что так называемые образованные и даже ученые люди нередко прибегают к «утешениям религии». Кроме несомненного лицемерия буржуазисй интеллигенции, которая своей показной религиозностью желает подать назидательный пример «малым сим», здесь, несомненно, имеют место и более глубокие причины. В том-то и дело, что с моей точки зрения общее образование и даже ученость еще не достаточны, чтоб уничтожить то чувство собственного бессилия и беспомощности, которое охватывает среднюю и мелкую буржуазию перед лицом грозных общественных кризисов, потрясающих капиталистический мир, перед лицом таинственных, неисповедимых судеб нашего общественного развития, перед теми загадками, которые несет с собою завтрашний день. Буржуазный интеллигент чувствует себя игрушкой общественной стихии. И вот

он периодически начинает вопить о банкротстве науки, о «непознаваемом» и т. п., тем самым и дейно поддерживая всякие религиозные бредни. И мне представляется, что лишь на двух полюсах капиталистического мира пока создалась почва для убежденного атеизма. Это, конечно, прежде всего среди сознательного и борющегося пролетариата, чувствующего себя творцом всех материальных ценностей и верящего в свои силы и свою будущность; а затем на вершинах буржуазного мира, среди миллиардеров, королей финансового капитала и биржи, которые одним телефонным приказом могут делать общественную погоду, разорять одних, обогащать других, создавать кризисы, панику и даже войны. И если даже они знают, что их ждет гибель, то они будут сознательно бороться до конца со своим антиподом—пролетариатом за власть и богатство.

И еще одно. Что религия есть по преимуществу практическая идеология беспомощности, видно также особенно ярко из опыта новейших революций. В момент подъема революционной волны, когда народные массы верят в свои силы, чувствуют себя кузнецами своего собственного счастья,—влияние религии падает до минимума, церкви пустеют. Наоборот, в эпохи контр-революции или даже простого отлива революционной волны, когда массы испытывают неизбежное разочарование от того, что их социальные надежды и мечты не осуществились немедленно, у них возникает упадок веры в свои силы, и древняя, седая, могущественная религиозная традиция, ставшая почти инстинктом, берет реванш, возвращается на то место, из которого революция ее на время выбила. Церкви снова наполняются. То же происходит отчасти и при всяких общественных бедствиях и потрясениях, как эпидемии, войны и т. п.

В частности переживаемая нами в России эпоха ознаменована довольно значительным *рецидивом религии* во всех классах общества, не исключая и части рабочих. Но особенно любопытная метаморфоза произошла в этом отношении с нашей интеллигенцией, которая, начиная со 2-й половины XIX в., никогда религиозностью не отличалась и которая, в лице старой профессуры, и даже некоторых элементов, близких, казалось бы, к марксизму, теперь

щеголяет религиозностью. Но, с одной стороны, как я уже указывал в начале доклада, я не считаю религией религиозную философию без живого бога и обращенных к нему молитв (до полного возвращения в лоно православия, католичества или еврейства дошли лишь немногие наши интеллигенты). С другой же стороны, самый этот уклон в сторону религии (как и после 1905 г.) означает прежде всего общую упадочность общественности и общественных интересов среди интеллигенции, общую идейную реакцию. А затем — и это главное — октябрьская революция разрушила самый основной общественный символ веры нашей интеллигенции, веру в то, что она есть соль земли и демиург истории. Революция сбросила массу интеллигенции с командных высот, поставила ее лишь на служебное место. Это вывало такую степень разочарования, такой упадок веры в собственные силы, что теперь эта интеллигенция не прочь поискать опоры в надземном мире, не прочь пококетничать с религией. Это было бы только смешно, еслиб этот повороты не укреплял отчасти идейные позиции подлинной поповщины.

После всего вышесказанного можно сделать некоторые выводы как о борьбе с религией, так и о ее возможном будущем. Как идеология беспомощности, религия обладает огромной силой распространенности, ибо подавляющее большинство человечества еще чувствует себя совершенно беспомощным перед лицом стихии природной и общественной. Поэтому и борьба с религией, как показал в частности опыт Великой французской и нашей теперешней революции, оказывается гораздо труднее и сложнее, чем это воображали просветители всех времен и народов. И хотя наше правительство и правящая партия выгодно отличаются от якобинцев XVIII в. тем, что отказались от физической борьбы с религией, как таковой, от антирелигиозных репрессий, лишь плодящих мучеников, но антирелигиозной пропаганде, просветительству в борьбе с религией придается у нас слишком большое значение, на них возлагаются слишком большие надежды.

С своей стороны, нисколько не отрицая и не умаляя пользы и необходимости антирелигиозной пропаганды, я

се же считал бы, что действительное значение она будет иметь лишь в том случае, если ход нашей общественной жизни вызовет новый прилив энергии и веры в свои силы у народных масс вообще и у пролетариата в частности. А это, в свою очередь, зависит от судеб мировой революции.

Что же касается будущности религии, то само собой понятно, что, в качестве идеологии беспомощности, она может исчезнуть лишь тогда, когда исчезнет самая эта беспомощность, когда человек станет господином не только над природой, но и над собственными общественными отношениями.

Правда, *страх смерти*, этот могущественный источник религии, как будто не исчезнет никогда. Но, во-первых, замена индивидуалистического общества коммунистическим несомненно уменьшит страх смерти, ибо «на миру и смерть красна», ибо жизнь для общества, для коллектива всегда ослабляет чисто животный страх смерти. А затем, если предсказания Мечникова об удлинении человеческой жизни до ее *естественных* пределов оправдаются, если человек будет умирать медленно и незаметно, как дуб, тогда и психика его будет также приспособляться к умирающему телу, и перед смертью человек будет испытывать то чувство *усталости от долгой жизни*, то желание отдыха, которое теперь уже иногда замечается у глубоких старцев, особенно среди крестьян.

Таким образом, как ни велика власть религии над умами человечества, но именно победа коммунизма, полная и радостная победа сознательного человеческого коллектива над слепыми законами природы и общества—одна лишь может создать воистину свободного человека, который, по выражению Библейского змия, не будет нуждаться в богах, ибо сам станет, как бог.

Преображенский. Я, товарищ, только сделаю несколько замечаний, потому что главной части доклада я, к сожалению, не слышал. Прежде всего я считаю необходимым отметить крайнюю односторонность в самом построении доклада тов. Горева; он на религию смотрит, как на не что очень практическое, с одной стороны, а, с другой

стороны, в этом практическом не заметил очень большую вещь, а эта вещь называется моралью. Он здесь говорит относительно того, что религия это есть идеология слабости, идеология страха перед силами природы и т. д. Но он ничего не сказал о том, что в основе каждой религии лежит определенный моральный элемент, что религия это есть в то же время определенный кодекс правил для поведения, что она, таким образом, есть определенный организующий элемент—элемент, служащий для объединения деятельности определенных групп в их жизни и социальной борьбе. Я не отрицаю, что это есть нечто практическое, как сама социальная борьба и социальные организации определенных групп, но об этом надо было сказать. Какую бы мы религию ни взяли, от самой примитивной и до самой утонченной и философски обоснованной, мы везде этот элемент находим. И поэтому, если согласиться с тов. Горевым, что практический элемент религии стоит на первом плане, то этот практический элемент в религии прежде всего заключается в морали. Если вообще об этом не было сказано, то значит доклад построен искусственно, односторонне, подогнан под известную схему и имеет научные недостатки.

Дальше отмечу следующее сопоставление, которое может привести к недоразумениям. Тов. Горев говорит, что первобытный дикарь, с его анимистическими представлениями, и христианский священник по существу своего мировоззрения не отличаются друг от друга. Это неверно: никакой одинаковой идеологии и никакой одинаковой практики не может быть у людей, которые живут в столь разных условиях, как, например, австралийские дикари, с одной стороны, и люди, которые живут в огромном обществе с резким делением между классами, с очень большим расстоянием от самого низшего звена до самых социальных верхушек, с другой. Сказать, что есть полная аналогия между тем, как думают или как действуют в области религии люди в период развитого капитализма и дикари, поклоняющиеся деревянным идолам, которых они сами сделали,—сказать это, значит сделать крайне грубую ошибку. Если мы возьмем христианскую религию в ее различных вариантах и если мы сравним ее с представлениями первобытных дикарей, то здесь сразу видна определенная разница,

какая же разница, какая существует между маленькой группой бродячих дикарей и между римским обществом времен падения Римской империи с его очень большим диапазоном между богачами и бедняками. В этом пункте тов. Горев допустил очень грубую натяжку, которая, в конце концов, не помогает понять многообразие явлений, с которыми мы здесь сталкиваемся, а, напротив, затемняет их смысл.

Тов. Горев очень много останавливался на религиозных представлениях, построенных на основе аналогии с существующими социальными отношениями. Совершенно правильно, что религиозные представления в этом отношении копируют социальную обстановку. Это все верно, но что это доказывает? Это все вода на мельницу Богданова и Бухарина, а не подтверждение того, что пытается доказать докладчик.

Теперь я хотел бы еще сказать два слова относительно «жажды справедливости», которая, по мнению докладчика, лежит в основе религии. Кант, который прогнал бога из области науки, отвел для него известное помещение в области сверхчувственного, и в частности поместил туда и этот голос совести, тот категорический императив, который говорит в человеке. Для объяснения генезиса этого учения Канта в области морали нам нужно анализировать социальную обстановку его времени. Кант был мелким буржуа, очень умным, конечно, но вся его философия отразила в себе и социально-политические воззрения, этику и определенную психику того класса, из которого он вышел. Ясно и понятно из каких источников зародилась кантовская теория. Справедливость,—какая справедливость? Если мы возьмем город, те рассказы, которые имеются в городе, покажем какой-нибудь тип из буржуазного класса, когда мы читаем эти заключительные слова из «Критики чистого разума»,—о какой справедливости он может мечтать, о какой несуществующей справедливости он думает? Он является олицетворением этой самой несправедливости. Думаю, что философия Канта очень по душе пришлась также и «жаждой справедливости». Какая справедливость? Для кого справедливость? Тов. Горев прямо отходит от марксизма, когда конкретный социологический анализ каждой данной религии хочет заменить надуманными и чисто идеалистическими обобще-

ниями. Все это — пустая мифология для революционных марксистов, которые и должны и могут объяснить все явления в области религии с научной точки зрения, т.-е. с точки зрения исторического материализма. В заключение, тов. Горев говорил относительно того, что мы распространением знаний не можем вполне разрешить вопроса о борьбе с религией. Мы видим факты, что определенные круги, которые в достаточной степени образованы, и которых религиозная мифология не должна была бы удовлетворять, они как раз религиозны. Это доказывает, что в религии есть двойкий элемент, во-первых элемент познавательный и, во-вторых, элемент практический. Надо понять, что то явление, которое наблюдается теперь у нашей буржуазии, т.-е. поворот к религии, и вызвано тем, что в определенную эпоху этот класс начинает глупеть с объективной неизбежностью. Бывают такие моменты, когда класс по самому своему положению в обществе не может не глупеть для того, чтобы верить иллюзиям в прочность своего господства. Это классовое поглупение имеет под собой определенную социальную основу в данный период. Все это, конечно, не противоречит тому, что говорил тов. Горев. Кстати, Поль Лафарг указал чрезвычайно метко на то, что буржуазное общество благодаря стихийности в области хозяйства создает почву для мистики. Если же тов. Горев указывает на то, что верхи буржуазии, управляющие хозяйством, как *Гуго Стиннес*, не нуждаются в мистических объяснениях явлений, то это соображение неосновательно по двум причинам. Во-первых, такие группы представляют ничтожную часть буржуазного общества; а с другой стороны, нельзя утверждать того, что лица, которые внешне являются могущественными, распоряжаясь большим количеством ценностей и рабочей силы, что они в то же время чувствуют себя властелинами над законами развития современного общества. Теперь вся буржуазия в целом не знает, что ее ждет завтра. А в этом и лежит корень ее современной тяги к религии. Она уходит в церковь в предчувствии того, что ее «уйдет» из жизни неизбежная пролетарская революция.

Рейснер. Я прежде всего поставил бы докладчику основной вопрос: что он нам хотел сегодня дать. Если это была

гипотеза, то во всяком случае я считал бы, что он был обязан дать нам гораздо более научно проверенных, систематизированных и продуманных оснований, нежели те, которые он нам дал. Если это научный фельетон, то тогда пожалуй, можно сказать, что такие научные фельетоны могут иметь место в каком-нибудь журнале, и то даже не марксистском, как сейчас правильно было замечено. Быть-может, автор, пришел к нам, как в лабораторию чтобы совместно разработать маленький материал, так как в течение 3-летних своих лекций по историческому материализму он кое-что надумал, и вот сейчас уже у него есть какие-то мысли о религии, некоторые соображения на сей счет, и результатом является позыв разработать, наметить план будущей работы. Но я сегодня слышал от товарища Горева перед докладом, что как раз эта лекция есть та работа, которая предполагалась к напечатанию. Тогда я беру на себя смелость попросить тов. Горева поработать над этой темой и поработать немножко больше и подумать над ней несколько серьезнее. В самом деле, я остановлюсь только на некоторых основных пунктах, которые меня резнули необычно. Да, я еще перед началом доклада выразил свое изумление по поводу названия: «Сущность религии»; сущность—такое слово неподходящее, ведь в глубине этого понятия лежит нечто метафизическое, неопределенное, абсолютное. Какая же сущность? Ведь она может меняться смотря по тому, как подойти к предмету, с какой точки зрения. Если я подойду к вопросу о религии с точки зрения экономически-марксистской,—сущность будет одна, она будет лежать в общественном значении религии, ее связи с определенными условиями хозяйства. Вот будет сущность с точки зрения социально-экономической и марксистской. Так и подходить надо, товарищи. Тов. Преображенский, впрочем, нам совершенно правильно отметил, как найти и другую сущность, сущность религии с точки зрения психологической. Тогда сущность будет другая, тогда сущность будет иметь те черты, которые и отметил тов. Горев на самом деле в своем докладе. И если бы он нам сказал: «Товарищи, я разбираюсь сегодня с такой-то стороны, или я подхожу к сущности с точки зрения психологической», было бы другое дело, ибо, насколько я мог проследить, категория страха, на чем с

самого начала стоял наш докладчик это и есть категория психологическая. Значит, вопрос сегодня касался вовсе не сущности. Никакой тут сущности нет, а есть освещение вопроса с психологической стороны, и здесь перед нами выявлена определенная психологическая категория, психологическое переживание, которое называется страхом и вот оно сближается с понятием религии. Но, конечно, слово сущность сказано недаром. Когда я говорю слово «сущность», значит этим самым я исключаю все остальные точки зрения, как «несущественные», если есть эта «сущность», то все остальное уже только атрибут, есть уже нечто производное и второстепенное. Но, говоря так, товарищ Горев как марксист совершил большое преступление против марксизма. Он определяет, что сущность религии лежит именно в психологической точке зрения и ни в какой другой, ибо все остальное должно явиться только чем-нибудь второстепенным. Если это так, то надо сказать, что надо быть осторожнее в таких определениях. С другой стороны, в докладе не различаются религия и вера, и под «сущностью религии» сплошь и рядом разумеется вовсе не религия, а психическое переживание, то, что называется религиозным чувством. И это религиозное чувство, оказывается, коренится в страхе. Но позвольте вам доложить, что если вы не желаете совершенно разделять два понятия, понятие религии и понятие веры, того, что называется религиозным чувством и в современной психологии и в современной науке, то гораздо лучше было бы назвать вашу «сущность» чувством мистическим, а может-быть, еще лучше было бы перевести это на язык современной психологии, вообще отделаться от понятия религиозного чувства и даже понятия «мистическое чувство» и установить ту категорию, которая является психологией, дологической, иррациональной или подсознательной. Вот это другой вопрос, вот там вы можете говорить о вере и о характеристике веры в связи ее с разными иными категориями психологии. Но тов. Горев упорно смешивает религию и веру, между тем, как ему правильно опять-таки указал тов. Преображенский, в этой самой религии имеется громадная категория совсем не религиозная, отнюдь непосредственно с ней не связанная. Это—целый ряд таких положений, которые относятся прямо к позна-

нию и имеют, следовательно, содержание познавательное. Нет ни одной религии, которая не имела бы своего рода метафизики в буквальном смысле этого слова, т.-е. теории происхождения мира и своей системы естествознания. Я скажу больше, не только системы нравственности, как это было отмечено, но и своей техники, санитарии, права и т. д. без конца. Религия есть комплекс в высшей степени сложный, социальный, это уже не психология, и она содержит в себе такие категории, которые, конечно, понятием религиозного чувства, мистики или веры совершенно не исчерпываются, об этом говорить нечего. Но я пойду дальше. Подходя психологично к вопросу о вере и характеризуя, в данном случае правильно характеризуя, одно из основных атрибутов веры—молитву, тов. Горев даже не потрудился нам дать анализ того, а что такое в самом деле эта самая молитва? Я не знаю, молился ли когда-нибудь тов. Горев или нет...

Горев. Никогда не молился.

Рейснер. Это заметно. Но тогда, тов. Горев, может, быть, вспомнит об одном толстом исследовании английского психолога Вильяма Джемса, где он говорит о религиозном опыте; там можно проследить интереснейший тип людей, которые не только молились, но которые технически-совершенно умели молиться и, мало этого, умели рассказать о том, что они испытывают во время молитвы. Из этого анализа тов. Горев узнал бы следующее: во-первых, в молитве имеется несколько стадий в высшей степени характерных и интересных. Первая стадия—отрыв и изоляция от мира и связанных с ним внешних ощущений и сферы разума. Эта изоляция достигается, между прочим, при помощи ощущения своей беспомощности и страха, при чем в «экзерцициях спиритуалистических», которые были в свое время созданы Игнатием Лойолой, дана необычайно технически правильная и научная организация этого страха. В этом отношении тов. Горев прав. Страх—это один из элементов развития молитвы. Ну, к этому я должен прибавить, что после того, как под влиянием страха парализовано сознание, происходит обращение к подсознательному. Об этом мы когда-нибудь побеседуем поподробнее. Здесь я только отмечу один факт. При помощи этого подсознательного ощущения органи-

зуется особое сосредоточение на одном пункте всей энергии данного лица, и вполне естественно, что это сосредоточение, которое выражается не только психологически, но и соответственно физиологически, дает особенное напряжение силы, внутренней энергии и придает импульсивность движениям. Подобное напряжение рисуется, в свою очередь, мистикам в таком виде, что будто бы они начинают борение с невидимыми препятствиями, окружающими их со всех сторон, и затем при помощи все новых и больших напряжений постепенно преодолевают их. Я видел, между прочим, как молился пресловутый Иоанн Кронштадский. Он изображал из себя фигуру, находящуюся в состоянии напряжения, доходившего до самого настоящего иступления, что и выражалось в диких жестах, вздохах, конвульсиях и словах. В результате у такого мистика получается острый подъем и впечатление прорыва через воображаемые препятствия, преграждающие доступ к божеству, на чем напряжение и заканчивается. После этого же наступает так называемое слияние с божеством, которое дает ощущение блаженного слияния со всем, с богом, духом или бесконечностью. Такой результат молитвы характеризуется у разных мистиков различно. У Джемса приводятся примеры чрезвычайного экстаза, настоящего иступления. Они воспринимаются как необъятное увеличение силы и мощи, дают громадный рост и расширение нашего «я» и с полной потерей ощущений времени и пространства достигают полного слияния с миром, в каком-то бесплодном ощущении. И вот в результате наступает погружение в нирвану, совершенная оторванность от «плоти», потеря себя во «всем». И когда подобных мистиков спрашивают о том, что они испытали, они обычно говорят, что это неопишимо, не может быть выражено на человеческом языке, или же, что они погружались в ничто или бога. Позвольте же после этого спросить, где же здесь страх как сущность религии? Это в лучшем случае лишь один из моментов молитвенной или мистической техники, особенно у мистиков, в целях перехода к подсознанию. Тов. Преображенский отметил относительно буржуазии, что у нее сейчас происходит в некоторых слоях процесс погупения. Так вот в молитве мы можем видеть процесс искусственного самоодурения. Вот почему и сам Джемс, весьма

христианский писатель, рассказывает нам, что процесс молитвенного самоодурения ничем не отличается от совершенного оглушения под влиянием приема того или иного алколоида, от отравления спиртом, гашишем, опиумом и т. п. И если вы занимаетесь психологией веры, то мы в праве потребовать от вас: дайте же нам анализ ее, проверьте, что говорят другие, выясните, что такое психологически молитва. А исходить при современном состоянии науки и психологии из одного только анализа страха, как сущности религии, это значит провоцировать подозрение, что человек берется говорить о предмете без того, чтобы познакомиться хотя бы с важнейшей литературой, относящейся к данному вопросу.

Умолчание о главной литературе предмета при психологическом анализе религиозного чувства может прямо вызвать пожелание, чтобы всякий исследователь в данной области предварительно вооружился несколько серьезнее, прежде чем выступить с такой ответственной темой в стенах ученого учреждения. Если же ограничиться только характеристикой того, что нам дано, и остаться в границах предложенного нам материала, то и тут нам встречается нечто такое, что, воистину, нуждается в разъяснении. Итак нам говорят прежде всего о проявлении религии, как проявлении страха. Хорошо. Но с другой стороны, как видно из слов самого докладчика, в противоположность католическому аду со всеми его ужасами, выступают мусульмане, муллы, которые действуют на них отнюдь не при помощи ада, но рая со всеми его вкусовыми приманками и ласками гурий. Что же по теории докладчика выходит, что и этих гурий правоверные мусульмане боятся? Что же, их этот рай страшит? Насколько нам известно,—нет. Напротив, в противоположность устрашению здесь весьма усиливается обещание награды. И если мусульмане умели умирать ради своего рая, то позвольте напомнить боксерские восстания в Китае так же, как подобные же движения на Востоке. Там люди шли положительно с ножами в руках на европейские пушки. Что же, это делалось под влиянием страха? Отнюдь нет; они шли в бой, так как были совершенно уверены в своем бессмертии. Следовательно здесь действовал опять-таки не страх, а религиозные мотивы совершенно иного сорта.

Таких примеров каждый из нас может насчитать тысячи. Не мог я далее, как человек преклонного возраста, не заинтересоваться другим пунктом в изложении докладчика. А именно его учением о религии стариков. По его теории выходит, что старик, доживший до конца дней своих, должен непременно струсить перед смертью и позвать попов. Это перспектива довольно печальная, особенно для убежденных атеистов. Что поделаешь, страх перед смертью укрепляет религию, а посему и старики оказываются очень религиозными. Но меня утешает другое обстоятельство. Как видно из слов докладчика, некоторые старики, правда, особые, нормальные старики говорили докладчику: «Ах, хотя бы смерть пришла поскорее». Но отсюда вывод,—не все старики боятся смерти. Не думаю, чтобы у тов. Горева была по поводу этого статистика, которая показала бы нам, которые из стариков, желавших смерти, были религиозны, и какие, из боявшихся ее, были нерелигиозны. А я готов утверждать, что как раз в той области, где тов. Горев встречал нормальных стариков, бесстрашно умиравших, которым жизнь надоела в высшей степени, т.-е. среди крестьянства в деревне, там по большей части «нормальные» старики и отличаются религиозностью. Но как же, спрашивается, теперь примирить религиозность с отсутствием страха. Где же тут теория? Конечно, никакой теории не получается, а есть только некоторые отрывочные указания. Есть, впрочем, еще один пункт который вызывает большое недоумение. Докладчик сказал, что реформация была возвращением к первоначальному христианству. Основанием такого сходства является будто бы то обстоятельство, что там было падение римской империи, а здесь—падение средневековья. Признаюсь, утверждение в такой общности мне представляется прямо невероятным. Ибо сравнивать эпоху перехода к капиталистическому хозяйству и время падения античного мира с его возвращением от крупного рабовладения к первоначальным формам натурального хозяйства—крушение античного хищнического капитала и рождение нового торгово-промышленного—этого и в такой форме не позволил бы себе сколько-нибудь толковый студент на экзамене, и я думаю, что здесь мы встречаемся скорее с обмолвкой докладчика, и из чувства

уважения к докладчику я серьезно не буду останавливаться на такой очевидной оумолвке.

Горев. Я отвечу.

Рейснер. Даже ответите? Это будет очень приятно, так как иначе я никак не смогу понять, о каком собственно первоначальном христианстве здесь идет речь? О каких христианских массах тут говорилось? О иерусалимских массах zelотов и сиккариев, о сектантских движениях ессеев, поскольку подобные течения и секты были впоследствии покрыты именем христианства? О первоначальной еврейской общине христиан? То ведь надо принять во внимание, что реформация имела дело уже с мировой христианской религией, а эта последняя весьма отличается от своих юдаистических основ. Ведь в первоначальную религию христианской диаспоры широким потоком влилась та чисто языческая религия эллинизма, которая после побед Александра Македонского в Малой, Средней и Большой Азии, пройдя через ряд религиозных реформ и переворотов, объединила тогдашний мир. Благодаря этому еврейский мессия был заменен языческим сыном Божиим, умершим и воскресшим, была введена языческая же мать Божия, а сама церковь была организована по типу закрытых мистерий с особой благодатью для жрецов. Спрашивается теперь, о каком христианстве в сравнении с реформацией говорит тов. Горев? Ведь сын Божий в реформации остался. Наконец, остановлюсь на последнем замечании. Здесь особенно подчеркивалось значение религии в качестве прямо практического средства, и поэтому центр тяжести был перенесен в коленопреклоненную просьбу. Выходило даже так, будто тов. Горев именно первый установил такой практический характер религии, и до него никто не говорил об этом. Но я отмечу, что уже Фейербах указал на характерный парадокс религии, который состоит в том, что каждая религия, несмотря порой на крайнюю идеализацию, в то же время сохраняет практический, даже строго утилитарный характер. Напомню и ученика Фейербаха, Людвига Кнаппа, который лишней раз подтвердил глубоко практический характер самой необузданной общественной фантастики. С другой стороны, разве не отличается религия тем же практическим характером в изображении всех наших марксистских писателей вплоть до

тех, которых так раскритиковал сегодня тов. Горев. Но здесь, в докладе этой практичности придан особый оттенок. На первый план выдвинуто умиловивление, упрашивание, моление. Пусть так. Но разве можно забывать о тех магах и волшебниках, которые при помощи особых формул и заклинаний не умаливают, но требуют божество к ответу, — принуждают его явиться, заставляют это самое божество повиноваться человеку, служить ему и т. д. И когда древне египетский жрец снабжал покойника всевозможными, строго сформулированными ответами для прохождения страшного суда, то дело шло опять-таки вовсе не об умаливании, а о точном соблюдении определенных правил и формул, при помощи которых рай был самым надежным образом обеспечен. Не молитва, а магия получает главное значение в практическом применении религии, и неудивительно после этого, что, когда по индусскому преданию злой дух никак не мог справиться с добрыми богами, он стал подвижником, чтобы при помощи такой строго регулируемой святости заставить богов служить себе. Много, впрочем, я мог бы еще вам сказать. Но мое время и так очень затянулось. В особом докладе я, может-быть, попробую выяснить вам не только вообще вопрос о значении психологии для исторического материализма, но и в частности для понимания явлений веры.

Заключительное слово т. Б. Горева.

Мой доклад был встречен оппонентами весьма неблагоприятно. Может-быть, отчасти причина этого в том, что, благодаря обилию материала, мне пришлось выражаться слишком сжато и конспективно, и основные мысли моего доклада не были достаточно развиты, что и вызвало ряд недоразумений. Но при всей резкости сделанных мне возражений, при всей суровости вызванной моим докладом критики, я по совести должен сказать, что эта критика в значительной мере была мимо цели и главных положений моих не разбила.

Начну с последнего оппонента, т. Дитякина. С юношеским задором он обвинил меня не больше, не меньше, как в «походе против марксизма», в желании ниспровергнуть исторический материализм и в тому подобных

страшных вещах. Это может вызвать только улыбку у всякого, кто знает мои работы и кто внимательно прослушал доклад. Весь этот шум вызван тем моим утверждением, что исторический материализм ставит себе задачей объяснить *развитие* идеологий, то общественное бытие, которое отражается в них в каждый данный исторический момент, но *происхождение* некоторых идеологий и их особенная, специфическая форма коренится иногда еще в животном происхождении человека. Это утверждение и объявлено было покушением на марксизм. Но ведь моему оппоненту, вероятно, известно, что нравственность и искусство тоже отражают общественное бытие, что не мешает им отличаться и от религии и друг от друга и по своему происхождению и по своим специфическим особенностям. В частности, если мы после Дарвина и Каутского скажем, что сущность нравственности— социальный инстинкт, свойственный всем стадным животным и принимающий у человека на позднейших стадиях характер *социальной привычки* или опыта, которые *объективную пользу коллектива* отражают в индивидуальной психике, как субъективный нравственный долг,—неужели мы этим посягнем на марксизм и на тезис о бытии и сознании? В том-то и беда, что этот тезис часто понимается слишком упрощенно и избавляет многих скороспелых марксистов от обязанности *конкретно* изучать и бытие, и формы сознания. Поэтому все квази-методологические выпады т. Дитякина, вся его защита марксизма от моих посягательств производят комичное впечатление и основаны на сплошном недоразумении. Что касается отдельных его возражений, то тот факт, что египтяне обожествляли не только крокодила, но и кошек и быка, несколько не колеблет моего предположения, что крокодил наводил на них священный ужас и именно *потому* обожествлялся. Это отчасти возвращает нас к вопросу о происхождении религии из страха. Мне кажется, что зародышевые формы религиозной психики мы находим у некоторых животных, прирученных или укрощенных человеком. Процесс этого укрощения с яркой художественностью изображен в рассказе Джека Лондона о борьбе человека с одичавшей собакой. Укрощенные животные обыкновенно боятся именно того человека, который их покори́л, но не человека

вообще, так же, как почитаются обыкновенно свои племенные или национальные боги, но не чужие.

Из всех возражений т. Дитякина наибольший вес имеет то, что самый страх есть лишь результат невежества, и потому выводить религию из невежества совершенно правильно. Это замечание верно только в ограниченной степени. Очень часто мы боимся чего-нибудь, например, врага или наступления какого-либо события именно потому, что мы его хорошо знаем, изучили на опыте его опасные свойства и предпочитаем борьбе — покорность и умиловительство. Притом это вовсе не важно с моей точки зрения. Важно лишь то, что религия — не только идеология невежества, а категория *практическая*, идеология покорности и беспомощности.

Перехожу к тов. Преображенскому. Он не слышал первой части моего доклада и потому естественно впадает в недоразумения. Но в одном отношении он прав. О морали в связи с религией я, действительно, не говорил и сделал это сознательно. По-моему, между моралью и религией нет *необходимой* связи. Эта связь явилась лишь в очень поздние времена, главным образом, с возникновением *общественных* религий. На ранних же ступенях развития, несомненно, были религиозные верования, но не было того, что мы называем моралью, она еще не отделилась от обычая. Ибо моралью, или нравственностью в настоящем смысле слова следует считать лишь так называемую «автономную» мораль, когда человек есть единственный судья своих поступков и действует не под влиянием страха наказания, хотя бы и небесного, и не под влиянием страха общественного мнения, а только под влиянием того, что он сам считает *долгом* и что, как я уже сказал, есть сознательное или бессознательное отражение в его мозгу — пользы и интересов коллектива. Если религия *освящает* официальную мораль, то это еще не значит, что мораль есть один из признаков религии. Многие идеологии связаны между собой, но изучаем мы каждую отдельно.

Далее тов. Преображенский считает преувеличением и упрощением с моей стороны, когда я говорю, что идеология дикаря, заклинающего своих духов, деревенского знахаря, современного священника, возносящего молитвы к

своему богу, напр., о ниспослании дождя,—по существу одна и та же. Я настаиваю на своем утверждении и, как сказал уже, вполне согласен в этом с И. И. Степановым. Стоит прочесть, в каком виде такие мастера, как Золя в «Париже» и Толстой в «Воскресении», описывали—один католическое, другой—православное богослужение, чтоб получилось настоящее впечатление подлинно дикарских манипуляций. Тов. Преображенский недоволен односторонностью моего доклада. Что же делать? Всякая гипотеза, пытающаяся осветить какой-либо вопрос с единой точки зрения, многим кажется односторонней. В такой же односторонности обвиняют, как известно, и весь марксизм. В частности, все то, что говорил тов. Преображенский об отражении религией социальной среды, бьет мимо цели, так как я это целиком принимаю и иллюстрировал во второй части моего доклада. Все дело лишь в том, что религия *по-иному* отражает социальную среду, чем другие идеологии, и что это *иное*, т. е. специфические особенности религии, как таковой, и надлежит анализировать. Особенно т. Преображенский возражает против «жажды справедливости», как одного из стимулов общественных религий и против моей ссылки при этом на Канта. Мало того, он несогласен даже с самым делением религий на природные и общественные, которое я устанавливаю. Но это деление не мое, а общемарксистское, особенно подробно обоснованное Каутским. Что же касается жажды справедливости, которая иногда охватывает народные массы, находящиеся под влиянием своих священников, утешение в ожидании этой справедливости *после смерти*, то Кант, именно, как идеолог мелкой буржуазии, вполне мог отражать ее чаяния в этой области, ибо прусская мелкая буржуазия XVIII века достаточно страдала от юнкерско-полицейского государства и вполне могла вздыхать хотя бы о потусторонней справедливости, когда злые будут наказаны, а добрые награждены. Тов. Преображенский устанавливает два элемента в религии: психологический и общественный. Я этого нисколько не отрицаю. Только, по-моему, самый общественный элемент преломляется в религии не с теоретико-познавательной (как напр., в философии), а с практической стороны, в форме обращения с просьбой к тем общественным силам, которые го-

сподствуют над человеком и которые он именно поэтому покорно фетишизирует и обожествляет.

Наконец, возражения тов. Преображенского по поводу высказанного мною предположения об атеизме миллиардеров тоже основаны на недоразумении, и его ссылки на остроумные рассуждения Лафарга о социальной подоплеке религиозности буржуа я вполне принимаю и сам об этом говорил. Я думаю только, что та зависимость от стихийных законов общества, от биржи и кризисов, которую чувствует мелкий и средний буржуа, не чувствуется королями этой биржи, и потому они «про себя», наверное, исповедуют циничный атеизм и материализм, как это, впрочем, имело место и у некоторых крупно-дворянских представителей старого режима во Франции, которые видели надвигающуюся катастрофу и наслаждались по праву «хоть день, да мой», не веря ни в бога, ни в бессмертную душу и смотря на религию исключительно, как на временную узду для бунтующей «сволочи».

А теперь в заключение остановлюсь на т. Рейснере. Его выступление по своему тону носило совершенно исключительный характер. С типично цеховыми профессорскими замашками он обрушился на меня, как на неуча, который, видите ли, оскорбил своим легковесным докладом честь этого почтенного учреждения. И вот, чтобы спасти эту честь, профессор Рейснер и решил по поводу моей скромной персоны показать нам всю свою ученость сразу. Он прочел нам интересную лекцию о самых разнообразных предметах, о психологии и мистике, об экстазе и молитве, о Джемсе и Иване Кронштадтском, он, как и подобает всякому уважающему себя профессору, бесконечно много цитировал, но... все это имело чрезвычайно малую связь с основным тезисом моего доклада, которого, по моему, даже вся ученость тов. Рейснера не опровергла.

Он начал с того, что не знает, что я хотел дать своим докладом. Что это такое, гипотеза или научный фельетон? Против такой легкомысленной вещи, как фельетон, тов. Рейснер, конечно, протестует всеми фибрами своей учености. А научной гипотезой, которой я пришел бы поделиться на заседание высшего марксистского учреждения, по мнению тов. Рейснера, мой доклад не может быть назван, так как он для этого слишком легковесен. Отвечу ему,

что я смотрю на свой доклад, именно, как на попытку защитить определенную научную гипотезу. И смею думать, что она мною аргументирована не хуже, чем, например, гипотеза тов. Богданова о происхождении религии от появления организаторов, гипотеза, являющаяся голым постулатом, который стал штампом у нашей учащейся молодежи, особенно после того, как тов. Бухарин безоговорочно, без малейшей тени доказательства, к этой гипотезе присоединился. Тов. Рейснера возмущает самое заглавие моего доклада: «*О сущности религии*». От слова «сущность», видите ли, отдает метафизикой, это звучит не по-марксистски. Я употребил слово «сущность» в смысле основы, характерных, специфических свойств, того общего, что объединяет самые разнообразные религии и что дает нам право называть их одним именем, подводить под одно понятие. Ведь говорим же мы, что сущностью нравственности является социальный инстинкт, сущностью любви,—как бы она ни изменялась в зависимости от эпохи или класса, как бы ни расцветивалась или идеализировалась,—половой инстинкт или инстинкт размножения. Это—самый обычный способ выражения, и никто никогда не назовет нас метафизиками, как не обвинят в метафизике и Маркса за то, что он считал сущностью или даже, как он выражался, «*субстанцией*» ценности овеществленный труд. Словом, здесь тов. Рейснер напрасно потрудился. Но, категорически отвергнув самое слово «сущность», он дальше идет на уступки и допускает, что сущностей—много, что религию можно рассматривать и со стороны ее психологической сущности и со стороны экономической. Если угодно тов. Рейснеру, я подхожу к религии со стороны ее психологической сущности и доказываю, что она носит практический, а не теоретико-познавательный характер и что, отражая определенную, до сих пор не перейденную ступень развития производительных сил и общественных отношений, религиозное сознание есть идеология беспомощности, покорность и, как результат этого, сущность ее в просьбе, в молитве, а не в мифологии, не в созерцательном общении с космосом, не в пассивном преклонении пред красотой и т. п. Все это и надо было опровергнуть тов. Рейснеру, но он этого не сделал. Вместо этого он много распространялся о страхе. Он прямо

испытывал страх пред моей теорией страха, которая у меня играет лишь подчиненную роль. Для меня важен не страх, а покорность. Тов. Рейснер весело рассказывал вам о мусульманском рае и спрашивал меня, если воинственные арабы или турки охотно шли на смерть в ожидании рая, то где же здесь страх. Не гурий ли они боялись? Это очень весело, но это не серьезно и тоже пахнет «фельетоном». Я мог бы на месте тов. Рейснера привести более общее и на первый взгляд убийственное, возражение. Если религия есть идеология беспомощности, то чем объяснить тот энтузиазм, который охватывал народные массы во время религиозных войн, например, в эпоху реформации или английской революции? Почему, именно, религия давала этим массам такую веру в свои силы и в свою победу? Но ведь всякая идеология, независимо от ее происхождения и классового характера, раз возникнув, сама становится движущей силой. Религия возникает, как идеология беспомощности, как просьба о пощаде и помощи к одолевшим человека силам. Но если человек почему-либо поверил, что эти силы на его стороне, что они ему помогают, это удесятерит его собственные силы, это делает его иногда непобедимым. Напомним одну аналогию из истории нашего революционного движения, а именно, знаменитый *Чигиринский бунт*. Крестьяне отличались такой покорностью, таким страхом перед властями, что народникам-бунтарям никак не удавалось поднять их хотя бы на местное восстание. Но когда Дейч и Стефанович внушили чигиринским мужикам, что сам царь тайно на их стороне и призывает их подняться против помещиков, это сразу придало им необычайную смелость. Такой же смелостью отличались в религиозных войнах социальные низы, так сильно уверовавшие в правоту своего дела, что они самого бога считали своим вождем и руководителем.

Тов. Рейснер уверяет далее, что во всякой религии имеются элементы познания, что религия есть своеобразная метафизика. Но это именно я самым решительным образом отвергаю, утверждая, что нельзя смешивать элементы религии в собственном смысле с выросшей на ней религиозной философией. У ребенка, который бьет тот предмет, о который он ушибся, нет никакой метафизики, а только

чисто практический порыв. И от этого порыва до страха и просьбы о пощаде, до признания своей покорности лишь один шаг. Тов. Рейснер много распространялся о сущности молитвы, о мистическом экстазе и т. п. и многозначительно отозвался: «оно и видно» — в ответ на мой «цивишенруф», что я никогда не молил я. Может быть, тов. Рейснер и специалист в вопросах молитвы, но он, очевидно, не умеет отличать ту *психологическую надстройку*, которая *выросла на молитве*, от самой молитвы, как просьба или заклинания. Я не видел Ивана Кронштадтского, но я видел *тунгузского шамана* и я уверяю тов. Рейснера, что в их исступлении одна и та же основа и одна и та же практическая цель: воздействовать на своего бога. Если иногда маг *заставляет* бога сделать что-либо, то это значит, что есть такие формулы или манипуляции, перед которыми бог не может устоять, так как и он существо не всемогущее. Ведь и волостной писарь или подпольный адвокат ловко составленной «бумагой» может склонить на нужную сторону судью или власть имущего.

Много смеялся тов. Рейснер над моим предположением (заимствованным, впрочем, у Мечникова), что долгая жизнь и естественная смерть от старости должна значительно уменьшить страх смерти. Мой пример со столетним крестьянином доказывает, по его мнению, обратное тому, что хотел доказать я. В самом деле, древние старцы-крестьяне умирают с таким легким чувством, будто бы потому, что верят в загробную жизнь, тогда как будущие старики, по моему предположению, перестанут нуждаться в загробной жизни именно потому, что не будут бояться смерти. Это по внешности очень ловкое возражение, но и оно не серьезно. Я имел ввиду то чувство *усталости от долгой жизни*, которое и теперь иногда наблюдается у очень старых людей, и думаю, что оно может послужить некоторым прообразом грядущего соответствия медленно умирающей психики с умирающим телом.

Иронизировал тов. Рейснер над моим пониманием христианства и его эволюции. Упрекая меня в метафизике, он сам уподобился метафизику из басни Хемницера, приставая ко мне непрерывно с вопросами: что такое сущность? Что я понимаю под религией? Какое первоначальное христианство я имею в виду? и т. д. Если то,

которое сложилось после первых соборов, с их догматами и иерархией, то мое определение, дескать, совершенно неверно. Для всякого непредубежденного слушателя было ясно, что под первоначальным христианством я имею в виду простую-наивную веру христианских масс первых веков, когда еще не было богословской теории и догмы, заимствованной у греческой философии.

Кульминационного пункта достиг профессорский тон тов. Рейснера по вопросу о реформации. Если бы студент на экзамене сказал ему, что эпоха реформации представляет сходство с эпохой распада римской империи, он поставил бы ему единицу. Это все чистая словесность. Я думаю, Рейснер не сомневается, что я умею отличить эпоху начала капитализма от эпохи гниения античной цивилизации. Но обе эти эпохи характеризовались *глубоким общественным кризисом*, и этого было достаточно, чтобы новые религиозные идеи реформации, т.-е. переход от политеизма натурального хозяйства средних веков к общественной религии облекся в форму возврата к «чистому» первоначальному христианству, подобно тому, как развитие частной собственности и обмена в конце средних веков вызвало так называемую «рецепцию» римского гражданского права. Идеологи в истории очень часто любят, но выражению Горького, ездить в каретах прошлого...

Резюмирую. Сделанные мне возражения не опровергли в моих глазах правильности моего анализа. Я по-прежнему думаю, что сущность религии — *в просьбе, молитве* и что поэтому то «богоискательство», которое еще в большей мере, чем после 1905 г., охватывает часть нашей философствующей интеллигенции, имеет весьма мало общего с настоящей религиозной верой; что, впрочем, не мешает ему давать кажущуюся философскую опору самым темным религиозным инстинктам.

Горев.

Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства.

(Доклад тов. Милютин 11-го ноября.)

Председатель. Товарищи, объявляю заседание открытым. Слово принадлежит тов. *Милютину* для доклада на тему—«О роли государственного капитализма».

Милютин. Товарищи, мы имеем в настоящее время больше чем годовой опыт нашей новой экономической политики, которая открыла возможность для деятельности в известной мере капиталистическим формам хозяйства в рамках Советского государства. Перед нами стоит вопрос: взвесить практическое значение этих капиталистических форм для нашего народного хозяйства в целом, учесть их будущее развитие и их будущее влияние, вообще, на всю структуру советского хозяйства.

Когда была провозглашена новая экономическая политика, то наши противники в оценке ее разделились на две части. С одной стороны, говорили, что при Советской власти, при диктатуре пролетариата невозможно развитие капиталистических форм, что это—утопия, что это, так сказать, трюк, который производит Советская власть в целях своей внешней политики, и ни к чему практически деловому он не приведет. С другой стороны, наши противники из того же лагеря уверяли, что Советская власть повернула к капитализму, восстанавливает капитализм и этим самым, так сказать, изменяет основным принципам, которые были положены в основу народного хозяйства Советской властью, как чего-то принципиально отличного от капиталистического строительства. На самом деле практика показывает, что обе эти оценки были в корне ошибочны.

Я не буду касаться вопроса, который считаю для нас бесспорным, а именно, исторической необходимости новой экономической политики и причин, в силу которых мы перешли в 1921 году к *Н.э.п.* Были экономические и политические причины, под влиянием которых переворот этот был сделан,—так что этой теме позвольте мне не касаться, потому что она десятки раз была освещена в наших прениях и в печати, и разногласий в нашей среде в этом отношении не было... Но проследить, в каких отраслях народного хозяйства начали укрепляться капиталистические формы, проследить размер этих капиталистических форм в настоящее время, насколько они видоизменили приклад народного хозяйства и каковы границы, которые мы должны поставить для развития капиталистических форм, границы допустимости развития этих капиталистических форм, и возможна ли по существу постройка этих границ: вот цель моего доклада.

При повороте к новой экономической политике очень много товарищей отрицали возможность установления границ и были даже в наших узких партийных кругах споры: могут ли быть такие границы определены при новой экономической политике, допустимо ли неограниченное расширение рамок для развития капиталистических форм или нет. В конечном счете было решено, что могут быть поставлены такие границы и было определено, что мы, прежде всего, национализации средств производства не уничтожаем и сохраняем монополию внешней торговли. Это были те общие основные положения, которые определили, до каких пор мы даем правовые возможности развертывающемуся капитализму, частным хозяйственным формам, и где мы поставим точку и скажем, что здесь изменений в нашей общественной структуре не может быть проведено, что мы не откажемся от национализации средств производства, от монополии внешней торговли. Это было установлено не только во внутренней нашей жизни, но и на международных конференциях в Генуе и Гааге было подтверждено нашими представителями перед лицом всего мира.

Теперь перед нами стоит задача, определить удельный вес этих новых форм, рассмотреть их связь с советским хозяйством и перспективы их развития в будущем, до каких границ они смогут развиваться.

Но предварительно, мне кажется, нам придется остановиться на самом *понятии государственного капитализма*, которым часто определяют те частно-хозяйственные формы, какие развились при новой экономической политике, что они из себя представляют, *действительно ли правильное отнесение самого понятия государственного капитализма к таким формам капитализма, как аренда, концессии, как, предположим, смешанные общества и т. д.* Ведь наличие таких государственных форм и организаций, как арендованные предприятия, государственные концессии, смешанные общества, и составляет сущность того, что у нас понимается под государственным капитализмом. И вот, мне хотелось, прежде всего, остановиться раньше—раньше, чем перейти к фактической оценке новых капиталистических форм,—остановиться на том, *действительно ли это—государственный капитализм или нет?* Этот вопрос не только теоретический, но и практический, потому что в зависимости от того, признаем ли мы эти формы государственным капитализмом,—от этого будет намечена и известная наша политика к этим самым формам.

Что такое государственный капитализм? Что под этим подразумевается в капиталистическом строе? Государственный капитализм, это есть высшая форма развития капитализма; когда капиталистическое государство производит огосударствление экономических функций, когда буржуазное государство овладевает функциями распределения, отчасти, производства, когда государство, так сказать, отбирает часть прав у отдельных капиталистов, лишая их свободы хозяйственной деятельности,—*это есть государственный капитализм.* Государственный капитализм возник, главным образом, и развернулся широко, со времени войны, когда в Германии была введена карточная система, когда предприятиям, трестам, синдикатам диктовались производственные программы, и когда в финансовом отношении они были подчинены государству. *Следовательно, когда капиталистический аппарат подчиняется государственной капиталистической власти; когда буржуазное государство овладевает хозяйственной деятельностью и ведет ее активно,—это и будет в сумме означать ту стадию развития, которая называется государственным капитализмом.* Во время войны очень часто употребляли неверную терминологию и определяли эти

формы государственного капитализма, как государственный социализм. Такое же определение государственного капитализма дает тов. *Бухарин* в своей «Экономике переходного периода» и тов. *Троцкий* в своём недавнем выступлении, то же понятие, которое у нас ошибочно распространено, как государственный капитализм, произошло от того определения, которое употребил тов. *Ленин*, когда перечислял в своей брошюре о продналоге капиталистические формы, которые у нас развиваются, и некоторые из них назвал государственным капитализмом.

Государственный капитализм в капиталистическом строе, в развитой форме, действительно является высшей формой, он есть завершение всей капиталистической системы и высшее ее выражение. Буржуазный класс в лице его трестов, синдикатов, господствующих групп, так сказать, сливается с государственным аппаратом. Государственная власть является и выразителем классовых интересов буржуазии и активным деятелем в области экономики, это — высшая форма развития капитализма, от которой один шаг до социализма.

Тут создаются все технические и экономические предпосылки для социализма, дело остается лишь за экономическим переворотом. Господствует буржуазия, власть находится в руках буржуазии, государственный аппарат находится в руках буржуазии, в силу этого класс капиталистов, пользуясь этим, использует и прибавочную стоимость в своих классовых интересах. Но измените *эту структуру государственной власти*, измените самый факт принадлежности власти классу капиталистов, и у вас уже будет не капиталистическая страна, а *социалистическая страна, хотя и на первоначальной ступени своего развития*. Я позволю себе процитировать тов. *Бухарина*, который формулировал, в сущности говоря, эту постановку вопроса вполне правильно, и потом тов. *Троцкого*. Тов. *Бухарин* так писал: «Государственный капитализм есть совершенно специфическая и чисто историческая категория, несмотря на то, что в нем есть и «социальная рационалистика» и «антагонистическая тенденция». Ибо он есть в то же время один из видов — самый «совершенный» — вид капитализма. Основным производственным отношением капиталистического строя является отношение между капита-

листом, владеющим средствами производства, и рабочим, продающим капиталисту свою рабочую силу. При рассмотрении государственно - капиталистической структуры нельзя абсурдно выкидывать этот основной классовый признак. С точки зрения соотношения социальных сил государственный капитализм представляет из себя *потенцированную* (возведенную в степень) власть буржуазии, где господство капитала достигает своей высочайшей силы, поистине чудовищной величины. Другими словами, *государственный капитализм есть рационализация производственного процесса на базе антагонистических социальных отношений при господстве капитала, получающем свое выражение в диктатуре буржуазии.*

Так как государственный капитализм есть сращение буржуазного государства с капиталистическими трестами, то очевидно, что не может быть и речи о каком бы то ни было «государственном капитализме» при диктатуре пролетариата, которая принципиально исключает такого рода возможность».

Тов. *Троцкий* недавно также совершенно правильно определил этот государственный капитализм. Ведь под государственным капитализмом мы все понимаем собственность, принадлежащую государству, находящуюся в руках буржуазии, которая эксплуатирует рабочий класс. Вот, в сущности, краткое и точное определение государственного капитализма.

Можно ли это понятие государственного капитализма применить к тем частно-хозяйственным формам, какие развились у нас? Мы видим, в капиталистическом строе при государственном капитализме государственная власть перенимает у капиталистов их хозяйственные функции и в области распределения и в области производства. У нас процесс обратный: мы, государственная советская власть, передаем капиталистам в аренду, в концессии, на определенных условиях передаем предприятия, средства производства уже *бюджетные*, которыми мы владеем. Это мы наблюдаем в концессиях, и в смешанных обществах, и в арендах и т. д. Там, в государственном капитализме, процесс централизации, здесь — процесс децентрализации. Там — процесс вмешательства государства, здесь — наоборот, как известно нам, государство передает капиталистам часть своей

хозяйственной деятельности, предоставляет им вести под определенным контролем, на определенных условиях. Совершенно другая постановка, совершенно другая линия деятельности, другое содержание этих форм, другие взаимоотношения между капиталистами и государством. При этих условиях нельзя говорить, что, передавая в аренду, мы огосударствляем частного предпринимателя; напротив, мы поручаем хозяйствование частной форме капитализма, не государственный капитализм, а капитализм частный, но существующий на договорных началах с государственными советскими органами. Мы, в сущности, имеем не государственный капитализм, а, правильнее сказать, государственного капиталиста.

Вот, в сущности говоря, правильное понимание тех хозяйственных форм, которые мы имеем в настоящее время, и если там государственный капитализм является при данной структуре хозяйства высшей его формой, которой подчинены все другие формы, весь аппарат, то это отнюдь неприложимо к тем формам капиталистическим, которые имеются у нас. Мы не можем их считать высшими формами, наир., по сравнению, предположим, с национализированной промышленностью, с советскими, государственными формами, которые являются социалистическими формами (хотя организованными на коммерческих началах), но, наоборот, по существу они являются, как частная форма, низшей формой в нашем хозяйстве, чем государственная. Но при этих условиях уже другая должна быть политика, другая оценка этих капиталистических форм. Поскольку они являются низшими формами по сравнению с огосударствленной частью народного хозяйства, постольку они должны быть ей подчинены. Здесь в развитии экономики должно быть тоже, что и в капиталистическом обществе, где высшей форме хозяйства подчиняется низшая форма, где государственному капитализму подчиняются эти частно-хозяйственные формы. У нас здесь линия должна вестись на соподчинение частно-хозяйственных форм более высшим формам хозяйства, как выми являются государственные советские формы народного хозяйства.

Здесь возможно одно возражение. Мы несомненно находимся только в начале процесса экономического развития. Предположим, если бы был естественный процесс

экономического развития, какая картина перед нами бы развертывалась. Ведь преобладающая часть нашего народного хозяйства, это сельское—хозяйство, т.-е. крестьянское хозяйство. Теперь представим себе: начинается оживление экономической жизни, происходит развитие торгового капитала, происходит развитие торговых сношений деревни с городом, торговый капитал производит накопление, начинает проникать в область промышленности, и начинается естественный процесс экономического развития от более низких форм к более высоким. Капитал переходит ко все более сложным формам народного хозяйства, и, так сказать, возникает параллельно с советскими формами хозяйства мощное капиталистическое хозяйство, завладевшее целым рядом основных отраслей промышленности. Если бы можно было себе представить это самостоятельное независимое развитие от низших форм к высшим и частный капитал в своем поступательном движении достигал бы высших ступеней, тогда можно предст. вить себе такую стадию развития, когда он дошел бы до высоких ступеней развития. Но мог ли бы он превратиться в государственный капитализм? *Я утверждаю, что нет*, потому что государственный капитализм в советской форме, как он понимается, как высшая форма капитализма, *он немислим*. Когда государство, в лице советов, т.-е. органов диктатуры пролетариата, производит *государствление* этого развившегося капитализма, тогда он, как капитализм, перестает существовать. Таким образом мы должны принять во внимание это основное различие в понятии государственного капитализма, которое имеется в буржуазном строе, в том понятии, какое ошибочно установилось у нас в отношении частно-хозяйственных форм. Это неправильное понимание вводит в заблуждение многих, что наш так называемый «государственный капитализм» есть высшая хозяйственная форма. Один из товарищей употребил в печати даже такое выражение, что государственный капитализм выше тех социалистических форм, которые у нас имеются. Это ошибочно, потому что, если бы капиталистические формы хозяйства, имеющиеся у нас, превратились бы в государственные, то они перестали бы быть капиталистическими, а стали бы советскими формами хозяйства.

Следовательно, из этого вытекает, что когда мы повернули в сторону новой экономической политики, то это не означало, что мы свернули на путь развития капитализма, как такового, но существу; этого возврата не должно быть и не может быть: при диктатуре пролетариата этого быть не может. Может быть лишь развитие частно-хозяйственных капиталистических форм, но соподчиненных национализированной крупной промышленности. Таков основной вывод. Наряду с ним еще возможно поставить один вопрос. Обязательна ли вообще для других стран «новая экономическая политика», возможна ли она в тех странах, где капитализм достиг высокой степени развития? На этом вопросе я позволю себе остановиться в заключении, когда придется делать выводы, после подведения практических результатов новой экономической политики.

Теперь мы перейдем к тому, что нам показывает практическая деятельность: в каких отраслях народного хозяйства, в какой вообще степени частные капиталистические формы утвердились, укрепились и обросли определенными экономическими средствами и силами, и каково их влияние на экономическую жизнь страны уже в настоящий момент.

Конечно, самый период времени, за который мы можем учесть этот опыт, очень небольшой. Практическая работа частно-капиталистических форм тянется только на протяжении какого-нибудь года, так что здесь еще говорить об окончательных выводах было бы трудно. Но все-таки некоторые выводы мы теперь уже можем сделать.

Мне кажется, что рассмотрение практики частно-хозяйственных форм, которых, — я повторяю, — нельзя определить, как формы государственного капитализма, — доказывает правильность выше намеченных общих теоретических посылок. Прежде всего, мне кажется, придется сделать общее замечание: у нас частно-хозяйственные формы укрепляются пока в области экономических отношений между городом и деревней, там, где капитал более низкого строения, где происходят более быстрые его обороты. Поэтому мы еще до сих пор в области крупной промышленности не имеем ничего, в смысле проникновения туда частно-капиталистических форм

серьезного. В области притока иностранного капитала мы имеем нарастающий процесс предложений: зарегистрировано 400 предложений со стороны иностранных капиталистов. По некоторым понятным причинам я не могу назвать цифру утвержденных концессий, но для примера приведу данные относительно некоторых концессий, характеризующих формы, в каких стремится иностранный капитал к нам проникнуть. Он стремится, главным образом, или в сельское хозяйство, или в область торговли. Возьмем для примера две сельско-хозяйственных концессии, заключенные с итальянскими группами, крупную концессию торгового характера с германским предпринимателем Вольфом и две технических концессии.

При заключении этих концессий борьба шла, главным образом, в области отвоения определенной высоты долевого отчисления, в области налогов, которые берутся государством в общем порядке с концессионных предприятий. Затем в области установления форм для споров с концессионерами. Вместе с тем, практика с концессиями показывает, что стремлениям концессионеров нарушить интересы нашего народного хозяйства будет дан решительный отпор. Концессии допускаются, но постольку, поскольку они отвечают нашим стремлениям развить производительные силы Советской России и укрепить наше экономическое положение и в первую очередь, конечно, нашу промышленность. Этим положением определяются формы и границы допущения к нам иностранного капитала.

Перейдем к аренде. Если вы возьмете последнюю цифру заарендованных у нас предприятий, то она может поразить ваше воображение. По последней сводке высшего Совета Народного Хозяйства, у нас сдано в аренду свыше десяти тысяч предприятий, но из них до восьми тысяч приходится на мельницы, и всего только три с половиной тысячи предприятий в промышленности. Из общего числа сданных на 1 сентября 1922 года в аренду 3.874 предприятий—1.572 предприятия, или 40%, приходится на пищевую и кожевенную промышленность; на деревообрабатывающую и металлообрабатывающую и химическую—1.055 предприятий, или 25%,—на текстильную и синдикатную—423, или 10%; и остальные предприятия, в размере 25%, распределяются по другим отраслям промышленности.

Таким образом мы видим, что аренда предприятий находит свое место, главным образом, в тех отраслях промышленности, которые обслуживают нужды массового потребления — в пищевой и кожевенной. Вместе с тем предприятия в этих отраслях имеют более быстрый оборот капитала. По своим размерам предприятия, сданные в аренду, крайне незначительны; в подавляющей массе они представляют из себя предприятия ремесленного типа и мастерские. Среднее число рабочих на одно предприятие 15—20 человек. Данные по Москве и Петрограду показывают, что удельный вес производства сданных в аренду предприятий к общему производству соответствующих отраслей промышленности — 2—3%. Срок сдачи в аренду в подавляющем большинстве случаев колеблется от 2 до 5 лет. Особый интерес представляет вопрос: кто является арендатором.

Данные показывают, что частные лица из общего числа арендаторов составляют 50%, а из них бывшие владельцы 26%, остальная половина предприятий, сданных в аренду, распределяется между потребительской кооперацией, на долю которой приходится 22%, государственными учреждениями, трудовыми артелями и т. п. организациями.

Арендная плата по преимуществу натуральная и колеблется между 10—15% валового производства предприятия.

На основании этих данных мы можем заключить, что пока еще роль частно-хозяйственных форм в области промышленности крайне незначительна. Частный капитал работает в мелких предприятиях. Но кооперации все же необходимо обратить внимание на то, чтобы предприятия, обслуживающие массового потребителя в основной части были сосредоточены в ее руках.

Совершенно иную картину мы видим, когда переходим к торговле. Тут дело более серьезно. Частная торговля имеет значительную роль. Частная торговля, по имеющимся данным, в общем товарообороте страны участвует от 30—40%, и ее роль продолжает расти. Точных данных, учитывающих участие частной торговли в товарообороте страны, мы еще не имеем, о ее роли мы судим по товарообороту наших госорганов, деятельности госбанка и хлебопродукта. Преобладающая роль пока приналежит госор-

ганам и кооперации. Кстати замечу, что тов. Хинчук в своей книжке о «Центросоюзе» определяет роль кооперации в товарообороте страны по *ассортименту товаров центросоюза* в размере 40%, некоторые из кооператоров оценивают ее роль меньше, процентов в 20—30.

Оптовая торговля почти целиком находится в руках госорганов и кооперации, но наблюдается тенденция перемещения частного капитала и в область оптовой торговли.

Таким образом мы видим, что частно-хозяйственные формы капитализма в области торговли укрепляются, главным образом, в области *розничной торговли*. Оптовой частной торговли в более или менее серьезном масштабе мы не имеем, так как она находится почти исключительно, в руках государственных и кооперативных органов. Но все же мы видим появление того процесса развития, о котором я вначале сказал, и если бы мы предоставили свободу частно-хозяйственных форм развития, если бы не существовало советского хозяйства и регулирования народно-хозяйственной жизни, то у нас процесс экономического развития начался бы: так, было бы развитие торговли, накопление торгового капитала, затем проникновение его сначала в отрасли, близкие к потреблению масс, напр., области кожаную, пищевую и т. д.; затем следующий этап—проникновение его сначала в отрасли промышленности с более крупным капиталом, металлообрабатывающую и т. д. Таков был бы процесс. Но здесь как раз нужно сказать это самое «но»,—если бы у нас был действительно государственный капитализм и формы хозяйства были бы государственно-капиталистическими формами, то таков бы был действительный процесс этого развития. Но поскольку я сказал, что у нас не государственный капитализм, а «государственный капиталист», находящийся в договорных отношениях с государственными органами,—постольку наша система регулирования народного хозяйства ставит и должна ставить определенные границы развитию частно-капиталистическим формам. Здесь мы должны уже в настоящий момент определить те границы допустимости частно-хозяйственных форм, которые естественно определяются этим положением. Уже в начале своего доклада я указал на то, что частно-хозяйственные формы должны находиться в *подчиненном положении*, как это наблюдается в странах

капиталистических в отношении государственного капитализма, происходит у нас в отношении *государственной промышленности*.

Правда, необходимо принять во внимание, что у частных хозяйственных форм есть очень большой плюс, который дает им некоторые преимущества перед государственными органами: это — меньшие издержки на аппарат, если взять накладные расходы, которые несут капиталистические предприятия с накладными расходами, которые несут наши государственные предприятия, — то преимущество заключается у частных. В этих условиях аппарат, который приходится содержать нашей государственной промышленности, настолько для нее тяжел, что она не может маневрировать с той легкостью, как частный капитал, с той прибылью и экономической выгодой, как частный капиталист. Здесь линия нашего поведения и нашей политики должна быть направлена к облегчению наших предприятий, к уменьшению, к сужению аппаратской нашей системы, к уменьшению накладных расходов, к уменьшению непроизводительных трат и перенесению центра тяжести в область повышения производства нашей государственной промышленности. Но успехи частного капитала, они отнюдь не меняют той нашей основной посылки, что все-таки по строению он останется более низким, чем наша государственная промышленность.

Отсюда мы должны сделать и определенный вывод в отношении нашей экономической политики, относительно тех границ, которые мы поставим частно-хозяйственным формам. Мне представляется, выводы здесь приходится делать следующие.

В области промышленности, в отношении частных хозяйственных форм, мы должны поставить границы, руководствуясь определенным планом в смысле сдачи в аренду предприятий.

Должен сказать, что в течение первого года было не так важно, в каких областях частно-хозяйственные формы будут укрепляться, приток частного капитала не мог быть большим, и мы видели выше, что он взял в аренду мелкие предприятия, мастерские и т. п., укрепляясь, главным образом, в кожевенной и пищевой промышленности.

Но в ближайшем будущем это обстоятельство станет гораздо важнее, и здесь наметить определенную линию поведения против вступления дальше частного капитала мы должны. Во-первых, мне представляется, что если мы хотим управлять частно-хозяйственными формами, то мы должны их иметь в экономическом подчинении. Нельзя рассчитывать только на административную и политическую власть. Мы должны держаться той же политики, которой держатся в буржуазном строе, когда одна форма хозяйства подчиняет себе другую форму хозяйства. Здесь мы можем дать всякие правовые возможности для частного капитала, но мы не должны распылять государственных форм хозяйства. Надо делать таким образом, чтобы мы держали в руках частно-хозяйственные формы. Мне представляется, что мы должны сохранить полную монополию в области топливной (я говорю здесь об угле и нефти), металлообрабатывающей промышленности, — мы должны сами вести это дело. Иногда только, в виде исключения, можно допускать в этой области частный капитал. Здесь мы должны оставаться монополистами. При сдаче в аренду предприятий, мне представляется, выгоднее всего нам, с точки зрения народно-хозяйственной, направить частно-хозяйственный капитал на производство *средств производства*, в область *машиностроения* и т. д.

Тот факт, что частный капитал пошел в те области, какие обслуживают массового потребителя между городом и деревней, между крестьянами и рабочими, — это положение внушает определенные серьезные опасения. По моему мнению, в этих областях нужно укреплять положение кооперации; в отношении кооперации должна быть проведена покровительственная политика.

Этот вопрос нам нужно будет поставить и поставить в ближайшем будущем, если мы не хотим получить серьезные неприятности с частным капиталом.

Торговый капитал у нас имеет очень серьезное влияние, и в дальнейшем он будет проникать в другие области народного хозяйства. Мы это должны предвидеть и должны нашу экономическую политику направить по определенной линии. Мы не должны выпускать из рук *оптовую торговлю* сейчас, пока мы имеем первые робкие шаги подхода частного капитала к оптовой торговле.

Мы имеем уже 10 обществ взаимного кредита, 2 акционерных общества. Мы имеем первые попытки перейти от розничной торговли к оптовой торговле. Оптовую торговлю мы должны сосредоточить в своих и кооперативных руках и только этим путем мы сможем держать в подчинении частную торговлю. Частная торговля является пока у нас посредником между государственными органами и потребителями. Конечно, это — посредник хищнический, наживающийся на игре цен, на бешеном их повышении, на падении курса рубля и т. д. Здесь он получает в тысячу раз больше $\%$, чем любое наше государственное и кооперативное предприятие, это — вне всякого сомнения. Но от розничной торговли его отстранить нельзя. Подпускать же его к оптовой торговле было бы близоруким.

В области внешнего иностранного капитала — здесь до сих пор наша экономическая политика направляется не только интересами внутреннего народного хозяйства, но и интересами нашей международной политики. Но вследствие того, что проникновение иностранного капитала к нам не настолько серьезно, то говорить о каких бы то ни было опасностях еще преждевременно. Здесь, наоборот, мы должны употреблять определенные усилия на укрепление связи с мировым хозяйством, на привлечение иностранной техники в наше народное хозяйство. Определенные успехи в этом отношении мы уже имеем, и наша политика в этом отношении стала на более твердую почву; мы с осторожностью будем впускать иностранный капитал в наше народное хозяйство. Мы должны все же не упускать из виду основную линию, а именно, — укреплять наше советское хозяйство, нашу крупную национализированную промышленность, которая находится в руках государства, государственных органов, используя средства иностранного капитала.

Таким образом, товарищи, мне представляется, что в советской структуре, — в структуре советского хозяйства роль частно-хозяйственных форм будет подчинена по всем ответвлениям — иностранного капитала, промышленного капитала, наконец, торгового капитала — нашему государственному хозяйству и этим самым положением будет выполняться наша задача — экономически укрепить наши советские формы хозяйства.

Если бы мы приняли иную точку зрения и допустили бы безграничное развитие частно-хозяйственных форм, это было бы нашей *экономической ошибкой*, за которую мы бы поплатились. К сожалению, у нас недостаточно внимания обращалось на это, и это привело к тому, что в области экономической политики мы вели одинаковую политику и в отношении кооперации, и в отношении государственной промышленности, и в отношении частного капитала. Если это было, допустим, на первой стадии нашей новой экономической политики, то в настоящее время это уже становится невозможным. В настоящее время мы должны перейти к политике, которая расценивала бы частно-хозяйственные формы, как таковые, а не как государственные формы капитализма. Мы должны повести соответствующую экономическую покровительственную политику в отношении кооперативной и крупной государственной промышленности и определить политику в отношении частно-хозяйственных форм. Могут возразить, что, имея в центре внимания интересы развития производительных сил страны, мы указанной политикой можем принести вред начавшемуся торговому оживлению. Конечно, будет не без того, что где-нибудь будет определенным чрезмерный нажим и т. д. Этого трудно избежать. Но все же перспективы нашего развития требуют того, чтобы мы сейчас определили с большей точностью и уяснили бы наше отношение к частно-хозяйственным формам, чем это было до сих пор. Когда мы говорили в наших резолюциях относительно того, что мы занимаем командные высоты на рынке в области торговли, то, в сущности, что мы получили? Это был просто термин. Теперь мы видим, что 50—60% этих высот находится еще в наших руках, но уже 35—40% находится в руках частного капитала, при чем частный капитал ведет энергичное наступление. Что мы должны делать? Мы должны путем экономических мероприятий, путем экономической политики, закрепить за собой остающиеся у нас высоты и, в первую очередь, в области торговой политики. Тут уже нужно определенно, мне кажется, вести покровительственную политику в торговой деятельности по отношению к нашим госорганам и нашей кооперации. Здесь, мне представляется, например,

такие меры, как налоги являются серьезным средством регулирования экономических взаимоотношений. При помощи налогов мы можем и укрепить кооперацию и направить соответствующим образом развитие частного капитала. Точно так же в области арсенальной промышленности мы имеем широкие возможности экономического воздействия. Мы должны направить частный капитал в область машиностроения и развития техники. Пробуждение частной инициативы нам необходимо, но мы должны держать ее в своих руках.

Теперь еще один вопрос. Необходимо ли при диктатуре пролетариата существование форм частно-хозяйственного капитала наряду с государственными формами? Немедленный переход к социализму, к законченным социалистическим формам никто не предполагал, — это являлось бы утопией. В переходную эпоху на лицо имеется существование различных хозяйственных форм. Тов. Ленин наметил для Советской России 5 таких форм. Но ведь народное хозяйство в переходный период не есть простое смешение различных хозяйственных форм. *При существовании различных хозяйственных форм существует определенная закономерность в их соотношениях между собой.* Эти взаимоотношения мы должны изучить и ясно определить, без этого наша экономическая политика будет лишена ясности и определенности, и мы их определили и, как господствующее положение одних хозяйственных форм и подчиненное положение других хозяйственных форм. Так что, когда власть переходит в руки пролетариата, когда происходит переворот, даже при наличности государственного капитализма, то это отнюдь не означает исчезновения всяких частно-хозяйственных форм; даже степень разрушения капиталистического аппарата будет зависеть от остроты и продолжительности гражданской войны. У нас, когда власть взяла в руки пролетариат, это обострение выступило в таких размерах, что капиталистический аппарат нужно было великом взять в свои руки и обезвредить. Произойдет ли это при перевороте в Германии? Не обязательно, но обязательно все-таки будет национализировать крупную промышленность и подчинить рынок, — это будет обязательным для пролетарской власти, хотя

частно-хозяйственные формы в известной части остаются.

Но и там будет структура подчинения частного-хозяйственного капитала формам государственным, которые будут существовать при диктатуре пролетариата. Там будет это даже в более ярких, сильных формах, поскольку там государственный капитализм развился в большей степени, чем это было у нас при перевороте. И там при овладении властью это пройдет в более решительной степени, чем это было у нас, но, по моему, менее болезненно, чем у нас, так как там—большая подготовка.

В заключение еще раз укажу, что мне представляется неправильным употребление понятия «государственный капитализм» к тем формам, которые существуют у нас, и эта неправильная позиция привела нас до известной степени к неправильной экономической политике в отношении к частно-хозяйственным капиталистическим формам. Изменение этой экономической политики мы должны поставить в порядок дня. Если мы вначале, после переворота вполне естественно, перегнули несколько палку в сторону централизации и государственных форм хозяйства, то сейчас не нужно делать того же в отношении частно-хозяйственных форм. Сознавая их значение в системе хозяйства Советской России, мы должны сказать, что наша политика должна быть все-таки направлена на то, чтобы эти формы были подчинены формам государственного хозяйства. В этом будет центр нашей экономической политики. Это не должно быть только философией, общим голым лозунгом, но это должно быть конкретизировано в отношении торгового капитала, в отношении аренды предприятий.

На этом мне позвольте закончить свой краткий доклад.

Преображенский. Я, товарищи, начну с самого главного, основного вопроса, который имеет сугубый теоретический интерес, в особенности в стенах академии. Это—вопрос относительно определения, научно экономического и марксистского определения системы хозяйства в Советской России. Основными характерными чертами капитализма являются: во-первых, частная собственность на орудия производства, во-вторых, присвоение прибавочной стоимости рабочего

класса и, в-третьих, отсутствие планового хозяйства и рыночная система регулирования всего хозяйственного процесса в области распределения продуктов потребления и в области распределения производительных сил во всем хозяйстве при посредстве рычага цен. Теперь государственный капитализм. Он означает наличие рынка, но рынка, части но регулируемого государством. Все остальные величины остаются старые, частная собственность на орудия производства и присвоение прибавочной стоимости. Я считаю неправильным утверждение, что при государственном капитализме происходит переход от непланового хозяйства к плановому хозяйству. Если возьмете Германию в период ее окружения во время войны, то там увидите, что государственному капитализму не удалось осуществить полного регулирования всеми хозяйственными процессами по определенному плану, хотя в этом отношении германский капитализм и германское правительство очень далеко продвинулись вперед. Государственный капитализм означает распределение заказов по определенному плану и сращивание государства и крупнейших трестов в единый организм. Государство превращается не только в надсмотрщика и охранителя буржуазии, но превращается в активный фактор самого хозяйственного процесса и его регулирования. Теперь возьмем наше государственное хозяйство в области крупной промышленности и транспорта. Что здесь мы имеем? Какова здесь собственность на орудия производства? Если по этому признаку судить о системе хозяйства, то у нас нет в этой части ни государственного, ни обыкновенного капитализма. Собственность на орудия производства в крупной промышленности находится в руках пролетарского государства, — следовательно, этот важнейший признак говорит против термина государственного капитализма. Второй признак — присвоение прибавочной стоимости классом капиталистов. По отношению к государственному хозяйству в собственном смысле слова и этот признак у нас отсутствует точно так же. Теперь третий признак — плановое хозяйство. Вот здесь, товарищи, зарыта вся собака. Здесь у нас в данный момент, с одной стороны, рынок и рыночное регулирование хозяйства, а с другой стороны, у нас существует госплан. Здесь мы имеем

двойственную систему, комбинацию двух систем, совершенно противоположных и в то же время сожительствующих в определенный момент вместе. Спрашивается, в этом отношении есть у нас отличие от государственного капитализма, хотя бы периода войны Германии с окружающими ее странами? Отличие есть, но не в нашу пользу. Нужно сказать, что плановое хозяйство в Германии в период войны было гораздо лучше организовано, чем в данный момент оно у нас организовано. В этом отношении получается настоящий парадокс, что мы, пролетарская власть, в этой области оказались на более далекой позиции, чем смог на нее продвинуться государственный капитализм периода мировой войны в той же Германии.

Из всего сказанного вы можете видеть, что определение системы нашего советского хозяйства государственным капитализмом уже по этим основным признакам не годится. Я должен вас предупредить, что вопрос все таки сложнее, чем его здесь представил товарищ *Милютин* и доводы в пользу определения нашей системы хозяйства, как государственного капитализма, более серьезные. Я позволю себе прибегнуть к одному рисунку, который лучше выясняет эту проблему. Вот это — пирамида (оратор рисует на доске пирамиду). Представьте себе на минуту, что она изображает все наше хозяйство в целом. Валовой доход нашей национализированной промышленности и транспорта по самым различным подсчетам в довоенных ценах равен $1\frac{1}{2}$ миллиарда, чистый доход — примерно половина этой суммы. Вообще чистый годовой национальный доход страны равен, примерно, 4—5 миллиардам золотых рублей, и мы, значит, на основании данных Ц.С.У. можем отделить $\frac{1}{5}$ этой пирамиды под хозяйство мелкое, крестьянское хозяйство, кустарное и ремесленное и патриархальное. Тов. *Милютин* говорит относительно этой верхушки. Но надо взять весь процесс в целом. Когда мы будем дальше продвигаться, то увидим, что тут будет сидеть частный торговый капитал и частно-промышленный капитал, дальше будет идти область так называемых смешанных обществ, т. е. область, где, действительно, государство срашивается с частно-торговым и промышленным капиталом. Это — единственная область, по отношению к которой можно в собственном смысле и научно говорить о государственном

капитализме. Таким образом, во всей этой пирамиде нашего государственного капитализма вот настолько, вот, видите, эта полосочка, и то, если мы будем говорить относительно тех обществ, которые проектируются открыть. А если будем говорить относительно тех, которые уже открыты, то я затрудняюсь, можно ли будет даже нарисовать эту линию мелом, не нарушая пропорций рисунка. Теперь перейдем к следующей полоске. Это будет область кооперативного обмена и отчасти кооперативного производства, которая, как показала ваша статистика, т. Милютин, не так мала и в области, например, аренды мало уступает частно-капиталистическим формам. Дальше государственное хозяйство, это и есть то, что мы условно называем социализмом. (С места: мало!) Да, это мало, может быть, даже меньше, если бы мой рисунок соблюдал все нужные пропорции. Суть дела заключается в том, что наше государственное хозяйство находится в состоянии товарообмена и притом денежного товарообмена со всей этой громадой, которая его превышает по размерам продукции в 4' раза. И вот, когда т. Ленин говорил относительно того, что мы должны назвать существующую форму государственным капитализмом, он имел в виду то обстоятельство, что наша государственная промышленность калькулирует капиталистически и работает преимущественно на частный рынок, на который пока наш госплан еще не распространяет своего действия. Кстати, наша задача и состоит в том, чтобы подчинить госплану этот рынок через провокатора, который называется госбанком. Теперь дальше. То обстоятельство, что наша промышленность работает на вольный рынок, это накладывает известную печать на все формы товарообмена и калькуляции и на все хозяйственные процессы. И поскольку т. Ленин говорил, что можно назвать всю эту систему государственным капитализмом, то он именно на эту сторону обращал главное внимание. Но промышленность у нас государственная и принадлежит она пролетариату, организованному в государство, и то, что называется прибавочной стоимостью, остается в руках пролетарского государства. А значит с марксистской точки зрения этой стоимости нет, а если есть излишек, то это прибавочный продукт рабочего государства. Но в то же время эта государствен-

ная промышленность связывается с мелко-буржуазным хозяйством, работает на рынок и подчержена всем тем процессам, котсырым была бы подвержена и капиталистическая промышленность, если бы была на ее месте. Если мы возьмем понятие государственного капитализма в строгом научном смысле, как его принято употреблять, тогда под это понятие подходит лишь эта тоненькая линия смешанных обществ. Весь же остальной наш колупаевско-разуваевский капитализм отнюдь не является государственным. В высокой степени нет, он является анти-государственным. Выходит, что капитализм наш антигосударственный, а наша государственность враждебна к капитализму.

Теперь дальше, товарищи, мы наталкиваемся на ряд других чрезвычайно сложных вопросов. Если наша форма хозяйства не может быть названа ни капиталистической, ни государственным капитализмом, то она должна быть все-таки как-то названа. Социалистической ее также нельзя назвать. Мы должны принять во внимание две основных величины, которые я указал во всей картине. Вот первая величина, а вот—вторая (указывает на рисунок). Вот товарное производство, а вот—социализм. По этим двум основным величинам вся смешанная система хозяйства может быть названа поэтому товарно-социалистической формой хозяйства. Это название неудобно, оно является вспомогательным, но оно лучше определяет суть дела, чем термин «государственный капитализм». Мы знаем, что бывали формы, которые мы называем феодально-буржуазными или буржуазно-феодальными; и прежде происходило сращивание двух форм, старой и новой, так что очень было трудно новым словом определить этот винегрет. (С места: А нэп?). Да у нас это называется нэп, но это просто по небрежности терминологии. Новая экономическая политика, это—политика, а мы говорим о системе хозяйства. Политика может быть и старая, и новая, и новейшая; система же хозяйства—это нечто более постоянное.

Вот, товарищи, как представляется мне дело с системой хозяйства, которая у нас в настоящий момент имеет товарно-социалистическую форму. Это будет наиболее общее определение, под которое можно подвести все раз-

личные формы, которые в настоящий момент имеются. Социалистическая форма это—крупная промышленность, транспорт, госплан отчасти, наша банковская система, которая сыграет колоссальную роль. С этой точки зрения мы занимаем главный участок, он по размерам не велик, но велик чрезвычайно по своей потенции. Как ни велико это мелкобуржуазное море, но оно скоро будет чрезвычайно беспомощно по отношению к этой голове.

Теперь дальше. Тов. Милютин здесь говорил относительно низшей и высшей формы. Я хотел бы предупредить от возможных недоразумений. Безусловно, рассуждая исторически, эта социалистическая форма является более высшей, а капиталистическая более низшей. Это звучит очень утешительно, особенно тогда, когда высшая форма работает хуже, чем низшая форма. Когда вопрос идет о перспективах, здесь надо определенным образом наметить с точной объективностью не только то, что нам хочется. Из того, что социалистические формы являются исторически более высшими, не вытекает, что они не подвержены опасностям в стране, в которой для диктатуры пролетариата экономический фундамент чрезвычайно тонок и слаб. В настоящий момент мы присутствуем при быстром росте этого самого частно-промышленного и торгового капитала, который ведет с нами борьбу за территорию и прибавочную стоимость той части хозяйства, где создается теперь $\frac{1}{5}$ всего национального дохода страны. Борьба идет за то, чтобы здесь была другая, не социалистическая верхушка. Процесс идет пока в форме вытеснения нас из области торговли, с которой исторически всегда и начинал капитал. Частно-торговый аппарат в данную минуту оказался более приспособленным для целей капиталистического распределения в нашей пестрой системе хозяйства, чем мы. В большинстве случаев в частном магазине вы приобретете товар дешевле, чем в государственном! Тов. Милютин указывает, что это связано с большой стоимостью нашего аппарата и в этом отношении частный капитал более экономичен и накладных расходов у него меньше. Тем хуже, значит, для нас. Если процесс будет развиваться тем же темпом, как теперь, он может привести к переходу капитала из области торговли в область промышленности и к серьезной конкуренции

с нами. Разумеется, поскольку государственная власть находится в руках пролетариата, то существуют способы, для того, чтобы в нужную минуту выставить известные преграды против этого натиска капитала. Но если превосходство капиталистической формы и дальше будет продолжаться, то это чисто политическое давление государственного аппарата на большой промежуток времени спасти положения не может. И поэтому в данную минуту опыт торгово-капиталистического распределения с наименьшей затратой средств.

Мы же начнем использовать преимущества высшей системы хозяйства, которые заключаются в том, что мы будем производить концентрацию производства, подсчитывать все заказы внутри государственного круга и изыскивать посредничество сначала из этого круга. Мы используем кооперацию, госторговлю, торговлю в кредит, долгосрочный кредит и привяжем к себе таким образом рабоче-крестьянский рынок также без посредников. Таким образом здесь мы имеем возможность продвигаться вперед. Но пока мы застряли на фазе торгового хаоса, и хотя в этой стадии мы еще имеем кое-какие успехи, но к концу этого периода торговли еще не пришли. Опасность здесь есть, и меня лично несколько не утешает тот факт, что социалистическая форма является более высокой исторически. Мы знаем из истории много примеров, когда более высокая исторически форма не могла удержаться, если вся соответствующая обстановка не была для этого благоприятна. Товарищ *Милутин* говорил относительно того, что мы должны проводить более правильную экономическую политику и по возможности направлять торговый капитал на производство орудий производства. Это звучит немножко академически. Что значит направлять капитал? Он потому и частный, что не пойдет, если мы будем направлять его туда, куда ему не подобает идти по соображениям прибыли. С этой точки зрения, мы довольно бессильны направить частно-торговый капитал на производство орудий производства или на машиностроение и т. д. Мы не можем себе поставить такую задачу, которая является нереальной в настоящей обстановке частно-торгового и промышленного капитализма. Регулирование, по-моему, должно идти не этим путем. Частно-торговый

капитализм будет развиваться по линии наибольшей прибыли, и наша задача должна заключаться в том, чтобы это накопление, срезать в пользу государства во все растущем объеме, чтобы мы это накопление могли переводить на мельницу первоначального социалистического накопления, как назвал этот процесс г. Смирнов. С этой точки зрения указания тов. Милюткина на важность налоговой политики, при пролетарской диктатуре, имеет, конечно, большое значение. Основная задача заключается в том, чтобы мы использовали все возможности капиталистической формы калькуляции для экономии издержек производства. Они у нас больше, хотя капиталистическая платформа и является исторически более низкой. Но мы уже имеем некоторую возможность для планового хозяйства, благодаря тому, что составляем одно государственное хозяйство. Мы обладаем большими возможностями в экономии внутри нашего государственного хозяйственного круга. У нас все преимущества и в области производства и в области торговли. Основная наша беда в том, что мы не в состоянии использовать сейчас полностью те преимущества, которые предоставляет нам более высокая исторически форма хозяйства. Возьмем, например, посредничество, которое в настоящий момент имеет место.

Это посредничество было неизбежно, и смотреть на это надо, как на определенную стадию и на необходимость. Эту стадию надо скорее пройти и ее можно пройти на пути к более высокой и более дешевой форме торговли и распределения. Торговый капитал до войны имел также посреднический аппарат. Каждая торговая фирма и каждая промышленная фирма имела определенный рынок сбыта и определенные торговые связи, которые делали ненужным посредничество для реализации 70-80% продукции. Если вопрос идет, например, о мануфактурных фабриках и оптовой торговле, то определенная фирма имела определенный район, реализация основной массы продукции, определенных лиц, которые заезжают к определенным фирмам. Все эти торговцы были связаны с промышленностью и рынками. Теперь мы перешли на торговлю, после планового распределения. У нас таких связей в 1921 г. не было. И до сих пор еще нет такой системы, при которой определенные предприятия и тресты были

бы привязаны к определенным слоям потребителей и организациям потребителей. Мы очутились в полнейшем торговом хаосе. При таком хаосе (который мы не изжили еще и теперь) наши хозяйственные органы не могли обойтись без этих посредников. Но дальнейший шаг неизбежен. Мы пустим в ход все преимущества над частно-торговым капиталом. Последний сейчас имеет то преимущество, что использует сточениями накопленный опыт.

В заключение два слова относительно последнего вопроса, который, по-моему, не связан был органически с докладом тов. Милютина. Это—вопрос относительно того, неизбежен ли для других стран при завоевании власти пролетариатом период такого же нэпа, какой мы в настоящей момент проходим. По-моему, наш опыт говорит о том, что так схематически вопрос ставить нельзя. В период военного коммунизма нам тоже казалось, что неизбежен всемирный Наркомпрод, а теперь мы уже думаем, что это отнюдь не обязательно. Теперь тов. Милютин говорит: не обязательно нужно разбить капиталистический аппарат при революции на Западе. О каком аппарате идет здесь речь? Тов. Милютин имел, конечно, в виду не государственный, а хозяйственный аппарат. Я же думаю, что нет оснований предполагать, чтобы гражданская война в Западной Европе приняла другие формы, чем у нас. Напротив, все данные говорят за то, что она будет несомненно более ожесточенной, чем у нас, и принесет больше ущерба хозяйству в Западной Европе, чем у нас. И только, может быть, самые последние страны, вступающие на путь пролетарской диктатуры, будут иметь другую ситуацию и в последующий период, может быть, не будут вынуждены в борьбе за власть производить разрушение в тех формах капитализма, которые потом придется пролетариату восстанавливать, смотря по уровню экономического развития страны и уровню культуры и сознательности самого пролетариата. Когда уже произошло овладение властью, то пролетариат начнет рационально строить хозяйство с того уровня, на котором он его застал. И здесь он может отчасти вернуться к тем же формам, которые он разрушил в период войны в пылу борьбы. Мы наблюдали это у нас в России, может быть, будем наблюдать и в Германии. Но исторически это совершенно

другой момент, и эти два момента не надо смешивать: Уже потом, когда возникает вопрос о том, какие капиталистические формы можно сохранить, после завоевания власти некоторые из капиталистических форм придется сохранить. Мы на нашем собственном опыте убедились в том, что в области экономической, многие капиталистические формы являются достаточно эластичными и могут быть использованы при пролетарской диктатуре долгие годы. Я не могу подробно говорить об этом, но на примере денежной системы это можно было бы показать с наибольшей ясностью.

Теперь дальше. Нельзя себе представлять социалистическое строительство после диктатуры пролетариата по определенному шаблону для всех стран. Теперь можно различить уже два типа стран: аграрные, в которых процесс пойдет, примерно, как в России, и страны промышленные. И с этой стороны было бы неправильно, если бы мы пытались на основании опыта такой аграрной страны, как Россия, предвидеть, предсказывать отношения в такой промышленной стране как Германия, которая по своему положению вынуждена вести внешнюю торговлю. Там и соотношение сил внутри страны после революции сложится совершенно иначе. Я думаю, что и этих двух типов будет недостаточно для характеристики будущих отношений. Возьмем Францию и Италию. Это страны и полуграрные и полупромышленные. Какие формы там должен принять социализм? Он там не примет германских форм, но и не примет русских форм, и мы, очевидно, будем иметь дело с очень большой пестротой форм при социалистическом строительстве, а потому только на основании опыта одной чрезвычайно отсталой аграрной страны мы очень мало можем сказать достоверного о хозяйственной системе других стран после пролетарской революции.

Кассиор. К сожалению, я не мог записать доклад тов. *Милютин*. Экономикой мне приходится заниматься в процессе работы в профсоюзах, но и с этой точки зрения, весьма органической и узкой, меня доклад не удовлетворил. Тов. *Милютин* поставил в высшей степени интересный вопрос,—как влияет на систему советского государства развивающийся капитализм. Тов. *Милютин* назвал его государственным капитализмом, а т. *Преображенский*

сделал поправку,—у нас капитализм не государственный и государство совершенно не связано с капитализмом, но это не важно. В общем тов. *Милютин* поставил вопрос о том, как влияет развивающийся капитализм на систему советского государства или, другими словами, как возможно в условиях развивающегося капитализма существование пролетарской диктатуры. По моему мнению, тов. *Милютин* в своем докладе доказывал как раз обратное, т.-е., может ли капитализм развиваться при пролетарской диктатуре. И сделал выводы, что капитализм у нас развиваться при этих условиях не может. И этот свой основной вывод в докладе он доказывал чисто отвлеченными и теоретическими соображениями о том, что пролетарская диктатура, владея экономически высшими формами промышленности (командные высоты), сможет ограничить, регулировать и прекратить всякое развитие хозяйственных форм, поскольку это будет не в ее интересах.

Но ведь эти доказательства тов. *Милютин* совершенно теоретичны. Ведь воля направления и хозяйственная политика советской власти будут определяться объективными потребностями хозяйственного развития. И здесь мало сказать, сделаем, что хотели. Мало также для обоснованного доклада сказать, что у нас—командные высоты, надо смотреть, в каком положении они находятся. Здесь речь идет не только о том, чтобы удержать за собой крупную промышленность, транспорт, финансы, а главным образом, чтобы их восстановить, привести в состояние устойчивости. А в этом отношении дело ведь пока что обстоит весьма плачевно. Всем известно, что в настоящее время наша крупная промышленность и наш транспорт переживают в высшей степени тяжелый кризис. Положение очень и очень тяжелое. Этот кризис, поголовная убыточность нашей крупной промышленности, объясняется хотя отсутствием рынка нормального оборота. На высоте этих областей хозяйства советскому государству необходимо произвести большие капитальные затраты, средства, которых у нас нет внутри страны и в ближайшее время вряд ли они могут появиться. В настоящее время транспорт у нас спускается все ниже и ниже, и производительность транспорта, примерно, равна $\frac{1}{3}$ довоенной. А ведь не надо забывать, что транспорт в мирное время являлся глав-

нейшим потреблением нашей тяжелой промышленности. И теперь без восстановления транспорта невозможно восстановления рынка крупной промышленности. Так наз. легкая индустрия не достигла еще такого строения, при котором ее прибавочная стоимость позволяла бы ей поставить вопрос о восстановлении орудий производства и выступить в качестве потребителя крупной промышленности. Да если бы это было и так, то ее в этом случае оживление тяжелой промышленности возможно лишь частичное. В данный момент тяжелая промышленность, работая на государство, работает сплошь в убыток. Слабая нагрузка предприятий, отсутствие заказов, низкие цены на продукты тяжелой промышленности, задолженность, часть органов, не платящих даже по этим ценам за заказы. В этих условиях исторически высшие формы хозяйства превращаются в свою прямую противоположность, например, нашу металлургическую базу с юга вынуждены перевести на Урал и базироваться на Урале, потому что Урал дешевле, а на юге требует определенных затрат капитала. Вот в каком положении у нас сейчас находится крупная промышленность. И понятно, что перед нами, по-моему, вопрос стоит о том, чтобы не только удержать эту самую крупную промышленность, но и восстанавливать ее. Тов. Милютин тут, на мой взгляд, совершенно неосновательно утверждал, что нам эту самую промышленность во что бы то ни стало целиком нужно удержать в своих руках. По-моему, это не зависит от нашего личного желания, а это будет зависеть от объективных экономических условий, от возможности нам своими собственными силами справиться с этим делом. А в настоящее время положение таково, что справиться с ним мы пока что не можем. И нам нужно поставить вопрос о том, откуда изыскать те средства, которые помогут эти высоты удержать и действительно создать базу для советской диктатуры—подлинную экономическую базу, опираясь на которую, мы могли бы быть хозяевами мелкобуржуазной стихии частного капитала. И в этих условиях заявлять так, как заявлял тов. Милютин, что ни за что и ни за какие деньги частный капитал мы в тяжелую промышленность не впустим, это значит—закрывать глаза на то, что есть, тешить себя иллюзиями. Вопрос состоит не в том, впустим или нет мы

этот капитал, а может ли он пойти и пойдет ли на тех условиях и туда, куда мы бы хотели. А при известных условиях нам выгодно было бы пустить его и в транспорт и в тяжелую промышленность. Ведь не случайно то обстоятельство, что концессии и аренды, о которых говорил здесь тов. Милютин, концентрируются в таких отраслях промышленности, как кожевенная, пищевая. Это объясняется не тем, что мы, сидя в госплане, регулируем и направляем этот капитал. Ничего подобного, это объясняется тем, что эти отрасли промышленности более выгодны и они не требуют колоссальных затрат основного капитала, дают известную прибыль в то время, как на крупную промышленность затраты этого капитала слишком велики, и частный капитал до сих пор еще не соглашается производить эту затрату на тех условиях, на которых мы бы хотели, чтобы он в эти отрасли промышленности пошел. Вот, по-моему, при таких условиях говорить, а я так понял тов. Милютина, что вообще капитал не будет развиваться, потому что мы его куда захотим не пустим, где захотим—придадим, нельзя. Чтобы давать частный капитал, мы должны иметь какую-нибудь экономическую силу. Где эта экономическая сила? Мне бы хотелось, чтобы тов. Милютин не отмахивался от этого вопроса, а дал на него прямой ответ. Если «командные высоты» должны остаться в руках советской власти, то тов. Милютин должен дать экономически обоснованный ответ, каким путем и средствами мы будем их держать и восстанавливать. По-моему, нам надо в нашу хозяйственную политику внести больше ясности, наметить более твердую и возможную при данных условиях линию. Надо рассчитать ближайшие перспективы, твердо наметить, что можно, и что надо оставить в наших руках.

Я хочу остановиться на вопросе о том, как возможна экономически диктатура рабочего класса у нас в России, в условиях мелко-буржуазной стихии развертывающегося капитализма. Я полагаю, что все-таки известные «командные высоты» советская власть удержать может и удерживать должна во что бы то ни стало. Экономическую базу для этих правильно рассчитанных высот нам даст развивающееся сельское хозяйство и восстанавливающаяся все-таки легкая промышленность. Торговый капитал, увели-

чение товарооборота улучшит материальное положение советской власти. С другой стороны, я полагаю, что серьезнейшим вопросом в области экономической политики является внешняя торговля. Россия богата сырьем. Россия обязана организовать массовый экспорт этого сырья за границу с тем, чтобы всемерно улучшить свой бюджет и бросить максимум средств на восстановление хозяйства. Я считаю, что нельзя закрывать глаза на то, что мелкобуржуазное море слишком велико и что у нас в области крупной промышленности должны будут развиваться до известной степени и частная собственность и капиталист. Но мы во всяком случае должны найти известную экономическую базу, подлинную базу хозяйства, которая бы нам позволила соперничать с этим морем и частным капиталом. И нужно отказаться от того, что говорит тов. Милютин: мы частный капитал захотим—пустим, захотим—не пустим, мы его пустим туда, куда нам выгодно,—это так, но и он получит определенную прибыль. И вопрос сводится к тому, чтобы свои силы оценить правильно. Тов. Милютин этого не сделал и не дал ответов на им же поставленные вопросы. Он сделал вывод, что капитализм не будет развиваться. Может быть, я его не понял, но факт тот, что он говорил: мы можем быть спокойны: капитализм не будет развиваться. Это—утопия, которая ничего общего не имеет с учетом реального положения нашей промышленности, и от этой утопии нам нужно отклзаться.

Горев. Товарищи, мне представляется, что в Социалистической академии, как ни интересны те вопросы, которые были подняты, все-таки должен преобладать теоретический интерес. И вот мне, как человеку, никакого отношения к практической политике не имеющему, лично очень интересно остановиться на теоретических вопросах, поднятых тов. Милютиним. Весь его доклад можно разбить на три части. Одна часть теоретическая вообще—о сущности государственного капитализма и некоторые предположения о формах, которые примет экономическое развитие при будущих социалистических революциях. Другая часть—информационная, о современном состоянии капитала, я бы сказал арендаторского, и, наконец, третья часть—практические выводы, которые он делает. Мне

и хочется остановиться на теоретической стороне вопроса. Тут прежде в его—между т.т. Милютиним и Преображенским было разногласие относительно того, как Ленин понимает сущность государственного капитализма. По моему, Милютин был более прав, потому что Преображенский сделал из этого термина совершенно другое употребление. Когда я первый раз прочитал слово «государственный капитализм» в брошюре «О продналоге», там было сказано, что государственный капитализм означает, что государство сдает капиталистам в аренду часть своих средств производства. Но это не государственный капитализм; здесь государство, как собственник земли и орудий производства, только получает часть прибавочной стоимости от капиталистов, которые эксплуатируют эти орудия производства. Государство в данном случае отказывается от самостоятельного производства, вследствие недостатка организационных сил. В аренду сдавали свои земли те помещики, которые плохо вели свое хозяйство, для которых оно было убыточно. Значит, государство отказывается от роли организатора промышленности из-за отсутствия организаторских средств. Являются ли арендаторы-капиталисты, как выражается тов. Милютин, «государственными капиталистами»? Здесь большая натяжка: здесь слово «государственный» означает, как были раньше государственные крестьяне,—«капиталисты при государстве». Это термин совершенно неправильный. Раньше, чем перейти к тому, что я хочу сказать о нашем действительном «государственном капитализме», я должен отметить еще следующее; меня удивляет то, что Милютин старался подчеркнуть, а именно—будто вся беда нашей новой экономической политики заключается в том, что мы употребили неправильный термин и неправильно его поняли. Это даже хуже идеализма, это то, что в средние века называли «реализмом», когда имя, название становилось вешью. Мне кажется, что в слове государственный капитализм заключается больше смысла, чем думает т. Милютин. В этом отношении т. Преображенский отчасти уже сказал то, что я хотел сказать. Беда не в том, что государственный капитализм противоречит социализму, а в том, что государственные органы, сохранившие в своих руках производство, ведут дело на капиталистических началах.

со всеми недостатками капиталистического способа производства и без его достоинств. В чем характерные особенности капиталистического способа производства? Тов. Преображенский говорит—анархия в области производства и затем получение прибавочной стоимости. И вот, что мы видим, как ведется хозяйство нашими хозяйственными органами, в частности трестами. Тут есть внутреннее противоречие, заложенное в самой основе хозяйства. Когда им сказали,—переходите на хозяйственный расчет, они стали конкурировать между собой и не устраняли главного зла—капиталистической анархии производства. Каждый трест ведет политику за свой страх и риск и создает обстановку конкуренции, несмотря на существование госплана. Я не посвящен в тайны высшей экономической политики, но я вижу, как рядовой наблюдатель, что, несмотря на существование госплана, каждый трест существует, как отдельный капиталист, заинтересованный чтобы свести концы с концами, получить прибыль и жить своею жизнью. Это—логика конкурентной борьбы. Но разве это отвечает намерениям социалистического государства? Конечно, нет, это есть то глубокое внутреннее противоречие, в которое мы попали. Я не буду говорить о практических выводах по отношению к России, но меня далее чрезвычайно интересует другой вопрос: как используется опыт русской революции по отношению к будущим социалистическим революциям.

Это тот вопрос, который затронул и тов. Милютин, которому он посвятил часть своего доклада. Это нас всех интересует. Несомненно, что русская революция и в форме военного коммунизма, и в форме Нэпа имеет грандиозное теоретическое значение по отношению ко всем будущим пролетарским революциям, и не использовать этот опыт теоретически здесь, в Социалистической академии, к голосу которой должны прислушиваться социалисты и коммунисты всего света, было бы непростительно. Тов. Преображенский говорит, что мы слетаем большую ошибку, если опыт аграрной страны перенесем на страны промышленные. Но нельзя забывать и того, что в нашей революции были такие особенности, которые повторятся в каждой революции. В сущности, кроме Англии, нет ни одной промышленной страны, где бы аграрные отношения

и поведение крестьянства не играли более или менее крупной роли в будущих пролетарских революциях. Это — самый больной вопрос, с которым несомненно столкнется каждая революция. И я думаю, что тов. Преображенский пессимистически смотрит на стихийность будущих революций. Мы не можем отрицать того, что когда революция произойдет в передовой стране, то она может быть победоносной только при некотором объединении пролетариата, и там стихийность будет сведена к гораздо большему минимуму, чем была в России. И если при этом имеется опыт русской революции и во главе стоит коммунистическая партия, то она обязана учесть русский опыт, и многие ошибки, которые были у нас, могут быть там не сделаны. И вот в частности по вопросу о крестьянстве. Мне кажется, здесь главный вопрос в том, в каких пределах должна идти централизация и национализация торговли. Мне предоставляется, чтобы не вызвать озлобления крестьянства, чтобы их *нейтрализовать*, нужно быть очень осторожными, как можно меньше национализировать мелкую торговлю, как можно меньше стеснять и контролировать экономическую самостоятельность крестьянина. Мелко-буржуазное крестьянство имеет дело с мелким торговцем и скупщиком. Крупных оптовиков, трестов, капиталистических обществ крестьянство почти не знает, и если крупная торговля и промышленность будут в руках у государства, то крестьянство от этого ущерба не получит, и после первых моментов собственнического испуга, убедившись, что ни мелкой собственности, ни свободе торговли не грозит опасность, крестьянство отнюдь не будет обязательно врагом пролетарского государства. Если пролетарское государство захватит в свои руки крупную промышленность и если оно, конечно, оставит на первых порах все на своих местах, то оно может ладить с крестьянством по самому больному, коренному вопросу, вопросу продовольственному, о который споткнулась уже революция 48 года, когда в Вене город был захвачен рабочими и студентами и крестьяне бойкотировали революционный город, а также и наше время революции — русская, баварская, венгерская и финская. Самый грозный враг всякой пролетарской революции — мелко-буржуазное крестьянство, и этот враг должен быть нейтрализован. В этом смысле

опыт русской революции нам показал, что национализация мелкой торговли должна быть последним фазисом революции, а не первым. Но здесь есть другое огромное препятствие. Трудность, по моему, не в логике гражданской войны, как думает г. Преображенский, а в том, что поднимающийся пролетариат требует равенства, т.-е. потребительского коммунизма. Это — неизбежная фаза движения, и с этим трудно бороться. Мы пережили полосы равенства и пришли к заключению, что и равенство оплаты, и элементарный потребительский коммунизм ведут к распаду промышленности. Вот величайшая опасность, и тут правящей партии нужно проявить поистине мудрость змия и кротость голубя, чтобы заставить поднимающийся рабочий класс понять нерациональность равенства оплаты труда и т. д. Это, несомненно, отчасти предупредит тот экономический распад, с которым столкнулась русская революция.

Л. Жива. Сначала по поводу замечания тов. Милютинина относительно кооперации. Когда мы начинали новую экономическую политику, то знали, что нам действительно придется столкнуться с частным капиталом и что в конечном счете мы вызовем к жизни враждебные силы. И вот для того, чтобы ослабить развитие этих сил, для этого необходимо кооперацию, как нейтральную промежуточную форму, поставить между государством и частным капиталом. Поэтому кооперация с первых же дней новой экономической политики стала в фаворе и, действительно, пользуется и по сегодняшний день большими привилегиями. Хотя бы указать на такой факт, что председатель Всероссийской объединенной потребительской кооперации состоит членом Совета Народных Комиссаров и Сто. Это довольно серьезное материальное выражение привилегированного положения кооперации. А если взять все наше законодательство, то и здесь ясно проявляется это привилегированное состояние. Кратко говоря, можно констатировать, что за этот год Нэп'а Советское правительство покровительствовало кооперации и давало возможность ей развиваться и приобретать влияние в нашей экономической жизни. Теперь еще одна оговорка, относительно верхушек. По тов. Преображенскому выходит так, что тут мы имеем определенный процесс, на самом деле мы имеем текущие

организационные формы. Товарищи ставят вопрос так: развивается ли капитализм, и действительно ли мы пустим его к нам. Тов. Кассиор говорит о том, чтоб его пустить. Но в нашей промышленности сейчас происходит очень серьезная эволюция.

Наша национализованная промышленность, находящаяся в руках не частных капиталистов, а в руках правящего пролетариата, перестраивается по виду и типу капиталистических организаций. Мы образуем тресты и синдикаты, но они в довольно хаотическом состоянии, и лица этих организаций и предприятий, их экономического лица мы до сих пор не выявили. Только сейчас производятся попытки выявить юридическое лицо наших промышленных трестов и комбинатов: что они такое, какие права они имеют, имеют ли собственность или нет, к какой части того имущества, которым они владеют, могут быть предъявлены претензии со стороны разных органов и лиц — будь то государственная организация, или смешанная или частное предприятие? Все эти вопросы становятся перед нами. Нам самим никаких этих признаков выявлять не нужно. А между тем, сама обстановка, само вовлечение в нэповский оборот торгового и промышленного капитала, заставляет нас придавать всему такие формы, которые бы вполне соответствовали нашему плану. Все это изменение форм приведет к тому, что с удержанием власти в своих руках пролетариат легче сможет завоевать наибольшую силу и выгодное положение, как раз ввиду того самого толчка, который идет снизу. С этой точки зрения тот прогноз, который тут делали относительно развивающегося капитализма, имеет основание, этот процесс проникает в своеобразных формах и в социалистические верхушки.

Следующий вопрос, на который я хотел обратить внимание, это — соображения на счет частного капитала. Сейчас нам очень трудно что-нибудь определенно сказать о лице этого частного капитала. Для примера скажу так. Возьмем десяток наших крупнейших предприятий, которые совершили оборот в течение 3-х месяцев на 30 миллионов золотых рублей. Это — грубые цифры, но для нашей цели их достаточно. При чем мы имеем такую справку: из всего оборота почти 45—50% уходит на оборот госторговли с частными лицами. Что это такое? Когда вы по мес-цам

проследите эти обороты, то вы увидите, что рост частного капитала довольно устойчив. Тут тов. Преображенский указывал на роль посредников, как на вещь преходящую. Несомненно, тут нужно искать разгадку в роли посредничества, потому что, если при 30 миллионах в течение 3 месяцев половина оборота уходит на частный капитал, то это выходит 15 миллионов купли и продажи со стороны частного капитала.

Мы знаем, что госбанк производит крупные операции и на большие суммы, но вот в этих оптовых операциях никто таких триллионов никогда не видал. Товарищ *Милютин* приводил справку, какие частные и государственные предприятия арендуют у нас. Пустяки, два-три и конечно. Это то, что существует, то, что нам известно. Очевидно, приходится искать разгадки такого огромного размера частных закупок в этих посреднических операциях. Другими словами, мы имеем 50% оборота государственных органов с кооперацией. Но мы знаем, по опыту, из различных судебных процессов, что наши госорганы имеют дело один с другим посредством третьего лица. Берут третье лицо и вклинивают между собой. Это лицо продает, а этот госорган покупает у этого частного лица. У частного лица никакого капитала не имеется, никаких затрат он не производит, а служит маклером сплошь и рядом уголовного характера между этим госорганами. Статистика иллюстрирует, что операция произошла с частным лицом с частной торговлей. Вот, что мы имеем, и вот какова роль этого частного капитала в нашей торговле. Теперь, что касается хлебных заготовок, то я должен указать, что все факты, имеющиеся до настоящего времени и в настоящее время, говорят то, что ни одна крупная хлебная заготовка не проведена самостоятельно. Один из наших трестов у частного лица, поставщика, получает 20.000 пудов хлеба. Откуда это лицо берет такую крупную партию? Мы ищем, что это за фирма, которая могла с трестом заключить договор и поставить в определенный срок 20.000 пудов хлеба. Тем не менее такой фирмы мы не нашли. Очевидно, разгадка этого дела приводит к тому самому, о чем я говорил. Никакого капитала своего у такого «поставщика» нет, а вернее всего какое-нибудь частное лицо, заручившись согласием хлебо-продукта или

центросоюза, или хлебного отдела госбанка получает у них хлеб и продает его текстильному тресту. Вот какую роль играет частное лицо в нашей хлебной торговле. Мелкий торговец, который заготавливает хлеб, теперь свободы не имеет, но имеет соответствующую благоприятную торговую конъюнктуру. Он хочет сбыть хлеб, но не может свезти его на ближайший рынок, чтобы там встретиться с представителями госорганов, где наши организации должны и будут играть роль скупщика. Удельный вес этого слоя скупщиков небольшой, пока он в руках нашей кооперации, но постепенно может переродиться в более крупного кулака. Хлеботорговля есть самая благодарная почва, на которой вырастает более крупный кулак и ссыпщик. Как себя проявил частный капитал в прочих видах торговли?

Все сведения, которые поступают, свидетельствуют о том, что все разговоры по поводу смычки промышленности с сельским хозяйством, города с деревней—остались пока разговорами. Смычки этой нет. У мужика лавочки нет, ни кооперативной ни частной. Из разных губерний поступают сведения о том, что за последнее время появились бродячие торговцы. Время от времени, раз в месяц появляются субъекты, у которых имеются различные товары, обрезки мануфактуры, торговля которыми стала развиваться у нас в Китай-городе. Из разных губерний сообщают, что этот вид торговли народился. Вот вам статистические данные развития в низах частной торговли и частно-торгового капитала.

Относительно промышленности я иного мнения в сравнении с тем, что говорили здесь об арендах. Нам более должны интересовать сведения, касающиеся мелкой ремесленной промышленности и кустарной. Но, к сожалению, этих сведений у нас не имеется. Что касается крупного иностранного капитала, то о нем мы можем говорить все еще теоретически. Концессии намечаются нами по одной пустой схеме. Мы говорим, что промышленность имеет для нас весьма важное значение, у нас нет капитала не только оборотного, но отчасти и основного. Значит, для того, чтобы ее эксплуатировать, нам нужен приток капитала. Сюда мы и решили путем концессионной политики привлечь этот иностранный капитал. Мы так решили, а ино

странный капитал этого не решил. И поэтому я не совсем понимаю тревогу и проблему насчет того, чтобы в нашу ту или другую промышленность не пускать иностранного капитала. Он и нейдет туда. Но в известной мере этот иностранный капитал в промышленность нужно привлечь. По работам Госплана и трестов мы знаем, в каком размере можно в соответствующие отрасли промышленности открыто пускать иностранный капитал. Но этого капитала нет. Если бы он пошел, то это дало бы колоссальное облегчение в деле восстановления промышленности. Как мы можем практически осуществлять этот приток? Я думаю, что в важнейшие наши отрасли промышленности этот иностранный капитал привлечь очень трудно. Годы, очевидно, пройдут, чтобы это могло наладиться. Но тот договор, о котором упомянул докладчик, и который мы только что заключили, предоставляет нам возможность иметь кредит в размере $12\frac{1}{2}$ миллионов золотых рублей. Вот теперь от Госплана будет зависеть, как мы этот кредит для нашей промышленности используем. В условиях ничего не сказано относительно того, что мы кредит должны использовать в торговых операциях и привезти предметы широкого потребления. Мы можем на эту сумму привезти то, что нам будет угодно.

Если мы заключим несколько таких договоров,—а уже есть основание думать, что на этой неделе будет заключено у нас достаточное количество этих договоров,—то тогда у нас будет значительный приток иностранного капитала. Не надо думать, что с Отто Вольфом у нас дело ограничится лишь $12\frac{1}{2}$ миллионами. Поскольку мы их используем, нам этот кредит будет увеличен, и мы сможем этот заграничный кредит употребить на нашу промышленность. Почему мы могли этот договор заключить? Потому что консорциум мог пойти на то, чтобы предоставить льготные условия, потому что мы могли ему дать определенные условия в его праве вывозить от нас те сырьевые товары, которые его интересуют. А на это мы могли пойти, потому что у нас монополизирована внешняя торговля. Наша монополия на внешнюю торговлю дала нам в эту минуту колоссальный козырь в руки. Благодаря этой внешней торговле мы могли сказать, «ты вывози все, что заготовлено в республике, но при условии

продавать на рынке по совместному с нами соглашению, чтобы не было конкуренции, и продавать по ценам по соглашению, чтобы не ронять наших цен на внешнем рынке». Вот эти условия и привели к нам частный капитал. Мне представляется, что тут опасность наступит только тогда, когда пропорция участия этого капитала в нашей промышленности окажется настолько велика, что он станет нас пересиливать в области влияния и руководства. Но нам не приходится этого опасаться, ибо такой угрожающей пропорции этого капитала у нас нет, и вообще почти никакого капитала у нас нет. Сегодня об этом говорить нам не приходится. Практически мы сможем о нем говорить тогда, когда некоторое количество капитала войдет сюда, когда мы начнем чувствовать, что с его помощью мы начнем восстанавливать нашу промышленность, и тогда мы скажем: довольно, ни в какое новое предприятие мы больше частного капитала не впустим. Сейчас мы не в состоянии сказать: в эти отрасли давайте не впускать, а в эти совершенно свободно пустим. В транспорт, например, мы частный капитал не пустим, в железнодорожный, водный и т. д. Затем в некоторые отрасли промышленности, например, в область промышленности, обслуживающую нашу армию. Поэтому нам нужно выделить эти отдельные пункты, а в остальном создавать наиболее благоприятные условия для привлечения иностранного капитала.

Дволайциий. Товарищи, я совершенно согласен с теми теоретическими определениями, которые дал нам тов. Преображенский, но мне кажется, что пропорции, соответствующие которым т. Преображенский размежевал свою пирамиду по хозяйственным типам, могут вызвать сомнения насчет силы и влияния незначительной по своему объему социалистической верхушки. Но дело в том, что толщина той или другой хозяйственной постройки отнюдь не определяет собой удельного веса во всей хозяйственной системе. Это значит, что если наша социалистическая верхушка составляет какую-нибудь $\frac{1}{8}$ ч. всего хозяйства по величине доли национального дохода, по количеству производимых ею ценностей или по числу людей, объединенных этой формой производства, то, это вовсе не значит, что удельный вес его тоже равен $\frac{1}{8}$.

Если вы возьмете какую-нибудь отрасль промышленности, даже в условиях чистого капитализма, то окажется, что объединение, скажем, 30% производства данной отрасли вполне достаточно, чтобы господствовать над рынком и диктовать ему условия. Но применительно к анализируемому нами случаю, надо принять во внимание не только тот факт, что изображенная т. Преображенским социалистическая головка охватывает и крупную промышленность,—тяжелую и легкую,—но также и то обстоятельство, что она находится в самой тесной связи с государственной властью пролетариата, а сила государственной власти определяется не той пропорцией, которая положена в основу совершенно правильной графической схемы тов. Преображенского. К названной мною цифре в $\frac{1}{6}$ нужно, учитывая спаянность промышленной верхушки с государственной властью,—прибавить, быть может, еще в два раза больше. Я хочу этим сказать, что если верхушка нашей пирамиды по размеру капитала или по проценту вырабатываемых ценностей составляет 15% всего остального производства, то экономический удельный вес ее определяется, скажем, не в 15%, а, быть может, в 40—50%. Само собой разумеется, что цифры, которыми я здесь орудуя, совершенно произвольны: я хотел ими иллюстрировать только свои рассуждения. Я должен оговориться еще и насчет того, что я отнюдь не придаю государственной власти самодовлеющего значения; она, само собой, покоится на социально-экономической базе и, теоретически рассуждая, может существовать только вместе с ней, но кому из нас, живших в период гражданской войны, не известна колоссальная организующая сила пролетарской государственности. Спрашивается, какими организационными приемами государственная власть может регулировать и направлять хозяйственную жизнь таким образом, чтобы она шла не стихийно, а развивалась в интересах пролетариата и социализма. Прежде всего, наша государственная власть, которая теснейшим образом сращена с социалистическим сектором нашего хозяйства, может внести планомерность (далеко недостаточную, как вам известно, в настоящее время) в этот сектор с гораздо большей легкостью, чем это в состоянии были бы сделать капиталистические комбиниро-

Личные тресты: у нее для этого имеется достаточно средств. Но этого мало: советское государство должно стать и станет могущественнейшей регулирующей силой и в тех хозяйственных постройках, которые расположены на нашем рисунке ближе к основанию пирамиды. Здесь выступает на сцену наш центральный государственный банк. Тут ссылались на книжку тов. Хинчука, где он говорит об огромной роли государственного банка в деле финансирования кооперации. Если бы государственный банк захотел, т.-е. в этом была бы необходимость, он мог бы задушить кооперацию очень простым путем—лишением ее кредита в первую голову. Но это, так сказать, более, «грубые» методы «воздействия». Но есть, однако, гораздо более тонкие методы. Таковы, например, тарифы. Вы знаете, как самодержавие охраняло интересы русских земледельцев, при помощи так называемой челябинской тарифной ломки. Почему же, спрашивается, мы не можем использовать аналогичную систему мероприятий в интересах социализма? Мы обладаем и массой других сложнейших методов воздействия на хозяйство, которые делают сов. государство могущественнейшим рычагом организации стихии. Я не говорю уже о внешней торговле, которая является одной из важнейших «командных высот».

Тов. Коссиор. Я ставлю другой вопрос. Все это хорошо, но все дело в том, как сохранить нашу социалистическую верхушку. Я на этот счет, повидимому, настроен весьма пессимистически. Я обращаюсь к Милютину с вопросом: какими средствами предотвратить развал этой самой верхушки? В настоящее время мы в хозяйственной жизни наблюдаем два явления: тяжелая промышленность у нас либо не восстанавливается, либо даже продолжает распадаться, а легкая промышленность (текстильная, кожевенная, мукомольная, пищевая и т. д.) расширяется сравнительно быстро. Почему? Суть дела в том, что рынок в обычном смысле этого слова у нас появился только в прошлом году, с тех пор, как был введен продналог. Появился рынок, и в свою очередь появился спрос на предметы непосредственного потребления. Это неизбежно должно было повлечь за собой расширение легких отраслей нашей промышленности. Пройдет некоторое время, и подъем сельского хозяйства, а вместе с ним оживление

легкой индустрии станет базой для расширения тяжелой промышленности. На самом деле тяжелая промышленность в общем и целом не работает для непосредственного потребления. Она представляет собой совокупность тех отраслей, которые Маркс называет отраслями производства средств производства. Этих предприятий подъемная волна коснется значительно позже, и темп восстановления будет, новидимому, гораздо более медленный, чем в области текстильной, пищевой и т. д. промышленности.

В прошлом году у нас в академии велись споры об едином хозяйственном плане. Тов. *Смирнов В. М.* и ряд других товарищей уверяли нас, что нашу промышленность необходимо восстанавливать, начиная с тяжелой индустрии. Сейчас же совершенно ясно, что пока у нас нет достаточной базы для восстановления тяжелой промышленности, мы должны довольствоваться в значительной мере стихийным восстановлением легкой индустрии. Восстанавливать значит накапливать производство, а для того, чтобы накапливать, нужно иметь то, что называется фондом прибавочной ценности или, если хотите, прибавочного труда. Он может быть получен в условиях Нэпа только тогда, когда есть возможность реализации товара, а последняя покоится, главным образом, на расширении спроса со стороны крестьянства. Те же самые соображения могли бы нам ответить и на другой вопрос: почему частный капитал идет в первую голову в легкую индустрию, напр., в кожевенную, или химическую. Это объясняется тем, что они обслуживают непосредственное потребление. Прибыль получается хорошая, капитал затрачивается не особенно большой, ликвидация предприятия не связана с особыми затруднениями и т. д. Предвидеть, как практически пойдет восстановление нашей промышленности, конечно, очень трудно. Не берусь предсказывать и насчет того, пойдет ли к нам иностранный капитал или нет. Но тот факт, что тяжелая промышленность у нас восстанавливается крайне медленно или даже вовсе не восстанавливается, и что наша южная металлургия находится сейчас в ужасающем положении, не должен нас настраивать пессимистически. В заключение еще одно замечание. Я не хочу, чтобы вы из моих слов вывели то заключение, будто я считаю, что наша социалистическая хозяйственная верхушка пред-

ставляет собой столь прочную постройку, что она не должна внушать нам абсолютно никаких опасений. В основе ее лежит, вообще говоря, недостаточно устойчивое равновесие. Она устойчива в пределах небольшого исторического периода, но в пределах большой исторической эпохи она может дать трещину. Поэтому все, конечно, будет зависеть от длительности того периода, в продолжении которого нам придется оставаться изолированным в общественно-политическом смысле социалистическим государством. Я лично не думаю, что мир вступил в период органического развития капитализма. Сейчас совершенно несомненно, что никакое улучшение конъюнктуры не может быть длительным. Капитализм вступил в период упадка и развала, это есть залог того, что победа в области хозяйственной будет наша.

Милютин. Товарищи, в моем докладе было поставлено два основных вопроса. Именно, прежде всего, каковы те капиталистические формы, которые мы имеем, и второй вопрос — возможно ли регулирование деятельностью этих капиталистических форм и как это нужно делать. Я утверждаю, что тот «государственный капитализм», который мы сейчас имеем, это — не государственный капитализм, а частнохозяйственный, существующий на договорных началах. В этом отношении тов. *Коссиор* понял меня неправильно, когда смешал в одну кучу капитализм и государственный капитализм и говорил, что я отрицаю государственный капитализм. Я говорил как раз напротив, так что выступление тов. *Коссиора* против меня было сплошным недоразумением. Дело в следующем, дело не в термине, а в том положении, которое тов. *Ленин* формулировал в своей брошюре о «продналоге»: не государственный капитализм . . . (читает). С этим понятием была смешана определенная экономическая политика. Еще скажу, что тов. *Преображенский* неправильно толковал выражение тов. *Ленина*, когда говорил, что он подразумевает только торговые отношения. Тов. *Ленин* говорил прямо, что приложить к делу государственный капитализм, это прежде всего — ввести концессии и торговые отношения. Вот, что подразумевал тов. *Ленин* под словом государственный капитализм. Моя постановка вопроса заключалась в том, что у нас государственный капитализм в том по-

нимании, как это имеет место в буржуазных странах, — как высшая форма развития капитализма, — когда государственная власть огосударствливает хозяйственные функции, — у нас этого не происходит. В этом смысле у нас государственного капитализма нет, а это частно-хозяйственный капитализм в договорных отношениях с государством.

Но в виду того, что нами была намечена определенная экономическая политика к частно-хозяйственному капитализму, как государственному, я указал на то, что это ведет к тому, что мы одинаково берем за одни скобки и наше крупное производство и кооперацию и частно-хозяйственные формы, что чревато серьезными последствиями. Здесь кардинальный вопрос, как овладеть определенно экономической базой, на которой зиждется пролетарская власть, каковы взаимоотношения, какова природа этих взаимоотношений, в какую закономерность мы должны поставить частно-хозяйственные капиталистические формы с нашими государственными. Их может связать только известная экономическая *подчиненность*. С этим нужно считаться и в эту сторону нужно направить экономическую политику. Когда происходят экономические противоречия в этой области, в развитии частно-хозяйственного капитализма это выливается в политические противоречия, после чего происходит определенное столкновение, выливающееся в определенную политическую борьбу. Ввиду этого, мы должны нашу экономическую политику заранее направлять в сторону того, чтобы соответствие между развитием государственных форм и частно-хозяйственных было соблюдено. Вот постановка вопроса, которая мною была сделана. Мы должны направлять соответствующим образом нашу экономическую политику, таким образом, чтобы частно-хозяйственный капитал развивался в том направлении, которое выгодно для нашего народного хозяйства, так что, мне представляется, что здесь возражение тов. Преображенского неправильно, что он пойдет туда, где ему выгоднее; конечно, это будет так, но в чем для него будет заключаться *выгодность*, это будет зависеть от нас. Мы можем предоставить определенные кредиты, ввести определенные налоги и выгоды мы можем предоставлять в том или ином направлении. Мы

Можем применять эту политику сейчас, пока у нас еще нет непосредственной опасности, пока мы сделали только первые шаги в сторону установления частно-хозяйственных форм. В этом все разногласие и все данные говорят за то, что наша экономическая политика должна быть соответствующим образом изменена и направлена. Теперь последний вопрос, относительно Нэп'а. Здесь говорил тов. Преображенский. В сущности я с ним согласен. Сейчас идет подготовительная работа к съезду Коминтерна. Вырабатывается наша программа и вот т. *Троцкий* говорит, что урок, который мы должны вынести из нашей революции, заключается в том, что мы не должны разбить капиталистические формы, а должны овладеть ими. Я лично сомневаюсь в этом, мне кажется, что в такой категорической форме это — неправильная постановка вопроса. Здесь вот в чем дело. При всяком перевороте в странах с государственным капитализмом пролетариат должен овладеть основными средствами производства. Это для диктатуры пролетариата неизбежно. Но что при этом произойдет с аппаратом, — это будет прежде всего зависеть от условий борьбы. Следовательно, определение линии поведения будет собственно в зависимости от условий гражданской войны. Я не говорю, что нужно обязательно разбивать капиталистический аппарат. Возможны условия, когда мы им действительно овладеем, не разбивая. Это там, где государственный капитализм достиг высшего своего развития. Возможно, что в Германии при перевороте это не произойдет, может быть, первая решительная стычка даст такую победу, что легко можно будет овладеть аппаратом. Это возможно, но это не обязательно. В этом отношении тов. Преображенский неправ, когда он наш опыт русской революции переводит, по трафарету, на все другие страны. Там возможно будет по иному, но это определится от условий и размаха борьбы, а не от добрых пожеланий.

Тактика же пролетариата должна определяться укреплением своих экономических и политических позиций и ослаблением позиций его врагов.

III. Библиография.

а) Экономика.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО МИРОВОМУ ХОЗЯЙСТВУ.

Проф. М. П. Богданов. Европа во власти кризиса. 1920—1922 г. Петербург. Изд. «Право». 1922 г., стр. 134

Н. Бухарин. Мировое хозяйство и империализм. 2-е изд. 1922 г.

Е. Вира. Мировое хозяйство. (Сборник статей). Москва. 1922 г. Изд. Ред.-Изд. Отд. ВСИХ, стр. 75.

Е. Вира. Кризис мирового хозяйства. 2-е изд., переработанное и расширенное (по-немецки). 1922 г., стр. 148.

Е. Вира. Период краха капитализма. 1922 г. Стр. 54.

Проф. Кондратьев. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Изд. Вологод. Госиздата. 1922 г., стр. 258.

Проф. Кондратьев. Мировое сельское хозяйство. Сборник статистико-экономических сведений за 1913—1920 г. Изд. Наркомзема «Новая Деревня», 1922 г., стр. 225.

Др. М. Нихимсон. Мировое хозяйство до и после войны. Том I. 1922 г. (по-немецки), стр. 212. Берлин. E. Laub'sche Buchhandlung.

Ник. Суханов. Мировое хозяйство накануне и после войны. В сборнике: Красная Книга. Мировое наступление капитала. Стр. 14—61. Изд. Профингерна. 1922 г.

С. А. Фалькнер. Строение и конъюнктура мирового хозяйства. Изд. ВСИХ. Ред.-Изд. Отд. Москва. 1920, стр. 01.

Проф. С. А. Фалькнер. Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства. Гос. Изд. 1922 г., стр. 88.

Проф. С. А. Фалькнер. Перелом в развитии мирового промышленного кризиса. Москва. 1922 г., стр. 70. Изд. В. С. Н. Х. Р.-П. О.

А. Финн-Енотаевский. Современное положение мирового хозяйства. Гос. Изд. Петербург. 1920 г., стр. 88.

Мировое хозяйство за время с 1913 по 1921 г. Статистический ежегодник под редакцией проф. С. А. Фалькнер, Громана и Кауфмана. Изд. Всер. Центр. Союза Потрб. Об-в.

При исследовании положения мирового хозяйства в период войны и после нее, при изучении состояния мирового хозяйства в настоящее время можно исходить из разных проблем. Основным вопросом, имеющим актуальное, социально-политическое значение, является вопрос, насколько изменилась конфигурация производительных сил внутри мирового хозяйства под влиянием войны и ее ис-

года. Если рассматривать мировое хозяйство как базу, на которой разыгрываются империалистические конфликты, то тот или другой исход мировой империалистической войны не может остаться без влияния на перераспределение основных групп производительных сил в мировом масштабе, не может остаться без влияния на взаимную экономическую борьбу отдельных составных его частей, что непосредственно направляет линию развития мирового хозяйства в целом. В связи с этим вопросом возникает проблема, в какой зависимости находится линия развития мирового хозяйства (с ее циклическими изменениями конъюнктуры,—подъема, взрыва, депрессии) от изменения империалистических взаимоотношений между основными частями мирового хозяйства. Такая постановка вопроса требует выяснения конкретных изменений, которые произошли в мировом хозяйстве под влиянием войны и ее последствий. Необходимо выяснить внутренние социальные и экономически-организационные изменения, вызванные периодом военного капитализма, и затем учесть те конкретные изменения, которые произошли в мировом хозяйстве в результате изменения политической карты Европы, и не только Европы.

Такая тема требует, разумеется, предварительной научно-литературной подготовки и должна опираться на результаты самостоятельных исследований по частичным темам. Это потребует времени, не говоря уже о том, что и в основных теоретических проблемах, связанных с мировым хозяйством и империализмом, есть еще очень много вопросов, требующих еще детального выяснения.

Но есть и другие подходы к теме о мировом хозяйстве. Как ни малочисленна экономическая литература, трактующая вопросы мирового хозяйства,—эта литература не чужда и таких работ, для которых реакционно-политические мотивы являются «отцом мысли». Эта литература стремится доказать на цифрах, фактах мирового хозяйства ошибочность исторической перспективы большевиков, опровергает их оценку империализма, и, наоборот, ищет подтверждения того, что ожидание краха капитализма, преждевременно, что мировое хозяйство с легкостью перенесло тяжелое испытание военного времени и что только, примерно, лет через двести наступит время ликвидации капитализма.

Методы такого рода исследования многообразны. Они очень часто принимают форму чисто-научных работ, но здесь под этим научным флагом проводится политическая конгробанда архн-реакционного характера. Менее опасны открытые буржуазно-либеральные охи и вздохи по поводу тех несуразностей, которые проводятся политическими руководителями капиталистических стран, мешающими капиталистическому «возрождению» Европы. Эти идейно беспомощные либеральные жалобы, заменяющие исследование, очень часто мешают выяснению действительного состояния мирового хозяйства и его движущих сил, больше, чем открытые враждебные нам, но серьезные исследования о фактическом состоянии дел. Для нас выяснение этой проблемы мирового хозяйства выдвигается как кардинальная работа ближайшего времени не из политических мотивов, не из желания показать, что мы правы, а—как фундамент

нашей политической деятельности в качестве твердого базиса для нашей революционной деятельности, для нашей стратегии и нашей тактики. И неудивительно, что основным вопросом III Конгресса Коминтерна в 1921 г.,—когда намечалась необходимость изменения тактики и стратегии на мировом фронте в борьбе с капиталом,—был анализ мирового хозяйства, доклад о состоянии мирового хозяйства.

I.

Две книжки: проф. Кондратьева—«Мировое хозяйство и его конъюнктуры», и проф. Боголепова—«Европа во власти кризиса» не касаются тех изменений, которые произошли в мировом хозяйстве под влиянием изменений мировых империалистических проблем. С этой точки зрения можно к ним присоединить также отчасти и Фалькнера, который в своих двух основных брошюрах («Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства» и «Перелом в развитии мирового промышленного кризиса») дает очень дальний анализ мирового хозяйства во время войны и в первый период после войны. Кроме того, (что особенно ценно), он очень внимательно следит за изменениями конъюнктуры мирового хозяйства и очень чутко воспринимает первые признаки перелома этой конъюнктуры, оповещая об этом читающую публику на страницах наших экономических газет и журналов. Кондратьев дает в своем исследовании богатейший материал для характеристики состояния мирового хозяйства по всем важнейшим отраслям производства за время войны, обстоятельно исследует состояние мирового хозяйства после войны; дает обширный материал для характеристики кризиса 1920—1921 г.г.; показывает на богатом цифровом материале переход кризиса в депрессию, продолжающуюся еще и поныне; в заключительной главе он стремится найти соответствующее место для кризиса 1920 и 1921 годов в циклах мировых кризисов и тем самым—связать конъюнктуру мирового хозяйства во время мировой войны и после войны с циклами довоенных времен и найти исходную точку начала нового цикла для ближайшей будущности.

Книжка проф. Боголепова—другого характера. Она посвящена, главным образом, выяснению возможностей восстановления капиталистического хозяйства и детально указывает на препятствия, которые встречает на своем пути к оздоровлению мирового хозяйства.

Самой обстоятельной работой с большим размахом, богатейшим материалом, ясно и систематически изложенным, является работа проф. Кондратьева. Она вызывает в нас больше всего сомнений, и нам необходимо на ней дольше остановиться. Автора интересует, как это выше указано, чисто-теоретическая проблема. По его словам, он не имеет «виду заниматься построением каких-либо практических выводов» (стр. 3), для него мировая империалистическая война—это, только материал «грандиозного, стихийного социально-экономического эксперимента», для выяснения «моментов и периодов фактической динамики хозяйственной жизни». Кондратьев ищет данных, на основе которых он мог бы построить теорию экономических

типов различных типов. «Раз существуют,—говорит он,—различных типов циклические колебания экономической жизни и ее элементов, раз между этими элементами, как элементами, системы, существует и может быть найдена закономерная связь, то теоретически может и должна быть найдена закономерность и в динамике этих элементов...». Эту закономерность он хочет найти путем анализа данных мирового хозяйства, при чем,—и это важно—для него мировое хозяйство как что, то отличное от суммы национальных хозяйств как будто не существует. Когда Кондратьев говорит о мировом хозяйстве, он имеет в виду национальное хозяйство отдельных стран и их совокупность. Для него мировое хозяйство не есть экономическая категория определенной исторической эпохи. По его мнению, это—вечная категория, состоящая из сумм отдельных народных хозяйств, и она так уже стара, как стары национальные хозяйства отдельных стран. Его большие цели конъюнктуры мирового хозяйства затрагивают «левым крылом» конъюнктуру конца XVIII столетия, а правым—кризисы первой четверти XX столетия. Автор совершенно упустил из виду конкретно исторические условия, в которых живет и развивается национальное хозяйство отдельных стран.

С этим вопросом не справляется также и Боголепов. Для него иногда мировое хозяйство есть «тот сложный многочлен, который мы привыкли называть мировым рынком» (стр. 15). Иногда этот многочлен называется у него «мировым экономическим общением», при чем говорится, что «война перевернула позиции таких крупных членов мирового экономического общения, как Европа и Америка». Иногда же для Боголепова мировое хозяйство является «комплексом общих экономических условий и причин» (стр. 115), при чем этот комплекс является чем-то случайным, не имеющим никакого влияния на самую жизнь мирового хозяйства.

Между тем без ясного и точного понятия о том, чем является мировое хозяйство, трудно справиться с проблемой конъюнктуры. Вполне понятно, что Бухарин в своей книжке «Мировое хозяйство и империализм», написанной в 1915 г., в первой же главе дает понятие мирового хозяйства.

«Мировой совокупный общественный труд,—говорит Бухарин,—разделен между странами; труд каждой отдельной страны становится частью этого совокупного общественного труда путем обмена в его интернациональном масштабе. Эта связанность стран в процессе обмена не имеет характера простой случайности: она является уже необходимым условием дальнейшего общественного развития, при чем международный обмен превращается в закономерный процесс общественно-экономической жизни» (стр. 8 и 9).

Последняя пришла бы в полное расстройство,—говорит дальше Бухарин,—если бы внезапно Америка и Австралия перестали вывозить свою пшеницу и скот, Англия и Бельгия—уголь, Россия хлеб и сырье и т. д.»

Оставим пока в стороне вопрос о том, как мировое хозяйство заменяет выбывшие страны другими в процессе международного обмена, но основной факт, указанный Бухариным, о специфичности понятия мирового хозяйства целиком подтвержден историей экономических отношений за время войны и после войны. Нельзя дать и анализа кризиса мирового хозяйства после войны, а тем самым и начертать линию развития конъюнктуры без точного учета состояния мирового хозяйства, как такового.

У Кондратьева во всем его толстом томе, в котором на каждой странице упоминаются важнейшие страны и участники войны, нельзя найти ни одного указания на конкретную политико-экономическую физиономию основных стран, включенных в систему мирового хозяйства. Необходимость этого хорошо чувствовал Фалькнер, который в первой своей брошюре «О строении и конъюнктуре мирового хозяйства», дающей характеристику послевоенной конъюнктуры, предислал статью, «о политическом строении мирового хозяйства», где он указывает на теоретическую неясность буржуазно-экономической литературы, по вопросу о самом понятии мирового хозяйства, дает анализ политико-экономических отношений внут и мирового хозяйства.

Кондратьев, входя в детали, ценные детали, и описывая состояние отдельных отраслей и очагов хозяйства, прошел мимо тех руководящих импульсов торгового, промышленного и банкового капитала отдельных стран, которые направляют экономический быт внутри мирового хозяйства. Напрасно будем искать у Кондратьева анализ империалистических стремлений, организационных форм торгового и промышленного аппарата, приспособленных для проведения в жизнь конкретных империалистических замыслов, т.-е. мы не находим у него учета самого важного фактора, могущего в любой день перевернуть все выводы Кондратьева о конъюнктуре мирового хозяйства, сделанные на основе фактов, собранных со всей тщательностью добросовестного профессора.

Правда, до ушей Кондратьева дошел отдаленный гул империалистической борьбы послевоенного периода.

«... текущая иностранная пресса послевоенного периода,—говорит Кондратьев,—изобилует сообщениями о фактах борьбы между странами старого и нового мира за индустриальные рынки сбыта и сырья. В этом отношении в особенности лихорадочную деятельность проявляет Англия. Европейские страны пытаются укрепить свое положение также во вновь образовавшихся государствах, как Чехо-Словакия, Польша, Эстония, и в наиболее потрясенных прежних государствах. Они скупают здесь предприятия, добиваются различных преимуществ, подобно, напр., английской монополии на лен в Литве, ее торговым договорам с Эстонией и Латвией. С другой стороны стоят страны, которые экономически преуспели за время войны, особенно Америка. В Америке раздаются тревожные ноты по адресу

стремлений и некоторых успехов нового мирного (I М. В.) завоевания Европы, особенно Англии и ее чрезвычайно влиятельного положения на мировом рынке» (стр. 100).

Но эти сообщения иностранной (I М. В.) прессы не задерживают надолго внимания Кондратьева; он не в состоянии повлиять на его метод исследования. И в чем для того, чтобы обосновать результат своих исследований, сводящийся к очень оптимистичной оценке перспектив мирового хозяйства, как капиталистического хозяйства, он не только не принимает в расчет этих фактов «борьбы между странами старого и нового мира», но готов даже рискнуть на путешествие в область социальной беллетристики. «Мировая социально-экономическая ж.н.н.»

«Выведенная из нормальных берегов грандиозной войной, рядом политических осложнений и потрясений,—говорит Кондратьев,—а также и гигантским кризисом, она еще бурлит, ища новых нормальных путей движения, отливаясь в новую систему равновесия, составляющих ее элементов. Этот период формирования новой системы равновесия крайне тяжело отражается на судьбах, положении и поведении отдельных лиц (?I М. В.) и социальных групп, создавая атмосферу неуверенности и беспоконья, воздвигая неожиданные преграды и затруднения в жизни. Вот почему (I М. В.) до сих пор почти во всех странах мы встречаем так много волнений (I М. В.), бедствий, блуждающей людей (!? М. В.), выбитых из обычной колеи профессиональной работы в поисках новых условий применения своего труда, почему наблюдаем с такой остротой несоответственное применение интеллигентных сил на попрание чисто физического или чисто технического труда. Но все эти явления неизбежны в эпоху социально-экономических полжиий, подобных пережитому кризису. Явления эти представляют следствие и отголосок их. Они являются симптомами происшедших и происходящих потрясений. Но поскольку в сфере основных элементов социально-экономической жизни мы констатируем перелом и выход из состояния кризиса, мы должны ожидать постепенного сокращения и симптомов потрясений и кризисов» [стр. 239—240].

Мы нарочно сделали такую большую выписку, ибо она является, правда, одним из немногочисленных «социально-лических отступлений» автора, является «экзадом» политико-экономической перспективы. Они заменяют ему политико-исторический анализ, как периода послевоенного кризиса 1920 и 1921 года, так и перспективы «более широкого времени».

Устранив таким образом одно из важнейших политико-экономических явлений мирового хозяйства, Кондратьев в кризисе 1920 и 1921 г.г. находит фундамент для сверхоптимистических перспектив мирового хозяйства, базу для своих теоретических построений циклов мирового хозяйства.

Как это объяснить?

Как раз то, что многим казалось неоспоримым доказательством расстройств мирового хозяйства, может быть даже свидетельством распада капитализма,—кризис 1920 и 1921 г.г. и начавшийся период ликвидации его,—являются для Кондратьева и Боголепова отправной точкой их оптимистического диагноза мирового хозяйства.

Правда, Кондратьев осторожно подходит к этому диагнозу. «Нужно признать,—говорит он,—что вообще ликвидация кризиса идет медленно. Мировая социальная экономическая жизнь далеко еще не улеглась в обычные русла течения и далека от нормального довоенного напряжения ...» Есть целый ряд факторов,—говорит он далее,—которые делают депрессивные состояния в данном случае относительно «затяжным». Он указывает на состояние денежного обращения, на валютную неурядицу, на распушенность мирового кредита, на волну протекционизма, на продолжающуюся изоляцию России, на систему возмещений, практикуемой в отношении Германии.

«Все эти факторы в большей или меньшей мере были и перед кризисом [1920—21 г.г.]. В совокупности с иными более глубокими факторами и несоответствиями в мировом хозяйстве (см. цитату выше) они способствовали развитию кризиса. Но именно то обстоятельство, что при наличии этих факторов кризис все же вступил в полосу ликвидации, с несомненностью убеждает, что эти факторы были не основными факторами кризиса, а дополнительными к основному, осложняющим и углубляющим последствие» [стр. 240].

Словом, как бы затяжным кризис ни был,— что это—кризис,—говорит за то, что капиталистическое хозяйство подравливает. Вот сущность теоретического анализа. Кризис измененный в мировом хозяйстве. Если бы не было кризиса 1920—21 годов, который обошел все страны, тогда можно было бы сомневаться в живучести капиталистического организма. Раз кризис ликвидирован, кризис, переходящий в депрессию, значит, нормальный признак капиталистического бытия существуют, значит, капиталистический организм восстанавливается, и циклическая линия конъюнктуры мирового хозяйства может спокойно совершать свое дальнейшее путешествие по волнообразным линиям вверх или вниз.

Ту же мысль, может быть, более ярко, формулирует и проф. М. И. Боголенов в своей книжке: «Европа во власти кризиса:

«) ...становление мирового рынка, совершенно отсутствовавшего все годы мировой войны, совершилось, как самый необходимый факт, настолько быстро, что уже в 1920 г., в последние месяцы, мир получил осязательное доказательство факта восстановления...» [стр. 116—117].

И дальше:

«Но сам кризис, как таковой, служит несомненным доказательством восстановления мирового рынка, т. е. кризис, будучи явлением отрицательным, все же свидетельствует о наличии положительного (М. Б.) факта» [там же].

Но этим дело не кончилось. Мировой кризис 20 и 21 года не только подтвердил существование капиталистического строя, этого „положительного факта“—но подтвердил и будущее существование капиталистического мира. Ибо, по мнению Кондратьева, если кризис является результатом диспропорций отдельных отраслей хозяйственной деятельности, то он носит в себе и источник равновесия, или как формулирует это проф. Кондратьев:

«Поскольку всякий кризис является болезненной реакцией на вскрывшееся в системе элементов народного и мирового хозяйства несоответствие спросов и предложения, постольку кризис является болезненной формой формирования нового подвижного равновесия*) этих элементов взамен утратившего жизнеспособность прежнего, постольку он всегда*) приводит к ликвидации народившихся из него упомянутых основных несоответствий» (стр. 240).

Что и требовалось доказать! Кризис «формулирует» новое равновесие. Он это делает всегда, и потому, что значат все эти тормозы, как Версальский мир, изоляция России, система репараций по отношению к Германии и т. п.! И те факты борьбы «между странами старого и нового мира за индустриальные рынки сбыта сырья», о которых извещает «иностранная» пресса? Это все мелочи в сравнении с непреодолимыми законами кризиса, открытие которых принадлежит Ивану Барановскому и его школе.

«...они не более как факторы, отдаляющие наступление подъема», говорит Кондратьев,—они не могут предотвратить его, сопротивлению их рано или поздно будет преодолено, прежде всего внутренними силами самого экономического процесса» (стр. 240).

Этот абсолютный тон уверенности нашего автора основывается, главным образом, на его теории кризисов, которую он следующим образом формулирует:

«А так как в условиях денежно-товарного и в частности капиталистического хозяйства каждая отрасль хозяйственной деятельности не только нуждается в рынке сбыта, но и сама является рынком сбыта, то создание относительного соответствия в емкости отдельных рынков является и условием возможности дальнейшего развития и подъема хозяйственной жизни» (стр. 240).

*) Подчеркнуто нами. М. Б.

Мы не будем входить в полемичку с проф. Кондратьевым относительно его формулировки теории кризиса. Это не входит в круг наших задач, как рецензента. Но должны указать, что нельзя говорить о кризисах, как оздоравливающих регуляторах капиталистического хозяйства, и упускать из виду и такие явления, как обострение экономической борьбы между капиталистическими странами, борьбы, имеющей влияние не только на углубление депрессии, но и на самую возможность подъема, его размеров, его продолжительности и перспектив нового кризиса. В этом и лежит суть, чередующихся изменений конъюнктуры мирового хозяйства. Что после каждого кризиса наступает подъем, и подъем чередуется с кризисом — известно, но насколько углубляется кризис, насколько сокращаются периоды подъемов, что является характерным для обострения капиталистических противоречий, по крайней мере, на основе экономической жизни довоенного периода, этого автор нам не указал. Его анализ мирового кризиса 1920 г. составляет лучшую часть всей книги, но он не выясняет основного фактора и не может служить строгим пунктом для оптимизма автора.

Автор, не справившись с проблемой мирового хозяйства, не умел связать и мировую войну с кризисом 1920 и 1921 г.г. и поэтому вся его перспектива будущей конъюнктуры значительно теряет в своей убедительности. Недостатком его конъюнктурной схемы является игнорирование России, как фактора мирового хозяйства, при его выводах: он не дооценивает также значение выхода из строя мирового хозяйства Германии и Австрии, и тот факт, что в результате войны на первый план мирового хозяйства выдвинулась Америка, как основной фактор в области мировой экономики и политики на ближайший период.

Нельзя сказать, чтобы автору эти факты не были известны. Он добросовестно их регистрирует, но они остаются абсолютно без влияния на его неизлечимую теорию. Уж самый способ, каким эти факты он воспринимает, говорит о том, что он их не принял к сведению.

«За время войны, как никогда, говорит Кондратьев, на арену мирового хозяйства и рынка выдвинулись новые страны, новые конкуренты: Соединенные Штаты, Япония, Канада, Аргентина, Индия, Австралия, Новая Зеландия и др. Провалом войны нанесла тяжелое материальное потрясение ряду европейских стран. Но известно, эти военные раны заживают быстро» (стр. 255).

В списке стран, выдвинутых на арену мирового рынка войной, автор добросовестно перечислил все, и Австралию, и Индию и Новую Зеландию, наравне с Японией и Соединенными Штатами, но о качественном весе каждой из них он умолчал.

Проф. Боголепов тоже не справляется с проблемой мировой войны. Он ее не умеет связать с проблемами мирового хозяйства. Для него кризис 1920—21 г.г. и война 1914—18 г.г. как будто независимые друг от друга явления мирового хозяйства.

«Экономический кризис,—пишет Боголепов,—возникший в конце 1920 г. и быстро охвативший все мировое хозяйство, сильно осложнен тем, что он разразился в такое время, когда народное хозяйство многих и многих стран не только не успело оправиться от потрясений мировой войны 1914—1918 г. г., но даже не смогли еще как следует, войти в орбиту—разорванной той же войной—мирового экономического общения» (стр. 5).

И дальше:

— «Кризис является одной из существенных причин, затянувших на неожиданно долгий срок ликвидацию военных последствий» (стр. 5).

Словом, по Боголепову, выходит, что кризис 1920—21 года это одно дело, а мировая война 1914—18 г. г., другое—и если уже существует какая-нибудь связь между этими явлениями, то, так сказать, обратного взаимодействия. Кризис похемал ускоренной ликвидации военных последствий, а война придача кризису затяжной характер. Словом, не будь войны, кризис 1920—21 г. прошел бы ровно, гладко, скоро, исполнил бы свою историко-экономическую функцию оздоровления капиталистического аппарата и, наоборот, но будь кризиса, война 1914—18 года скоро не оставила бы за собой никаких следов, ибо, как это уверяет проф. Боголепов,

«Последняя война в своей экономической сущности была борьба промышленных сил и организаций и по необходимости толкала воевавшие страны на развитие их экономического оборудования».

Словом, мировая война, которая, по мнению Боголепова, была, в своей экономической сущности, борьбой промышленных сил,—эта война является только фоном, на котором Боголепов разрисовывает свои циклы экономических конъюнктур.

«Приписывать кризис военным последствиям,—говорит Боголепов,—нет возможности, так как от него больше всего пострадали страны выигравшие от войны и вообще нейтральные» (стр. 116).

Вот классический пример теоретической глубины наших либеральных экономистов. Говорят о мировом кризисе, кризисе, охватившем все страны,—как о новом доказательстве существования и оздоровления капиталистического хозяйства, и в то же время утверждают, что нельзя считать кризис 20 и 21 года результатом войны потому, что он начался как раз в странах, выигравших войну.

Но в том-то и суть, что это был кризис не отдельных стран, выигравших войну, а это был кризис мирового хозяйства, как такового. Проблема и состоит в том, как восстановить равновесие в мировом хозяйстве при современных условиях сокращения производительных сил, при значительном ухудшении условий производства и при колоссальном заострении агрессивной империалистической экспансии.

Но для наших либеральных экономистов достаточно указать на существование кризиса, чтобы убедиться в жизнеспособности капиталистического хозяйства!

Для них война—случайный привходящий фактор, влияющий на углубление кризиса, но не этим кризисом капитализм начнется, не этим кончится. Была война, война прошла. «Народы от нее устали.... человечество было вынуждено ослабить свой наступательный поход на естественные богатства земли, и в объеме и в натиске» (Боголепов).

Независимо от своих политико-экономических выводов, книга проф. К о н д р а т ь е в а может быть с большой пользой использована, как ценное статистико-экономическое исследование по отдельным вопросам экономики мирового хозяйства. Автор с большой умелостью собрал интереснейший материал, характеризующий влияние войны после военного времени и кризиса 20 и 21 годов на сельское хозяйство, на важнейшие отрасли промышленности, внешнего товаро-оборота, денежного хозяйства и т. п., не забывая при этом вопросов заработной платы, безработицы, движения цен. Проф. Кондратьеву удалось настолько систематически уложить весь многочисленный и многообразный материал, что он не только легко читается и запоминается, но его можно всегда и легко найти. Автор в специальных таблицах ярко и выпукло показал сравнительную роль в мировой войне стран воюющих, нейтральных и заокеанских. На ряде таблиц, касающихся основных экономических сторон жизни страны (население, площадь посева, сбор хлебов и т. п.), автор указал на те изменения, которые произошли в этих странах под влиянием военной конъюнктуры. С большим мастерством удалось ему в нескольких ярких таблицах показать, как заокеанские и нейтральные страны заменили воюющие страны в смысле производителей и поставщиков основных продуктов мирового хозяйства, так что в общем и целом сумма произведенных товаров во всех странах за время войны не настолько уменьшилась, как можно было бы ожидать. Правда, размеры военных расходов (не только в смысле военных государственных долгов) выяснены автором не в достаточной степени, не выяснены им и фактические потери национального имущества в воюющих странах. Но этот вопрос ждет своего специального исследования. Быть-может, недостаточно внимательное отношение к этой группе экономических явлений позволило автору быть чересчур оптимистичным.

Не будем входить в детали этой работы. На основные ошибки мы указали; нет сомнения, что она не останется без научного эха, и в той или в другой форме вызовет оживленный обмен мнений. Теоретическая разработка вопросов экономической деформации мирового хозяйства после войны только что еще начинается. Если этой работе не помешает новое оживление «стихийного социально-

*) Подчеркнуто нами. М. Б.

экономического эксперимента», временное затишье которого дало возможность проф. Кондратьеву написать по горячим следам книгу, утверждающую, что новых взрывов не предвидится, то труд его может оказаться ценным пособием.

Книга *Н. И. Боголепова*: «Европа во власти кризиса» совсем другого характера. Для него основной вопрос—это путь восстановления мирового хозяйства. В этом отношении она существенно отличается от предыдущего автора. Его работа носит более публицистический характер, а с другой стороны дает больше политико-экономического материала, освещающего вопрос восстановления мирового хозяйства.

Боголепов очень внимательно проследил по важнейшим отраслям национальных хозяйств преграды, которые стоят на пути восстановления мировых экономических сношений—в этом ценность его книги; но и в оценке и в анализе этих преград он безнадежно беспомощен. Все эти аттентаты на здравый смысл, на элементарные законы экономики и т. п., глубоко сокрушают либерализм его экономических учений и, не удивительно, что, не выяснив себе основных причин этих, как ему кажется, экономических несуразностей—он не находит или почти не находит выходы. Поскольку он не усвоил еще понятия мирового хозяйства, ему непонятны движущие силы империализма; это особенно заметно там, где он цитирует политиков и деятелей вроде Ллойд-Джорджа или американских банкиров; и наивно верит их словам; он не понимает их политики и не знает, что скрывается за самыми либеральными их фразами. Он этого не понимает и передает это непонимание читателям. Вот классический пример:

«Современные миротворцы,—пишет Боголепов—выдвинув лозунг национального самоопределения, накромли Европе дюжину новых государств, незамедливших экономически обособиться путем таможенного законодательства. В пределах таможенных стен, как правило очень высоких, единым взмахом были созданы обособленные народно-хозяйственные организмы безотносительно к тому, имеются ли у них или не имеются основные элементы для достижения экономического равновесия. Бесстрашно резали по живому телу, забывая об элементарных требованиях экономической анатомии и физиологии».

Такой обособленный кусок народного хозяйства это—[то «независимое государство», вроде Латвии или Эстляндии], по мнению проф. Боголепова, по необходимости делается *ried à terre**) для какого-то третьего и обессмыслит положенную в основе его государственной индивидуальности идею национального самоопределения» *) (стр. 16).

Разумеется, при таком наивно-демократическом подходе к оценке империалистической политики мировых капиталистических стран,

*) Подчеркнуто нами.

автору с легкостью удается найти целую массу интереснейших противоречий в мировом и народно-хозяйственном строительстве послевоенного периода. Более того, автору удалось собрать на страницах своей книги довольно значительное количество цитат серьезных и разумных «руководителей» общественного буржуазного мнения западно-европейских и американских стран, возмущенных этим непониманием «элементарных экономических правил анатомии и физиологии». Но напрасно читатель ищет Боголеповского комментария к этим цитатам возмущения, могущего нам указать политические или экономические мотивы, скрытые за этими возгласами возмущения. Во всяком случае вся эта лирика очень мало подвигает нас к оценке динамики мирового хозяйства и мировой политики.

Проф. Боголепов, напр., с большой силой убеждения доказывает, что «экономическое банкротство Германии никому не выгодно, не выгодно тоже Франции», и, ссылаясь на вычисления французского сенатора, доказывает, что

«если Германия заплатила бы Франции то, что последней причитается по Версальскому договору, то все равно в конечном счете из этих платежей ни одной марки не останется для расходов по восстановлению разрушенных войною французских областей, так как с получающей контрибуцию Франции будут потребованы ее внешние военные долги» (стр. 130).

Несмотря на убедительность этого аргумента проф. Боголепов не указывает нам, почему он не убедителен для официальной Франции и стоящих за ней финансистов и крупных промышленников. Эти последние ставят вопрос иначе, или «банкротство Германии или банкротство Франции». И само собою понятно, что французские финансисты говорят: «лучше банкротство Германии». Если бы автор взялся исследовать вопрос с этой точки зрения, он тогда, быть может натолкнулся бы на фактор империалистических интересов, благодаря которым *Vernunft wird Unsinn, Wohltat—Plage*.

Значительно ценнее та часть работы Боголепова, где он указывает на финансовые затруднения в деле восстановления мирового хозяйства, затруднения, которые являются наследием войны и которые значительно понижают производительность народного хозяйства каждой из заинтересованных стран. Он внимательно анализирует эти препятствия, мимо которых, не заметив их, проходил проф. Кондратьев, и которые ослабляют фундамент. В этой области, несмотря на свой природный оптимизм, автор не видит иного выхода, кроме той причитной уверенности формулированной многовековым опытом народным, что—терпение и труд все перетрут.

Для проф. Боголепова задача восстановления мирового хозяйства—эта задача «народной хозяйственной деятельности, задача труда, энергии и ума нации» (стр. 134). А из всей книжки видно, что «ум нации» находится в головах теперешних руководителей буржуазных стран, что «энергия»—это увеличение эксплуатации рабочих масс, а понятие «труда» взято им из либерального учебника политической экономии.

М. Бронский.

(Продолжение следует.)

Е. Преображенский. — «От Нэп'а к социализму». Кооперативное Издательство «Московский Рабочий». 1922 г. 138 стр.

Новая экономическая политика еще долгое время будет предметом теоретических споров. Ее значение в развитии новых хозяйственных форм, ее роль в развитии производительных сил, наконец, оценка ее как одного из этапов экономики переходного периода, все это — вопросы огромного практического и теоретического значения.

В области научного изучения экономики переходного периода и, в частности, изучения хозяйства Советской России в его современной стадии развития сделано до сих пор очень мало, поэтому ко всякой новой работе в этой области приходится относиться с особым вниманием.

Появление небольшой книжки т. Преображенского «От Нэп'а к социализму» как попытка, хотя и в популярной форме, но теоретически подойти к указанному вопросу, двинув его в рамки исторического изучения, представляет из себя несомненный интерес.

Однако, приходится предварительно сделать несколько существенных оговорок. Замысел автора был значительно шире того, что ему удалось осуществить. Тов. Преображенский поставил своей задачей выявить формы экономической деятельности за большой период времени вперед, стараясь предугадать эти будущие формы и отношения, исходя из тенденций настоящего.

Но эта сторона его работы — наиболее слабая. По существу дела ему не удается вырваться из рамок современности, современности 1921—22 годов. Будущее, как его рисует т. Преображенский, как две капли воды похоже на настоящее, но с устранением некоторых отрицательных сторон: исчезает недостаток продовольствия, недостаток транспорта, грехи госплана и т. п., и положение рисуется без этих неприятных вещей. Но создание новых форм в области хозяйственной жизни, не говоря уж об общественной, у него почти совершенно не затронуто. Больше того, сплошь и рядом текущая действительность показывает уже более новые и интересные явления, чем те, какие мы находим у т. Преображенского через десять — пятнадцать лет.

Свой анализ развития от Нэп'а к социализму т. Преображенский изложил в виде восьми лекций, читанных в 1907 году, т.-е. спустя пятьдесят лет. Курс этих лекций начинается с характеристики политического и экономического положения, создавшегося после 1917—1920 годов в Европе, а затем автор останавливается подробно на рассмотрении положения Советской России, первой установившей новые общественные формы, и заканчивает картиной развала капитализма в Европе и гражданской войны, начавшейся там.

Особенный интерес, по нашему мнению, представляет глава, трагующая о переходе нашего советского хозяйства к концу десятилетия, т.-е. в 1930 году, на более высокую ступень своего развития. К сожалению, целый ряд вопросов в этом интересном для нас анализе оказался неосвещенным. Подвергнуты критическому разбору

вопросы проведения планового хозяйства и победа плановых ячеек над хозяйственной стихией, вопросы — финансовые и крестьянский, вопросы организации техники, организации труда, управления — остались неразобранными. Правда, отчасти эти вопросы были освещены при рассмотрении развития хозяйства в предшествующие годы, но только отчасти, в то время, как они будут несомненно иметь первенствующее значение при переходе на высшую ступень.

В вопросах укрепления планового хозяйства т. Преображенский указывает, что: «Плановые хозяйственные органы прежде всего начали с ликвидации рыночного хаоса внутри государственного круга».

Первый шаг, сделанный уже в первые годы НЭП'а, заключался в том, что все государственные предприятия были обязаны составлять не только финансовые, но и хозяйственные сметы¹⁾. «Эта работа социалистического учета началась, как я уже сказал, для важнейших отраслей еще до рассматриваемого периода, теперь же она была осуществлена для всей промышленности, не исключая и важнейших отраслей ремесленной и кустарной промышленности. Следующим шагом за этим было распределение заказов и закупок по определенному плану. Государственные плановые органы отнюдь не ждали при этом душировать инициативу отдельных предприятий введением старой системы распределения по ордерам или торгозди по ордерам».

«Все эти мероприятия способствовали также тому, что государственная промышленность могла выступать единым фронтом в сношении с необобществленной частью хозяйства, и отдельные государственные предприятия не ослабляли позицию всей государственной промышленности на вольном рынке»²⁾.

Таким образом, мы видим, что постановка вопросов планового хозяйства остается та же, что и теперь. Нам кажется, что лет через десять мы все же разрешим целый ряд более важных технических проблем, связанных с организацией пл нового хозяйства. Проблема единообразного учета, построение единого хозяйственного плана, способы выполнения единого хозяйственного плана, вопросы контроля и т. п. являются особенно большими для нас вопросами и тут нужна выработка новых форм. Будущие хозяйственники будут легче разрешать вопросы планового хозяйства, овладев его техникой, чем это делаем мы.

В отношении к крестьянству: «Государству было важно не только знать, что и в каком размере оно в состоянии получить от крестьянства. Оно было также кровно заинтересовано в том, чтобы, в согласии с намеченным им планом развертывания промышленности и запросами иностранного рынка, крестьянство производило те сорта сырья и продуктов питания, какие были ему нужны и нужны в определенных количествах»³⁾.

¹⁾ Е. Преображенский.—«От НЭП'а к социализму», стр. 98.

²⁾ Там же, стр. 99.

³⁾ Е. Преображенский.—«От НЭП'а к социализму», стр. 103.

«Когда планирующие органы государства на основании своих расчетов приходили к выводу, что необходимо: на Севере—увеличить культуру льна за счет хлеба, в центре—культуру конопли за счет картофеля и т. д. и т. д., то они обращались не только к Наркомзему, но и давали всем органам капиталистического регулирования директивы поставить свои расчеты с крестьянством так, чтобы во всех указанных районах добиться нужного эффекта».

«Рыночные цены, бывшие раньше стихийным регулятором хозяйства, превращались теперь в руках мощного государства в подсобное орудие планового хозяйства. Так трансформировал, приспосабливал к себе и заставлял служить себе социализм те капиталистические формы, которые оказались наиболее эластичными и пригодными для хозяйства переходного периода»¹⁾.

Нам представляется, что тут обойден целый ряд вопросов, связанных с руководством деревней и сельским хозяйством. Конечно, рынок будет стоять на одном из первых мест в деле регулирования хозяйственной жизни деревни, но не нужно забывать, что, кроме рычага рыночных цен, в наших руках имеются и другие рычаги: организационная связь города с деревней, хотя бы тем путем, какой намечает т. Ленин в одной из своих последних статей («Страничка из дневника»), проведение плановых начал в деревне, коллективизация деревни (но более новыми способами, чем это мы делали в 1918—1920 г.г.). Все это—пути, по которым должна будет идти наша экономическая политика в отношении к крестьянству.

В отношении денежного обращения т. Преображенский приходит к следующему выводу относительно будущей роли денег: «Область применения денежных расчетов еще больше сократилась, когда было проведено обязательство каждого не только государственного и кооперативного, но и частного предприятия (кроме мелких), иметь текущие счета в госбанке, торгово-промышленном банке и других связанных с ним кредитных учреждениях. Так, госбанк и другие кредитные органы превратились постепенно не только в коллекторы свободных средств, в казначейство избыточного капитала страны, но и в бухгалтерию всего социалистического хозяйства, не исключая и части предприятий общественного круга»²⁾.

Т. Преображенский и заключение приходит к выводу: «Победа социализма выяснилась только тогда, когда восстановление крупной промышленности стало обгонять развитие капиталистических отношений, когда в области культуры рабочий класс стал догонять низвергнутый класс, а в то же время в Западной Европе выявилось хозяйственное банкротство капитализма и начала нарастать новая волна мировой пролетарской революции»³⁾.

Самое ценное в книжке «От НЭП'а к социализму» заключается в том, что впервые подробно освещена так называемая «новая эконо-

¹⁾ Е. Преображенский, «От НЭП'а к социализму», стр. 103.

²⁾ Там же, стр. 110.

³⁾ Там же, стр. 116.

мическая политика» как один на этапов перехода к социализму и показано ее место в историческом развитии от капитализма к социализму. До сих пор чуть ли не господствующим является представление о НЭП'е только как к отступлению вследствие неудач так называемого «военного коммунизма». Это большое заблуждение и большая ошибка, в значительной степени разъясненная на IV-м Конгрессе III-го Интернационала, когда было указано, что НЭП является, вероятно, необходимой ступенью не только для отсталой России, но и для многих промышленно-развитых стран при переходе к социализму.

Новая экономическая политика отнюдь не есть восстановление старых капиталистических отношений. Капиталистические формы хозяйства, допускаемые НЭП'ом, развиваются в совершенно отличных от старого условиях. Определяющим моментом является господство советского национализированного хозяйства и диктатуры пролетариата и подчиненная, зависимая роль капиталистических форм хозяйства от них и в экономическом и в политическом отношениях. Вследствие этого, — все отношения иные, вся структура иная. Беря это в целом, всматриваясь в процесс развития, мы видим, как неизбежно все хозяйство, все общество будет идти к высшим формам — к социалистическим, являющимся ступенью к развитому коммунистическому строю. Этот процесс развития очень хорошо обрисован с. Преображенским, и в этом — большая заслуга его книжки.

В. Милютин.

„ЗА 5 ЛЕТ“. Изд. „Красная Новь“. Главполитпросвет. Москва, 1922 г. 422 стр.

«За 5 лет» — сборник агитотдела ЦКРКП, подводящий итоги советскому строительству за истекшие 5 лет революции. В предисловии редакция сборника в лице т.т. Преображенского и Бубнова отмечает неполноту его: целый ряд статей для него не был своевременно написан, до сих пор еще не удалось «сплотить квалифицированные партийные силы на задачах научно-исследовательских». К несчастью, это так. В сборнике не мало пробелов и дефектов. И тем не менее, в общем он крайне интересен, во многом ценен, и, как первый опыт на пути достижения поставленной цели, необходим.

Ряд статей не подходит к заданиям сборника, а иные просто неудачны. В прогнвоположность мнению автора рецензии в № 294 «Известий ВЦИК», посвятившего весьма прочувственные строки «Идеологии накануне октября» т. Луначарского, приходится признать ценность этой статьи для сборника незначительной. Десяток страниц, излагающих личные воспоминания автора в предоктябрьский период и по характеру своему более подходящих к «Истпарту», заканчиваются весьма общим выводом о том, что перед октябрём в пролетариате имелась «железная крепость», в передовой части его «повышенный интерес к вопросам культуры» и пр., а среди буржуа

сталося «пассивное ожидание» ж «смятение». Вот и все содержание статьи, написанной, правда, талантливым пером т. Луначарского. Ни о каком серьезном подходе к разбору вопроса об идеологии говорить не приходится. Недаром сам автор оговаривается, что писал статью на курорте, без необходимых материалов. Ценность такой полубеллетристической ватетки для серьезного сборника едва ли велика. Также неудачна и оценка тем же рецензентом статьи т. Антонова-Овсеенко «Строительство Красной армии». Тема настолько значительна и уже выявлена ходом революции, что можно было ожидать от автора захватывающего очерка, действительно подводящего итоги и событиям гражданской войны и организации Красной армии. Вместо того—сочинение на заданную тему, местами с сухим перечнем событий, без обобщающих выводов, без надлежащего освещения смысла и периодов гражданской войны, страшно далекое от жизни Красной армии, местами с изложением речей т. Троцкого, сильно теряющим по сравнению с самими речами. Несмотря на всю добросовестность автора, нельзя считать и эту статью отъезжающей серьезности поставленной задачи. Наконец, нам хочется остановиться на одном замечании тов. Лозовского в его статье о профсоюзах, где он объясняет возникновение НЭПа «медленным темпом развития революции в Западной Европе и сравнительно небольшим удельным весом городского пролетариата и крупной промышленности в народном хозяйстве нашей страны». Обе эти причины совершенно различного масштаба и, так сказать, величины несоизмеримы. Последняя из них есть причина объективного характера, первая — производная и отнюдь не от второй. «Медленный темп развития революции в Западной Европе» объясняется таким же объективным обстоятельством, как и слабое развитие крупной промышленности в России. Нельзя же приводить в объяснение две причины, из коих одна производная, а другая основная. Не говоря уже об этой, может быть, формальной погрешности, мы считаем объяснение неправильным по существу. НЭП, говорит т. Лозовский дальше, есть «несомненная уступка», «отступление». Совсем нет! НЭП появился на свет не вследствие психологической ошибки, не потому, что русская революция не догонила темпа развития революции на Западе, наконец, и не потому, что революция на Западе шла «медленным темпом». НЭП возник еще в 1918 году, когда только начинался переход к мирному социалистическому строительству. Наступала эпоха гражданской войны; появился «военный коммунизм». Промышленность России была направлена на помощь войне, работала на последнюю. Переход к коммунизму замедлился, ибо вести социалистическое строительство в том состоянии, когда все производительные возможности расходуются непроизводительно, невозможно. Война прекратилась. Вновь начался переход к социалистическому строительству, и тут появился на сцене неизбежный НЭП, как первая стадия перехода к социализму, НЭП нам противен, неприятен, но он неизбежен. Уступка ли он? Отступление ли? Уступка нашему идеалу? Да. Отступление от нашего прошлого? Нет. Ибо нам не от чего отступать. Мы только начинаем наступление, и НЭП—наши первые окопы в социалистиче-

ском строительстве. Ибо нельзя же думать, что строительство могло начаться в условиях гражданской войны. «Медленный темп развития революции» на Западе есть сам по себе производное от того общего объективного обстоятельства, необходимой составной частью которого является вторая указанная т. Дозовским причина,—слабое развитие крупной промышленности в России,—ибо мировое хозяйство едва ли, и русская промышленность и сельское хозяйство ее неотделимая часть хозяйства мира.

Теперь перейдем к разбору другой группы статей, входящих в сборник. В небольшой, но блестящей статье т. Бухарина — «Железная когорта революции», уже ранее помещенной в юбилейном номере «Правды», отмечается громадное значение, действительно «железной», дисциплинированной, однородной во взглядах Российской Коммунистической Партии, руководящей в революции, через рабочие организации, «круг м всего рабочего класса», определившего собой рамах п темп победной Революции. Интересно в статье указание о том, что «тщательный подбор вождей», на деле бывший «прекраснейшим организационным принципом», выдвигался когда-то «филистерами оппортунизма», как «антидемократизм», «личная диктатура» и пр. Это замечание живо напоминает, как в свое время меньшевики стремились свести принципиальный организационный спор, исходивший из совершенно различных идеологий, на личную почву. Это лишний раз подчеркивает преемственность организационных принципов большевизма в прошлом и настоящем и доказывает в ходе и практике победной Революции правильность старых принципиальных позиций большевизма. В статье об аграрном вопросе т. Месяцев, рисуя первые шаги Советской Власти в деле земельного устройтва, подчеркивает чрезвычайно важный для понимания смысла истопп революции или, вернее, «философии истории» революции момент. В после-октябрьские дни, в союзе с левыми эс-эрами, коммунисты провели «социализацию земли». Последняя не была идеей коммунистов. Зачем же они тогда проводили ее? Таково было «требование подавляющего большинства крестьян». «А идея и требования большинства трудящихся должны быть *изжиты ими самими* ни «отменить», ни «перескочить» через них нельзя. Мы, большевики, будем *помогать* крестьянству изжить мелко-буржуазные лозунги, *перейти* от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим. (Т. Ленин — «Пролет. революция и ренегат Каутский»). Большевики—*действительная народная партия*. Они творят волю трудящихся, в проти ополжностей quasi народным правительствам выскочек генералов и буржуазных прихлебателей, вроде г. Керенского e tutti quanti, стремящихся облагодетельствовать бедный народ, на манер барынь-благотворительниц. Народ нельзя заставить делать против его воли, он сам должен постигать свои ошибки, если он делает их, на практике,—вот смысл и философия действительного управления народом.

Эс-эры сделали из «социализации земли» фетиш. Отсюда их идолопоклонническая контр-революционность, когда фетиш их был свергнут и разоблачен народом. Большевики, читая по бумажке и

рого следом каждой букве ее, испугались „социализации земли“ провозгласили проведение ее преступлением против догмы. Большевики провели ее, подчиняясь требованию народа, и тем порвали меньшевистский блок с помещиками, лишив последних силы на земле и помогли трудящимся понять их ошибку. В чем же заслуга большевиков? Они—люди жизни, а не ложно-понятых и затверженных теорий! Вот в чем смысл проведенной «социализации земли». Напрасны мечты приостановить расслоение среди крестьянства, путем ли «социализации» или иначе. С НЭП'ом вновь продолжается процесс дифференциации в среде крестьянства, происходивший в период 1887—1916 г. и прерванный революцией, говорит т. Теодорович, но он пройдет в смягченных формах для трудящихся, под контролем партии, руководящейся знанием исторических законов.

Статья тов. Милютина посвящена «проблеме распределения в потреблении». Автор прежде всего твердо устанавливает (приводя соответственные места из Маркса), что «производство есть непосредственно также и потребление», и наоборот. Этим небольшим вступлением он сразу разделяется со всеми утопиями, подносившимися нам в виде научных сенсаций и нотаций на тему о том, что надо было вводить производственный, а не потребительный коммунизм, что мы расходовали «доставшиеся в наследство от капиталистов запасы» и пр. Потребление в капиталистическом обществе есть, прежде всего, потребление средств производства, а не потребление предметов личной роскоши, как привыкли думать буржуазные экономисты. В условиях военного коммунизма, с другой стороны, нельзя было не вести той политики потребления, которую вела Советская власть. Связывая потребление с производством, какие необходимые стороны одного целого, т. Милютин приходит к выводу, что нам необходим «такой продовольственный режим, при котором могли бы происходить накопление и восстановление основного капитала страны». Главную роль при этом должны выполнять государственные органы и кооперация, а подчиненную—торговый капитал. Вывод: проблема потребления благополучно разрешается с подъемом сельского хозяйства и крупной промышленности.

Его аналогичному выводу приходит и т. Преображенский в отношении финансов, считая, что начавшееся возрождение промышленности и сельского хозяйства даст прочный базис для оздоровления советской валюты. В период военного коммунизма денежные расчеты утратили свое значение для значительной, если не большей, части хозяйственных отношений. При НЭП'е деньги опять необходимы во всех своих основных функциях. Но их значение, при неустойчивости валюты, падает. Устойчивость же их может быть достигнута лишь с возрождением хозяйства. Когда создастся база для бездефицитного бюджета, прекратится эмиссия, размеры денежной массы будут приведены в соответствие с требованиями денежного товарооборота.

В небольшом очерке т. Преображенский дал весьма содержательную историю финансов за 5 лет.

Разъяснение смысла совершившегося, доказательство закономерности совершившегося, подведение итогов в разных областях жизни

РСФСР, выяснение перспектив будущего,— вот содержание собрания. Мы не могли раньше позволить себе роскоши серьезно заняться научно-марксистским изучением итогов революций. 5 лет—достаточный срок, чтобы приступить к этой работе. Первый шаг сделан. *Vivat sequens.*

В. Фирсов.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.

(Критический очерк.)

Приступая к общему очерку современной русской литературы по аграрному вопросу, приходится прежде всего отметить, что последняя представлена не столько марксистами (не говоря уже о коммунистах), сколько представителями буржуазных школ, наложивших свой отпечаток на всю теорию вопроса, на выбор тем и на подбор материала по конкретной экономике сельского хозяйства. Произведения последних подавляюще преобладают на книжном рынке.

К стыду наших издательств приходится констатировать, что в то время как в значительном количестве переиздаются произведения буржуазных экономистов, до сих пор еще не переиздана классическая марксистская литература по аграрному вопросу. Только теперь приступают к переизданию «Аграрного вопроса» Каутского. До сих пор отдельно не переизданы такие работы тов. Ленина, как «Развитие капитализма в России» и «Аграрный вопрос».

При отсутствии марксистской литературы в изобилии представлена буржуазная экономическая мысль, среди представителей которой тонут отдельные представители первой. И в этом нет ничего неожиданного.

Поскольку буржуазия еще не сбита, как теперь принято выражаться, с командующих высот науки,—поскольку в руках ее представителей находятся кафедры экономики сельского хозяйства в высших учебных заведениях, постольку и в области литературы последняя оказывается в подавляющем большинстве.

Однако знаменательно не только это количественное преобладание буржуазных произведений, но знаменателен самый характер буржуазной мысли.

Поскольку Россия являлась и является страной преимущественно мелкого крестьянского хозяйства, и поскольку протекшие десятилетия отличались особенно обостренной борьбой мелкого крестьянского хозяйства с крупным помещичьим (борьбой завершившейся революцией), постольку вся буржуазная теоретическая мысль в аграрном вопросе представлена почти исключительно мелко-буржуазными идеологами и постольку ее внимание обращено на мелкое крестьянское хозяйство. Отдельные представители буржуазно-помещичьей аграрной мысли сошли на нет с ликвидацией буржуазно-

помещичьей власти. Как мы в этом убедимся далее, нам придется иметь дело преимущественно с представителями так называемой «семейно-трудовой потребительской теории крестьянского хозяйства».

Мы рассмотрим: 1) из теории аграрного вопроса—семейно-потребительскую теорию крестьянского хозяйства, вопросы сельскохозяйственного рынка и вопросы ренты; 2) историю аграрных отношений в России и аграрную политику; 3) статистику: а) крестьянского хозяйства за время войны и революции и б) мирового хозяйства; наконец 4) современную периодическую печать по аграрному вопросу.

Что касается хронологических рамок нашего обзора—мы возьмем литературу, вышедшую только за текущий год, лишь в отдельных исключительных случаях привлекая литературу за предшествовавшие революционные годы, если разбор ее является необходимым, по общему контексту.

Самоуничтожение семейно-трудовой потребительской теории крестьянского хозяйства.

Как мы уже отмечали, в современной теории аграрного вопроса выдающееся место занимает «семейно-трудовая потребительская теория крестьянского хозяйства».

За истекшие годы она была представлена следующими важнейшими работами:

Проф. А. Н. Челинцев.—Опыт изучения организации крестьянского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков, 1919 г. 654 стр.

Его же.—Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919 г. 177 стр.

Н. Макаров.—Крестьянское хозяйство и его эволюция, том I. Москва, 1920 год 392 стр.

А. В. Чаянов, А. А. Вайнштейн и Ив. Лопатин.—Проблемы землеустройства. Оптимальные размеры сельско-хозяйственных предприятий. Москва, 1922 год, 155 стр.

Проф. Н. Ш. Микров.—Условия и пределы применения тракторов в сельском хозяйстве. Москва, 1922 год, 68 стр.

Кроме этих впервые появляющихся работ из перечисленных отметим:

Н. Н. Черненко.—К характеристике крестьянского хозяйства. Вып. 1, 2 издание. Москва, 1918 г.

С. Л. Мислов.—Крестьянское хозяйство. Москва, 1921 г.

А. В. Чаянов.—Организация северного крестьянского хозяйства. Ярославль, 1919 г.

Его же.—Очерки по теории трудового хозяйства. Москва, 1922 г.

Как видим, мелко-буржуазная теоретическая мысль представлена довольно полно.

Основные черты теории по Макарову.

Историю разбираемой теории Макаров начинает издаലെка — от славянофилов и ранних народников — и кончает ее теоретиками наших дней. Как истый идеалист, Макаров рисует эволюцию аграрных теорий, как развитие некоей перманентной идеи, которую он никак не может поставить в связь с развитием классовых отношений. Для него, например, марксизм и народничество «особые этические настроения»; борьба же их является лишь «столкновением психологий» (8 стр.). Можно было бы набрать бесконечное количество подобных идеалистических откровений, которыми полна рецензируемая книга. Вся первая часть, насчитывающая 160 стр., представляет собою на редкость типичную идеалистическую мешанину, критика которой на страницах настоящего журнала вполне основательно могла бы быть сочтена за неуважение к его читателям.

Мы ее будем разбирать лишь постольку, поскольку она позволяет установить весьма существенные этапы в развитии теории крестьянского хозяйства и ее современную сущность.

Если, например, расшифровать такие идеалистические термины, как «напряженность этического настроения» русских народников (4 стр.), «психология марксизма» (8 стр.) или «наличность некоторой волевой напряженности» и «активное настроение» современных теорий (12—13 стр.), то эти этапы будут достаточно выявлены.

Действительно, за истекшее шестидесятилетие развитие народнической мысли проделало большой путь.

Народнические теории возникли в начале русского промышленного переворота, когда капитал вторгнулся в крестьянское хозяйство, как разрушительная, еще мало привычная для молчаливого хозяйчика сила, когда вполне проявились последствия экспроприации крестьянства помещиками — экспроприации, усиленной наступившим сельскохозяйственным кризисом*). Понятно, что в этих условиях русская мелко-буржуазная литература воостряла вопросы борьбы с помещиками и подчеркивала факты экспроприации крестьянства. В этот период она оказывалась «не приемлющей капитализма» — была полна «капиталистической паники». Преобладали мотивы о «разорении», «оскудении», «нуждах деревни» и т. п.

Вполне правильно отмечает Макаров, что, поскольку в этот период буржуазно-помещичьи экономисты (как А. П. Чупров, А. А. Кауфман и др.) указывали на прогресс крестьянского хозяйства и призывали к его интенсификации, подобные заявления, в момент борьбы с помещиками за землю, объективно служили интересам последних, стремившихся «замолчать» земельный вопрос.

*) Благодаря кризису задерживалось развитие хозяйств сельской буржуазии, что заставляло и ее остро ощущать вместе со всем крестьянством помещичью эксплуатацию, хотя затрагивающую ее в значительно меньшей степени, чем середняков и беднячков.

Бесспорно, эта народническая литература при всей своей теоретической наивности имела известное революционное значение в идейной подготовке крестьянской революции.

Теперь содержание и объективное значение мелко-буржуазных теорий совершенно иное.

Подъем сельского хозяйства после революции 1905—6 г.г. значительно укрепил позиции сельской буржуазии. Она уже нашла себе место под капиталистическим солнцем и в условиях столыпинского буржуазно-помещичьего строя. Продолжая быть оппозиционной, поскольку она вела еще борьбу с помещиками за прибавочную стоимость, сельская буржуазия теперь занята уже не столько вопросами организации борьбы с помещичьей властью, сколько вопросами организации своего хозяйства, его развития и укрепления в хозяйственной борьбе с крупно-капиталистическим помещичьим хозяйством.

Развитие обслуживающей крестьянское хозяйство агрономической и кооперативной организации выдвинуло соответствующие кадры интеллигенции, связанной с крестьянством или точнее с сельской буржуазией. Вот эта-то интеллигенция — агрономы, кооператоры и, разумеется, профессора, обслуживающие с.-х. учебные заведения, — является сейчас носителем мелко-буржуазных идей крестьянства. Что последнее действительно так, этого долго доказывать не приходится. Это признают и сами кооператоры и агрономы.

Макаров говорит, что для успешного понимания и изучения крестьянского хозяйства необходимо «заразиться психологией хозяйства», в которой есть много «этически-ценного, бодрого, красивого», и что «агрономическая помощь, кооперативное движение требуют своего социально-этического обоснования» (предисловие, стр. VI). Этим Макаров бессознательно подчеркивает, что интеллигенция, обслуживающая какой-либо класс, должна проникнуться — «заразиться» по Макарову — идеологией этого класса, в чем он безусловно прав.

Поскольку сельская буржуазия — эта наиболее активная до революции верхушка крестьянства — из класса *an sich* превращается в класс *für sich*, становится уже вопрос о выработке «для крестьянской России здоровой крестьянской идеологии» (стр. VI).

Более того, зарождается уже в эпоху пролетарской революции идеология крестьянской контр-революции — зарождается идея создания крестьянской диктатуры над рабочим классом. (Мы имеем ввиду «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», написанное под псевдонимом Иван Кремнев одним из виднейших представителей разбираемой нами теории).

Но нас сейчас интересует не это отражение крестьянской идеологии в области политической мысли. В данном случае мы рассматриваем исключительно экономическую мысль.

Что же она из себя представляет?

Как говорит Макаров про семейно-потребительскую теорию, — «вместо социально-этической оценки мы встречаем скорее технический, практический интерес, вместо социально-экономического интереса выявляется интерес организационный» (10 стр.).

Однако организация организации рознь.

Поэтому существеннейшее значение приобретает вопрос о том, как и на каких основах строится теория организации крестьянского производства. А для разрешения последнего вопроса решающее значение имеет, как принято выражаться у представителей разбираемой школы, «природа крестьянского хозяйства» и методологический подход к нему.

Макаров рассматривает два понимания крестьянского хозяйства, как он называет, — одно — «объективное», рассматривающее соотношение групп хозяйств, и «субъективное», рассматривающее крестьянское хозяйство «изнутри» (60 стр.). В то время, как первое (социально-экономическое) по его словам, на этот раз правильным, судит о хозяйстве «по внешним социальным отношениям» между предпринимателем, организатором хозяйства и «рабочим исполнителем» («свой» труд, «чужой» труд, «владение производителем средс вами производства»); второе — «субъективное» — рассматривает крестьянское хозяйство «в его внутренней организации» — состав семьи (едоков и работников) и особые мотивы деятельности — именно потребительские мотивы (61 стр.).

Притупление этих двух точек зрения Макаров, пожалуй, сделал правильно, зато он совершенно неправильно обрисовал эти направления. Он совершенно не понял первого направления. Как стороннику второго, оно ему чуждо. И только этим можно объяснить, что Макаров под одной рубрикой — социально-экономического направления в изучении крестьянского хозяйства — рассматривает и Ленина, и Петра Маслова, и кн. Васильчикова, и А. И. Чупрова. Разумеется, научно это столь чудовищно, что особых комментариев не требует.

Гораздо ближе к истине Макаров при обрисовке второго направления «организационно-производственного» «семейно-трудового потребительского», к которому он сам и принадлежит.

Правда, Макаров говорит о необходимости синтеза обоих направлений (54—60 стр.). Однако, это заявление так и остается одними словами без конкретного содержания, так как он обеими ногами прочно стоит на позиции второй.

Весьма показательным, что Макаров при изложении теории очень часто обращается к «авторитету» Булгакова, чем, несомненно, устанавливает приемственную связь с идеями германских ревизионистов. Действительно и до сих пор у всех представителей этой теории — Чаянова, Макарова, Челлищева, Бруцкуса и др. мы встречаем ревизионистские перемены об «особых» путях развития сельского хозяйства, о преимуществах мелкого производства над крупным и т. п., что достаточно известно, и на чем останавливаться мы не будем.

Что же нашел Макаров у всех разбираемых им авторов? Он нашел прежде всего определение крестьянского хозяйства, как хозяйства семейного «семья» и «потребление» — вот два начальных понятия крестьянского хозяйства (71 стр.). — И далее, «биологическое понимание жизни семьи и соответствующего передвижения хозяйств —

все это было новым высоко ценным методическим подходом к пониманию крестьянского хозяйства» (стр. 71). «Семья, как своеобразное объединение «едоков» и «работников» в одной хозяйственной целостной ячейке проливает новый свет на вопрос о «потребительной» или «трудовой» природе крестьянского хозяйства, создавая новое синтетическое понимание вопроса» (72 стр.).

Это «синтетическое понимание вопроса» сводится к игнорированию фактов развития товарных отношений, определению крестьянского хозяйства, как натурально-продовольственного, чем особенно грешат Н. А. Каблуков, И. А. Виляев и Н. П. Огановский, Быховский и др., и что сам Макаров должен признать излишней крайностью. Последний допускает (стр. 70), что при «подходящих условиях» крестьянское хозяйство «заболевает» такими «заразными болезнями капиталистического общества», как «жажда денег», «поиски высокой цены», «высокого денежного дохода», «не считающихся, разумеется, с размерами потребления». Далее мы убедимся, что эта болезнь не случайная, а повальная для сельской буржуазии, и что семейная трудовая теория делает весьма губительную для нее методологическую ошибку, рассматривая нормальную физиологию капиталистического строя, как патологию.

Представление Макарова о крестьянском хозяйстве, как семейном, использующем труд только своей семьи и только для удовлетворения нужд собственного потребления и служит той основой, на которой строится вся «экономика крестьянского хозяйства и организация его производства.»

На критике этих положений мы сейчас не останавливаемся по той простой причине, что эта теория блестяще опровергается ее же представителями.

Соответствующий материал дает нам прежде всего сам Макаров во второй части своей работы, представляющей исследование пока что по 3 районам, расположенным в порядке восходящей интенсивности хозяйства—от «кочевого скотоводческого хозяйства» до более интенсивного промышленно-земледельческого на Северо-Востоке Европейской России. Во II томе Макаров предполагает закончить работу исследованием подгородней системы сельского хозяйства. Как видим у Макарова весьма интересный прием исследования, впрочем, довольно часто применяемый,—прием исследования при помощи районов, как стадий эволюции (159 стр.).

Мы не будем останавливаться на его методологических рассуждениях об эволюции, которые не представляют собой никакого интереса, т.-к. являются весьма плоской эклектической мешаниной. В погоне за «всесторонностью» он берет наравне с такими факторами эволюции, как «природа», «техника» и факторы «этические», «правовые» (см. его схемы на стр. 158).

Как будто специально имея ввиду Макарова, еще 15 лет тому назад писал Ленин в «Аграрном вопросе» (стр. 192) о «подобных эклектиках, соединяющих несоединимое».

— «Как характерна,—говорил Ленин—эта, столь модная в настоящее время, quasi-реалистическая, а на самом деле эклектическая

погоня за полным перечнем всех отдельных признаков ж отдельных факторов», приводящая к тому, что «электик за деревьями не видит леса» (В. Л. Ильин. — Аграрный вопрос. 1908 г., стр. 192—193.).

Итак, оставляя в стороне не заслуживающие внимания общие «теоретические» рассуждения автора об эволюции, перейдем к ознакомлению с представленным им конкретно-историческим материалом, и на этом пробном камне испытаем действительную научность его теоретических построений. Сразу же выясняется полнейшая негодность всего обработанного материала, приписанного почти исключительно в средних величинах, что, разумеется, совершенно искажает картину крестьянской действительности и почти лишает возможности им пользоваться. Часто Макаров, почти забывая свои рассуждения о «громоздком методологическом значении биологического понимания» крестьянского хозяйства, довольно правильно рисует капиталистическую эволюцию. Он дает нам, хотя и по народническим соусом, более или менее правильную историю разложения натурального хозяйства, перехода от кочевого скотоводства к торговому земледелию. Заметим, что и здесь у Макарова что на шаг, то ошибка и путаница; например, у него выставляется рост населения (перенаселение) как одна из главных причин разложения скотоводческого хозяйства, здесь фигурирует и «хозяйственная психология» кочевника. Подобные методологические ошибки уже достаточно оценены по достоинству в соответствующей марксистской литературе, да они обнаруживаются и на самом изложении Макарова.

О том, что перед нами действительно капиталистическая эволюция от кочевья к оседлому, торговому земледелию отчетливо свидетельствуют 220 и 221 стр. разбираемой работы, где автором приводятся данные о типичной дифференциации крестьян, в связи с развитием торгового капитала. То же самое подтверждает и на удачу нами взятая стр. 218, где автор должен признать, что «основной капитал растет быстрее роста семьи и ее рабочих сил, все больше хозяйство прибегает к найму сельско-хозяйственных рабочих и в соответствии с этим увеличиваются доходы хозяйства». Из этой цитаты яв тнует, что размер семьи и ее рабочих сил не при чем, что не потреблением и не количеством едоков и работников в семье определяется доход этих хозяйств, и этого вывода не могут изменить семейно-трудовые потребительские комментарии Макарова.

Весьма интересен следующий очерк—3-й: «развитие сибирского крестьянского земледельческо—скотоводческого хозяйства», в котором перед нами пролодит весьма типичное развитие «захватнического земледелия» в этой русской Америке, где хозяйство развивается на свободной от крепостнических нут земле. Стоит только посмотреть на стр. 267 таблицу ввоза машин (который с 43 тыс. пудов в 1898 г. поднял я до 4.488 т. в 1913 г.), таблицу вывоза продуктов (278 стр.), наконец, данные о развитии торгового маслодела, чтобы видеть и темп капиталистического развития сельского хозяйства и зависимость его от таких факторов, как развитие рыночных отношений в связи с железнодорожным строительством, введение машин и т. п. Весьма показательна диаграмма (на 301 стр.) о развитии типично-

капиталистических арендных отношений, из которой отчетливо видно, что количество арендуемой земли зависит исключительно от размеров находящегося в распоряжении хозяйства капитала, и аренда применяется не в целях продовольственных, а только капиталистических.

От общего вывода о работе Макарова пока воздержимся. Сделаем его в связи с оценкой других авторов в заключительной части настоящего отдела.

Челинцев о капиталистической эволюции с. х.

Теперь перейдем к двум весьма обстоятельным работам А. Н. Челинцева,—1) Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков 1919 г., 654 стр.; 2) Теоретические основания организаций крестьянского хозяйства на. Харьков 1919 г., 177 стр., представляющим собой обработку бюджетных обследований.

Прежде всего должны отметить, что работы Челинцева весьма выгодно отличаются от работы Макарова большей ясностью и строгостью изложения, с одной стороны, большей деловитостью и несомненно большим практическим значением, с другой стороны.

Как мы увидим далее, А. Н. Челинцев страдает всеми смертными грехами представляемой им теории, однако интерес справедливости требует от нас признать известное практическое значение его работ. Случается, что организатор капиталистических предприятий имеет чудовищно безграмотное понимание законов экономической жизни и все же является прекрасным организатором и дельцом. Так и работы Челинцева могут кое в чем помочь современным организаторам крестьянского хозяйства—кооператорам и агрономам, несмотря на непонимание со стороны автора и ошибочное трактование сущности крестьянского хозяйства.

Действительно, теоретическая часть работы на редкость слаба, и, если автор называет свою работу «теоретические основания», то это лишь доказательство того, как часто авторы ошибаются в оценке своих работ. В отношении теоретическом А. Н. Челинцев яркий выразитель «семейно-трудовой потребительской теории крестьянского хозяйства». И в его «опыте изучения и т. д.» (стр. 6—13) и в «теоретических основаниях» (стр. 6—10) мы ничего нового не найдем по сравнению с тем, что мы имели в работе Макарова (разве только без излишней, утомляющей словесной мишуры последнего); имели у Макарова именно потому, что он скомпилировал (понятно, не в одностороннем смысле этого слова) идеи всех теоретиков этой школы и Челинцева прежде всего (хотя и по другим более ранним его работам).

Перейдем к рассмотрению применения его теории на практике—на конкретно-экономическом материале. Здесь мы можем наблюдать, как сам автор побивает свою теорию фактами и материалами, предназначенными для ее доказательства.

Прежде всего, называя крестьянское хозяйство «трудовым семейно-потребительским» и тем противопоставляя его капиталистическому хозяйству, изображая его, как «остров, омываемый капиталистическими водами» (Булгаков — Капитализм и земледелие), А. Н. Челинцев приводит все те факты эволюции крестьянского хозяйства, которые для всякого мало-мальски знакомого с механикой капиталистического развития укладываются в обычную марксистскую схему капиталистической эволюции. Все время выставляя крестьянское хозяйство как потребительское, а не товарное Челинцев в то же время большое внимание уделяет вопросам рынка продуктов сельского хозяйства («Опыт», стр. 142 п сл.; «Теоретические основания», 51—68 стр.) и вопросам «денежного оборота в крестьянском хозяйстве» («Теоретические основания», стр. 80—124). Уже одно это заставляет взять под сомнение определение крестьянского хозяйства, как преимущественно натурального, потребительского. В этом сомнении еще более убеждает анализ товарности крестьянского хозяйства. Оказывается, по бюджетной анкете Харьковского Общества сельского хозяйства, произведенной в 1914—15 году, которой по преимуществу оперирует Челинцев, имеем следующие данные о товаризации крестьянского хозяйства. В высшей группе, имеющей свыше 30 десятин посева, было потреблено 11,9% всего зерна в году, продано 55,4% на 876,7 руб.; в нижней, менее 2-х десятин, соответствующие цифры будут 173,3%—183,4% и 3,4 руб. Средние же цифры будут—20,7; 44,8%, 221,8 руб. («Теоретические основания», стр. 12).

Аналогичные данные имеем в отношении продажи объемистых кормов (там же, стр. 19), продуктов животноводства (34—55 стр.). Как видим товарный, отнюдь не потребительский характер крестьянского хозяйства, выявлен достаточно ярко, что дает нам полное основание отвергнуть «примат потребления» в крестьянском хозяйстве, к чему фактически должен прийти и сам Челинцев. Так в своем «опыте» на стр. 167 Челинцев должен признать, что «размеры потребления семьи связаны с величиной заработка хозяйства и в частности с земельной площадью, которой хозяйство располагает» а не обратно—заработок с размерами семьи.

Вышеприведенные цифры говорят за то, что рассматривать крестьянское хозяйство как более или менее однородное, настолько однородное, чтобы дать ему какое-либо одно определение, значило бы открыто вступить в противоречие с действительным положением вещей. Разве можно брать за одни скобки хозяйство, продающее на 876,7 зол. руб. и хозяйство, продающее на 3,4 руб., больше половины получающее от заработков вне своего хозяйства. Дистанция между ними огромного размера, и разница, как в этом убеждают данные самого же Челинцева, не только количественная, но и качественная. Это доказывают уже цитированные нами данные о продажах различных слоев крестьянства («Теоретические основания», стр. 12—19, 21, 54 и 85), особенно же цифры о массах капитала, которыми различные хозяйства располагают—например постройками (там же, стр. 84.), сельско-хозяйственными орудиями (там же, стр. 86—87). Убеждают в качественной дифференциации крестьян и данные об аренде

(стр. 102), а особенно в напие рабочей силы сельской буржуазией (107—108 стр.), и отчуждении ее полупролетарскими хозяйствами (стр. 69). Крестьянское хозяйство ясно выступает перед нами, особенно в Харьковской губернии, где капиталистическое развитие шло довольно далеко, как резко разграниченное на ряд группировок, на полюсах которых находятся сельская буржуазия с одной стороны, а с другой — сельский пролетариат и полупролетариат. Семейная трудовая школа игнорирует эту дифференциацию и обычно злоупотребляет средними цифрами.

Итак уже самый факт разнородности крестьянских хозяйств не позволяет рассматривать их, как единое целое, и давать им одно определение. Теперь мы должны рассмотреть причину столь большой разницы в размерах хозяйств. Как мы помним, согласно теории, представляемой Челнинцевым, размер хозяйства определяет я «размером семьи» («Опыт» стр. 7), количеством «едоков и работников» в ней. Как гласит эта теория, чем больше работников имеется в семье, тем большую массу средств производства они приводят в движение, а чем больше едоков в семье, тем более, — как это доказывал Чаянов, а за ним повторили все его единомышленники, — эти работники «самозэксплуатируются». («Теоретические основания», стр. 6). Однако разница между хозяйствами столь велика — продукция более крупных в десятки, а то и сотни раз превосходит продукцию мелких, — что, разумеет я, ни в коем случае она не может быть сведена к размерам семьи. Как то видно из таблиц на стр. 125 «Теоретических оснований», в среднем на одно хозяйство приходится — в самом мелком хозяйстве (одна десятая) — 5,0 душ, в более крупном (свыше 50 дес.) — 8,4 душ. Как видим, самые цифры говорят за то, что считать семью «аргументом», а размер производства ее «функцией» — означало бы совершать элементарную математическую ошибку, за которую подобных теоретиков высмеет любой школьник.

Если есть разница в количестве членов семьи между крупными и мелкими хозяйствами, то эта разница для своего объяснения требует специального исследования, во всяком случае, вернее предположить, что размер семьи чаще зависит от размеров производства, чем обратно. Чтобы покончить с мифом о том, что размеры хозяйства определяются движением семьи, остается сказать несколько слов о самой попытке эволюцию крестьянского хозяйства свести к эволюции семьи. Недь по существу в развитии семьи — ее укрупнении и ее почковании — ничего типично-крестьянского сельско-хозяйственного нет. Если бы произвести на протяжении десятилетий аналогичный анализ семьи, скажем, землевладельцев или же предпринимателей-капиталистов, то и у них, несомненно, мы бы нашли этот же процесс разнотия семьи с тем же укрупнением и дроблением. Последнее вполне понятно, так как семья есть институт, сросшийся с собственническими отношениями, а последние свойственны, хотя и в разной степени, всем перечисленным классам. Таким образом вопрос об эволюции семьи при всей его важности для отрасли науки, изучающей ее происхождение и развитие, имеет к сельскому хозяйству не больше отношения, чем к промышленно-

сти, где раздел семьи также влечет за собой и раздел имущества. Однако, мы полагаем, что теперь не найдется таких чудаков, которые размеры капиталистических предприятий сводили бы к размерам семей их владельцев. Увы, среди «теоретиков» аграрного вопроса такие «чудаки» встречаются, и здесь дело, разумеется, не в чудачестве, а в том, что названия «семейный» «трудовой» «потребительский» — все это является весьма удобным защитным щитом социальным хаки — в период обостренной борьбы против нетрудовых элементов.

Теперь рассмотрим вопрос о трудовом характере значительной части крестьянских хозяйств.

«Поддаляющее количество крестьянских хозяйств являются трудовыми. Исключения составляют обычно два-пять процентов всего числа крестьянских хозяйств, которые нанимают годового или срочного батрака» — пишет Челлинец («Теоретические основания» стр. 6).

Подобный метод подсчета нетрудовых хозяйств в свое время достаточно высмеяли тов. Лениным (В. л. И. л. и н. — Развитие капитализма в России. Москва 1908, стр. 38).

Ведь подсчитать процентное отношение сельской буржуазии, прибегающей к наемному труду, в отношении всего крестьянства — то же самое, что подсчитать процентное отношение семей промышленников ко всем семьям, занятым в промышленности. Подобным способом легко доказать, что крупные капиталисты лишь «исключеннее» и составляют ничтожный процент в промышленности. Если же взять процентное отношение сельской буржуазии ко всем самостоятельным хозяйствам, то процент ее, как доказал еще Ленин, повышается до 34—64.

О том, что размеры хозяйства сельской буржуазии отнюдь не определяют ра мерам потребления, а размерами капитала, и что у сельской буржуазии отнюдь «не особая выгода в хозяйстве», об этом лучше всего свидетельствует сам Челлинец, который в заключение своих «Теоретических оснований» (на стр. 163) приводит весьма выразительные данные о границах прожиточного минимума, за которыми «заработок» начинает сберегаться, но не идет целиком на удовлетворение личных потребностей. И тут же Челлинец поясняет, что «сбережение» является в результате, главным образом, найма посторонней силы» (163 стр.).

Как видим, здесь для каждого экономически грамотного человека вполне ясна картина присвоения сельской буржуазией прибавочной стоимости, создаваемой трудом наемных рабочих. «Трудовой» характер этих слоев крестьянства, конечно, доказать весьма трудно, и если Челлинец это пытается сделать, то тем хуже для него.

Но менее убийственны для разбираемой теории и данные о промыслах, которые, как известно, еще более дифференцируют крестьянское население. Как свидетельствуют данные по Полтавской губ. за 1910 год, число хозяйств, живущих промыслами, составляло в нижней группе (одна десятая) 66,0%; в высшей (свыше 50 дес.) — 1,2% — По Таврической губ. (Кердянскому уезду) соответственные цифры

будут 72,5%; 24,5%. Аналогичные данные мы имеем и в рассмотренной выше работе Макарова по Екатеринбургскому уезду (Макаров, 317 стр.). Впрочем, не достаточно констатировать участие в промыслах,—надо еще разобраться в виде и в характере этих промыслов.

Еще народнические предки Челинцева грешили тем, что все виды промыслов они сваливали в одну кучу — и промысел приемателя и промысел рабочего, за что и получили соответствующую отповедь в работах марксистов. О том, что промысел у разных групп крестьянства различен, об этом свидетельствует отмеченный Челинцевым тот факт, что в более крупных хозяйствах занимаются промыслом и тогда, когда доход достаточен и от своего хозяйства, и что оплата труда в промыслах этих хозяйств в пять раз более чем в мелких («Теоретические основания», 72 стр.) Полагаем, что этого достаточно, чтобы с полным основанием предположить, что промысел в более крупных хозяйствах носит предпринимательский характер, о чем Челинцев понятно умалчивает.

Вот это-то развитие промыслов говорит о глубоком перерождении деревни, о превращении одних хозяйств в предпринимательские, других в пролетарские, которые выталкиваются из сельского хозяйства. Челинцев же не замечает, как количество переходит в качество — не замечает, что *крупное крестьянское хозяйство уже не трудовое, а мелкое уже не сельское.*

И весьма странно звучит со слов Челинцева, что промыслы задерживают интенсификацию мелких хозяйств, труд которых «завязан» в промыслах («Теоретические основания», стр. стр. 77, 106, 159, 160).

Челинцев не понимает того, что судьба мелкого хозяйства при капиталистическом строе не интенсифицироваться, а разоряться. А между тем и на этот счет у него имеется материал, значения которого он сам не понимает. Он подобрал материал, убийственный для его теории мелкого хозяйства. Стоит только просмотреть его данные об обремененности каждой десятины мелкого хозяйства расходами на постройки, инвентарь, скот и, наконец, данные о затратах труда, чтобы убедиться, что мелкое хозяйство не жалец на этом капиталистическом счете. Действительно, по приведенным Челинцевым данным Чайнова по Старобельскому уезду Харьковской губ., стоимость хозяйственных построек на одну десятину в разных категориях хозяйств колеблется от 44,3 руб. на десятину в самых мелких, до 9,7 руб. на десятину в крупных (84 стр.). Это наталкивает Челинцева на мысль посоветовать крестьянам заботиться об «особенной дешевизне и портативности необходимых сельскохозяйственных построек в малоземельных хозяйствах...» и «о совместном пользовании постройками, как, например, в Челни курятниками (стр. 84). Что ж, последняя мысль хорошая! Пожалуй, только для нредсоциалистического, но отнюдь не капиталистического хозяйства. Ту же градацию не в пользу мелкого хозяйства мы видим и при учете стоимости сельско-хозяйственных орудий на десятину пашни. При подавляющем количестве сельско-хозяйственных орудий в более крупных хозяйствах (вместо 3,4 руб. в самом мелком хозяйстве,

115,1 руб. в более крупном—свыше 15 десятин), стоимость на десятину колеблется в тех же хозяйствах от 6,06 руб. в мелком до 3,55 руб. в более крупной (88 стр.)

Чтобы не затруднять читателя цифрами, приведем последние данные о бесцельной растрате труда—в 3-4 раз—в мелких хозяйствах по сравнению с крупными. Оказывается, расход рабочей силы в пестропольной средней полосе в расчете на одну десятину составлял: в хозяйствах до 5 десятин—22,5 дней; свыше 25 десятин—6,1. В другом месте сам же Челинцев признает, что «труд на земледеле на каждую десятину расходуется тем больше, чем хозяйство мельче» (145 стр.).

Действительно, после этих цифр как не начать говорить об «особой» выгодности в крестьянском хозяйстве, «об особых мотивах» его деятельности, чтобы затушевать, что и пытаются сделать мелко-буржуазные теоретики, факт экспроприации слабого крестьянства. Бесспорно прав тов. Ленин, когда он пишет, что «мелкое земледелие держится всяким хищничеством: расхищением труда и жизненных сил земледельца, расхищением сил и качеств скота, расхищением производительных сил земли и т. д. (В. Ильин.—Аграрный вопрос. 1908 г., стр. 205).

И как бы в ответ на эти данные о невыгодности мелкого хозяйства, Челинцев дает цифры о разложении мелкого крестьянского хозяйства. Помимо вытеснения их из сельского хозяйства в промышленность, о чем говорит развитие промыслов, он неоднократно приводит данные об измелечении крестьянских хозяйств, что является первым признаком их деградации, столь типичной для капиталистического развития. Особенно же ценны данные из области денежных отношений и кредита. Они устанавливают значительный дефицит в хозяйствах мелких (104 стр.). Чем мельче хозяйство, тем дешевле оно продает свои продукты, тем скорее подпадает под экспроприрующее влияние торгового капитала (за отсутствием места, цифр не приводим—см. их на 114 стр.). Не обходится здесь дело и без ростовщического капитала. Беднота более всего прибегает к займам (121 стр.), уплата долгов в низшей группе в пять раз более, чем в высшей (109 стр.). И это несмотря на то, что последняя в неизмеримое число раз сильнее первой.

Теперь мы можем подвести общий итог.

Как видим, Челинцев проявил исключительную способность своими фактами опровергать свои же теоретические положения. Как будто про него, а не про Адама Смита, когда-то говорил Прудон: «Он видит и не понимает, он рассказывает и не разумеет смысла своего рассказа». Добросовестно копаясь в куче эмпирического материала, он совершенно не понимает, плодом каких общих причин являются те явления, которые он устанавливает.

Говорят, есть два типа буржуазных ученых: рационалисты, которые, как пауки, тянут из себя паутину мысли и плетут из нее причудливые узоры, и примитивные эмпирики, уподобляющиеся муравьям, которые натаскивают горы разнокалиберного материала, сырого и не обработанного. Челинцев бесспорно принадлежит к последнему типу.

В общем его факты оказались неизмеримо ценнее его теории, мы полагаем, что, если бы Челпанцев издал только фактический журнал—одни таблицы без своих, только запутывающих, пояснений, спорно ценность книги значительно бы возросла.

А. В. Чаянов о преимуществах крупного производства в с. г.

И в работах Н. Макарова и в работах А. Н. Челпанцева мы имеем дело с подлинным самоуничтожением теории «семейно-трудового потребительского хозяйства». Безусловно это еще одно из доказательств правильности положений марксистов в их споре с народниками о путях развития деревни.

Однако есть еще одна сторона в этом споре, которая всплыла на поверхность—это вопрос о крупном и мелком хозяйстве, который поднят А. В. Чаяновым, А. А. Вайнштейном и Ив. Лопатиным в сборнике «Оптимальные размеры сельско-хозяйственных предприятий». Проблемы землеустройства. Москва 1922 г., 155 стр.

Наибольший интерес представляет статья А. В. Чаянова «Оптимальные размеры», которая, в противоположность всей представляемой Чаяновым теории, доказывает все преимущества крупного производства над мелким в сельском хозяйстве.

Пишет Чаянов работу, разумеется, не в целях ниспровержения своей теории. Он разрабатывает «теоретические основания проблемы» по поручению Центраозема, в целях преимущественно технических, а именно: установления размеров сельско-хозяйственных предприятий при землеустройстве, например, при выделении совхозов, сельско-хозяйственных коммун и т. п. (стр. стр. 6 и 77). Как говорит Чаянов в предисловии, «весь анализ проведен в плоскости крупного сельского хозяйства, основанном на наемном труде»; автор спешит оговориться, что «установление для этого хозяйства высоких оптимальных ни в коем случае не может свидетельствовать о каких-либо его преимуществах над семейно-трудовым крестьянским хозяйством, не только количественно, но и качественно отличающимся от хозяйств не трудового типа (из предисловия, стр. 3). Как видим, Чаянов вполне искренне убежден, что его признание «преимуществ крупного хозяйства—одного из «основных законов экономики», который, по его собственным словам, было бы «нелепостью отрицать» (стр. 7)—«не имеет никакого отношения к старому спору о крупном и мелком земледелии», (6 стр.), к признанию преимуществ крупного хозяйства над «семейно-трудовым». Именно этому искреннему заблуждению мы обязаны тем, что он лишь с небольшими оговорками на словах, и без оговорок на деле расписывается во всех преимуществах крупного хозяйства, на что при других условиях он не решился бы, и что пришлось бы нас удовлетворяя услышать это признание из уст ярого сторонника мелкого трудового хозяйства.

В действительности же это заблуждение Чаянова основано на простом недоразумении, подпертом весьма шаткими теоретическими рассуждениями. Чаянов исходит из *качественной* противопоставле-

ния мелкого трудового хозяйства крупному капиталистическому, чем он хочет спасти свою теорию от явного уничтожения ее при их количественном сравнении. Он считает, что «качественные преимущества трудового хозяйства покрывают в значительной степени его количественную слабость» (стр. 6). Ох, уж эти качественные «преимущества» мелкого хозяйства! — лучше бы о них молчали. Выше мы уже достаточно выяснили эти «особые качества» крестьянского хозяйства — хищническую растрату человеческого труда, средств производства и систематическое недостаточное потребление (Сравни К. Каутский. Аграрный вопрос 1906 г., стр. 146—147). Надо быть заклятым врагом крестьянского хозяйства, чтобы в этих «качествах» видеть преимущества мелкого хозяйства. По всем этим соображениям рассуждения о качественных преимуществах мелкого хозяйства можно оставить в стороне.

В постановке проблемы об оптимальных размерах хозяйства в земледелии Чайнов исходит из ограничительного признания преимуществ крупного производства над мелким. Считая «нелепым» отрицание этого положения, он, как последовательный ревизионист, считает необходимым ввести в него известные ограничения. На эти ограничения, которые он выводит из «невозможности сконцентрировать колоссальный сгусток производственной энергии чуть ли ни в одной точке» (8 стр.), мы останавливаться не будем ¹⁾ — не потому чтобы эти рассуждения были целиком правильными — наоборот, в них не мало ошибочного, не мало отрывков ревизионизма, в особенности в его трактовке о машинах в сельском хозяйстве, — а потому, что по существу ни один марксист не считал расширение крупного производства безграничным, а обусловленным данным состоянием развития производительных сил. Еще у Каутского в «Аграрном вопросе» в 7-й главе «о границах крупного капиталистического сельского хозяйства» мы найдем эти ограничения. Останавливаясь как раз на факте «пространственного расширения» предприятия в сельском хозяйстве и основываясь как раз на исчислениях Тюнена (которыми будет, главным образом, оперировать Чайнов) об удорожании внутрихозяйственных перевозок, он приходит к установлению границ, за которыми пространственное расширение становится невыгодным. «За известными границами, — говорит он, — выгоды крупного производства возрастают не с такой быстротой, как убытки от отдаленности, так что с этого пункта всякое дальнейшее расширение имения понижает его доходность» (196 стр.). «Можно сказать, — резюмирует Каутский свои рассуждения, — что, в общем, максимальная площадь имения, за которой его доходность падает, тем меньше, чем интенсивнее хозяйство, чем больше капитала вложено в землю одинаковой площади; но этот закон, — заканчивает Каутский, — время от времени нарушается техническим развитием» (Аграрный вопрос. 1906 г. 197 стр.).

¹⁾ Отошлем читателя к нашей статье в № 11—12 „Сельского и лесного хозяйства“ за 1922 г., и работе „Очерки русской революции“, вып. I. „Сельское хозяйство.“ II издание. Москва 1923 г., гл. VII.

Таким образом, если вообще проблема не нова, как это признает Чалянов (стр. 11), то не нова она и для марксистов. Ново разве что проблемой об оптимуме А. В. Чалянов пытается заменить, он говорит на стр. 11, проблему о крупном и мелком хозяйстве. Оптимальных размерах он видит установление «таких размеров, при которых преимущества и недостатки мелкого и крупного хозяйств взаимно бы уравновешивались» (11 стр.).

В такой постановке вопрос об оптимуме требует возражений. Здесь вопрос идет отнюдь не о преимуществах и недостатках мелкого и крупного хозяйств, а только о крупном. Стоит только посмотреть (на стр. 72) таблицу оптимумов для различных систем хозяйств, чтобы в этом убедиться. Мы имеем следующие итоги анализа optimum'ов:

для залежной системы	1.800 — 2.000
для экстенсивного трехполя без удобр.	800 — 900
для удобряемого трехполя	500 — 600
для плодопеременной системы	200 — 250

Как видим из таблицы, вполне очевидно, что вопрос идет о крупном хозяйстве, именно о размерах земельной площади для крупного хозяйства и только. Не должно смущать то, что в экстенсивном мы имеем площадь до 2.000 десятин, а в интенсивном—225. Ведь размер хозяйства, особенно интенсивного, определяется не размером занимаемой им площади, а размером вложенного капитала, поэтому называя вопрос о размерах производства подменять вопросом о занимаемой хозяйством площади. Этой подменой Чалянов пытается прикрыть бесспорную сдачу автором всех прежних позиций о мнимых преимуществах мелкого хозяйства.

Стоит только посмотреть на его многочисленные таблицы и диаграммы о подесятинных расходах крупных и мелких хозяйств на машины, постройки и т. п., чтобы увидеть доказательство того, над чем столько времени билась марксисты. Что ж, лучше поздно, чем никогда.

На исчислениях Чалянова «издержек внутри-хозяйственного транспорта» и работе А. А. Ванштейна «Математические исчисления среднего расстояния поля от усадьбы при различной конфигурации площади землепользования в разных местоположениях усадьбы» и на работе Ив. Лопатина «Влияние размеров хозяйств на состав и стоимость машино-использования» мы останавливаться не будем, так как, при всей их важности и интересе в техническом отношении, они ничего не вносят в трактовку рассматриваемых нами вопросов.

Резюмируя наш обзор работы Чалянова, мы можем сказать, что в ней ценно не то, что сказано, а то, кто сказал. Именно очень важно признание преимуществ крупного хозяйства, которым полна вся книга, со стороны именно Чалянова, положившего не мало труда на защиту «семейно-трудовой потребительской теории», т.-е. теории мелкого хозяйства.

Макаров о тракторах.

Теперь нам остается для полноты картины остановиться на том, как еще один представитель разбираемой теории—уже знакомый нам Н. Макаров—доказывает факт завоевания сельского хозяйства крупной машиной.

Мы имеем ввиду его работу: «Условия и пределы применения тракторов в сельском хозяйстве». Москва, 1922 г. (68 стр.).

Нужно было Макарову попасть в Америку и сам ему «вложить свои персты» «в язы» американского земледелия, чтобы о нем машинофобствующего Самла превратился в машинофильствующего Павла. Приятно читать именно у Макарова такие заявления, что «тракторы нашли себе очень широкое распространение», что «трактор вошел в американское хозяйство» и т. п. Все это подтверждается обильным цифровым материалом, который свидетельствует, что в какие-нибудь пять последних лет трактор завоевал американское земледелие: сейчас на 6—7 ферм приходится один трактор, в отдельных же штатах им пользуются до половины всех хозяйств. Макаров довольно тщательно исследует условия, при которых трактор применяется, работы, выполняемые им, и районы его распространения. Он констатирует применение тракторов среди более крупных хозяйств данного района (30 стр.), более дешевую себестоимость при тракторной всашке (57 стр.).

Впрочем, Макаров еще спотыкается на идеях трудового хозяйства, нет, нет да и ляпнет о приближении американского земледелия к трудовому тнну» (60 стр.).

Макаров смотрит довольно пессимистично на возможность применения тракторов в России. «Нет,—говорит—он, ни таких размеров хозяйств, ни такого богатства хозяйств с капиталом». Впрочем, он все же допускает его введение на кооперативных началах. И то хорошо.

Общие выводы.

Итак, мы рассмотрели и теоретическое обоснование «семейно-трудовой потребительской теории» крестьянского хозяйства и попытку ее представителей вложить развитие сельского хозяйства в его прокрустово ложе; наконец перед нами прошло обоснование двумя ее представителями преимуществ крупного производства над мелким и завоевания сельского хозяйства машинами.

Редко какая теория может «похвастаться» таким обилием внутренних противоречий, и трудно найти таких теоретиков, которые сами себя столь талантливо опровергали бы, уничтожали бы свои теоретические положения.

Впрочем, это не вина теоретиков. Они растут и развиваются вместе с крестьянским хозяйством, ими представляемым. Родившись на основе полунатурального, действительно в массе трудового крестьянского хозяйства и пользуясь весьма примитивным эмпирическим

методом, теория усвоила себе и соответствующий подход в его изучении. Однако очень скоро жизнь переросла теорию. Сельская буржуазия накануне русской революции уже выросла из семейно-трудовых потребительских рамок, сделав эту теорию, еще продолжающую оперировать устарелыми понятиями, живым анахронизмом. И понятно, этого положения не может изменить и тот факт, что во время революции крестьянское хозяйство выравнивалось — несколько сгладились верхи и низы. От этого «природа» крестьянского хозяйства еще мало изменилась. Она изменится лишь тогда, когда русский социалистический город поднимет деревню до современного уровня техники, т.-е. когда осуществится «Чаяновский» оптимум, при котором в сельском хозяйстве будут работать даже не трактора, а электро-пугачи.

(Продолжение следует).

С. Дубровский.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ГЕРМАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

(Сводный обзор).

До революции огромная социалистическая литература Германии носила почти исключительно аналитико-критический характер. Критика капитализма и исследование тенденций его развития, подготовка «материальных предпосылок» социального переворота, сосредоточивали на себе все внимание теоретиков социал-демократии. Что же касается самого этого переворота, то для характеристики его считалась вполне достаточной классическая формула «обобществление средств производства». Всякие попытки дать прогноз, наметить хотя бы в самых общих чертах задачи и методы грядущей революции, отмечались, как произвольные утопии, не только бесполезные для рабочего движения, но и прямо-таки вредные, засоряющие ненаучным догматизмом научное мировоззрение революционного пролетариата. И когда, лет 25 тому назад, проф. Баллод выпустил книжку о «Государстве будущего», где со всеми необходимыми оговорками давался примерный статистический подсчет тех ресурсов, которыми могло бы располагать социалистическое общество, то социал-демократическая критика отнеслась к этой работе в высшей степени враждебно. Один только Каутский решился защищать, да и то в очень условной и осторожной форме, право социалиста на положительные построения.

Однако, спустя несколько лет, и сам Каутский согрешил и напечатал брошюру «Die soziale Revolution», в которой рассматриваются не только предпосылки революции, но и те практические задачи, которые должна будет разрешить партия пролетариата «на другой день» после переворота. Этой небольшой, но очень ценной работой Каутского (выдержавшей в России больше изданий, чем в Германии) исчерпывается все, сказанное германской социал-демократией на данную тему до революции 1918 г.

За пределами официальной социал-демократии конструктивная социалистическая мысль работала в Германии несколько более интенсивно. Отвлекаясь от старых работ (Шеффле, Антона Менгера и др.) и ограничиваясь только новейшим периодом, мы находим много солидных трудов, разрабатывающих систематический план социалистической организации общества. Здесь прежде всего приходится назвать уже упомянутую книгу Баллода «Der Zukunftsstaat», которая после революции была переведена в расширенном, переработанном и дополненном новыми фактическими данными виде. Далее, под спудом Поппера-Линкеуса «Die allgemeine Nährpflicht, als Lösung der sozialen Frage», социально консервативная утопия ученика А. Вагнера—Бертольда Отго «Der Zukunftsstaat, als socialistische Monarchie» и некоторые другие менее значительные работы.

Каждая из этих утопических систем содержит в себе элементы, заслуживающие серьезного изучения со стороны социалистических теоретиков и практиков «переходного периода». Вообще в наше время традиционное пренебрежительное отношение к утопиям приходило, очевидно, пересмотреть. Но в то же время не подлежит сомнению, что ни одна из «утопий», созданных в тиши кабинета, задолго до революции, не может претендовать на роль целостной конкретной программы социалистического строительства. И это тем более, что довоенные условия, в которых писались перечисленные книги, не позволяли даже и приблизительно предвидеть экономических проблем, с особенной остротой вставших перед социалистами в обстановке послевоенной разрухи. Так, например, Поппер-Линкеус, поставивший все предвидеть и учесть на 800 страницах своего труда, не предвидел экономического истощения Европы, не предвидел сырьевого и топливного голода, и, разрабатывая план коммунистической организации, обеспечивающей на основе временной трудоемкости каждому гражданину Existenz minimum на всю жизнь, исходит из молчаливого предположения, что основные экономические ресурсы, необходимые государству для осуществления этой цели, имеются в наличии.

Поэтому истинным родоначальником и вдохновителем той социализаторской литературы, которая, отвечая практической злобе дня, наводняла в течение первых двух лет революции книжный рынок Германии, явился не Каутский, не Баллод, не Поппер-Линкеус, а Вальтер Ратенау, один из организаторов германского «военного социализма» в эпоху великой войны. Еще за год до революции В. Ратенау опубликовывает свою знаменитую брошюру: «Die neue Wirtschaft», где социализм защищается как единственная организационная форма, позволяющая государству путем строжайшей экономизации, рационализации, типизации и стандартизации пропускать два основных процесса удивительные возрастные вследствие войны требования при истощенных той же войной ресурсах. Производить с помощью прежней затраты живого труда из уменьшившихся вдвое средств производства большее и даже увеличенное количество предметов потребления, — такова по Ратенау первая и основная проблема социализма в современной Германии. На вопросах организации

Ратенау более подробно останавливается в ряде работ, выпущенных им после революции: «Die neue Gesellschaft», «Der neue Staat», «Autonome Wirtschaft». От государственного социализма к гильдейскому, от централизованного бюрократического регулирования производства к „автономным“, самоуправляющимся профессиям и производственным союзам, — такова вкратце схема Ратенау для «переходного периода». Ратенау в социализме видит не только социально-экономическую или производственно-техническую, но и глубочайшую культурную проблему. Социализм призван освободить человечество от той «механизации духа», которая неизбежно порождается современной машинной техникой, поскольку эта последняя находится во власти капитализма, империализма и милитаризма. Оставляя в стороне эту идеалистическую сторону социальной философии Ратенау (см. его основные работы «Zur Kritik der Zeit», «Zur Mechanik des Geistes» и «Von kommenden Dingen»), скажем лишь два слова об одной чисто практической стороне культурной проблемы, формулированной Ратенау более выпукло, чем большинством прочих авторов, писавших о социализации. Мы имеем в виду вопрос о социальных взаимоотношениях между организаторским и исполнительским, умственным и физическим трудом. Ратенау вообще не стоит на классовой точке зрения и всего менее склонен, конечно, усматривать в антагонизме между «спецами» и пролетариатом какое-либо классовое противоречие. Тем не менее он считает этот антагонизм глубоко коренящимся в структуре современного производства и полагает, что устранение класса капиталистов, само по себе, отнюдь еще не приводит к разрешению указанного противоречия. Недоверчивое, враждебное и зачастую несправедливо-враждебное отношение рабочих к специалистам и вообще интеллигенции не исчезнет, пока высшие плоды культуры остаются кастовой привилегией ученого «сословия». Настоятельной задачей социализма является поэтому не популяризация и демократизация отдельных сведений, а создание единой всемирной культуры, приобретающей трудовые массы в первоисточниках культурного творчества. Ратенау надеется, что в Германии эта грандиозная программа при достаточной энергии могла бы быть осуществлена в течение жизни одного поколения.

Влияние Ратенау сказывается особенно сильно на тех проектах социализации германского народного хозяйства, которые вышли из неосоциалистической среды. Социал-демократы, ставившие проблему сколько-нибудь серьезно — а таковых даже в первые месяцы революции было очень немного, — в большинстве случаев ориентировались на позицию, занятую Р. Гильфердингом. Сверх того, в социализаторской литературе имеется масса индивидуальных точек зрения, оттенков и переходов, из которых в настоящий сводный обзор могут быть включены лишь немногие, наиболее характерные и выпуклые представители.

Для того, чтобы оправдать выбор этих представителей, необходимо наметить и мотивировать основы классификации. Здесь прежде всего приходится ответить на вопрос, в каком отношении представляет в настоящий момент интерес немецкая социализаторская литера-

тура 1919—1920 годов. На первый взгляд может показаться, что теперь она не интересна ни в каком отношении. Эпоха увлечения социализацией является одним из многих подтверждений мысли Маркса, что о революционных периодах отнюдь нельзя судить по тому, что они сами о себе говорят и думают. В то время, как витин декламировали о социализации, в глубине действительной жизни некусовой рукой подготавливалась и проводилась «стиппезация» Германии, и в наши дни открытого торжества этой последней, социализаторские проекты утратили всякое актуальное значение. Теоретически они в огромном своем большинстве также по представляют ничего особенно выдающегося, и по основательности, мотивированности и обдуманности стоят ниже тех утопических «систем» социализма, о которых было упомянуто в первых строках этой статьи.

Тем не¹ менее, немецкая литература по социализации заслуживает, на наш взгляд, серьезного внимания, и именно с трех точек зрения. Прежде всего «неудачная» немецкая революция, рассматриваемая в более широкой перспективе, является исходным пунктом грядущей удачной революции, подобно тому, как наша незаконченная революция 1905 года уже наметила все те основные тенденции, которые развернулись во время нобетонской революции 1917—1918 годов. Далее, как страничка из истории общественных идеологий, литература социалистических проектов весьма поучительна: здесь отчетливо обнаружилось некоторые уклады и сдвиги, заслуживающие внимательного исследования. Наконец, для хозяйственного строительства РСФСР в обстановке ВЭП'а кое-что из написанного немцами социализаторами 2—3 года тому назад имеет и непосредственное практическое значение.

Сказанного достаточно для того, чтобы оправдать самый факт появления настоящего обзора.

В группировке материала мы считаем необходимым установить признаки, характеризующие самое содержание проектов социализации, отказываясь от обычного в Германии деления социализаторской литературы по формальному признаку «полноты» предлагаемых преобразований на две группы: «Vollsozialisierung» и «Teilsozialisierung» («полная социализация» и «частичная социализация»). Дело в том, что при такой основе классификации мы придем в каждом частном случае к различным результатам в зависимости от того, в каком направлении или, лучше сказать, разрезе будем устанавливать полноту того или другого проекта. Часть германских проектов, ограничивая социализацию областью так наз. «созревших отраслей производства», настаивает на *полноте* преобразования, т.-е. на немедленной и полной ликвидации всяких следов капиталистических отношений в этой ограниченной области. Другие проекты, признавая необходимым немедленно подчинить социалистическому регулированию всю *полноту* народного хозяйства в его целом, считают невозможным при таком широком охвате слишком решительно проводить социализм в глубину и на первое время предлагают не полное устранение капиталистов в их роли организаторов производства, а

лишь подчинение их известным формам государственного контроля. Таким образом между полнотою социализации в горизонтальном и вертикальном направлении обнаруживается естественный антагонизм, обусловленный создаваемой всеми авторами невозможностью сразу провести социализм во всей полноте и во всех направлениях. Создаваемая ходовыми терминами «Vollsozialisierung» и «Teilsocialisierung» путаница понятий доходит до того, что, например, в официальной записке «имперского хозяйственного министерства» (9/V 1919 г.) употребляется нелепое словосочетание «partielle Vollsozialisierung» («частичная полная социализация»).

По содержанию проектов немецкие социализаторы могут быть разбиты на две большие группы: 1) сторонников единого планового хозяйства и 2) сторонников обобществления созревших отраслей производства. В качестве третьей подгруппы мы выделим проект инженера Альфонса Гортена, который, ограничивая немедленную социализацию вполне подготовленными отраслями и даже группами предприятий, стремится вместе с тем внести в эту на первых порах весьма узкую область социалистического хозяйства максимальную планомерность.

Наиболее ярким представителем идеи планового хозяйства бесспорно является приват-доцент Отто Нейрат. Из многочисленных его брошюр отметим прежде всего две: «Betriebsräte, Fachräte, Kontrollrat und die Vorbereitung der Vollsozialisierung» и «Vollsozialisierung», которые, взаимно дополняя друг друга, дают достаточно обстоятельное представление о программе автора. Система Отто Нейрата с внешней стороны напоминает ту структуру народного хозяйства, которую у нас пытались осуществить в период так называемого военного коммунизма: предприятия объединяются в мощные союзы, охватывающие целые отрасли производства (наши «главки»), а вершину пирамиды увенчивает «Wirtschaftliche Zentralstelle» (наш «ВЦХХ»). Существенная разница, однако, заключается в том, что О. Нейрат строго разделяет непосредственное управление предприятиями от общественного планирования, регулирования и контроля над производством, чего у нас не было: не только при военном коммунизме, но что далеко не вполне осуществлено и по сию пору. Плановое хозяйство есть по существу своему хозяйство «натуральное». Деньги на первое время соображаются, но исключительно как счетное средство. Обычная бухгалтерия, дающая возможность судить лишь о прибыльности предприятия, не может служить основой для планирования организованного общественного хозяйства. На ее место О. Нейрат ставит новую детально-разработанную им систему натурального учета элементов и продуктов производства. Соответственным образом преобразуются функции банков, которые обобществляются в первую очередь и сливаются в единый национальный концерн. Вопрос о «зрелости» отдельных отраслей промышленности имеет, по Нейрату, решающее значение лишь для внутренней технической организации производства, по отнюдь еще не предопределяет возможности или невозможности планового хозяйства. Древний Египет имел законченную организацию планового национального хозяйства при полном

почти отсутствии крупной промышленности, Немецкий «военный социализм» доказал возможность подчинения плановым заданиям государства не только капиталистической, но и мелко-ремесленной промышленности, не только помещичьего, но и крестьянского производства. «Если программа Гиденбурга сумела подчинить все народное хозяйство интересам войны, то почему же нельзя заставить его служить интересам всеобщего благополучия?» Крестьяне, ремесленники, представители свободных профессий, подчиняясь в своей деятельности общегосударственному плану, получают одинаковые с рабочими права в области регулирования и контролирования производства, для чего объединяются в особые союзы, посылающие своих представителей в советы всех ступеней. О. Нейрат считает плановое хозяйство совместимым с любым политическим строем, начиная с восточного самодержавия (Египет) и кончая чисто советским строем (РСФСР). И как раз на этих крайних полюсах организационная схема планового хозяйства приобретает особенную наглядность и простоту (см. табл. 4 приложения к брошюре «Betriebsräte, Fachräte u. s. w.»); однако, применяясь к политической обстановке, имевшей место в Германии в 1919—20 гг., автор подробно разрабатывает свой план для более сложной парламентско-советской системы, которую он, впрочем, и с чисто технической стороны признает лучше приспособленной к осуществлению планового хозяйства, чем чисто советский или парламентский строй.

Из других работ О. Нейрата отметим: «Die Sozialisierung Sachsens» — мастерская популяризация идеи планового хозяйства в трех докладах, прочитанных перед рабочей аудиторией в Хемнице, и «Bayrische Sozialisierungserfahrungen» — чрезвычайно поучительная страничка из истории Баварской советской республики, в которой О. Нейрат занимал пост председателя центрального хозяйственного ведомства («Präsident des bayrischen Zentralwirtschaftsamtes»), начиная с 27 марта и вплоть до разгрома ее войсками Носке в конце апреля того же года*). С развитием идей О. Нейрата и их более солидным научным обоснованием можно познакомиться из его многочисленных статей, напечатанных в довоенный и военный период в различных специальных журналах. Главнейшие из этих статей переизданы в 1919 г. в виде сборника, озаглавленного «Durch die Kriegswirtschaft zur Naturalwirtschaft».

И тесном содружестве с О. Нейратом работали социалисты большинства Кранольд и Вольфганг Шуман. Первый написал мало оригинальную брошюру «Sozialisierungsfragen», а второй вместе с Нейратом составил заслуживающую внимания популярную книжечку «Können wir heute sozialisieren?»

К этому же направлению сторонников планового хозяйства принадлежат профессора Эмль Ле ерер («Deutschlands Wiederaufbau und weltwirtschaftliche Wiedereingliederung durch Sozialisierung»,

*) Советский строй фактически установился в Баварии месяца за 1 1/2 до провозглашения диктатуры коммунистической партии, продержавшейся у власти тринадцать дней.

«Bolschewismus und Sozialisierung», «Einige Gedanken zur Soziologie der Revolutionen»); Роберт Вильбрант, (книга «Socialismus u. s. w.» и ряд статей); д-р Рудольф Гольдшейд («Sozialisierung der Wirtschaft oder Staatsbankrott»). Ледерер и Вильбрант—наиболее энергичные из членов «имперской комиссии по социализации».—Вильбрант уже неделю спустя после низвержения монархии выступил в «Vorwärts» с горячим призывом к обобществлению народного хозяйства.

Мы не имеем возможности характеризовать индивидуальные особенности воззрений каждого из них,—заметим только, что в «натурализации» народного хозяйства они не идут так далеко, как Нейрат, и на первых порах ограничиваются мерами регулирования, совместными с существующими рыночно-меновыми отношениями. В книге Вильбранта «Socialismus» кроме изложения взглядов автора приводится интересный материал, касающийся фактической истории социалистических попыток в Германии в каменноугольном производстве. В первой части той же книги, трактующей о предпосылках и предвестниках социализма, обращается, между прочим, внимание на удачные опыты внутренней организации коллективных предприятий. Как на образец, особенно заслуживающий подражания, Вильбрант указывает на знаменитое цейссовское предприятие в Иене, учредитель которого, Аббэ, сумел найти также организационные формы, при которых широкие права рабочего самоуправления совмещаются с высокой дееспособностью и образцовой трудовой дисциплиной предприятия. Цейссовская фабричная конституция, блестяще выдержавшая многолетнее испытание в дореволюционную эпоху и устоявшая против всеобщей дезорганизации в бурные месяцы революционной разрухи, может служить образцом не только для капиталистического Запада, но и для Советской России. Центральная идея Рудольфа Гольдшейда — «einmalige grosse Vermögensabgabe», одновременное отчуждение в пользу государства крупных имуществ; автором детально разработан и все стороны мотивирован соответственный проект, как способ сразу же сосредоточить в руках государства солидную материальную базу, без которой никакая социализация невозможна.

На почве принудительного планового хозяйства стоит и правительственный законопроект министра Висселя и его ближайшего сотрудника Ф. Меллендорфа (раньше игравшего крупную роль в организации военного хозяйства). Проект этот, несмотря на то, что государственное регулирование предлагалось им в очень умеренных и смягченных формах, как известно, встретил решительную оппозицию в рядах самого правительства и единственным его практическим результатом была отставка авторов. Докладная записка потерпевших крушение министров опубликована ими под заглавием: «Der Aufbau der Gemeinwirtschaft» (см. также «R. Wissel u. W. von-Möllendorf», «Wirtschaftliche Selbstverwaltung»). В брошюре «Kritik und Aufbau» Рудольф Виссель рассказывает о той ожесточенной борьбе, которая кипела вокруг вопроса о социализации на Кассельском партийном съезде германской социал-демократии; во второй части того же издания автор приводит целый ряд фактических данных в пользу своего

предложения, а также иллюстрирует многочисленными фактами ту гигантскую работу по трестификации промышленности, которую под шумок правительственных прений о социализации предприняли Стиннес и его сподвижники.

Сторонником широко организованного планового хозяйства заявил себя крупный инженер Герман Бек («Sozialisierung als organisatorische Aufgabe») и целый ряд других представителей интеллигенции.

Из видных вождей социал-демократии на почве планового хозяйства в первые месяцы революции стоял один только Отто Бауэр, который в брошюре «Der Weg zum Sozialismus» набросал программу очень близкую к программе Отто Нейрата.

Любопытно отметить, что указанная выше группа технической и университетской интеллигенции являлась в германской революции не «перебежчиками», покинувшими буржуазный лагерь для того, чтобы влиться в русло готового социал-демократического течения, а застрельщиками и новаторами, которые увлек и за собой отдельных партийных социалистов (Крапольда, Шумана, Нисселя). Эта группа и в печати и в правительственных органах (Sozialisierungskommission) идет впереди официальных социалистов, горько сетует на половинчатость и беспринципность этих последних, требует немедленного приступа к решительным действиям. Отметим кстати, что на съезде фабзавкомов австрийских металлистов, в феврале 1921 года, когда социал-демократы вполне отрезвели, и Отто Бауэр окончательно отряс прах социализации от ног своих, одни только интеллигентно-инженеры продолжали энергично отстаивать идею планового хозяйства, доказывая, что именно ввиду угроз со стороны Антанты и отчаянного экономического положения Австрии необходимо немедленно приступить к государственному регулированию хозяйства.

Правда, ни один из этих радикальных профессоров или инженеров не примкнул к спартаковцам; все они до конца сохраняли веру в возможность мирного исхода и несколько наивно убеждали германское правительство, что единственное спасение от диких эксцессов большевизма—это осуществить на деле то, чего требуют большевики. Однако, когда судьба stalkивала их с коммунистическим правительством, они не бежали и не саботировали, но продолжали с полной добросовестностью нести свою ответственную работу, несмотря на весь связанный с этим риск (Нейрат после разгрома Баварской советской республики был приговорен к 1½ годам крепости и лишь случайно избежал более решительной расправы).

Русская революция подобного явления в среде квалифицированной интеллигенции не знала. Здесь не место углубляться в ретроспективные или перспективные анализы, но и без дальнейшей дискуссии ясно, что если бы германская интеллигенция в массе своей «озрела» до усвоения идей Нейрата, Вильбранда, Бека, — другими словами, если бы основная линия водораздела прошла не между физическим и умственным трудом, а между трудом, как целым, и капиталистической собственностью, то это явилось бы гораздо более надежным признаком «зрелости» Германии для социализма, чем всякие иные «предпосылки».

Как мы уже упомянули, среди тех социал-демократов, которые были сторонниками социализации, наибольшим вниманием пользовалась программа Рудольфа Гильфердинга, изложенная им в комиссии по социализации и на различных съездах (в отдельном издании «Die Sozialisierung und die Machtverhältnisse der Klassen»). Государственное регулирование промышленности, руководимой капиталистами, по мнению Гильфердинга, не имеет ничего общего с социализацией. Такого рода попытка неизбежно приведет или к краху, вследствие саботажа капиталистов, или, еще хуже, к укреплению и увековечению власти капитала. Социализация есть полное устранение капиталиста от роли организатора производства. А так как такое устранение во всех областях невозможно, преобразование должно ограничиться созревшими для социализма отраслями производства, куда относятся: добыча главнейших видов сырья, источники энергии, металлургия и металлообработка,—короче, так наз., тяжелая индустрия. Как мы видим, Гильфердинг повторил ту программу, которая была им намечена еще в «Финансовом капитале» с одним, однако, существенным различием: тогда во главу угла ставилась национализация банков и превращение их в орудие планомерного распределения промышленных ресурсов, следовательно, в несколько иных формах, но все же с самого начала устанавливалась необходимость планового хозяйства; теперь Гильфердинг пришел к убеждению, что преждевременная национализация банков должна закончиться кархом и потому эта мера выдвигается им не как исходный пункт, а как венец и завершение социалистических преобразований.

Каутский изложил свою положительную программу социализации в докладе, прочитанном на втором всегерманском съезде советов (вышла отдельной брошюрой в двух изданиях: «Die Sozialisierung und die Arbeiterräte». Вона 1919 и «Was ist Sozialisierung?» Берлин 1920).

Высказывая и подкрепляя рядом доводов свое глубокое убеждение в том, что мы «вступили в эру социализации», негодуя на медленность и нерешительность берлинского правительства, Каутский, однако, в положительной части своего доклада облекает рекомендуемые им мероприятия в очень широкие и неопределенные формулы, тщательно избегая всякой конкретизации. В общем и целом он примыкает к Гильфердингу, но, повидному, с ограничительными оговорками; в числе мероприятий, подлежащих немедленному осуществлению, он, кроме огосударствления крупных поместий и частных лесов, называет только социализацию угольных копей, и усиленно предостерегает немецких рабочих от увлечения «русским методом: сначала дерзай, а потом соображай» («Zuerst wags und dann wäg's»).

В дальнейшем Каутский, как известно, довольно много писал, но уже не о положительной программе социализации, а о том, почему германской революции 1918-19 г. социализация не удалась, и при каких условиях она может быть осуществлена.

Своеобразную позицию занимает независимый с.-д. Карл Корш (брошюра «Was ist Sozialisierung», и ряд статей в журнале «Die Tat»). Являясь сторонником самой решительной социализации, Корш

выступает против государственного регулирования, в котором он, независимо от политического строя, усматривает «капитализм потребителей». Утрируя идеи Ратенау об «автономных» хозяйственных союзах, Корнс приближается к той разновидности (синдикализма, которая в Англии носит название «гильдейского социализма».

Больше в социал-демократической литературе, в сущности, отметить нечего. Бернштейн («Was ist Sozialismus?» — доклад, прочитанный 28/XII 1918 г. в большом зале берлинской филармонии), повторил свою старую фразу, что в одном хорошем фабричном законе может быть больше социализма, чем в социализации целых отраслей производства, Макс Шпинпель («Zum Kommunalisierungsgesetzentwurf») приглашал городские самоуправления к сугубо осторожному и о-раннычательному толкованию предоставленных им законных прав, в особенности предоставляя против привнесения в их практику какого бы то ни было «привкуса-конфискации». Большинство вождей с.-д., будучи провинниками социализации, предпочли вообще отмолчаться. Бывший социал-патриот, а ныне, если не ошиблюсь, идеолог Стиннеса, Пауль Лениш выступил с язвительной критикой («Sozialdemokratie und Sozialisierung») с.-д.-ских проектов социализации. Не только шейдемановцы, но и независимые высказываются, по его мнению, за социализацию из чисто демагогических побуждений. Она требует от буржуазного правительства таких мероприятий, о каких и слышать не хотели, когда сами были у власти (брошюра датирована 1921 г.). Лениш, конечно, противник всякой социализации и имеет смелость не скрывать этого.

Нам остается упомянуть еще об одном положительном построении, которое мы выше не выделили в особую подгруппу: о проекте инженера Альфонса Гортена («Sozialisierung und Wiederaufbau» Берлин, 1920 г.). На первый взгляд, работа Гортена не заслуживает такого выделения, являясь лишь разновидностью — и притом очень умеренной — социализации созревших отраслей производства. Гортен предлагает сосредоточить в руках государства не целые отрасли производства, а лишь группы предприятий техниче-ки на более совершенных, находящихся в наиболее благоприятных географических условиях. Группы эти должны быть подобраны таким образом, чтобы в целом составилсЯ стройный комбинат, о-бъединяющий в своих пределах все стадии выработки продукта от добычи сырого материала до выделки готового товара. Гортен доказывает, — и в этом значение его проекта, — что только при таком подходе к делу социализированное производство может сразу же обнаружить свои организационные преимущества перед капиталистическим, ваять победоносное положение на рынке и таким образом побить своего врага его же собственным оружием — «свободной конкуренцией». В самом деле, плановое хозяйство требует создания сложнейшего регулирующего аппарата, который независимо от его социального состава, неизбежно будет обладать всеми недостатками традиционной бюрократической машины, не имея многих из ее достоинств (налаженностью делопроизводства и т. п.). В результате — длительное падение производительности труда в обобществленных пред-

притягах, а следовательно, падение престижа социализма в глазах тех промежуточных элементов, привлечение симпатий которых так важно для устойчивости не окрещенного еще нового строя. Если социализация организуется комбинатом, объединяющим в себе 10—15% продукции важнейших отраслей тяжелой индустрии¹⁾, то в специальных планирующих и регулирующих организациях нет надобности, и социалистическое государство может использовать испытанную, гибкую, технически чрезвычайно совершенную форму акционерной компании с небольшими переменами, а именно: капиталист в качестве руководителя производства устраняется совершенно, права общего собрания акционеров передаются государству, финансовый отдел правления ликвидируется, и создается новый «социальный отдел» из представителей рабочих и служащих с достаточно широкими, но строго оформленными функциями. Мы не можем входить в детали построения и аргументации автора; отметим только, что гортеновский проект—единственный из всех социалистических проектов, удачно испытанный на деле, и притом дважды. В первый раз удалось Гортену организовать по своей системе группу предприятий еще во времена «военного социализма», и дело пошло настолько успешно, что было быстро ликвидировано по настоянию союза германских фабрикантов и заводчиков; во второй раз гортеновская система была в очень скромных размерах, но столь же удачно, испытана республиканским правительством в прирейнском районе и ликвидирована Антантой по настоянию французских капиталистов. В работе Гортена интересно еще резкое противопоставление финансовых и технических принципов организации. Гортен горячо предостерегает социалистов против всяких попыток использования деятелей финансового мира, доказывая, что все организаторские критерии, приемы и навыки последних в корне отличны от принципа социально-технической рациональности, составляющего основу социализма. Эта жестокая критика методов финансового капитала не только полезна практически, но, в устах крупного инженера-организатора чрезвычайно характерна, как симптом образования того нового классового водораздела, о котором мы говорили выше²⁾.

Немецкие коммунисты почти не приняли участия в литературном бое в честь социализации, предпочитая очевидно критику оружия оружием критики. Мы можем отметить лишь брошюру венского коммуниста Лауфенберга, «Was heisst Sozialisierung». Лауфенберг выдвигает вперед лозунг пролетарской диктатуры и отстаивает советский строй не как разрушение, а как завершение демократии,— как замену территориальной демократии демократией производственных объединений. В критической части брошюры интересны документальные доказательства того, что предприниматели с первых же

¹⁾ Гортен доказывает, что этого масштаба достаточно, для того, чтобы играть определяющую роль на рынке.

²⁾ Любопытно, что Р. Гильфердинг в своем дореволюционном проекте революционного использования банков этой стороны дела совершенно не замечает.

дней революции рассматривали т. н. «Arbeitsgemeinschaft» (особая форма участия рабочих в доходах предприятия) как временную меру, наилучшим образом страхующую капиталистов от «эксцессов» революционного движения пролетариата.

Буржуазная литература, посвященная критике социализации, — мало интересна: в ней нет не только новых, но почти нет искренних, до конца высказанных мыслей. Лишь немногие, подобно неутомимому синдикату Шелеру (Das Sozialisierungsprogramm der Sozialdemokratie и многие другие брошюры), решаются сражаться с открытым забралом, противопоставляя социализации апологию частного капитала в его чистом, беспримесном виде. Огромное большинство, формально примыкая в тому или другому лагерю социализаторов, пытается путем многочисленных поправок и ограничений фактически свести на-нет якобы защищаемую идею. Таковы, например, брошюры М. Брана («Wann und wie kann man sozialisieren»), Эйленбура («Arten und Stufen der Sozialisierung»), Э. Швинделя («Sinn und Weg der Sozialisierung») и много других. Выгодно отличается в этом отношении небольшая книжка Курла Бюхера «Die Sozialisierung». Программа маститого профессора очень умеренна и неопределенна (не более, однако, чем программа Каутского), но в рамках защищаемой им программы К. Бюхер, несомненно, глубоко искренен, как и в своем утверждении, что он всегда разделял лучшие стремления социал-демократии.

Весьма обширна группа рыночной макулатуры, рассчитанной на бойкий сбыт; многие из авторов этого сорта социализации значительно левее коммунистов.

Наконец, нельзя не отметить очень значительной группы социализаторских проектов, которые трудно назвать иначе, как *чуждаческими*. Это вопли обывателей, измученных войной и разрухой и рекомендующих каждый свое доморощенное средство разрешить социальный вопрос. Один (Georg Blumenthal — «Sozialisierung oder Aufteilung? Vorschlag an die Sozialisten, Kommunisten und Bolschewisten»), предлагает равномерный раздел всех имуществ; другой (M. Brandt — «Die Arbeit als Grundlage für innerstaatlichsoziale Wirtschaftserneuerung») хочет уничтожить деньги и ввести натуральный обмен, не уничтожая капитализма; третий (G. Feder «An Allo Alle! Das Manifest zur Brechung der Zinswirtschaft») надеется обезвредить капитал путем издания закона, воспрещающего проценты по ссудам и превращающего свидетельства государственных займов в беспроцентные банкноты. При всей своей наивности эта литература, как социальный симптом, как яркий показатель потресавшегося устоев мешанской обывательской идеологии, очень поучительна.

Работ, подводящих итоги германскому социализаторскому движению, очень немного. Наиболее удачной является книга Генриха Штребеля «Die Sozialisierung, ihre Wege und Voraussetzungen». Автор дает достаточно отчетливую картину как литературных течений, так и фактической истории социализаторских попыток. *Систематическому* анализу социализаторских конструкций посвящена работа Феликса Вейля, «Sozialisierung, Versuch einer begrifflichen Grundlegung».

...at einer Kritik der Sozialisierungspläne». Слишком педантичная в первой своей части, книжка Вейля во второй половине, где на основании уже установленного понятия «социализации» разбираются различные типы проектов, дает полезные ориентирующие указания. В книжке Альфреда Амона «Die Hauptprobleme der Sozialisierung» много интересных нитат и документов, но освещение и группировка их неудовлетворительны. Хорошо подобранный и систематизированный материал по истории первых месяцев социализаторского движения дан в начале книги А. Штейнман-Бухера «Sozialisierung», вторая часть книги мало любопытна: беззубое, старческое брюжжание на революционный социализм. Ценной исторической работой является упомянутая выше брошюра О. Нейрата «Bauerische Sozialisierungserfahrungen». Переведенная на русский язык, работа Спектатора «Проблемы социализации в Германии» (Москва, 1921) производит впечатление некоторой разбросанности. За 48 страничек (если не считать послесловия) автор пытается обосновать необходимость социализации в Германии теоретически и статистически, дать критический анализ социализаторских проектов и обрисовать фактический ход событий в этой области. Разумеется, каждую из этих задач ему удастся осуществить лишь в малой степени, и наибольшее количество пробелов имеется как раз в характеристике социализаторских построений.

Для фундаментального изучения вопроса основным источником являются стенографические отчеты имперской Sozialisierungskommission, изданные в восьми томах. Это вообще один из интереснейших исторических памятников эпохи.

В заключение укажем на многочисленные работы, посвященные специальным техническим вопросам, возникающим при общественной организации отдельных отраслей и профессий. Рассмотрению этих частных проблем мы не можем уделить места в этом общем обзоре, который и без того слишком разросся.

В. Базаров.

б) История революционного движения.

Б. Козьмин. „П. Н. Ткачев и революционное движение 60-х годов“. Москва, „Новый мир“, 1922 г.

Исторический интерес революционного народничества первой половины 1870-х годов состоит в том, что здесь на наших глазах завязываются основные типы революционной тактики, объединившиеся затем в тактике единой партии революционного пролетариата XIX столетия, партии большевиков—а в начале существовавшие, как самостоятельные, борющиеся друг с другом направления: пропаганда в лице лавристов, агитация в лице бакунистов и конспирация, имевшая своим практиком Нечаева, а своим идеологом П. Н. Ткачева.

Большевизм, повторяю, объединил собою все эти формы, явившись в своем подпольном фазисе существования агитационно-пропагандистской строго конспиративной организацией. Как раз эта последняя черта, конспиративность, „заговорщичество“, объявлялась врагами большевизма наименее марксистской его чертой—именно, по этому поводу ведают на шею большевика ярлык «бланкиста», „межбуржуазного революционер“ и т. п... И именно по этому поводу Б. Козьмин весьма кстати напомнил нам, что первый идеолог конспиративизма в России, Ткачев, был и одним из первых русских марксистов.

Чернышевский, как известно, познакомился с сочинениями Маркса только в ссылке, когда он был уже вне строя политической борьбы. Ткачев был первым, кто назвал, как источник защищаемых им мифозерцания, „Крику политическую экономии“ „известному немецкому изданию К. Маркса“—завла, несколько после него, что высказанный там взгляд „сделался почти общим достоянием всех мыслящих порядочных людей“. Написано это было в 1865 году: лет 20 спустя этот взгляд приходилось защищать в русской публицистике, можно сказать, с оружием в руках. Ткачев очень преувеличил достоинства „мыслящих людей“ своего времени.

Он очень преувеличил и свой собственный марксизм. Человек, называвший философию Гегеля „чепухой“, т. е. не понимавший значения диалектики, придававший в истории огромное значение „случаю и прямому насилию (войне), конечно, не мог бы быть назван „выдержанным марксистом“. Тем любопытнее однако, что этот слабый теоретик в отдельных случаях пророчески превосходил оценки, к которым мы все теперь привыкли. Место не позволяет вычлсать здесь его сравнительную характеристику католицизма и протестантизма, жую напоминающую постановку этого вопроса в первых исторических очерках Каутского, бывших такою свежою новостью для нас в начале 90-х годов: а статья Ткачева („Немецкие идеалисты и филистеры“) написана в 1867 году. Приведем более короткую характеристику буржуазной политической экономии: „В их учениях и теориях, как в зеркале, отражаются малейшие изменения настроения духа того класса, который они и кормил, покупал их сочинения, давал им пенсии и лавровые венки, т. е. ордена и тепленькие места... вопросы по существу своему совершенно тождественные, они решают диаметрально противоположным образом, смотря по тому, какое решение требуется лавочникам и барышникам. Когда, нпр., зайдет речь о сгачках рабочих, у экономистов, появляется на губах пена: когда же, панрогив, заговоряг о сгачках фабрикантов, губы их складываются в сладенькую одобригельную улыбку... Сила, содержащая их на своих плечах, егь сила живая, подвижная, растущая не по дням, а по часам. Не прошю еще и нект, как она с англбм дебютировала на театре человеческого прогресса, а уже теперь она является полною госпожею всего образованного мира. Теперь она все себе порабощала, все поглотила. всему дает свой указ, веде разоряется и повелевает. Эта сила—буржуазия, а орудие ее—капитал. Разумеется, и наука, живущая у ней на содержании, должна была

делая судьбы своей кормилицы. Когда кормилица еще не успела вполне отрешиться от средневековых представлений, высвободиться из под феодального гнета, когда она еще чувствовала на себе некоторое тяготение прошедшего, тогда и наука экономистов на каждом шагу представляла пример робости, нерешительно ли в какой-то сдержанной осторожности. Но со времен Адама Смита, со времен даже Рикардо и Ся положение буржуазии изменилось, она заняла аванпосты, она пустила глубокие корни в организм народной жизни; вместе с этим и наука экономистов становилась все буржуазнее и буржуазнее, все с большой беззастенчивостью начала проповедывать свои мещанские доктрины¹⁾).

Отрицая диалектику в теории, Ткачев, как глубокий и искренний революционер, был диалектиком по чутью, так сказать, на практике. Оттого он предвосхищал не только на и теоретичекие оценки, но и нашу тактику, — тактику пролетарской революции. „Все усилия современного цивилизованного человечества должны быть направлены к возможно большему уменьшению числа тунеядцев, к отнятию у них всяких прав, всякого общественного значения. Работники, действительно, должны сделаться единственным центром социального порядка; кроме них, никто не должен быть терпим в обществе; им принадлежат все права, и, кроме них, никто не может иметь никаких прав, никакого значения“. Чем это не наш классовый цех? И к этой мысли он возвращается не один раз²⁾).

Эту победу „рабочего сословия“ Ткачев мыслит себе, как победу кровавую. „Конечно, — говорит он, — это весьма грустно, — грустно, что каждый шаг вперед должен быть куплен ценою человеческой крови, что каждая разумная реформа должна пробиваться с оружием в руках, но, тем не менее, это факт, которого не решился отрицать никто, знакомый с историей...“

Поэтому мы думаем, что, так называемый, путь мирных реформ, мирного прогресса есть одна из неосуществимейших утопий, которые когда-либо выдумывались человечеством для успокоения своей совести и усыпления своего ума³⁾

Человек такой дальнорзости не мог удовлетвориться той близоруккой постановкой вопроса о возможности социализма в России, какую давали народники с их культом сельской общины — и хотя его соб-

¹⁾ „Русское Слово“. 1865 г., № 12, стр. 17—20.

²⁾ См. другое место из того же предисловия в Бехеру, приведенное Б. Козьминным на той же 111-й стр. немного ниже.

„Разве в государстве могут существовать другие сословия, кроме сословия рабочих? — спрашивает он. — Разве оно может воплощать в себе какие-нибудь другие интересы, кроме интереса труда? Разве, служа представителем рабочих, оно не является вместе с тем представителем всего населения вообще. Правда, в современном государстве рабочее сословие далеко не совпадает с общим населением страны, кроме него есть еще сословие не рабочих; кроме рабочих, есть массы праздных тунеядцев. Но неужели государство обязано иметь в виду интересы этой массы?“

³⁾ Из примечаний к переводу книги Бехера „Рабочий вопрос“ (уничтожено цензурой) воспроизведено у Б. Козьмина на стр. 110.

ственная постановка весьма далека опять от марксизма, по своей оригинальности она заслуживает быть приведенной.

„В его представлении о будущем России“¹⁾ говорит В. Козьмин, „основное значение принадлежало не тем трем книгам: общине, артели и кустарю, на которых народничество пыталось утвердить свое мирозерцание, а отмеченному им в его статистических работах факту экономического слабосилия и несамостоятельности недвижимого и движимого капитала в России. В виду низкого уровня промышленного развития России ни в одной европейской стране народное богатство не зависит так всецело и непосредственно от количества живых, рабочих сил, как в ней. У нас участие капитала и умственной работы в создании богатства весьма незначительно, участие же живого труда и мускульной работы почти исключительно определяет итог нашей производительности“²⁾.

Будем надеяться, что В. Козьмин даст продолжение своей интересной работы о Ткачеве, доведенной пока только до 1870 года. Заглавие книги несколько шире содержания — о революционном движении в России 60-х годов она дает мало нового (отметим только совершенно правильную характеристику Нечаева на стр. 154 и следующих). Но фигура Ткачева сама по себе так интересна и так мало известна широкой публике, что маленькая книжка В. Козьмина заслуживала бы быть отмеченной, даже если бы в ней не было этой не вполне законченной попытки нарисовать фон, на котором выступил впервые будущий издатель „Набата“.

Во весь рост Ткачев подиался только здесь. Чем скорее автор перейдет к этому периоду его жизни, тем лучше.

М. Покровский.

С. Айнзафт. — „Зубатовщина и Гапоновщина“. Издание ВЦСПС. Москва. 1922 г.

Брошюра Айнзафта представляет собой попытку осветить политейский социализм в России, как одно целое — от самых первых записей Зубатовщины (проекты Святонозк Мирского, Шувалова и др. — еще в 1890-х годах) до 9-го января, диалектически закончившего движение, вызванное ради интересов самодержавия, взрывом протеста в самодержавия.

В этой цельности — новизна брошюры: до сих пор писавшие об этом брали или одну Зубатовщину (притом, обыкновенно, лишь в московской ее отрасли), или одну Гапоновщину. Хотя о связи обеих движений мы знаем уже от самого Гапона. Совсем новую лаву представляет история Зубатовского движения среди еврейских рабочих — история еврейских „независимцев“. Приходится только пожалеть, что для этой новой главы автор не использовал нап-

¹⁾ Статистич. очерки России, „Дело“, 1873 г. № 1, стр. 174.

более свежего материала — переписки „независимцев“, опубликованной в первой книжке „Красного Архива“.

Помимо этого, что касается печатного материала, он использован довольно полно. Материала архивного автор к делу не приделал вовсе. Хотя это, несомненно, очень осложнило бы и замедлило его работу, об этом приходится пожалеть: на некоторые вопросы относительно Гапоновщины, и вопросы весьма интересные, как читатель увидит дальше, по опубликованным уже данным ответить нельзя.

Тем не менее и сводка печатного является далеко не лишней. Брошюра Айнзафта избавит партийного лектора или литератора, вынужденного касаться в своем курсе или в своей статье полицейского социализма в России — но не занимающегося им специально — от необходимости рыться в дюжине книжек и старых журналов, которых в провинции иной раз и не достанешь. С этой точки зрения Культотдел ВДСПС сделал полезное дело, выпустив в свет брошюру. Только, рекомендуя работу Айнзафта для такого употребления, необходимо оговориться относительно основной точки зрения автора, с которой никак нельзя согласиться, и которую, к счастью, автор — придерживающийся по большей части описательной методы — не проводит через все изложение достаточно последовательно. Будь эта точка зрения более выдержана, брошюру было бы трудно рекомендовать, ибо она давала бы читателю совсем неправильную картину движения.

Эту точку зрения вкратце можно формулировать так: Зубатовщина и Гапоновщина суть две фазы стихийного рабочего движения, которое полиция пыталась использовать, но, в конечном счете, для себя неудачно. Революционная стихия прорвалась, сначала в Одесской забастовке июля 1903 года, потом, еще более ярко и сильно, в манифестации 9 января 1905 г. В этом последнем случае движение дошло до стадии почти сознательности, начав вырабатывать свою идеологию, нашедшую себе воплощение в знаменитой „петиции“ к царю Гапона.

Дальнейшим логическим выводом было бы, что и революционная рабочая партия в России выросла, путем дальнейшей трансформации в том же направлении, из Гапоновщины — а что большевики лишь также использовали стихийное рабочее движение, как в первой стадии Зубатов, а во второй Гапон. В большевизме это движение нашло окончательную свою формулировку, или, по крайней мере, формулировку наиболее долговечную.

Всего этого Айнзафт не говорит — но это логически вытекает из его постановки. И такой вывод должен будет сделать по его брошюре каждый последовательно мыслящий читатель, знакомый с фактической стороной дела. Знакомый с этой стороной, конечно, знает, что революционное рабочее движение в России с та р ш е не только Гапона, но и Зубатова, что именно наличие этого движения, шедшего сначала под „искровским“, позже под большевистским флагом и заставила полицию в числе других средств прибегнуть к созданию желтых рабочих организаций, куда шли как раз наименее револю-

ционно настроенные рабочие. Но человеку, который все это знает, пожалуй, не нужна будет и брошюра Айизафта, пригодная по своему характеру более всего именно для первоначального осведомления начинающих.

Конечно, совершенная фантазия, будто „петиция“ Ганона в какой бы то ни было степени отражала идеологию петроградского пролетариата зимы 1904—1905 годов. Айизафт несравненно ближе к истине, когда он говорит о „петиции“ как о выражении того настроения, «которое охватило рабочую массу» (стр. 174). Да, как выражение настроения этот документ, содержащий в себе резкое отрицание всего царистского строя, кроме только основного принципа царизма, мог удовлетворить тогдашнего рабочего—но он это настроение собственными устами выражал гораздо проще, чем делала „петиция“: „дольше терпеть нет сил!“ Идеологические же узоры на этом простом рабочем лозунге выводила, несомненно, рука интеллигенции: почему „петиция“ и не стала исходным пунктом развития революционной пролетарской идеологии (к этому времени уже достаточно отчетливо формулированной, еще „Искрой“), а осталась случайным документом в самом рабочем движении, не имевшим ни прошедшего ни будущего.

Сооставление некоторых фактов, которые могли бы быть известны Айизафту из его источников, но не обратили на себе его внимание, дает возможность ответить и на вопрос: как ая именно интеллигенция вдохновляла писавшего „петицию“ (чья именно рука писала, Ганона или даже Форбского, как предполагает гапоновец А. Карелин, см. „Красную Летопись“ № 1 стр. 111,—это довольно безразлично). Из петербургской интеллигенции ближе всего к гапоновской организации был кружок Прокопевича и Кусковой: в те дни, осенью 1904 года, главный штаб центра „Союза Освобождения“. У „Союза“ было, как известно, правое крыло земское, лабораторно-помещичье, определенно монархическое—и левое, из мелкобуржуазных демократов, определенно республиканское. В стремлении примирить эти два непримиримые течения, центр замалчивал вопрос о монархии или республике: подходите к петиции с этого конца, она будет вам совершенна ясна. Ее требования по существу чисто республиканские—а обращена она к царю. Кто хорошо знает „Союз Освобождения“ тех дней, тот ни на минуту не ошибется, откуда этот трюк вышел. И уж, конечно, фразы о „невыносимом гнете чиновников“, о „чиновничьем правительстве“, которое „навлекло на нас позорную войну“, продиктованы не пролетариатом, который гораздо лучше ощущает гнет хозяев (о нем в „пролетарской“ петиции говорится меньше всего!), а в войне русско-японской пролетариат был более равнодушен, нежели к империалистской 1914 года, и по вполне понятной причине: пролетарских центров Илве намеренно не позволял мобилизовать.

Пролетариат не стал бы требовать „представителей от всех классов... Пусть будет и капиталист, и рабочий, и священник, и доктор, и учитель“. Когда пролетариат взял власть в руки в 1917 году, он прежде всего другого лишил права голоса капиталистов—и нельзя себе представить, чтобы какой бы то ни было

пролетариат в подобном случае поступил иначе. „Петиция“ есть освобожденский документ — приспособленный к настроению рабочих, и потому гораздо левее программы „Союза Освобождения“, приближаясь местами к программе минимум Р.С.Д.Р.П. Но основная идея освобожденного центра — сотрудничество классов — выступает как не надо яней.

Из этого следует, конечно, что писала „петицию“ не рука марксиста, и даже не рука ревизиониста Прокоповича: такой безграмотности, как „представители рабочих классов“ (1) он, конечно, не написал бы. Но он вообще был слишком осторожен, чтобы впутаться в дело непосредственно, рискуя скомпрометировать себя сразу на два фронта — и перед правительством, и перед своими правыми союзниками. Он держал себя так, что у наивного и мало-сознательного очевидца получилось впечатление, будто Прокопович к К-о „оказались в негях“¹⁾. Они, будто бы, „предлагали социал-демократическую программу“ — а прослушав проект гапоновской „петиции“, „были очень сильно поражены“ и „сознались, что это лучше программы (социал-демократической), шире“.

Для автора цитированных строк Прокопович и Кускова просто „интеллигенты“ — что это были лидеры определенной политической группы, он, повидимому, даже не подозревает. Для знающих же Прокоповича и этот новый „трюк“ как нельзя более ясен: ссылаться на с.-д. программу перед „левыми“ было его любимым приемом, при чем он всегда старался привести эту программу к нелестности — после чего освобожденская постиновка оказывалась верхом благоразумия. То же, что у социал-демократов, но куда „практичнее“! Перед одураченными гапоновцами фокус было еще легче разыграть, чем перед освобожденскими интеллигентами „левого крыла“ (с теми он и не удавался, и на негодующий возглас Прокоповича „тогда идите к социал-демократам!“, он получал ответ: „сами дорогу знаем!“). Он и был разыгран, как по нотам: предъявлена с.-д. программа, приведена к нелестности — прочитан освобожденский проект, к все поражены его мудростью. Мастера эти люди дурачить про-стакон, что и говорить!

Но что им, косвенно, удалось одурачить и нашего историка, это уже плохо. Айнзафт, на ряду с представлением о массовом рабочем движении, стихийно-вырабатывающем свои лозунги и программы, загипнотизировал себя — и второе вытекало из первого — еще предвзятой идеей, будто „кружок инициаторов гапоновской организации состоял из рабочих, безусловно честных, развитых и культурных, хорошо знакомых с состоянием рабочего движения в России и на Западе“ (стр. 43). Как-то бы чтение воспоминаний А. Карелина, которые он знает, должно было бы застраховать его от этой ошибки: но уже очень он ценит „культурность“ и уж очень склонен смешивать ее с „сознательностью“. А между тем, культурность — особенно внешняя — и политическая сознательность — две вещи разные: героиня последнего романа Вересаева — очень культурная девица,

1) А. Карелин в „Красной Летописи“ т. I стр. 110.

но она, несомненно, менее сознательный человек, нежели те красноармейцы, которым она пробовала доказывать, что русская революция происходит „не по Марксу“. И сознательность красноармейцев выразилась в том, что они не стали девица слушать. Перед ними был объективный факт—белогвардейская орда, которая их расстреливала, которая вела с собой помешка пона и ставового, бить которую было для них почти рефлективным жестом, они, совершенно по Марксу, и исходили из объективной действительности. А девица шла от книжки, и так как ни в какой книжке нельзя было найти того, что происходило в России с октября 1917 года,—и по вполне понятной причине, это была первая социалистическая революция в мире, которой удалось завладеть властью,—то девица решила, что всё это никуда не годится: девица шла не от объективной действительности, а от идеи, т.-е. действовала как раз наперекор методу Маркса. И девица, нужно отдать справедливость Вересаеву, весьма типична—в ней отлично воплотился средний русский интеллигент 1917 и следующих годов. Книжки он уметь читать, а в объективную действительность разобраться не умел.

В том же роде были и восплаемые нашим автором „культурные“ галоновские рабочие. Уровень их сознательности хорошо можно видеть на А. Карелине—кстати, виднейшем из них—которому галоновская „петиция“, с ее «рабочими классами» и сотрудничеством капиталиста, пона и пролетария, казалась „лучше, шире“ программы социал-демократов. Таких людей Прокоповичу ничего не стоило вокруг пальца обвести. И Айнзафт лучше сделал бы, если бы он вместо „культурности“, обратил внимание на другой признак той группы, которая поддержала, с первых же шагов, Галона. Карелин ее называет: то была „хорошо спевшаяся группа рабочих-печатников“. Эта принадлежность основного ядра галоновских организаций к той самой категории пролетариата, которая дольше и упорнее всех не признавала рабочей революции 1917 года, чрезвычайно знаменательна. Тут нет случайности. Типографский рабочий всего ближе, с одной стороны, к старому, мануфактурному типу рабочего, т.-е. типу мелкобуржуазному, той эпохи, когда индивидуальная квалификация рабочего имела гораздо больше значения, чем имеет она в машинной индустрии, с другой,—к интеллигенту: по размерам заработка эти группы близко подходили одна к другой уже в 1905 году, а в 1917 (до октября) и вовсе уравнились—в сентябре 1917 года наборщик получал даже несколько больше литератора, книгу которого он набирал¹⁾. Если мелкобуржуазный характер производства сплавлял эту группу с мешанской массой, то привилегированный заработок отделял ее от массы неквалифицированных и плохо оплачиваемых рабочих. Понятно, почему эту группу так трудно было приписать к „уровнительности“ нашего „непосредственного коммунизма“

¹⁾ Теперь, по новому тарифу, наборщик получает даже гораздо больше с редкого литератора, во это—вопрос ссбыт. Больно уж мало получает литератор.

и почему ее представителям тесновато было в пролетарской партии уже в 1905 году ¹⁾.

Желтые организации перед первой русской революцией находили себе поддержку в выходцах из того самого слоя пролетариата, где прочнее всего держались желтые союзы в наши дни. Уже это должно бы разъяснить Айнзафту, что революционности, как таковой, в ганоновских организациях нечего искать. Не от них пошло питерское революционное рабочее движение зимы 1004—1005 года, а они были захвачены этим движением и когда это случилось, они стали искать спайки с массой, от которой они отпочковались. „Товарищи!“ говорил Карелин на последнем совещании перед 9 января: „Нас называют зубатовцами. Но зубатовцы оправдали себя тем движением, что было от них в Одессе, а мы оправдаем себя подачей петиции“ ²⁾. До чего характерно это сознание необходимости „себя оправдать!“

И не менее характерно, что у самого Гапона этого стремления „себя оправдать“ даже и в эту минуту совсем не замечается. Айнзафт совершенно напрасно ставит вопрос (правда, не от себя лично, а от лица „многих“), не был ли Гапон „гениальным рабочим вождем“ (!). Гораздо уместнее другой вопрос, был ли Гапон до конца провокатором, или же он сам под конец искренно увлекся движением, куда он вступил по наряду от полиции. Печатные материалы дают только намеки для решения в ту и в другую сторону — а чашки весов пока остаются на одном уровне. Аргументы более решающего свойства приходится искать в архивах — притом не полицейских, они на этот счет едва ли уже не вполне исчерпаны — а с одной стороны, министерства финансов, а с другой — военных. Первые дадут нам ключ к политике предпринимателей, где и Айнзафт совершенно правильно указывает следы провокации (стр. 64). Но непосредственно для истории 9 января, может-быть, еще больше дадут вторые. Тут совершенно неожиданным лучом света было сообщение Витте (во II томе его мемуаров) о связях в. кн. Николая Николаевича с крайним правым из ганоновцев, Ушаковым. Когда и как возникли эти связи? Николай Николаевич уже тогда был видной военной фигурой — и как раз революция сделала его карьеру: в течение 1905 года он стал, последовательно, председателем комитета государственной обороны, затем командующим войсками Петербургского военного округа, фактически военным диктатором. Не было ли 9 января одной из ступенек к этой карьере? Выманить рабочих на улицу и затем, отделив их рекою крови от солдат, одновременно раздавить в зародыше революцию и сделать невозможным сближение войска и пролетариата, это было бы в духе романовской демагогии и отвечало бы всей традиции, от 14 декабря 1825 года до „молодцев фанаторийцев“ включительно ³⁾. Однако, покуда мы не покопались в

¹⁾ Тов. Рязанов, по личным воспоминаниям о той эпохе, утверждает, что вопреки Карелину, группа состояла не из типографских рабочих вообще, а из рабочих *Экспедиции. Заготовления Государств. бумаг.*

²⁾ „Красная Летопись“, там же, стр. 111.

³⁾ Известная благодарность Николая II солдатам фанаторийского полка, стрелявшим в забастовавших рабочих, в Ярославле, в 1896 году.

архивах штаба Петербургского военного округа, все это только домыслы.

Но не так важно то, что мы остаемся в области домыслов, здесь как то, что из этой же области мы не выходим по отношению к важнейшему вопросу, который ставит перед нами 9 января: какие были объективные условия для многих современников неожиданного подъема рабочего движения зимою 1904—1905 года? Тут, конечно, материальное положение рабочей массы стоит на первом плане: и как раз тут ничего детального и отчетливого у нас нет. Общие фразы о „разорительной войне“ не заменят точных статистических данных. Получить их можно было, в достаточном количестве и достаточно точными, только архивным путем, опять-таки. Кое-что можно, однако, было бы найти и в газетах. То, что автор даже не ставит себе этого вопроса—крупнейший методологический грех брошюры. В той серии рефератов, из которой работа вышла, это не могло быть отмечено, как ошибка: там были отдельные темы о заработной плате и т. п. Но печатая свою работу отдельно, нужно было заметить этот пробел.

В общем, повторяю, брошюра может принести пользу тем, кто не будет слепо верить оценкам автора. Факты подобраны добросовестно. И ложение живое. Жаль только, что порядочно опечаток («Гурвич» вместо «Гуревич» и т. н.).

М. Покровский.

в) Исторический материализм и философия.

Новые книги по философии марксизма.

За последнее время вышло несколько книг, вносящих серьезный вклад в имеющуюся на русском языке литературу революционного марксизма.

Из них на первом месте по количеству и качеству материала следует поставить уже отмеченную в печати капитальную *«Марксистскую хрестоматию»* (584 стр.), составленную *Ю. Семковским* и изданную Украинским Гос. Издательством (Екатеринослав—Харьков, 1922).

Вышешая до сих пор первая часть обнимает следующие отделы: Железная необходимость социализма, Исторический материализм, Иллюстрации к теории исторического материализма, Свобода и необходимость (со включением вопроса о роли личности в истории), Диалектика, Диалектический материализм и марксизм как мировоззрение.

Особенностью настоящей хрестоматии является, в отличие от известной *«Памятной книжки марксиста»*, то, что в нее входят не только отрывки из Маркса и Энгельса, но также и обширные цитаты из сочинений всех сколько-нибудь важных теоретиков марксизма, в первую голову, конечно, Плеханова и Каутского, затем Меринга, М. П. Покровского, Бухарина, Кунова, Лафарга, Розы Люксембург и ряда других. Кроме того, составитель хрестоматии очень хорошо

сделал, что не ограничился абстрактными изложениями теории, но дал также обширную главу (150 стр.) с «иллюстрациями к теории исторического материализма», т.-е. с применением теории к конкретным историческим и историко-культурным фактам. В этом огромное достоинство хрестоматии, делающее ее в высшей степени полезным справочником не только для всякого, приступающего к изучению марксистской теории и не могущего рыться во всей обширной литературе предмета, но и для молодых преподавателей и руководителей.

Правда, при выборе тех или иных авторов Ю. Семковский провёл некоторый, впрочем, неизбежный в таком деле, субъективизм, и этот выбор не всегда достаточно обоснован. Так, вряд ли можно включить в число «классиков» исторического материализма — популяризатора и иногда вульгаризатора Гортера. Зато, с другой стороны, как было уже правильно отмечено в печати, автор хрестоматии сознательно поддерживает иллюстрации исторического материализма примерами русских революций, а также от подробного анализа проблемы власти, и потому у него нет совершенно таких марксистских писателей, как Троцкий, и мало цитируется Ленин.

Кроме того, нам представляется несколько спорным самое расположение материала, самый план хрестоматии. Автор, очевидно, исходил из педагогических соображений, переходя от более конкретного и близкого к жизни («Железная необходимость социализма» и «Исторический материализм») — к более отвлеченным и философским сторонам теории. Нам все же кажется, что лучше было бы придерживаться не педагогического (всегда субъективного) порядка, а логического, как более естественного в глазах всякого учащегося.

Но все эти недостатки, совершенно, как мы уже отметили, неизбежные в таком большом, сложном и новом деле, как подобная хрестоматия, имеют ничтожное значение в сравнении с важностью всего замысла и тщательностью выполнения. И книге Ю. Семковского предстоит, несомненно, выдержать целый ряд изданий. Мы бы лишь советовали ему во 2-м томе, если это укладывается в его план, провести и ряд *важнейших возражений* против основных положений марксистской теории, как он это отчасти сделал в сборнике «Исторический материализм». Такие возражения необычайно будят мысль и имеют большое педагогическое значение¹⁾.

Очень недурным и полезным историко-философским комментарием к хрестоматии Семковского служит вышедшая недавно в Минске в издании Госуд. Издательства Белоруссии книга С. Я. Вольсона (автора брошюры о Плеханове) — «Диалектический материализм» (258 стр.).

Книга состоит из двух частей (третья еще готовится к печати): первая представляет собою краткую историю общеполитического материализма от гиллоизма и Демокрита до диалектического материализма Маркса и Энгельса. Часть вторая излагает философские и социально-исторические основы самого марксизма.

¹⁾ Большим техническим недостатком хрестоматии является отсутствие указателя помещенных в книге статей.

Вся книга составлялась из курса лекций, читанных в Минском университете, и написана довольно легко и живо, хотя некоторые места (напр. определение материи) страдают известной неясностью. Неправильным также представляется нам, что автор считает «отрицание триады», т. е. спитоз в «триаде» а следовательно, и самую «триаду» — важной и неизбежной составной частью диалектики (стр. 167). Это, конечно, неверно, как указал уже Плеханов; все это является пережитком идеалистической терминологии Гегеля. «Отрицание» есть категория логическая и применима к идеям, а не к миру вещей. Природа не знает «отрицания», а лишь смену форм.

Развитие философского материализма в книге Я. Вольфсона страдает некоторым схематизмом. Кроме того, слишком мало места и внимания уделено враждебным материализму идеалистическим и полудиалектическим системам, без знакомства с которыми недостаточно выясняются особенности самого материализма.

В конце в главе о «базисе и надстройках» автор слишком абстрактно трактует проблему «идеологий», ограничиваясь почти исключительно цитатами из Плеханова по вопросу о «взаимодействии» базиса и надстроек и не давая никакого конкретного анализа происхождения и развития важнейших идеологий.

Все же, повторяем, написанная в строго ортодоксальном духе, книга Вольфсона послужит весьма ценным пособием для начинающих изучение материалистической философии вообще и марксизма в частности. В этом отношении ценность книги особенно увеличивается подробной библиографией, приложенной к каждой главе. Полезен также и данный в конце книги указатель имен.

В заключение не можем не отметить, что и Семьяковский и Вольфсон приводят известную цитату из тезисов Маркса о Фейербахе (о том, что практика является верховным критерием истины) но неверному, искажающему смысл переводу Плеханова¹⁾.

Зато настоящим подарком всякому интересующемуся теорией и практикой марксизма в интерпретации сам х его основоположников является только что вышедший в издательстве «Московский рабочий» большой том (328 стр.) *избранных писем* (и отрывков писем) Маркса и Энгельса друг к другу и к разным другим лицам.

Часть этих писем (к Зорге, Кугельману, Николаю—оному и другим) давно уже издана по-русски и стала библиографической редкостью. Что же касается переписки самих Маркса и Энгельса, представляющей огромную теоретическую и историческую ценность, то она до сих пор не переведена полностью на русский язык. Поэтому мысль издать избранные отрывки из писем Маркса—Энгельса, посвященные теории и политике, эту мысль нельзя не признать в высшей степени удачной, каким бы субъективным ни являлся поневоле подбор этих отрывков. Переписка охватывает период в целых полвека, с середины 40-х гг. до смерти Энгельса, при чем в книгу вошло

¹⁾ Пишущий настоящие строки в первом издании своей книжки «Материализм—философия пролетариата» допустил ту же ошибку. В печатающемся ныне 2-м издании эта ошибка исправлена.

1 отрывок из писем Маркса и 100 отрывков из Энгельса. Говорить о богатстве и разнообразии помещенного в книге материала—значило бы говорить трюизмы.

Прекрасная вводная статья Н. В. Аларатского служит не только комментарием к письмам, но представляет и самостоятельную теоретическую ценность, как попытка анализировать применение у Маркса и Энгельса *метода диалектического материализма к текущим политическим событиям*.

Предметный указатель и указатель имен помогают читателю разобраться в богатстве содержания. Издана книга хорошо. За перевод вновь переведенных писем ручается имя редактора-составителя сборника.

Б. Горев.

Карл Форлендер. Общедоступная история философии. Перевод с немецкого Н. Виноградской, с предисловием Е. Преображенского.

Изд. «Московский рабочий». М. 1922. Стр. 311.

Форлендер—неокантованец и ныне официальный философ германской сциал-демократии.

Его книгу, всю пропитанную самым дешевым идеализмом, издавать для первого ознакомления марксистской молодежи с историей философии, казалось бы, не следовало. Это обстоятельство вполне учли и переводчица и Е. Преображенский, снабдившие русский перевод и критическим предисловием и рядом примечаний не только объяснительного, но и критического характера. Таким образом, идеалистический дух книги Форлендера как бы обезврежен, и читатель может спокойно воспользоваться обильным *фактическим* материалом, содержащимся в книге.

Но, прежде всего, и предисловие и примечания дают, нам кажется, слишком мало для опровержения идеализма начинающему читателю, и для убежденного марксиста, ищущего в книге Форлендера лишь фактов и имен,—они, пожалуй, и не нужны. А затем—п это главное—важнейший недостаток книги Форлендера не тот, что она написана идеалистом: есть идеалисты, которые учат, толкуют мысль вперед, отличаются творческими способностями.

Форлендер же представляет собою характерный образчик того *творческого бессилия*, которым отличаются теперь эпигоны идеализма. Его «Общедоступная история философии»—это серенький тинячно-профессорский учебник, в котором видна погоня за полнотой, но нет ни капли яркого таланта, ни одной свежей и оригинальной мысли, ни одного смелого обобщения или вынуждой характеристики, какие умеет делать, напр., Виндельбанд. Все изложение ведется тускло, как бы нехотя, как бы во исполнение скучной повинности.

В книге официального философа якобы марксистской партии,—в книге, предназначенной для рабочих, мы не находим почти никакого анализа связи важнейших философских систем древности и нового времени с общественными отношениями эпохи. Даже в этом отно-

шении Виндельбанд дает больше. Но и простое изложение философских учений у Форлендера принимает иногда характер простого каталожника имен, при чем о самих учениях у начинающего читателя останется лишь весьма смутное представление. Если даже по поводу Канта, которому посвящено 25 страниц, мы читаем в примечании (стр. 305), что «если читатель читал о Канте только то, что есть в настоящей книге Форлендера, он о Канте знает очень мало», — то что же сказать о Гегеле, которому посвящены 4 страницы, о французских материалистах (3 страницы), о всей эпохе возрождения, где Италии, Германии, Испании, Франции и Англии посвящено всего меньше — 20 страниц?

Очевидно, что в популярной истории философии надо гоняться не за мнимой полнотой и количеством ничего не говорящих имен, а преследовать другую задачу: яркость характеристик наиболее важных в историческом отношении и выпуклых философских направлений.

Единственным оправданием издания настоящей книги, на которое ссылается и Е. Преображенский, — это то, что лучших книг такого типа пока нет и что книга Форлендера — «наименьшее зло» из всех кратких историй философии. С этой точки зрения, если смотреть на нее только как на справочник, задача которого заинтересовать читателя и толкнуть его к более подробному изучению истории философии, то, конечно, с грехом пополам эту задачу книга Форлендера выполняет, и перевод ее принесет несомненную пользу.

Перевод сделан хорошим языком, примечания в общем составлены удачно. Но на всей книге лежит печать некоторой торопливости, в результате которой остался ряд опечаток. Напр., в примечании 47 мы читаем, что «всякая абстракция противопоставляется материализму как продукту идеализма» (очевидно, надо: продукт). В примеч. 68: «противоположность материализму составляет идеализм (от латинского duo — два)», здесь, очевидно, надо читать: в противоположность материализму — дуализм.

К книге приложен краткий перечень литературы по материализму.

Б. Горев.

г) Литература и искусство.

Очерки научно-художественной литературы.

(Продолжение).

II.

В театральном отношении рядом и, по-моему, вслед за Россией наиболее интересной страной является Германия. Несомненно, в смысле театральных исканий, в области сценической формы Германия не дает таких интересных результатов, какие имеем мы в Москве и Петербурге. Камерный театр, студии Художественного театра.

работы Беренкова, Радлова и даже (надеюсь) и театру в собственном смысле последние работы Мейергольда представляли бы из себя большие новости для Европы, новости, быть-может, не указующие действительных путей в обновлению театра, какого потребует наступающая бурная эпоха, но во всяком случае освежающие и бодрящие. Думается мне, что и в отношении актерской игры Германия вряд ли стоит на одном уровне с Россией. Об этом, впрочем, я могу только гадать, так как давно уже не видал немецкой сцены. Зато в области драматургии Германия переживает время какого-то необычайного и даже нездорового преизбытка исканий. Драм там пишется такая масса, что за всей этой широкой рекой решительно невозможно уследить. Пишут старые драматурги раньше существовавших школ, много пишет молодежь, вплоть до самой молодой.

Доминирующей школой или, вернее, устремлением, характером новой драматургии Германии является так называемый экспрессионизм.

Итающими корнями для него являются театры Ведекенда и Стриндберга. Как ни странно, сюда же своеобразно приспособили экспрессионисты наших Гоголя, Чехова и в особенности Достоевского, хотя последний не был драматургом. Театральный экспрессионизм, сам по себе необычайно широкий и до хаотизма разнообразный, но обладающий некоторыми общими чертами, является частью общего экспрессионизма, захватившего также живопись, скульптуру, архитектуру, всю поэзию, отчасти и философию: так, например, Шпендлер, Циглер, Кайзерлинг, на мой взгляд, носят на себе, в особенности в смысле изложения своих идей, явные следы влияния экспрессионизма. Нет никакого сомнения, что экспрессионисты плодят огромное количество нигуда негодных произведений, ибо плохое экспрессионистское произведение гораздо хуже самых заурядных произведений прежних школ. Однако среди экспрессионистов выдвигается несколько крупных талантов, из которых ныне, как, напр., Георг Кайзер, Штернгейн, Фриц-фон-Уируэ уже заняли прочное место в германской литературе, а другие, как, напр., Корнфельд, Газенклевер, Эдшмидт, Толлер—растут на глазах. Во многом относясь с симпатией к экспрессионизму (более подробный разбор экспрессионизма дается в имеющем на-днях появиться предисловии моем к избранному сочинению Георга Кайзера), я тем не менее не без сочувствия встречаю и здоровый протест против некоторых других, так сказать, «шалых» сторон его, роднящих его с общей кувиркологией, которая так печально и так характерно заразила собою подчас серьезные искания левых и крайних левых.

Кажется в Германии нет спору, что среди книг, посвященных нынешней немецкой драматургии, работа Бернгарда Дибольда «Анархия драмы» занимает первое место. Некоторые думают даже, что книга Дибольда послужит как бы плотниной для экспрессионизма и приостановит его чрезмерный разлив по литературе и театру. Этого не произошло, и волны экспрессионизма, шумные, пенные и пестрые, катятся попрежнему. Тем не менее знакомство с книгой Дибольда

является, может-быть, наилучшим введенным в изучение во всяком случае крайне любопытного явления новой немецкой драматургии.

Главная часть книги Дибольда посвящена разбору отдельных явлений этой драматургии. Главы, посвященные Ведекину, Штернгейму, Кайзеру и Стридабергу, представляют собою чрезвычайно ценные специальные этюды. Дальше идет богатый обзор произведений более второстепенных личностей. Материалы богаты и хорошо организованы. Однако я не могу не сказать тут же, что по отношению к крупнейшим экспрессионистам Дибольд, несомненно, несправедлив.

Признавая исключительность таланта Кайзера и делая вместе с тем некоторые очень меткие замечания относительно слабых сторон его, Дибольд тем не менее, как мне кажется, не дооценивает всей кипящей виртуозности этого человека, глубоко присущего ему революционно-сатирического духа. Русские читатели вскоре познакомятся по 6 выбранным Госиздатом драмам с этим писателем. Я думаю, что последуют и другие переводы. Не могу не пожалеть отчасти, что пока на русскую сцену проник только его «Газ», представляющий собою как раз наиболее крайнюю попытку механизирования театрального действия. Выбор не совсем здоровый. «Газ», на мой взгляд, вещь скорей плохая, хотя очень характерная. Надо думать, однако, что вскоре и сверкающая красками «Еврейская вдова» и изумительный по конструкции и силе сатиры траги-фарс «От утра до полуночи» увидят свет русской рампы.

Еще менее справедлив Дибольд к Штернгейму. Штернгейм обладает такой силой едкого анализа, направленного против немецкого мещанства и такой грациозной, хотя и сух ватой веселостью, которые, на мой взгляд, ставят его в ближайший антураж с гениями сатиры, как Нольтер, Свифт и Щедрин. Штернгейм своими выходками, своими ловкими пощечинами направо и налево возбудил против себя огромное негодование, отчасти отразившееся и в отзывах Дибольда.

В настоящей статье я, конечно, не думаю останавливаться на других отдельных суждениях Дибольда. Я считаю более уместным привести те общие соображения из вводной главы Дибольда, которые имеют, пожалуй, не менее значения, чем отдельные характеристики и поддаются относительно краткому изложению.

Дибольд считает драму самым высоким выражением человеческого бытия и человеческой судьбы. Судьбу же эту он считает *борьбой*.

Что же касается экспрессионистской драмы, то он утверждает, что она колеблется между двумя высокими типами драматических произведений: между трагедией и божественной комедией.

«Я борется с Ты, с Мы, со Все, именно потому, что больше всего любит это Я. Необходимость жертвы при титаничности этого чувства и есть основа трагедии».

Здесь я не могу не сделать маленького замечания. Конечно, определение более или менее правильное, но все же взятое чрезмерно под углом индивидуализма. Да, конфликт исключительно сильной личности с другими личностями, социальной средой или даже законами природы (в старой трагедии, трансформировавшейся в волю богов) есть основа огромного количества трагедий. Но в сущности даже в

тех случаях, когда мы имеем именно такой конфликт, за ним и глубже его лежит конфликт социальных сил. Сама эта выдающаяся личность является продуктом какого-либо социального класса, его выразителем, его вождем, его исполнителем. Тем более возможно, что с возникновением более правильного представления о законах человеческой судьбы, которая—Дибольд прав—является борьбой, возможно возникновение драмы чисто социальных конфликтов. Тогда нельзя говорить ни о каком Я, ни о какой чрезмерной любви человека к этому своему Я. Оно может, например, оказаться преисполненным самоотречения, горящим любовью к другим или к идее. Мало того, возможна трагедия без индивидуального героя, в полном смысле трагедия целого класса, хотя нужно предупредить, что драматизация вообще предполагает персонификацию, и воображать, будто бы драматург-коллективист должен во что бы то ни стало писать драму *без герров*, так же глупо, как, исходя из Марксизма, требовать, чтобы социальные революции происходили без Марксов, Либкнехтов и Лениных.

Но для Дибольда важно подчеркнуть именно *непримиримость* конфликта, так сказать, основное бунтарство центральной личности, и тут уже не так важно, бунтует ли личность во имя себя или во имя чего-то святого для себя.

«*Божественная комедия* приводит отчаявшегося героя к раскаянию». И далее: «Для нынешнего писателя форма борьбы, форма и истинного драматического искусства сделалась в своем роде ересью. Нынешний драматург хочет иметь, наконец, покой в космосе».

Исходя из этого представления, Дибольд отвергает католическую христианскую трагедию. Мы, конечно, имеем высокие образцы христианской, в частности католической трагедии. Обыкновенно самое искупление, т.-е. центральный мир евангелия, рассматривается как трагедия, и он послужит основой для многих мистических трагедий. Мы имеем затем высокую трагедию испанцев, в особенности Кальдерона, и возобновление католической трагедии, подчас в удачной форме. Клоделем. В Германии же имеется целое общество драматургов-католиков и драматургов-христиан, которые буквально засыпают Германию новыми произведениями в этом роде.

Но если сделать то различие, о котором говорит Дибольд, т.-е. отнести к области *божественной комедии* всякую трагедию типа Нова, т.-е. трагедию под рукою Провидения (а не рока), ведущего, в конце концов, ко благу, то, конечно, и лучшие и худшие образцы таких драм *не трагичны*, и в корне вообще утверждение это правильно.

Я не знаю, однако, прав ли Дибольд, когда он утверждает, что весь экспрессионизм вращается в этой области божественной комедии. Все же, самая тенденция нынешней немецкой молодой литературы найти какой-то примиряющий исход, какую-то религию, которая истолковала бы в хорошую сторону ужасные перипетии земной жизни, отмечена правильно.

Далее Дибольд отмечает, как особенность экспрессионизма, что он ввел «стиль внутреннего беззакония».

Эту черту Дибольд находит новой и оригинальной. Однако, надо вспомнить, что в самой немецкой драматургии в эпоху так называемой «Бурн и натиска» (Ленц, напр.) мы имели уже подобные явления (даже «Гетц», первое драматическое произведение Гёте.) Правда, быгь може» никогда с такой силой не подчеркивалась необузданная свобода драматурга в отношении формы.

Далее отмечается также тоека по углублению жизни. «Но,—говорит Дибольд,—здесь экспрессионизм стар, как мир, и вечно молод».

Нельзя опять-таки назвать новизной, но нельзя и не отметить, как это делает автор, страстное стремление экспрессионистов к *проповеди*. Их театр целиком проповеднический и часто проповеди эти даже ничем не прикрыты. Как во всех школах, так и здесь правильно, конечно, и последнее утверждение Дибольда об общей характеристике экспрессионистов, что званых здесь много, а избранных мало.

Дальше Дибольд переходит к чрезвычайно интересному противопоставлению *духа и души*. Конечно, вообще пользоваться такими выражениями как «дух» и «душа», материалисту не очень пристало (впрочем, Дибольд вряд ли материалист). Однако надо помнить, что у нас не создано никаких других выражений для обозначения соответственных комплексов идей. Конечно, ни духа ни души, как субстанций, не существует. Но следует ли из этого, что мы должны выбросить слово «психология»? В буквальном переводе это значит наука о душе. В сущности же это есть комплекс наших идей по поводу целого ряда вполне определенных проявлений органической жизни. Точно так же в слово «дух», когда мы говорим о духе времени, о развитии человеческого духа и т. д., носит на себе печать старого спиритуализма, по всякому, однако, понятно, что дело идет о так называемой идеологии.

Исходя из несколько своеобразного, хотя далеко не чуждого общепринятому, употребления этих двух слов, Дибольд приводит нас к интересному взгляду на некоторые стороны нынешней немецкой культуры. По его мнению, греки совершенно точно отличали *нус* и *психе*. Под первым разумелась аполлоническая область кристально ясного, спокойного и объективного познания; под вторым—дionнисская запутанность темных демонических сил, живущих в человеческом организме.

При этом под душой разумеется, конечно, не только *темная* сторона в области человеческого существования. «Чувств» слепо, говорит Дибольд, но оно тысячу инстинктов сознает любовь и священную печальность. В своих благороднейших проявлениях оно поднимается до преданности идеалу, а последним ее искуплением является ее сознательное растворение в целом». — «Дух мыслит космос. Он как бы руководит самой организацией вселенной. Его последняя цель—ясность и порядок. Идея, форма, закон—вот его выводы. Душа остается всегда хаотичной». — «Кубизм, архитектура, fuga. Классцизм, законченное бытие в смысле эллиатской философии, устремленная к действительности уверенность, этика, воля,—вог проявления духа. Экспрессионизм, лирический выкрик, мелодия,

расплывчатые краски, романтика, выражение гераклитовского неуёмного движения, культ святых, экстатическое самоотречение—все это душа».

По мнению Дибольда, в человеческой личности и человеческом обществе одно без другого невозможно. Я не знаю, не совпадает ли полностью это деление с тем, что обыкновенно разумеется под различием рациональной и эмоциональной природы человека. Преобладание одного или другого, по мнению Дибольда, характеризует и отдельных творцов и целые эпохи. Так вот экспрессионизм, по мнению Дибольда, вращается целиком и исключительно в области души.

«Абсолютно не руководимая духом, душа новых поэтов, художников и музыкантов говорит только на каком-то ломаном жаргоне половых и сентиментальных мгновений. Полное пренебрежение к самой материи слов и образов делает их часто непонятными, а своей материей они называют стремление избежать конфликтов и обратиться в бегство перед силами природы».

Между тем «всякое культурное дело человека требует формы и закона».

Возвращаясь к драме, Дибольд утверждает, что, конечно, ни один драматург не должен подчиняться никаким законам, кроме им самим установленных или одобренных, и, однако, не может быть истинного драматурга, произведения которого не следовали бы некоему внутреннему закону. Правда, у идейных драматургов, находящихся под знаменем «духа», также имеются свои опасности. У них «природа слишком легко становится игрушкой идеи. Объективные формы жизни превращаются в конструкцию философии; индивид превращается в хорошо конструированный тип, при этом иногда теряется живая кровь в его жилах, потому именно, что ему не хватает души».

Но зато: «Душа, когда она является властительницей художественного произведения, одинаково чуждается и массивности земного, и чистоты формы, идеи. Она не считается ни с законами природы, ни с законами духа и не достигает ни подлинных вершин действительности, ни императивов нашего разума и воли. Вот почему она легко впадает в полную анархию».

Эту-то анархию и считает Дибольд центральным явлением и центральной бедой современного немецкого искусства и в частности драмы.

Прибавлю от себя, что, присматриваясь к немецкому искусству вообще, я прихожу к выводу, что автор в своем протесте, который он подтвердил потом десятками необыкновенно острых и удачных характеристик отдельных произведений экспрессионистов, в общем весьма прав. Несомненно, новейшее немецкое искусство глубоко анти-буржуазно и по своему революционно, но оно в высочайшей мере анархично. В нем есть острый протест, доходящий почти до отчаяния, в нем есть упование на какое-то исцеление. В нем широкая проповедь, но все это погружено в полутьму мистики или раздраженных эмоций, не умеющих отвердеть ни в какой кристалл. Это приводит к внешней бесформенности. Это приводит к внутрен-

нему отсутствию компаса, к какой-то странной беспринципности. Это приводит к пессимизму, или еще хуже того, к пассивному мессионизму.

Здесь, как и во всем положении Германии, единственным спасением может явиться коммунизм, ибо как раз коммунизм, с одной стороны, столь же полон негодованием и протестом против социальной действительности, столь же полон не только чаяниями, но и уверенностью в лучшем будущем, столь же энергично призывает. Я скажу даже, что эта эмоциональная сторона в коммунизме гораздо сильнее, чем у немецких экспрессионистов. Но вместе с тем, пользуясь терминологией Дибольда, — печать *духа* почует на коммунизме, печать огромного рационализма, вдумчивого отношения к действительности, к «массивности земли», ибо марксизм реалистичен, как ни одно другое мировоззрение. На нем покоится также печать ясной воли, ибо *цели* коммунизма отчетливы, а *пути* определяются его замечательной, но четкости тактической мыслью. Наконец, ему присущ величайший идеализм опять-таки с характеристикой «духа», если уже пользоваться выражениями Дибольда, ибо будущее рисуется ему по преимуществу как разумное будущее, как торжество разумного человека не только над внешними стихиями, но и над стихией социального и индивидуального темного чувствования.

Коммунизм, будучи глубоко реалистичным, опять-таки, если пользоваться терминологией Ницше, насквозь аполлоническое учение, но от этого оно не замирает на вершинах объективного констатирования. В нем бушует самая подлинная дионисийская воля, таящаяся не только в стремительной революционности организованных партий, но и в буйных порывах революционных масс. И не даром Блок говорил о революции, как музыкальной стихии, чем он хотел сказать то же самое. Внизу — коммунизм это — колоссальная массовая буря, вихрь человеческих волей, почти хаотический, стихия, без опоры на которую марксизм считает невозможной никакую революцию, ибо революции не делаются, а происходят, не спускаются сверху, а поднимаются снизу, из области страданий, нетерпения, мести. Вверху же коммунизм ясен, как самый прозрачный и геометрический правильный кристалл законченной теории. Как идеал, это — величайшее возвеличение самого высшего в человеке, ибо Маркс охарактеризовал этот идеал как «наивысшее развитие всех заложенных в человечестве возможностей».

И при этом мы ведь знаем, развитие их германизированное. Не даром Маркс говорил, что пролетариату придется еще многому поучиться у времени расцвета античной культуры. Этот расцвет античной культуры был наивысшим до сих пор достижением германизированного *духа*, хотя, конечно, это наивысшее достижение страдало многими изъянами и пятнами.

А с другой стороны, как чужды коммунизму всякие кабинетные или отвлеченно-артистические отношения к жизни! Нет доктрины, нет идеала, нет движения, в большей мере способного вдохновить настоящего крупного художника. Надо только, чтобы марксистская «критика» не мешала появлению таких художников, определяя по

штату, может быть, политически почтенных, но эстетически убогих блюстителей марксистского порядка, что можно и чего нельзя коммунистическому художнику. Коммунистическому художнику прежде всего надо предоставить полнейшую свободу. Пускай и сами такие художники, и художники с одной стороны, а критика и публика с другой, борются между собою, как угодно, но только не воздвигнуть бы заранее представление о «можно» и «нельзя», о «ереси», о том, что следует не только отвергнуть, но и осудить и запретить в области коммунистического искусства.

Некоторые проявления несноснейшего педантизма в этом отношении способны лить воду на мельницу тех художников, которые говорят, что *в коммунизме им душно*. И действительно, коммунизм, воспринятый через эстетически узкий лоб какого-нибудь «программщика» совершенно немислим для роста искусства. Я с удовольствием вспоминаю здесь как Маркс намылил голову Либнехту за то, что тот не пожелал видиться с Гейне из-за каких-то моральных предрассудков, и как мощно и великолепно вступился Маркс за Гёте, на которого нападали за его «гехеймратство». И если Маркс по отношению к таким художникам, далеким от его учения, умел быть широким и пользоваться тем, что они его культурному потоку давали, то тем более это верно по отношению к грядущим, надо уже надеяться я, близким, художникам-коммунистам.

Пока же приходится констатировать, что отдельные поросли германской анти-буржуазной художественной жизни все еще находятся под знаменем анархии во всех замыслах этого слова.

Не нужно думать, однако, что со стороны экспрессионистов не выдвигается интересной самозащиты. Так, в самое последнее время, в 1922 г. появилась очень интересная книга Игеринга «Борьба за театр». По талантливости изложения и глубине мысли Игеринг мало чем уступает только что реферированному нами Дибольду. Но в то время как центр тяжести книги Дибольда лежит в замечательной характеристике драматургов, — книга Игеринга интересна как критика «ценпеческих исполнителей». Перед нами проходит серия превосходных и взятых социально портретов Кети Дорф, Орской, Дирье, Мартина и т. д. Знаменитые и в поднимаящиеся актеры вырисовываются перед нами, при чем Игеринг склонен обвинять многих из них в дурном влиянии на сцену, в задержке развития театра, в противодействии высокому репертуару в театре.

С большим негодованием и силой возмущает Игеринг против нынешнего понижения, как он думает, самих репертуарных планов. Скажу здесь, что я не знаю, действительно ли репертуарные планы в Германии понизились. Даже сейчас при сравнении, которые я произвел между репертуарами Москвы, Берлина и Парижа, приходится констатировать, что самый интересный и культурный репертуар имеем мы все еще в Москве; за Москвой непосредственно следует Берлин. Парижский репертуар в сущности ниже всякой критики. Если его что-нибудь спасает еще, то только по традиции ставящийся классический репертуар в опере и французской комедии. Почти все остальное является абсолютным непотребством.

Мне не кажется также, чтобы репертуар современного Берлина, а в особенности провинции, где по признанию многих театральных критиков театр стоит выше,—стоял ниже, чем репертуар довоенного. Я думаю, что в протестах Игеринга сказывается только чрезвычайно повышенное требование к театру. Это наблюдается и у нас, в России со стороны лучшей части публики и критики.

В то время как книга Дибольда интересна в теоретическом отношении, теоретический интерес книги Игеринга сравнительно невелик. Все его мысли вращаются вокруг такого центрального положения: «Театр может передавать свое время, как жизненную форму, или как идею. Он может быть зеркальным отражением, а может быть выражением: как зеркало, он нашел себе величайшее совершенство в буржуазном театре, напр. Лаубе, как выражение же, он целиком впереди».

Здесь, конечно, чрезвычайно много неточностей, но есть и очень важная правда. Неверно, конечно, будто театр как отражение когда-нибудь существовал. Никогда театр зеркалом в этом смысле не был, и если о нем, как о зеркале, говорил и сам Шекспир, то как о зеркале волшебном. Всякий реалистический театр тем совершеннее, чем более изобразительными особенностями изобилует «зеркало» данного автра. Реалист тоже преобразует, тоже стилизует,—без этого никакое искусство невозможно. Но только в целях как раз дать правдивость правды в подчеркнутом и общедоступном виде, дать экстрат действительности в известных ее областях.

Но если это так, то не очевидно ли, что при этом художник непременно выразит и дух своего времени, да не только это, что он *неволью* выразит при этом и свой лик и лирическое настроение. Ведь самый объективнейший из реалистов—натуралист Золя—заявил, что «художественное произведение должно быть действительностью, рассмотренною сквозь призму темперамента».

Поэтому, конечно, подобный театр лежит не только за нашими плечами и вовсе не кульминирует в сравнительно слабых пьесах Лаубе, а вечен и будет постоянно возвращаться вновь и вновь. Но столь же вечен и театр экспрессионистский в широком смысле этого слова, театр, в котором автор создает далекие от действительности, быть-может совсем фантастические образы, при помощи которых он выражает свои идейные концепции или свои внутренние переживания. И при этом не так важно, полагает ли такой автор, что выражает именно *дух своего времени* или свой *собственный дух*, ибо его собственный дух, если он действительно талантливый человек, есть часть этого духа времени. И часто даже глубоко лирические произведения оказываются гораздо типичнее для духа времени, чем произведения, написанные под нарочито ярким желанием выразить не свое, а уловленное в среде.

А. Луначарский.

Кризис буржуазного искусства.

Meier Graefe. Wohin treiben wir? — V. Auburtin. Die Kunst stirbt Spengler. Pessimismus? (есть русск. пер.). Hausenstein; Die Kunst in diesem Augenblick.

В начале нынешнего столетия вышла в Германии, потом несколько раз переизданная, книга Гаака (Наак), «Искусство XIX в.». Подводя в ней итог художественной культуры XIX века, автор, оговорив многочисленные неблагоприятные для развития архитектуры и в особенности живописи и скульптуры условия, коренящиеся в социальной основе (буржуазного) общества, из своих наблюдений делает тем не менее вывод весьма оптимистический, утверждая, что в конце столетия искусство снова вступило в полосу «здорового развития» и что «мы можем спокойно смотреть в будущее», ибо это будущее завершит процесс «здорового развития», принесет с собою то, чего пока еще нет, — единый художественный стиль. Прошло с той поры около десяти лет и оптимистическая уверенность Гоока сменяется тревогой за искусство, опасением за его будущность, меланхолическим вопросом: «Куда мы идем?»

Так озаглавил известный знаток нового западного искусства, преимущественно французского импрессионизма, Мейер-Грефе книжку, со ставшуюся из двух публичных лекций (о культуре и об искусстве). Присматриваясь к современной архитектуре, живописи и скульптуре, Мейер-Грефе всюду усматривает «симптомы трагическо-исходного искусства» и при них особенно новейших течений, объявляемых им началом новой эволюции, невольно спрашивает себя: «не конец ли то?». «В шуме и суете наших дней» все виды пластического искусства обречены на увядание отчасти потому, что нет для них питательной среды в роде той, какая существовала в Элладе в виде, более или менее, единого однородного социального коллектива, отчасти потому, что европейский мир, погрязая в грубейшем материализме, спеша обогнать Америку, страну, которая первая научилась «обходиться без идеальных ценностей». Наше время напоминает Мейер-Грефе эпоху, когда умирало эллинское искусство и когда Юлиан-отступник тщетно пытался восстановить религию красоты, — Юлиан погиб, как погиб бы в наше время всякий, кто отважился бы «свернуть человечество из оков чисто материальной культуры».

В своей книжке «Искусство умирает» Виктор Аубуртин распространяет неснигмический прогноз для будущности искусства на все главные роды художественного творчества.

Искусство умерло давно в Америке, в «авангардной стране», на которую ориентируются все остальные, оно умерло в Китае и Японии, как только «белые дьяволы въехали на своих пароходах в гавани Востока»; так лет через двести не будет и в Европе ни одного поэта и ни одного художника. Но уже и теперь все виды искусства обнаруживают признаки грядущей смерти — *signa hippocratica*. Умерла историческая живопись, за ней жанр — за ней —

пейзажная. Живописи нечего писать. Она отхозяйничала. Умирает поэзия. Лирика никто не читает. Пара хороших романов тонет в бездне макулатуры. Драма в Америке совсем исчезла, в Англии находится в агонии, во Франции вытесняется music-hall'ом, в Италии — кинематографом и т. д. Цирки, варьете, кабаре, оперетки процветают и будут тем больше господствовать, чем больше работать будет человечество. И нет будущности для искусства, ибо — начиная с 1850 г. — человечество вступило в совершенно своеобразный период, для которого в прошлом нет аналогий, в период особого рода культуры, характерными чертами которой являются организация, техника и наука: а все эти черты создают атмосферу, убийственную для искусства. Современное хозяйство требует строжайше проведенной организации, в которой отдельная личность должна раствориться без остатка, а искусство для своего развития предполагает ее автономию и свободу. Наука и техника в свою очередь, проявляя умы и покоряя природу, убивают все то, что обычно питало художников и поэтов, — религию, суеверия, тайны, все неизвестное, непостижимое и неясно далекое... Но если искусство умирает, раздавленное тройной тяжестью организации, науки и техники, то нужно ли жалеть? «Можно жить и без искусства». Любовь к «красоте» это болезнь, унаследованная нами от греков, morbus ionicus. Пару столетий она еще будет гулять по Европе, но, когда будет проведена вдоль и поперек, сверху до низу социальная организация мира, она исчезнет. «И, может быть, — заключает автор, — хорошо, что мы освобождаемся от этой болезни, ибо это даст нам возможность практически господствовать над миром».

Под лирические афоризмы Аубуртина полвел потом Шпенглер в своем «Закате западного мира» базис метафизической и импрессионистической «философии истории». В некоем трансцендентном мире, подобном геттесковому царству «матерей», вечных прообразов вещей, пребывают «души» народов, которые потом облекаются в кровь и плоть истории и совершают свой неизбывный путь от юности к старости и смерти. В период юности эти таинственные души творят «культуру» — религиозные мифы, метафизические системы, художественные символы. Юность сменяется старостью, «культура» переходит в «цивилизацию» — творчество «духовных» ценностей уступает место творчеству ценностей «материальных» — территориальной экспансии, торжеству науки и техники. В период «цивилизации» искусство (и философия) умирает. Ренессанс был его «весной», барокко — его «летом», рококо — его «зимой». В XIX в., — продолжает Шпенглер в статье «Пессимизм», — нет искусства, а есть только «направления», вытекающие из художественно-профессионального мировоззрения, и потому интересны только для профессионалов и эстетов. Шедевров нет и быть не может. Нужно ли жалеть об этом увядании искусства? Только люди, «живущие вчерашним днем», могут воображать, «что искусство есть единственное мерило смысла и ценности жизни». И это тем более, что эпоха «цивилизации» имеет свою «красоту», — техническую, и свое искусство — инженерное. Вся современная живопись, архитектура и прикладное искусство —

ничто в сравнении с красотой сталелитейного завода, прецизионной машины или аэроплана. С другой стороны, в период цивилизации перед нациями стоят задачи более важные и существенные—покорение мира, господство над другими, империализм. Пусть интеллигенция займется «техникой» и «политикой», вместо «лирики» и «живописи», единственным стоящим делом в век грандиозных мировых схваток между нациями. Отсутствие искусства еще не есть доказательство ничтожности народа или эпохи. Римляне не имели искусства подобного эллинскому, но зато завоевали земной шар. Римская твердость, вот что ныне прокладывает дорогу в мир. Скоро для всего остального места не останется. Искусство? Да, но из бетона в стали. Поз ия? Да, но творимая людьми с железными нервами и беспопадному проникновенностью взора. Все прочее не имеет значения.

Если Аубуртин и Шпенглер хоронят искусство во имя империалистического овладения миром, то Гаузенштейн зовет от искусства к жизни по другим соображениям. Его небольшая книжка «Искусство наших дней», посвященная собственно новейшему течению в немецкой живописи—экспрессионизму,—ставит вместе с тем вопрос о перспективах живописного искусства вообще и приходит к выводам самым неутешительным. Если Гаак, автор «Искусства XIX века», еще верил, что будущее принесет с собою единый художественный стиль, то Гаузенштейн констатирует, что эта надежда не оправдалась, и не могло быть иначе. В дальнейшем мы предоставим слово самому Гаузенштейну, дабы он—любитель цитировать Маркса—сам доказал читателю, насколько он марксист и революционер.

«Стиль,—замечает он правильно,—продукт коллектива.. А коллектив?

«Три имеет он источника: физиологический, экономический и политический и метафизический. Полагаться на первые два, по крайней мере, в Западной и Центральной Европе поистине не приходится. Все это опустошено, не поддается упорядочению без перспективы. Эпохе господства преторианцев (Zwischen Pretorianern?) оставалось только третье: религия, перевоспитание личности путем высшей идеи общего; отсюда рост социального организма; отсюда общее чувство реальной связанности; чего-то поистине обязательного, неотложного долга, отсюда (а, может быть, также вследствие новой катастрофы с востока идущего переселения народов) освеженное отношение к земной действительности.

«Искусство отныне едва ли имеет дальнейшее развитие. Необходимо мелиоризировать искусство, поставить его в зависимость от реального центра»..

А социализм?

Заслуживает Гаузенштейна (стр. 44). «Социализм, когда-то суливший спасение, в период революции обанкротился. Пролетариат, т. е. та его половина, которая представляет историческую аналогию для национал-либеральных, побочных сынов прогресса от 1866 г.,—становится ротюрой? Другая половина, радикальная, являет собою лучший пример всеобщего и бессознательного консерватизма эпохи, по-

лагающего, что ныне вообще можно что-нибудь сделать только чисто политическими средствами, словно категория политики не исчерпала себя как таковая... словно спасение жалкого мира не должно было бы притти из совершенно другой страны, чисто духовной, если вообще еще только можно говорить о спасении...

«Или ужели есть только отдельные личности?.. островки? или ужели никогда не будет конца жалкому положению быть островком?..

«Мы—одиночки—любители последних вещей, еще имеющих на земле, ждем, содрогаясь от радости при одной мысли, что когда-нибудь снова будет существовать то, что когда-то существовало и создавало искусство, как плод—природа и бог. Это было бы самое нужное, и столь нужное, что рядом с ним искусство было бы безразлично. Но именно тогда возникло бы искусство...» (46).

Мы привели эти значительные выписки, чтобы стало ясно, насколько эту безнадежную путаницу мысли можно назвать «маркспизмом».

Но если искусство не имеет перед собою развития, потому что дезорганизована жизнь, то отсюда практический вывод: надо быть не поэтом и не художником, а «слугою грядущей мысли об организации жизни» (52). А еще меньше надо быть писателем по художественным вопросам—дорогу «пророку, философу, богослову, пионеру духа, формовщику жизни, человеку, который наполнит человека субстанциальным содержанием» (54).

Все указанные книги имеют—как нетрудно видеть—большое симптоматическое значение. Все они громко свидетельствуют о том, что буржуазное общество вступило в период агонии. Блиится «закат» не западного мира, а его господствующего класса. Отживает вместе с тем и старое искусство, вращенное этим распадающимся обществом. Не о нем, однако, плакать, когда на карту поставлено существование класса. Последняя надежда на империализм. Важнее, чем заниматься искусством, «практически овладеть миром», и единственная приемлемая поэзия та, что творится людьми «с беспощадной проникновенностью взора» (капиталистами и генералами).

В отличие от идеологов империализма, Гаузенштейн сознает безнадежный распад буржуазного мира, «опустошение жизни», обрекающее и искусство на гибель. Надо прежде всего «организовать» общество. Надо прежде всего быть «формовщиком жизни». Но вместо того, чтобы возлагать надежды в дело возрождения жизни и искусства на социализм, на пролетариат, он—видящий только «банкротство» последнего—взывает к «философам» и «богословам», в наежде, что от возрождения «духа» придет спасенье мира, «если это спасение вообще еще возможно».

В. Фриче.

Приложение.

Список иностранных книг, полученных за последние годы.

I. Кабинет экономики социалистической академии.

1) *Sombart*. Der moderne Kapitalismus. Historisch—systematische Darstellung des gesamteuropäischen Wirtschaftslebens von seinen Anfängen bis zur Gegenwart. Dritte unveränderte Auflage. München 1919. 1—919 стр. (две книги). 11—1229 стр. (также две книги).

В предисловии ко второму изданию (1916 г.) Зомбарт указывает, что по сравнению с первым изданием второе представляет совершенно новый труд. От прежнего текста использована едва ли одна десятая часть. Собственно эти два тома освещают эпоху раннего капитализма (16, 17 и 18 столетия), которая в первом издании была почти совершенно заброшена. Зато XIX веку, не говоря уже о XX, пришлось возложить надежды на будущее. Эпохе высшего развития капитализма Зомбарт обещает посвятить третий том.

I том посвящен докапиталистическому хозяйству и историческим основам современного капитализма. II том европейскому хозяйству в эпоху раннего капитализма.

2) *Karl Bücher*. Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte. Tübingen. 1922. 462 стр.

В сборнике 11 статей, из которых часть впервые появляется в печати. Три статьи касаются классической древности, семь—средневекового хозяйства и лишь одна—нового времени (Статуты франкфуртских переплетчиков с XVI по XIX ст.).

Вторая статья сборника (юношеская работа Бюхера) дает картину восстаний несвободных рабочих в 143—124 г.г. до Р. Хр.

3) *Prof. Max. Schmidt*. Grundriss der ethnologischen Volkswirtschaftslehre. I Band. Die sociale Organisation der menschlichen Wirtschaft Stuttgart. 1920. 222 стр. II Band. Der sociale Wirtschaftsprozess der Menschheit. Stuttgart. 1921. 226 стр.

Попытка дать систематически связанное описание хозяйственной жизни первобытного человечества. Очерк этнологической хозяйственной науки, как новой частичной дисциплины (Teildisziplin).

4) *Prof. Conrad*. Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie. Dritter Teil—*Finanzwissenschaft*. Achte Auflage, bearbeitet von Prof. Köppe. Jena. 1921. 510 стр.

Значительно переработано с целью учесть коренные изменения в финансовом хозяйстве Германии и др. государств. Пополнены и продолжены до последних лет библиографические указания е.и.

5) *Burns. Government and industry. London. 1921. 315 стр.*

Различия между государственной и индустриальной организациями. Не правительственная организация промышленности. Часы и условия труда. Государство и система заработной платы. Безработица. Коммунальное предприятие. Военный контроль и эксперименты. Внешняя торговля. Перемены в правительственном аппарате.

6) *Проф. П. П. Маслов. Наука о народном хозяйстве. Выпуск II. Иркутск. 1922. (357 стр.)*

Отделы: Заработная плата, прибыль и социальная проблема, мировое хозяйство (две главы о мировом хозяйстве всего, на 20 стр.).

Империализм и мировое хозяйство.

1) *Friedjung. Das Zeitalter des Imperialismus. 1884—1914. I Band. Berlin. 1919. 471 стр.*

Получен пока первый том, заканчивающийся русско-японской войной. Труд исторического характера—представляет собой продолжение всемирной истории Шлоссера.

2) *Lenz. Der Wirtschaftskampf der Völker und seine internationale Regelung. Stuttgart. 1920. 315 стр.*

Исходный пункт—современный империализм (Англия, 1884), центр исследования—мировая война и «мирные» договоры. Заключительная часть—вопрос о международном регулировании и конкуренции в области хозяйства народов.

3) *Woolf. Economic Imperialism. 1920. 111 стр.*

Отношение европейских государств к неразвивным странам Африки и Азии. Причины и результаты сложившихся отношений.

4) *Friedman. International Finance and its reorganisation. N.-York. 1922. 702 стр.*

Влияние войны на состояние государств, долгов, на денежное обращение и кредит Англии, Франции и Германии. Факторы финансовой реорганизации: отчуждение части капитала в пользу государства, уничтожение междусоюзных долгов, интернациональный заем для восстановления Европы. Национальные банкротства в XIX столетии. Нью-Йорк и Лондон—как финансовые центры мира.

5) *Eulenburg. Weltwirtschaftliche Solidarität der Völker. Berlin, 1922. 64 стр.*

Изменения в основах мирового хозяйства. Условия равновесия мирового хозяйства. Урегулирование интернациональной торговли.

6) *Lembert. Der Weltwirtschaftsriede. Der Freihandel als Weg zum Weltfrieden. (Uebersetzung aus dem französischen.) Berlin. 1922. 244 стр.*

Хозяйственные причины европейского кризиса, его преодоление. Свободная торговля, как средство к предотвращению возобновления войны.

7) *Die Zerstörung der Weltwirtschaft.* Einzeldarstellungen über die Wirtschaftslage der wichtigsten Länder. Herausgegeben von der Reichszentrale für Heimtsdienst. Berlin. 1922. 80 стр.

Краткий обзор хозяйственного положения отдельных стран. Причины расстройств мирового хозяйства.

8) *Helander.* Schwedens Stellung in der Weltwirtschaft. Jena. 1922. 16 стр.

Из серии докладов «Института мирового хозяйства и морского транспорта» при Бильском университете.

9) *Slowinski.* Die Wirtschaftliche Lage und Zukunft der Republik Polen. Berlin. 1922. 132 стр.

Сельское хозяйство Польши и аграрные реформы. Индустрия, торговля и финансы Польши.

10) *Eucken.* Die Stickstoffversorgung der Welt. Stuttgart. 1921. 185 стр.

Вопрос об азоте во время войны и после войны. Особое внимание уделено Германии.

11) *Blum.* Die Weltverkehr und seine Technik im 20. Jahrhundert Stuttgart 1921. I. 300 стр. II. 309 стр.

Важнейшие факты из истории транспорта до и после введения пара. Железные дороги. Морской транспорт. Речное судоходство. Транспортные условия Германии. Транспортная политика.

Мировой кризис.

1) *Mombert.* Einführung in das Studium der Konjunktur. Leipzig. 1921. 226 стр.

Старые и новые теории кризисов. Формы проявлений кризисов. Движение конъюнктуры в Германии до и после войны. Прогноз по отношению к конъюнктуре и политика государства и коммун.

2) *Проф. Кондратьев.* Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда. 1922. 258 стр.

Конъюнктура мирового хозяйства в 1914—18 гг. После войны до кризиса. Кризис 1920—21 гг. Современные конъюнктуры.

3) *Проф. Фальмер.* Послевоенная конъюнктура мирового хозяйства. Москва. 1922. 88 стр.

4) *Проф. Фалькнер.* Перелом в развитии мирового промышленного кризиса. Москва, 1922. 69 стр.

Движение цен, рынок труда, текстильная, каучуковая, угольная промышленность, морской транспорт. Перелом.

5) *Проф. Боголенов.* Европа во власти кризиса. 1920—22. Петербург. 1922. 136 стр.

Последствия войны, движение цен, долги, налоги, дефициты, восстановление экономического равновесия.

6) *Die Wirtschaftskurve mit Jüdenzahlen der Frankfurter Zeitung.* (Nach der Methoden und unter Mitwirkung von Ernst Kahn.) III Heft. August 1922. Frankfurt-am-Main. 1922. 80 стр.

Сводка данных о ценах, заработной плате, производительности труда, безработице в Германии и др. странах.

Сельское хозяйство России.

- 1) *Итоги борьбы с голодом в 1921—22.* Москва. 1922. 499 стр.
- 2) *The restoration of agriculture in the famine area of Russia.* London. 1922. 167 стр.

«Итога» дают всестороннее описание борьбы с голодом в пораженных неурожаем районах России. «Restoration» — английский перевод отчета государственной плановой комиссии совета труда и обороны. Издан информационным отделом русской торговой делегации в Лондоне. Обрисовывает естественно-экономические условия юго-востока России, меры восстановления сельского хозяйства.

- 3) *Кириллов.* Очерки землеустройства за три года революции 1918—1920. Петроград. 1922. 260 стр.

Понятие «землеустройство». Органы и основы землеустройства. Отношение населения к землеустройству. Коллективизм и индивидуализм в крестьянстве. Нормы наделения землей, отвод земель волостям, формы социалистического землеустройства.

- 4) *Проф. Кондратьев.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. Москва. 1922. 350 стр.

Работа охватывает период 1914—18 г.г. Регулированию снабжения хлебом после 1918 г. автор предполагает посвятить отдельную книгу.

- 5) *Келлер и Романенко.* Первые итоги аграрной реформы (опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского уезда Воронежской губернии). Вступительная статья проф. Першина. Воронеж. 1922. 118 стр.

В Задонском уезде землеустройство считается законченным. Содержание: 1) проф. *Першин.* Первые итоги аграрной реформы. 2) *еллер.* Дореволюционные земельные отношения и первый период аграрной революции. 3) *Романенко.* Землеустройство в период 1918—20 г.г. 4) *Келлер.* Община и аграрная реформа.

- 6) *Статистический справочник по аграрному вопросу.* Под редакцией Клепикова и Чайнова. Выпуск III. Сельское хозяйство 1918—20 г.г. Москва. 1922.

Сельское хозяйство в 1917 и 1919 г.г., советские хозяйства на 1 июня 1920, с.-х. коммуны, артели, цены на с.-х. продукты.

- 7) *Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 г.* Москва. 1922. 181 стр.

Издание центр. статист. управления. Групповой состав крестьянства до и после революции. Группировка по посеву и семье, порайонные итоги группировки по посеву. Порайонные итоги группировок по размеру семьи, числу рабочих лошадей и числу коров. Комбинационные группировки.

- 8) *Брухус.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Петербург. 1922. 234 стр.

Основные течения аграрной политики. Аграрная эволюция и политика эпохи великих реформ, реакции и контр-революции. Землеустройство. Очерк земельной политики иностр. государств. Соц.-экономические основы крестьянского хозяйства.

9) Инженер *Корсунский*. Трактор. Техника и экономика его применения в сельском хозяйстве I. 434, II. 531. Нью-Йорк. 1921.

Большая часть работы посвящена описанию устройства различных систем тракторов и техники их применения. Вторая часть (всего 140 страниц во втором томе)—экономике применения трактора. Заключенное—тракторная работа в условиях будущей России.

10) Инженер-механик *Белянчиков*. Тракторы. Москва. 1921. 141 стр.

На ряду с техническими данными освещенные экономической стороны применения тракторов, стоимость их работы, тракторное дело в России теперь и в будущем.

11) Проф. *Макаров*. Условия и пределы применения тракторов в сельском хозяйстве. Москва. 1922. 68 стр.

Распространение тракторов в С. Штатах. Работы, для которых пользуются трактором. Работа трактора и работа лошади. Перспективы трактора в американском и русском сельском хозяйстве.

12) Инженер *Гартман*. Электричество в сельском хозяйстве. Петербург. 1921. 64 стр.

Значение электричества для сельского хозяйства. Электродвигатель для сельскохозяйственной машины. Электричество в молочном хозяйстве. Орошение и т. д. Много примеров из жизни Соед. Штатов.

13) *Фкас*. Леса северного района и их эксплуатация. Москва. 1922 г. 380 стр.

Системы лесного хозяйства. Его нужды. Лесная промышленность. Лесная торговля в северном районе. Глава IX—отдельная работа инженера *Шандро*.—Электрификация древесного топлива (131-175 стр.).

14) *Доктуровский*. Болота и торфяники, развитие и строение их. Москва. 1922. 220 стр.

На ряду с обрисовкой образования болот и типов их в Западной Европе и России освещенные вопросы о практическом использовании торфяников.

15) *Волков*. Аграрно-экономическая статистика России. Москва. 1922. 149 стр.

Теория и практика, методология и техника аграрно-экономической статистики. Аграрно-экономическая статистика России времен революционного перелома. Новое в методике исследований и в изучении бюджетов и динамики сель. хозяйства России.

Список журналов, полученных в сент.-окт.-ноябре и нач. декабря 1922 г. (иностранных).

1) American Exporter. Поед. № (был) 5—Nov.

2) American Machinist London (Europ. & Colon. Edition). 14—Nov. 25.

3) Annalist (The) N.-York. Поед. № 513—Nov. 13.

4) Archiv f. Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik (Sombart). Bd. 49, Heft 2.

5) Bank (Die). Поед. Heft 10—Okt.

6) Deutsche (der) Oekonomist. Поед. № 2074—20 Okt.

- 7) Deutsche Wirtschaftszeitung (Organ d. «Deutschen Industrie u. Handelstags»). Посл. № 13—Nov. 10.
- 8) Economist (The). Посл. № 4,134—Nov. 18.
- 9) Jahrbücher für National. Oekonomie u. Statistik (Conrads). посл. 119. Bd. (III Folge 64. Bd.) 3 Heft.
- 10) Intérêts Economiques du Sud-Est, Midi, Sud-Ouest et Centre. Посл. № 38—2 Déc.
- 11) Lloyds List & Shipping Gazette. Посл. № 3,446—Oct 13.
- 12) Metallbörse (Die). Посл. № 45—Nov. 11.
- 13) Monthly Bulletin. Посл. № 12—Sept.
- 14) Manchester Guardian Commercial. Посл. № 21—Nov. 23.
- 15) „ „ «Reconstruction in Europe» № 10—Nov.
- 16) Plutus. Посл. № 22—Okt. 25.
- 17) Railway Review. Chicago. Посл. vol. 71. № 20—Nov. 11.
- 18) Shipping World & Herald of Commerce, vol. LXVII. № 1,537—Nov. 15.
- 19) Stahl u. Eisen. Посл. Heft 45—Nov. 9.
- 20) Times Engineering supplément. Vol. XI № 228—Nov. 18.
- 21) Timber Trades Journal. Vol. XCII № 2,410—Nov. 4.
- 22) V. D. I. Zeitschrift d. Vereins deutscher Ingenieure. Посл. Bd. 66. № 46/47—Nov. 18.

Кроме того в кабинете получались след. иностр. газеты:

- 1) Deutsche Allgemeine Zeitung. Посл. № от 2/XII.
- 2) Industrie u. Handelszeitung. Посл. № от 9/XII.
- 3) Dépêche coloniale et maritime. Посл. № от 9/XII.
- 4) Journée industrielle. Посл. № от 7/XII.
- 5) Information. Посл. № от 14/X.

(Продолжение следует.)

II. Кабинет международной политики и мировой войны.

Agreement between the Allies and Germany, Austria, Hungary, and Bulgaria signed at Spa, July 16, 1920. London. The stationery office. 1922. 10 p. Соглашение между Союзниками и Германией, Австрией, Венгрией и Болгарией, подписанное в Спа 16 июля 1920. Лондон. 1922 г.

Billow B. W. Die Krisis. Berliu. Deutsche Verlags-gesellschaft für Politik... 1922. 237 S. 3-о Auflage.

Основные направления дипломатических переговоров при начале войны. Мировое положение в 1914 г. Австро-сербский конфликт. Русско-германский кризис. Фрнзо-германский кризис. Поведение Англии. Вопрос об ответственности. Заключение. Прибавление: перечень лиц. Хронологическая таблица. Количество войск и даты мобилизаций. Указание литературы.

Kronprinz Wilhelm. Meine Erinnerungen aus Deutschland's Heldenkampf. Berlin. Mittler. 383 S.

Годы 1914 и 1915. Сражение при Вердене 1916. Битвы армии Бренна в 1917 и 1918 гг. Указатель к приложенным картам.

Die acht Verträge von Sèvres. Berlin. Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik... 1921. 208 S.

Первая часть: мирный договор между Турцией и державами Согласия и Союзными. Вторая часть: договоры, касающиеся владений бывшей турецкой империи и бывшей австро-венгерской монархии. Подписаны в Севре 10 августа 1920 года. Дословный французский официальный текст. По поручению германского министерства иностранных дел.

Caillaux, J. Où va la France? Où va l'Europe?

Взгляд назад—1921 год. Финансовое и экономическое положение Франции. Великие проблемы политики. Необходимые условия нового порядка.

Delbrück, Hans. Ludendorffs Selbstporträt. Berlin. 1922. Verlag für Politik und Wirt. 72 S.

Ernsthausen, Adolf. Balkanerinnerungen. (Der Krieg 1914.) Detmold Meyer. 101 S.

Grassegger, W. Die rächende Stunde. Englands Schicksalstag. Ein Zukunftsbild. Naumburg. 1922 Tangré. 60 S.

Hagen, Maximilian. Deutschlands Bündnispolitik. Berlin. Stilke. 36 S.

Noyes, Alexander. Der deutsch-englische Gegensatz und sein Einfluss auf die Balkanpolitik Oesterreich—Ungarns. Berlin. 1922. 105 S.

Jagow, Kurt. Daten des Weltkrieges. Vorgeschichte und Verlauf bis Ende 1921. Leipzig 1922. Koehler. 242 S.

Kanner, Heinrich. Kaiserliche Katastrophenpolitik. Leipzig. 1922. Tal. 467 S.

Livre Rouge. Documents et correspondance diplomatique russo-finlandaise concernant la Carélie orientale. Moscou. 131 p. 1922.

Müller - Loebnitz, Wilhelm. Die Sendung des Oberstleutenants Hentsch am 8—10 September 1914. Berlin. 1922. Mittler. 68 S.

Robertson - Scott, J. W. The Foundations of Japan. London. Murray. 1922.

Ludendorf, Erich. Kriegsführung und Politik. Berlin. 1922. Mittler. 342 S.

Schultze, Walter. Die Marneschlacht. Berlin. 1922. Weidmann. 70 S.

Sello. Deutschland und Polen. Eine Kritische Studie der Gegenwart für die Zukunft. Berlin. 1922. Ebering. 80 S.

Tempevly, Harold. The Second Year of the League.

Minorities and Mandates. The Dispute between Lithuania and Poland. The Upper Silesian Award. The Settlement of the Albanian Question. The League in relation to the British Dominions. Loudon. Hutchinson. 1922, 233 p.

Принятие новых государств. Постоянный международный суд. Меньшинства и мандаты. Спор между Литвой и Польшей. Решение вопроса о Верхней Силезии. Улажение Албанского вопроса. Лига Наций по отношению к Британским владениям и к Соединенным Штатам.

Vanderlip, Frank. What next in Europe? The Background Economic chaos. Reconstruction. London. 1922. Allen 286 p.

Volkmann, E. O. Der Grosse Krieg. 1914—1918. Berlin. 1922. Hobbjng. 243 S.

— 203 —
Краткое описание на основании официальных источников государственных архивов.

Washington. Conference of Limitation of Armament. 1921—22.

(Treaties, Resolutions etc). London. 1922. The Stationery office. 88 p.

Wiehler, Rudolf Deutsche Wirtschaftspropagande im Weltkrieg. Berlin. 1922. Mittler. 74 S.

Wrochem, A. Die Kolonisation der Rheinlande durch Frankreich. Berlin. 1922. Engelmann. 112 S.

(Продолжение следует.)

IV. Хроника.

О коммунистическом научно-исследовательском институте в Петрограде.

Мысль об организации коммунистического научно-исследовательского института в Петрограде появилась у группы коммунистов-рабочников коммунистического университета имени тов. Зиновьева, петрогубполитпросвета и областной совпартшколы.

Еще в 1921 году несколько товарищей коммунистов, по преимуществу лекторов, желая, с одной стороны, углубить свои знания, а с другой—заняться исследовательской научной работой, сделали попытку принять участие в работе научно-исследовательских институтов (экономического и исторического) Петроградского Государственного университета; но попытка эта не увенчалась успехом вследствие нежелания старой профессуры включать их в состав научных сотрудников институтов; к тому же исследовательские институты госуниверситета, вообще, не подавали признаков жизни.

Решено было поэтому организовать Коммунистический научно-исследовательский институт, средний научный уровень которого будет, конечно, ниже института Госуниверситета, но работа в котором должна вестись на основе революционного марксизма, при чем институт должен быть идейно и организационно связан с Коммунистическим университетом имени тов. *Зиновьева*.

11-го июля 1922 года инициативной группой было созвано организационное собрание, на которое были приглашены большею частью товарищи-коммунисты и несколько человек, не входящих официально в состав РКП (б).

На этом собрании был принят, составленный инициативной группой, устав и список сотрудников института в числе 39 человек и избрано организационное бюро в составе т.т. *Канатчикова, Карпова, Кобмана и Невского*.

Из общего числа 42 человек—действительными членами признаны 23 человека, научными сотрудниками—19.

Впрочем, некоторые из научных сотрудников изъявили желание вести самостоятельную научно-исследовательскую работу.

В дальнейшем, по постановлению общего собрания *в число действительных членов будут приниматься лица, имеющие научные труды, признающие основы коммунистического строительства и доказавшие это предыдущей работой*; в научные сотрудники при-

нимаются товарищи, имеющие трехлетний партийный стаж и знания в объеме, установленном для поступления в институт Красной профессуры и, кроме того, некоторые дополнительные знания, по избранной специальности (политическая экономия, история, исторический материализм).

Работа института будет естись по трем отраслям общественных наук: экономические науки, история и исторический материализм, для чего институт разбит на соответствующие три отделения.

В настоящее время в состав экономического отделения входят 7 действительных членов и 10 научных сотрудников, исторического отделения — 9 действительных членов и 7 научных сотрудников, отделения исторического материализма — 7 действительных членов и 2 научных сотрудника.

Следует, однако, указать, что 6 действительных членов в силу перегруженности другой работой пока не принимают *никакого участия* в жизни института, и вопрос об их работе в дальнейшем остается пока открытым. Из числа этих 6, 3 числятся в составе экономического отделения.

Вообще, приходится отметить, что большинство сотрудников института лишены возможности целиком отдаться работе в институте, а остальные могут посвятить себя этой работе лишь частично, вследствие загруженности преподавательской и партийной работой.

Как сказано было раньше, институт тесно связан с Зиновьевским университетом. Помимо стороны финансово-хозяйственной эта связь выражается в следующем: а) большая часть сотрудников института состоит *преподавателями* Зиновьевского университета; б) по уставу все научные сотрудники университета *обязательно зачисляются научными сотрудниками института*; в) председателем правления института является ректор университета; г) сотрудники института, получающие от него денежное содержание, обязаны вести учебную работу в университете: действительные члены — в течение 6 часов в неделю, научные сотрудники в течение 4 часов. Что касается партийной дисциплины института, то из 42 сотрудников — 33 входят в состав РКП (б.), из остальных 9-ти, пять можно назвать «коммунистами без партийного билета», четверо — близкие к РКП.

План работ разбивается по отделениям: экономическому, историческому и отделению исторического материализма.

Отдельные действительные члены и некоторые научные сотрудники взяли на себя разработку ряда вопросов в пределах коллективной темы. Кроме того, некоторые члены института взяли также и индивидуальные темы.

Работа в институте должна вестись коллективно в том смысле, во-первых, что предметом разработки является одна общая для всего института тема; и, во-вторых, и работа из этой общей темы ведется сообща: совместно собирается материал, где это возможно, и совместно же обсуждаются возникающие в работе вопросы.

Не исключаются, конечно, и индивидуальные темы, однако, лишь постольку, поскольку в таких индивидуальных работах разрабатываются вопросы, близко соприкасающиеся с коллективной темой или неисследованные вопросы марксизма.

Решено было, что *коллективная тема* должна охватывать вопросы, близкие к современности, мало разработанные, разрешение которых имеет

серьезное практическое значение. Поэтому — избирается тема: «Империализм и переходный период» в широком масштабе.

Для углубления знаний научных сотрудников в отделениях организуется семинария под руководством действительных членов при участии консультантов, высококвалифицированных научных работников, ве входящих в состав института.

По экономическому отделению организуется два обязательных для всех научных сотрудников семинария: 1) по теоретической политэкономии (основные вопросы по Марксу и его школе; сравнительно изучаются и другие направления) и 2) по историческому материализму.

Так как научные сотрудники еще недостаточно разгружены от посторонних работ, то сотрудничество их в работе действительных членов по коллективной теме в семинарии по прикладной экономике пока факультативно, а с будущего учебного года становится обязательным.

По историческому отделению организуется четыре обязательных для всех научных сотрудников семинария:

По истории России в период второй половины 19-го и начала 20-го столетия. Этот семинарий разбивается на два:

а) Экономическое развитие России во второй половине 19-го и начала 20 столетия;

б) Общий ход истории во второй половине 19-го и начала 20-го столетия.

Одновременно организуются два семинария: один теоретический и один прикладной; занятия в каждом семинарии происходят раз в две недели, чередуясь.

По отделению исторического материализма предусмотрено 4 семинария:

1) Педагогическое изучение диалектики.

2) Основные понятия исторического материализма.

3) Методология общественных наук.

4) Сущность и значение диалектического метода.

Вопрос об обязательности этих семинариев и о порядке их работ остается пока открытым ввиду незначительности числа научных сотрудников отделения исторического материализма.

Так как большинство действительных членов указало на две темы — одну в пределах коллективной, другую — индивидуальную, — признана обязательной разработка, в первую очередь, коллективной темы и лишь в виде исключения, если разработка коллективной темы данного действительного члена не связана с совместной работой с научными сотрудниками, а наоборот, с такой работой связана его индивидуальная тема, допускается разработка, в первую очередь, последней. К первому зачету может быть представлена по усмотрению работа по коллективной или индивидуальной теме.

Научные сотрудники должны избрать одно отделение, как основное и выполнять все предъявляемые к ним по этому отделению требования; одновременная их работа в другом отделении допускается лишь постольку, поскольку это не наносит ущерба их работе в основном отделении.

Научные сотрудники, не владеющие иностранными языками, обязаны в течение года изучить иностранный язык с тем, чтобы свободно читать научные труды: по экономическому отделению — немецкий язык; по другим отделениям — один из трех языков — немецкий, французский или английский.

Кроме указанных работсотрудники института делают доклады о новых научных трудах русских и иностранных и представляют письменные отзывы о них.

Институт издает труды своих сотрудников по утвержденным темам, при чем может, в случае несогласия, с точкой зрения автора или признания труда неудовлетворительным, отказаться от его печатания. Только в последнем случае автор имеет право излагать свою работу помимо института. Работы же по утвержденным темам, принятые институтом, могут быть изданы исключительно институтом.

Кабинет Карла Маркса при Томском рабфаке.

Усилившаяся тяга к научно-исследовательской работе сказалась и по ту сторону Урала. При Томском рабфаке, в целях постановки марксистской научно-исследовательской работы, организован кабинет Карла Маркса, приступивший к объединению на почве научно-исследовательской работы всех научных марксистских сил Сибири.

Результаты работы уже сказываются.

Кабинет приступает к изданию научно-литературного журнала «Пути Марксизма». Цели журнала—разработка теории марксизма, распространение марксистских знаний в сибирском масштабе, преимущественно в сибирских ВУЗ, учет учебной работы рабфака и, наконец, предоставление студентам рабфака возможности проявляться и развиваться в области литературного творчества под руководством преподавателей.

Основания к изданию журнала—слабый доступ в Сибирь марксистской журналистики центра и некоторое сосредоточение научных и педагогических марксистских сил в кабинете К. Маркса.

В первый номер намечены, между прочим следующие статьи преподавателей рабфака: *Деятова, П. Б.*— Конституция РСФСР., как выражение классовых интересов пролетариата. *Немети, В. С.*— Очерки пролетарской поэзии. *Нефедовой, Н. А.*— Очерки по истории русской литературы. Поэзия и действительность. *Нефедова, С. Н.*—1) Задачи и строение кабинета К. Маркса, 2) Очерки по теории развития хозяйственных форм. *Русакова, С. Т.*— Опыты двухлетнего преподавания литературы на основе марксизма. *С. Т. Русакова*— О современных настроениях интеллигенции. *Филиппова, И. Т.*— Дух и материя, — литературные работы студентов рабфака, материалы о постановке преподавания общественных наук в Томском рабфаке, характеристика социального состава студентов Томского рабфака и др.

а. О секции по общей теории и истории права и государства.

В президиум Соц. Академии П. И. Стучка представил следующий проект положения о секции по общей теории и истории права и государства:

Секция соц. академии по общей теории и истории права и государства ставит своей целью: 1) Научное изучение теории и истории права и государства, т.-е. изучение теории и истории права и государства с марксистской точки зрения.

2) Распространение марксистского мировоззрения среди юристов как теоретиков, так и практиков.

3) Создание тесной связи между теорией и практикой революционного права.

4) Популяризация марксистских взглядов по вопросам права и государства перед широкими массами народа.

Для осуществления этих целей секция ставит своей задачей.

1) Анализ проблем марксизма в связи с теорией права и государства.

2) Научную разработку вопросов общей теории права, методологии права и государства с точки зрения марксизма.

3) Критическое изучение истории права и государства в связи с историческим материализмом.

4) Популяризацию и выработку революционно-марксистской концепции права и государства:

а) Разработку правильной постановки преподавания советского права.

б) Освещение с точки зрения революционного марксизма всех проблем советского строительства и советского законодательства.

5) Издание марксистских работ по вопросам права и государства как оригинальных так и переводных, а равно переиздание классических научных работ по теории и истории права и государства.

6) Научные доклады и дискуссии по вопросам теории и истории права и государства и практики советского строительства как в тесном кругу, так и перед широкой публикой.

7) Распределение между членами секции и ее сотрудниками научных заданий.

8) Библиографию как российской, так и заграничной литературы по общей теории и истории права и государства.

6. О работе экономической секции *).

Экономическая секция приступила к практическому выполнению поставленных задач. Сотрудники секции взяли на себя разработку ряда тем, входящих в намеченную секцией программу работ, в то же время согласующихся с их индивидуальными намерениями. По просмотре взятых тем научными руководителями, к которым приписались отдельные лица, производящие научные исследования, темы эти в окончательном виде утверждены секцией следующим образом:

Под руководством тов. Пятакова работают т.т. Стецкий и Пылаев над вопросом о восстановлении основного капитала к. отношении треста тонких сукоп. Тов. Стремоухов занят исследованием в области кредита государственных предприятий переходного периода, в частности, в отношении Прохоровской м-ры; тов. Мотылев подготавливает тему по нефтяной промышленности; тов. Гроздовский занят вопросом об изменениях формы государственного промышленного предприятия; тов. Нац взял на себя разработку темы, «К критике методологии политической экономии Богданова». Названные сотрудники в настоящее время разрабатывают программу своих исследований, которая в ближайшее время будет внесена ими на рассмотрение секции кабинета.

Под руководством тов. Смирнова разрабатывается ряд тем финансового характера: т. Мендельсон изучает тему—категория цены в условиях переходного периода; т. Марецкий еще подготавливает свою работу; и т. Радин занят исследованием в области денежного обращения в эпоху переходного периода.

Исследования в области мирового хозяйства и по аграрному вопросу ведет т. Дволайцкий. Здесь работают: т. Дингельштедт — над аграрным вопросом на Востоке; т. Сегалович — над вопросом об индустриализации аграрных стран и т. Краваль в ближайшее время окончательно формулирует свою тему.

Из тем, взятых для разработки под руководством т. Крицмана, выяснилась тема, взятая т. Фортунатовой-Ульяновой:—Потребление хлебных продуктов сельским населением.

Тов. Милютин руководит работами следующих сотрудников секции: т. Браславский подготавливает работу о сахарной промышленности в России в прошлом и настоящем и перспектива ее в будущем; т. Штейн — об экономических предпосылках внешней политики Советской России; т. Алкин — о развитии классового расслоения среди поволжских татар и башкир; т. Дубровский выработал программу работы о сельском хозяйстве в 1906—1914 гг., и т. Базыкин по вопросу об экономике современного земельного строя. Программы двух последних работ вместе с программой темы, разрабатываемой т. Штейном, будут обсуждаться в окончательном виде на ближайшем заседании секции.

Несколько сотрудников секции, взявших темы и не приступивших к работе, были отчислены из числа работников ее.

*). См. „Вестник Соц. Академии“ — № 1, Хреника.

Все названные работы производятся сотрудниками в ближайшем контакте с научными руководителями. Программы работ и самые работы рассматриваются последними и лишь затем уже вносятся на заседания секции в подготовленном виде. В работе своей сотрудники пользуются обширной библиотекой кабинета и академии и специально для их работ выписываемыми из Наркоматоп и учреждений материалами. Таким образом, создаются полные гарантии серьезности выполнения работ, взятых на себя сотрудниками секции.

в. Секция литературы и искусства.

Секция литературы и искусства приступила к обсуждению главнейших общих вопросов в области искусства (в широком смысле). За истекший месяц было прочитано два доклада вводных, имевших задачей воспроизвести характернейшие взгляды по вопросу о перспективах существования и развития искусства как западно-европейских, так и русских искусствоведов, мыслителей и писателей, преимущественно XX столетия. Из этих вводных докладов вырисовался ряд вопросов, к изучению которых секция намерена приступить в ближайшем будущем, а именно: 1) что такое искусство; 2) общественный строй и искусство; 3) класс и искусство; 4) религия, искусство, наука как идеологические формы; 5) кризис современного искусства; 6) искусство и диктатура пролетариата; 7) искусство в коммунистическом обществе.

г. Читальный зал Социалистической Академии.

С осени этого года библиотека Социалистической Академии широко открыла свои двери и все время необыкновенно интенсивно обслуживает все возрастающее число читателей.

Так состояло читателей:

На 1 октября — 268 ч.
 > 1 ноября — 454 >
 > 1 декабря — 624 >

Средняя месячная выдача книг на каждого свыше 10 томов.

Последнее время приток читателей настолько усилился, что даже новый значительно расширенный читальный зал оказывается не в состоянии вместить всех желающих и приходится весьма многим отказывать.

В настоящее время разрешения выдаются исключительно только лицам, ведущим научно-исследовательскую работу, по ходатайству соответствующих учреждений или рекомендации членов Социалистической Академии.

Но и такого рода ограничения совсем не облегчают положения, так как каждый день является все большее и большее количество такого рода читателей и им отказывать становится все труднее и труднее. Каждый из них имеет соответствующие записки и сношения, подтверждающие, что он действительно ведет научную работу.

Последнее обстоятельство вынуждает Социалистическую Академию оборудовать при рабочем кабинете (в Белом зале) новый читальный зал с вместимостью около 50 читателей.

Сейчас производится оборудование этого зала, что для Социалистической Академии является делом не совсем легким, так как такой расход сметой совсем не был предусмотрен.

Открытие этого зала состоится 1 января 1923 г.

О-во «Октябрь Мысли».

С 1-го декабря с.г. начало свою работу в стенах Социалистической Академии (Знаменка, 10) Общество «Октябрь Мысли», представляющее организацию молодого коммунистического поколения.

В общество в настоящее время входят, главным образом, студенты Ф.О.Н.а, лектора разных военно-политических курсов, инструктора профсоюзов и проч.

В общество на 1-ое декабря входило 34 члена, из которых членов РКП—22 чел., РКСМ—2 ч., беспартийных—10 чел. Так как развертывающаяся работа общества определено начала нуждаться в руководстве обладающих большим опытом и знанием товарищей, то общество и обратилось к Соц. Академии, как наиболее авторитетному научно-марксистскому центру, с просьбой взять на себя общее руководство работой их общества.

Это ходатайство подогдел Пропанганды Ц.К.Р.К.П поддержал, указав в своем отзыве, что: Общество «Октябрь Мысли» по своим заданиям является несомненно заслуживающим самого внимательного отношения начинанием студентов партийцев.

Это—коллектив, служащий углубленному самообразованию своих членов и ставящий в то же время своей целью научно-исследовательскую работу.

То и другое при хорошем руководстве обществом и при усилении его состава достаточно подготовленными пролетарскими элементами, станет одним из проявлений того коллективного научного творчества коммунистов и тесно примыкающих к партии беспартийных пролетариев и крестьян, которое, при нашей бедности научными силами, одно только и может привести: 1) к созданию нового кадра этих сил, 2) к переработке, на основах воинствующего материализма, огромного научного материала, накопленного буржуазией.

Президиум Социалистической Академии охотно пошел навстречу этому начинанию и широко для него открыл свои двери, разрешив даже всю работу общества перевести в стены Соц. Академии (Знаменка, 10), где сейчас им и устраиваются свои собрания регулярно по пятницам.

Работа же общества в прошлом выразилась, главным образом, в чтении и обсуждении разных докладов.

Всего за это время прочитано 57 докладов и устроено 6 дискуссий. Темы докладов и дискуссий были следующие:

1. По вопросам теории марксизма прочитано 9 докладов.
2. По вопросам истории культуры—6.
3. По вопросам миров. политики—6.
4. По вопросам естествознания—5.
5. По вопросам соврем. искусства—4.
6. По ист. раб. движения в России—2.

Помимо этого были прочитаны следующие доклады с попыткой самостоятельной трактовки вопроса:

1. Обывательский идеализм и практика социальной революции.
2. Философия, как мироотношение.
3. Образование и научная работа.
4. Енгелика и социализм.
5. Гипотетика.
6. Основные черты мировоззрения современности.
7. Интеллигенция и пролетарская революция.
8. Смысл жизни в творчестве Пушкина.
9. Условия политической и экономической борьбы пролетариата.
10. Культура пролетариата в условиях НЭПа.
11. История мироотношений, как наука.

В данное время при обществе организованы две секции: 1) Октябрьская революция и русская общественная мысль и 2) теория и практика социальной революции. Обе секции проводят пока предварительную работу по сборанию и систематизации материала. Вырабатываются формы карточек, выписок, таблиц и т. п.

Помимо секции при обществе существуют учебные кружки: 1) экономический по изучению «Капитала», 2) 1-й научного социализма (повышенного типа), 3) 2-й научного социализма (элементарный) и предположен и организации кружок истории рабочего движения.

«Октябрь Мысли» постепенно начинает вовлекать в работу все большее количество партийной и беспартийной молодежи, которая тяготеет к партии.

Опечатки, вправшиеся в 1-й номер «Вестника С. А.».

1. Программа, приводимая в заметке «Издание Социалистической энциклопедии» (помещенной в отделе хроники), не является еще утвержденной Президиумом, она опубликована с целью вызвать по ней обмен мнений и, кроме того, разослана персонально всем членам Соц. Академии для внесения поправок и дополнений.

2. В отделе Научной организации труда и производства фамилия переводчика статьи: «Основные положения организации предприятий» — *Бружес*, а не Напернов.

Редакция.

Редакционная коллегия:

Н. И. Бухарин, В. П. Милютин, Ш. Н. Понронский, Е. А. Преображенский, Ф. А. Ротштейн.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I-й отдел — Статьи:

	<i>Стр.</i>
Откуда взялась внесклассовая теория русского самодержавия. — <i>Покровский</i>	3
Финансовая система в период первоначального социалистического накопления. — <i>Кузовков</i>	18
Учение об аналогиях. (По книге Мишеля Петровича.) — <i>Бовданов</i>	78
О предмете диалектики. — <i>Тальгеймер</i>	98

Научная организация труда и производства:

Проблема трудового ритма. — <i>Ерманский</i>	106
Положение задачи психотехники на Западе и в Р.С.Ф.С.Р. — <i>Шпильрейн</i>	114

II-й отдел — Стенограммы докладов, читаемых в Соц. Академии:

О сущности религии — доклад <i>Горьва</i>	130
Роль государственного капитализма в системе советского хозяйства — доклад <i>Милюткина</i>	165

III-й отдел — Библиография:

а) Экономика:

Обзор литературы по мировому хозяйству. — <i>Бронский</i>	210
Б. Преображенский. — От Нью'а к социализму — <i>Милюткин</i>	223
За 5 лет. — Сборник агитотд. Ц.К.Р.К.П. — <i>Фирсов</i>	226
Современная русская литература по аграрному вопросу (Критический очерк.) — <i>Дубровский</i>	230
Проблемы социализации и германской литературе. (Сводный обзор.) — <i>Базаров</i>	247

б) История революционного движения:

Козьмин. „П. П. Ткачев и революционное движение 60-х годов.“ — <i>Покровский</i>	259
Абшвафт. „Зубатовщина и гапоновщина.“ — <i>Покровский</i>	262

в) Исторический материализм и философия:

Новые книги по философия марксизма. — <i>Горев</i>	268
Карл Форлендер. Общедоступная истории философии. — <i>Горев</i>	271

г) Литература и искусство:

	<i>Стр.</i>
Очерки научно-художественной литературы. — <i>Луначарский</i>	272
Кризис буржуазного искусства. — <i>Фриче</i>	281

д) Приложение:

Списки книг, полученных за последние годы:	
Кабинет экономии	285
Кабинет международной политики и мировой войны.	290

IV-й отдел — Хроника:

О коммунистическом научно-исследовательском институте в Петрограде.	293
Кабинет Карла Маркса при Томском рабфаке	296

Социалистическая Академия в Москве:

О секции по общей теории и истории права и государства	297
О работе экономической секции	298
Секция литературы и искусства	299
Читальный зал Социалистической Академии	—
Общество „Октябрь Мысли“	300

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ К ПЕЧАТАЮ 3-й НОМЕР ЖУРНАЛА

„Вестник Социалистической Академии“

В НЕМ БУДУТ ПОМЕЩЕНЫ СТАТЬИ:

1. Покровский, М. Н. Окончание статьи (Печатавш. в 1-м и 2-м номере).
2. Троцкий, Л. Д. „Кривая развития капиталистического хозяйства“ (К постановке вопроса.)
3. Бухарин, Н. И. „К постановке проблемы теории исторического материализма“.
4. Деборин, А. М. „Диалектика в системе Фихте“.
5. Дволадцкий, Ш. М. „К вопросу о теории накопления“.
6. Преображенский, Е. А. „Теоретические основы спора о золотом и товарном рубле“.
7. Осинский, В. В.—Н. Суханов: „О земельной ренте“.
8. Мотылев. „Закон тенденции нормы процента к понижению“.
9. Шмидт, О. Ю. „Математические законы денежной эмиссии“.

НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА.

Статья т. Ерманского и др. товарищей.

Стенограммы докладов, прочитанных в СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

1. Бронский, М. Г. „Обзор литературы по мировому хозяйству“ (Окончание.)
2. Кривцов, С. С. „Обзор литературы о революции 1848 г.“
3. Ротштейн, Ф. А. „Обзор литературы о чартизме“.
4. Базаров, В. А. „Обзор литературы по теории относительности“

Кроме того будут помещены отдельные рецензии т.т. Покровского, Преображенского, Луначарского, Фриче и др.